

ДЖ.Р УОРД

ДОЛЯ АНГЕЛОВ

“КОРОЛИ БУРБОНА#2”

Автор бестселлера #1 по мнению «Нью-Йорк Таймс» Дж. Р. Уорд представляет второй роман серии «Короли бурбона» саге о династии с Юга, пытающейся сохранить свое лицо, права и благополучие, в то время как секреты и поступки ставят под угрозу само их существование...

В Чарлмонте, штат Кентукки, семья Брэдфордов являются «сливками высшего общества» такими же, как их эксклюзивный дорогой бурбон. В саге рассказывает об их непростой жизни и обширном поместье с обслуживающим персоналом, которые не могут остаться в стороне от их дел. Особенно все становится более актуальным, когда самоубийство патриарха семьи, с каждой минутой становится все больше и больше похоже на убийство...

Все члены семьи находятся под подозрениями, особенно старший сын Брэдфордов, Эдвард. Вражда, существующая между ним и его отцом, всем известна, и он прекрасно понимает, что первый среди подозреваемых. Расследование идет полным ходом, он находит успокоение на дне бутылки, а также в дочери своего бывшего тренера лошадей. Между тем, финансовое будущее всей семьи находится в руках бизнес-конкурента (очень ухоженных руках), женщины, которая в жизни желает единственное, чтобы Эдвард был с ней.

У каждого в семье имеются свои секреты, которые несут за собой определенные последствия. Мало кому можно доверять. И когда семья уже совсем стоит на краю гибели, потерянная «овца» наконец-то возвращается в стадо — Максвелл Брэдфорд решил вернуться домой. Является ли он Спасителем для всех... или самый худший из всех грешников?

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Информация о переводе:

Переводчик Костина Светлана

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

«Доля ангелов» — термин, используемый в производстве бурбона. Зарождающийся бурбон хранится в обугленных дубовых бочках, проходя процесс вызревания, который может длиться более двенадцати лет. Поскольку бочки находятся не в герметичном помещении, древесина, из которой сделаны сами бочки, подвергается изменениям в зависимости от изменений четырех сезонов Кентукки, расширяясь и сжимаясь под воздействием жары и холода, при этом добавляя бурбону своеобразный вкус. В такой изменяющейся среде плюс время, происходит окончательная алхимия, и появляется продукт, имеющий характерную отличительную черту Британского содружества, пользующийся большой известностью и потребляемый с большим удовольствием во многих странах. Но за период вызревания происходят испарения и впитывание древесиной бурбона — эта и есть «доля ангелов», потеря бурбона, которая неизбежна и может составлять в среднем около двух процентов в год от первоначального объема, процент может меняться в зависимости от влажности окружающей среды, перепадов температуры и количества лет выдержки.

Конечно, же это вполне разумное и логическое объяснение потери определенного количества бурбона, возникающее во время его созревания, но мне больше нравится все же романтическое объяснение — на складах почтенных винокурен Кентукки, есть ангелы, которые благодаря этим испарениям, поднимающимся от земли, наслаждаются этим напитком. Возможно, во время Дерби они наслаждаются мятным джулеп, когда жарко, и бурбоном, когда стоят холода. Может они используют эти испарения, когда делают себе пирог или добавляют в плитку шоколада.

Этапы хорошего бурбона бесконечны, я поняла это, когда изучала.

Я также считаю, что термин испарения или выветривания, можно применить и к каждому из нас. В тепло и холод в зависимости от нашего опыта, нашей судьбы, расширяются и сжимаются наши эмоции, мысли, воспоминания, и мы становимся, как отличный бурбон, совсем другими, жертвуя чем-то, хотя по-прежнему созданы из тех же основных ингредиентов, как и первоначально, но совсем становимся другими. Мы постоянно изменяемся. В лучшем случае, если мы сообразительны и освободимся от прошлого, что тянет нас назад, мы совершенствуемся. Если мы все время будем «вызревать», как бы законсервировавшись в бочках, мы будем разрушены навсегда.

Время — судьба является всем.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн, также известная как *Маленькая ВЭ*, вдова Уильяма Болдвейна, мать Эдуарда, Макса, Лейна и Джин Болдвейн, прямой потомок Илия Брэдфорда, основателя «Брэдфорд бурбон». Затворница с лекарственной зависимостью, имеющая множество причин в оправдание своему пристрастию, некоторые из которых ставят под угрозу саму основу семьи.

Уильям Уайетт Болдвейн: умерший муж *Маленькой ВЭ*, отец Эдуарда, Макса, Лейна и Джин Болдвейн. Также отец сына ныне покойного главного бухгалтера семьи — Розалинды Фриланд. Также отец еще не рожденного ребенка скоро-бывшей жены его сына Лейна — Шанталь. Главный исполнительный директор при жизни компании «Брэдфорд бурбон». Человек с низкими моральными устоями, большими амбициями, совершенно не сомневающийся в своих действиях, чье тело недавно нашли на берегу водопадов Огайо.

Эдвард Вестфорк Брэдфорд Болдвейн: старший сын *Маленькой ВЭ* и Уильяма Болдвейна. Формально наследник мантии компании «Брэдфорд бурбон». Теперь живет в темноте своего прошлого, ставшей результатом его похищения и пыток, организованное его собственным отцом, отвернулся от всей семьи и удалился в конюшни Red & Black.

Максвелл Прентисс Baldwin: второй по старшинству сын *Маленькой ВЭ* и Уильяма Болдвейна. «Черная овца» в семье, находящийся вдали от Истерли, истории Брэдфордов и всех владений в Чарлмонте, штат Кентукки, вот на протяжении многих лет. Сексуальный, скандальный, неуправляемый, его возвращение в лоно семьи принесет множество проблем не только близким, но и многим людям за пределами семьи.

Джонатан Тулейн Болдвейн, известный как «Лейн»: младший сын *Маленькой ВЭ* и Уильяма Болдвейна. Бывший плеббой и непревзойденный игрок в покер, находится в состоянии развода с женой. Судьба семьи теперь находится в его руках, несмотря на то, что процветает казнокрадство в «Брэдфорд бурбон», он вынужден взять на себя роль главы семейства, полагаясь теперь больше всего на свою единственную истинную любовь — Лиззи Кинг.

Вирджиния Элизабет Болдвейн, в скором-будущем Пфорд, известная как «Джин»: самый молодой отпрыск семьи и единственная дочь *Маленькой ВЭ* и Уильяма Болдвейна. Совершенно неуправляемая, обладающая мятежным духом, требующая к себе повышенного внимания, является сущим наказанием семьи, особенно после рождения ребенка вне брака в свои студенческие годы, с трудом закончила школу для привилегированных особ. Она предполагает выйти замуж за Ричарда Пфорда, наследника дистрибутивной компании и огромного капитала.

Амелия Франклин Болдвейн: дочь Джин и ее любовника, Самюэля Ти Лоджа. Студентка школы «Хотчкисс», имеет с матерью натянутые отношения, не живет в поместье.

Лиззи Кинг: Дизайнер-садовод, работающая в Истерли почти десять лет, создала совершенно неповторимые сады, ставшие известны на всю страну, за счет редких видов растений и цветов. Любит Лейна Болдвейна и полностью заинтересована в отношениях с ним. Не имеет никакого отношения к драмам семьи, хотя...

Семюэль Теодор Лодж III: адвокат, стильный, сексуальный джентльмен Юга, породистый, привилегированный плохиш. Единственный мужчина, который так и не смог достучаться до Джин, понятия не имеет, что Амелия — его дочь.

Эндикотт Саттон Смайт: вновь избранный генеральный директор корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон», крупнейший конкурент «Брэдфорд бурбон» на рынке. Любит Эдварда, сделала прекрасную профессиональную карьеру за эти годы, но испытывает полный застой в личной жизни — в значительной мере из-за того, что никто не может сравниться с Эдвардом.

Шелби Лэндис: дочь легендарного тренера чистокровных лошадей, чей отец Джеб был наставником Эдварда, собственно и привел его к лошадям. Трудлюбивая, сильная девушка заботится об Эдварде, даже когда он не хочет, но она все равно это делает.

Мисс Аврора Томсом: Шеф-повар Истерли вот уже на протяжении многих десятилетий, способна приготовить здоровую пищу, также как и кордон-блю, имеет доброе сердце и сильные руки, страдает от рака. Заменяла мать Лэйну, Эдварду, Максу и Джине, прививала детям настоящие, истинные нравственные ориентиры для жизни.

Эдвин «Мак» Макаллан: Мастер-дистиллятор компании «Брэдфорд бурбон». Вырастил новый штамм дрожжей, участвует в проблемах, связанных с компанией, выступает против закрытия производства. Давно уже не любил никакую женщину в течение длительного времени, поскольку женат на своей работе.

Шанталь Блэр Стоу Болдвейн: скоро бывшая жена Лейна. Беременна от Уильяма Болдвейна. Королева красоты, с каменным сердцем, угрожала разоблачить отцовство ее будущего ребенка, чтобы получить больше денег в бракоразводном процессе.

Розалинда Фриланд: бывший главный бухгалтер компании «Брэдфорд бурбон», а также и самой семьи. Покончила жизнь самоубийством в своем кабинете особняка, выпив болиголов. Мать Рэндолфа Дамиона Фриланда, восемнадцати лет, чьим отцом является Уильям Болдвейн.

Журнал «Charlemont Courier»

Некролог

Уильям У. Бодвейн

Два дня назад мистер Уильям Уайатт Болдвейн был передан в любящие руки нашего Господа и Спасителя. Всемирно известный предприниматель, меценат и общественный деятель, служил в качестве главного исполнительного директора компании «Брэдфорд бурбон» в течение тридцати шести лет. За время его правления, он открыл новую эру бурбона, теперь компания получает в год более одного миллиарда долларов прибыли.

Преданный семьянин, после него остались его верная жена, Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн, а также его возлюбленные дети — Эдвард Брэдфорд Вестфорк Болдейн, Максвелл Прентисс Болдвейн, Джонатон Тулейн Болдвейн и Вирджиния Элизабет Болдвейн, и его любимая внучка Амелия Франклин Болдвейн.

Посещение в частное владение семьи. Вместо цветов, пожертвования могут быть отправлены в университет Чарлмонт на имя мистера Болдвейна.

Большая пятерка мостов

Чарлмонт, Кентукки

Джонатан Тулейн Болдвейн перегнулся через перила нового моста, который соединял Чарлмонт, Кентукки с его ближайшим соседом штатом Индиана, Нью-Джефферсон. Река Огайо была прямо под ним, только ниже на пятьдесят футов — мутные, беспокойные воды, в которых отражались разноцветные огоньки, украшавшие каждую из пяти арок на мосту. Он приподнялся на цыпочки, чувствуя, словно падает, но это была лишь иллюзия.

Он представлял, как его отец спрыгнул с этого самого моста, навстречу своей смерти.

Тело Уильяма Болдвейна было найдено у подножия водопадов Огайо два дня назад. И в результате всех его достижений, всех его благородных стремлений, он закончил свой бранный путь запутавшись в лопастях судна старой рыболовецкой баржи, которой красная цена не больше чем двести баксов. Триста, и то со скрипом.

Ох, какой позор.

И на что похоже было его падение? Должно быть ветер бил в лицо, поскольку Уильям был крупным мужчиной, вес тянул его вниз, к воде. Одежда должно быть хлопала, как флаги на ветру. Глаза возможно увлажнились от порывов ветра или от эмоций?

Нет, скорее первое — от порыва ветра.

Вход в воду видно был болезненным. А потом что? Потрясенный вдох, который вобрал в себя воду реки? Чувство удушья, афлексия? Или же нокаут и моментальный конец, когда он все еще был в блаженном неведении? Или... возможно у него произошел сердечный приступ от эмоциональных перегрузок за последнее время, жгучая боль в центре груди, распространившаяся в левую руку, и результат — инсульт, и из-за этого он не смог всплыть. Был ли он в сознании, когда баржа врезалась в него, и он попал под винт двигателя? Конечно, когда он выплыл в районе водопадов был уже мертв.

Лейн хотел точно знать, что этот человек страдал умирая.

Он хотел, чтобы его отец испытывал боль, огромную, мучительную боль, а также страх, звенящий, оглушающий, подавляющий страх, для Лейна это было бы сильным облегчением, бальзамом на его истерзанную душу, что его отец утонул страдая, так же, как заставлял страдать других.

— За шестьдесят восемь миллионов долларов, которые ты украл, — произнес Лэйн безразличному ветру, глядя вниз на воду. — И еще большие долги. Какого черта ты с ними сделал? Куда пошли эти деньги?

Конечно, никакого ответа не последовало. И возможно его и не последовало, если бы отец все еще был жив и Лейн стоял бы перед ним, и задавал бы ему этот вопрос лично.

— И моя жена, — рывкнул он. — Ты трахал мою жену, в мамином доме... Шанталь беременна.

Хотя брак Лейна с бывшей женой Шанталь Блэр Стоу с трудом можно было признать настоящим браком, только как на бумаге, он был вынужден жениться на ней. Но по крайней мере, он признал свою ошибку и позаботился, чтобы ее исправить.

— Неудивительно, что мать стала наркоманкой. Неудивительно, что она скрывается столько лет у себя в спальне. Скорее всего она знала о твоих других женщинах, и имела

представление кто ты и что ты настоящий ублюдок.

Лейн закрыл глаза, перед ним возникло мертвое тело, но не вздутое тело отца, обезображенный труп на столе в морге, который Лейн увидел на опознании. Нет, он увидел женщину, прямо сидящую в кресле их семейного особняка, здравомыслящую, в скромной юбке и блузке на пуговицах, ее подстриженные волосы лишь немного взлохматились, в кроссовках, испачканных травой, вместо балеток, которые она всегда носила.

И у нее была эта ужасная гримаса на лице — безумная улыбка Джокера.

От переизбытка болиголова, которого она вышила.

Он обнаружил ее тело через два дня, а через два дня его отец бросился с моста.

— Розалинда умерла из-за тебя, ублюдок. Она работала на нас, в нашем доме в течение тридцати лет, это ты убил ее.

Именно благодаря ее смерти Лейн узнал о пропавших деньгах. Главный бухгалтер, ведущий не только дела компании, но и бытовые счета семьи оставила своего рода предсмертную записку — флешку, заполненную таблицами в Excel, показывающими снятие наличных и переводы в WWB Holdings. (*Уильям Уайетт Болдвейн Холдинг — William Wyatt Baldwine Holdings*).

Существовало шестьдесят восемь миллионов причин из-за чего она отравилась. И все потому, что скорее всего отец заставил ее проделывать все эти неэтичные вещи до тех пор, пока она уже не могла выносить и таким образом сдалась.

— И я знаю, что ты сделал с Эдвардом. Я знаю, что это твоя вина. Ты гноил своего собственного сына в Южной Америке, ты приложил руку к тому, чтобы его похитили, а потом отказался выплатить выкуп, ты хотел, чтобы его убили. На одного конкурента меньше, а ты бы принял вид безутешного отца. Или ты устроил его похищение, потому что он тоже подозревал, что ты не чист на руку?

Эдвард выжил, теперь от старшего брата Лейна осталось лишь подобие, полностью разрушенная оболочка, Эдвард больше не наследник бизнеса, трона и короны.

Уильям Болдвейн причинил столько зла.

И это, о чем Лейн знал. Но было, наверное, столько же, чего он не знал?

Не менее важно было и то, что ему необходимо было что-то предпринять. Но что он мог поделать?

Он чувствовал себя так, словно теперь стоял у руля огромного корабля, который уже врезался в скалистый берег, как раз перед тем, как он ухватился за этот руль.

Испытав прилив сил и приток адреналина, он перекинул ноги через тяжелую стальную ограду, его мокасины опустились на шестидюймовый выступ с внешней стороны моста. Сердце колотилось как бешеное, руки и ноги онемели, во рту стало сухо, он не мог даже плотннуть, держась руками за стальные прутья позади себя, он подался всем телом вперед, глядя в бездну.

Может отец чувствовал тоже самое?

Лейн мог прыгнуть или просто сделать шаг... и начать свое падение, падая, падая, пока он наверняка не узнает, что чувствовал его отец в этот момент. Как он оказался под винтом баржи? Неужели он тоже найдет винт баржи и увидит белый чистый свет в мутных пресных водах Огайо?

В его голове совершенно отчетливо прозвучал голос женщины, которую он считал своей матерью, с характерным для нее отчетливым южным акцентом: «*Бог не дает нам больше, чем мы можем вынести*».

Вера мисс Авроры, несомненно, перенесла гораздо больше, чем большинство простых смертных могло бы выдержать. Афро-американка, выросшая на Юге в пятидесятых годах, ей пришлось столкнуться и с дискриминацией и несправедливостью, он до конца не мог даже представить с чем ей пришлось столкнуться, и все же мисс Аврора обладала сильным духом в своем терпении, прекрасно окончив кулинарное училище, работала на кухне в Истерли, давая фору любому французскому шеф-повару, но самым лучшим было — она по-матерински относилась к нему, братьям и сестре, она стала душой Истерли, эталоном для многих.

Сигнальный огонь маяка, пока он не встретил свою Лиззи, был единственным светом на его горизонте.

Лейн хотел стать тем, кем его представляла его мама. И Господи, мисс Аврора даже ни на минуту не усомнилась, просто веря в него, что он может все изменить — сохранить семью, стать мужчиной, она была уверена, что он сможет... все.

Стать человеком и мужчиной, каким никогда не был его отец, эти понятия не включают в себя атрибуты богатства и успеха.

Прыгнуть, он мог просто прыгнуть. И все было бы кончено.

Так ли думал его отец, когда совершил свой прыжок? От лжи и опустошения счета, узнав о смерти Розалинды, предвестнице открытия панихид, Уильям приехал сюда, зная истинную глубину бреши, которую пробил в семейном бюджете, или понял все же, чем обернулись его поступки? Он понял, что игра окончена, его время ушло, и обладая потрясающим финансовым чутьем, он все равно не стал решать эту проблему, которую сам же и создал?

А может он решил инсценировать свою смерть... но не получилось?

Возможно, у него есть оффшорный счет или счета в Швейцарии на его имя или чужое, где хранились все эти миллионы, которые он выкачал из компании?

Существовало очень много вопросов при отсутствии ответов, в сочетании со стрессом от всего произошедшего, особенно, если не знаешь, как все исправить, можно просто сойти с ума.

Лейн уставился на воду. Он едва мог что-либо разглядеть с такой высоты. На самом деле... он ничего и не видел, только едва мерцающую тьму.

Он понял, что его тянул вниз зов сирен, как гравитация, к концу, надеясь, что он потеряет над собой контроль: один жесткий удар, и дело сделано, смерть, обман, долги. Все будет стерто дочи́ста, нагноившая инфекция, удерживающая власть больше не будет и можно не беспокоиться, что она получит публичную огласку.

Интересно, страдал ли отец бессонницей? Жалел ли о чем-то? Когда Уильям стоял здесь, испытывал ли колебания — сделать шаг вперед или нет, и пока летел в течение нескольких долгих секунд, в конце превратившись в ужасное месиво, которое и создал вокруг себя? Просчитывал и вспоминал ли он результаты своих действий, уничтожив более двухсотлетнюю компанию, даже не за поколение, а за года или два?

Ветер завывал в уши Лейна, а зов сирен продолжался.

Эдвард, его старший, некогда такой совершенный брат, не собирался расчищать весь этот бардак. Джин, его единственная сестра, не в состоянии была думать ни о чем, кроме себя. Максвелл, его второй брат, пропал на три года.

Его мать была прикована к постели, полностью зависимой от лекарств, став настоящей наркоманкой.

Получалось, что весь бардак теперь был в его руках, в руках покерного игрока, бывшего плейбоя, не имеющего ни финансового, ни управленческого или какого-либо другого необходимого опыта.

Единственное, что произошло с ним хорошего — это любовь прекрасной женщины.

Но с этой ужасной реальностью... любовь ему не поможет.

Пикап тойота не должен был ехать семьдесят пять миль в час, если учесть, что срок износа машины составлял уже десять лет.

По крайней мере, водитель не спал, хотя и было четыре часа утра.

Лиззи Кинг мертвой хваткой вцепилась в руль, удерживая ногу на педали газа, фактически вдавливая ее в пол, направляясь на шоссе.

Она проснулась в своей постели в тишине дома. Обычно, так и происходило, но не сейчас, не сегодня, когда Лейн вернулся к ней. Богатый плейбой и дизайнер-садовник поместья, наконец, начали действовать сообща, слипнувшись друг с другом в своей любви так близко и так сильно, как молекулы алмаза.

И она готова была защищать и бороться за него, и ее совсем не волновало, что их будущее казалось очень зыбким и размытым.

Было гораздо легче отказаться от богатства, когда ты никогда не имел его и никогда особо к нему не стремился..., особенно, когда каждый день видишь за сверкающим занавесом печальную, безлюдную пустыню другую сторону гламура и престижа.

Господи, Лейн уже несколько дней пребывал в стрессе.

Она поднялась с постели и спустилась вниз по скрипучей лестнице, осмотревшись вокруг на первом этаже своего маленького домика.

Лиззи выглянула в окно, его машины не было, его Porsche стоял под кленом у веранды, а теперь его нигде не было видно. И она задалась вопросом, почему он уехал, не сказав ей ни слова, естественно она начала беспокоиться.

Скорее всего вопрос касался множества проблем, которые одолевали его с приходом темноты до самого рассвета, с тех пор как его отец покончил с собой, и тело Уильяма Болдвейна было найдено на дальней стороне водопадов Огайо. С тех пор Лэйн имел отсутствующий взгляд, бесконечно думая о пропавших деньгах, документах о разводе, которые он подготовил для алчной Шанталь, о дальнейшем статусе семьи, семейных бытовых расходах, о пошатнувшемся положении компании «Брэдфорд бурбон», об ужасном физическом состоянии его брата Эдварда и болезни мисс Авроры.

Но он никому не говорил об этом. Его бессонница была результатом стресса и давления, которое он чувствовал на своих плечах, и, если честно, Лиззи это пугало. Лейн всегда старался интересоваться ее делами, расспрашивая о ее работе в саду Истерли, растирал ей ноющие плечи, заставлял ужинать, как правило, не очень здоровой пищей, но это было не важно. С тех пор, как они все выяснили, и атмосфера между ними стала прозрачной, и они возобновили свои отношения, он переехал в ее фермерский домик и с неистовством занимался с ней любовью, она чувствовала, что он вот-вот должен был сорваться.

И ей было бы намного легче, если бы он начал рвать и метать.

И теперь она с ужасом подумала, что это произошло, она почувствовала это каким-то шестым, и теперь задавалась вопросом, куда он мог пойти. В Истерли, в родовое имение Брэдфордов, было первое место, которое ей пришло на ум. Или, может, на старый склад, где изготавливался и хранился семейный бурбон. Или, возможно, в баптистскую церковь мисс Авроры?

Лиззи попыталась связаться с ним по телефону, но его телефон остался на тумбочке рядом с кроватью, она тупо смотрела на него, пока он звонил. Недолго думая, она схватила ключи и запрыгнула в пикап.

Шоссе I-64 было пустым, когда она направилась к мосту, чтобы перебраться через реку, надавливая на газ, достигнув вершины холма и все равно вдавливая педаль в пол, когда стала спускаться вниз со стороны штата Индиана. Ее старый пикап набрал еще больше скорости, гремя, словно на последнем издыхании, руль вибрировал, а ее сиденье подпрыгивало, но черт побери ее старенькая Тойота пройдет этот путь до конца, потому что ей это просто необходимо.

— Лейн... где ты?

Господи, она бесконечно спрашивала его как он, а он также бесконечно отвечал: «Хорошо». Она пыталась с ним поговорить, но он уходил от разговора. Она тайком поглядывала на него, когда он не видел, выискивая какие-то признаки грядущего срыва. После того, как она нашла его в саду под цветущими фруктовыми деревьями в полном уединении, тогда произошли хоть какие-то эмоции с его стороны, когда она призналась, что ошиблась и все неправильно поняла, была несправедлива к нему, и сейчас готова ему как-то помочь, отдав документы на свой дом, который можно было бы продать и оплатить услуги адвокатов, чтобы помочь ему спасти его семью.

Лейн обнял и сказал тогда, что любит ее... и отказался от ее подарка, он собирался разрулить все сам, он собирался найти украденные деньги, погасить огромный долг, воскресить компанию и дать будущее его семьи.

И она поверила ему.

И до сих пор верит.

Но что с того? Лейн был одновременно горячим и закрытым, как обогреватель, доходящий до определенной температуры, который потом отключался.

Лиззи не винила его за это.

Однако, это было очень странно.

Вдалеке на той стороне реки возвышалась деловая часть Чарлмонта, фальшиво сверкающая и мерцающая огнями, словно другая земная прекрасная обманная галактика, и мост, соединяющий два берега, который весной становился зеленым и ярко-розовым в день Derby, был словно радуга, переброшенная на землю обетованную. Хорошей новостью было то, что пробок не было, поэтому Лиззи смогла съехать с другой стороны и двинуться по Ривер-Роуд, съезжая с шоссе, с северной стороны попадая в Истерли, чтобы взглянуть не стоит ли автомобиль Лейна у входа в особняк.

Она не думала, что будет делать потом.

Недавно построенный мост имел по три полосы в обоих направлениях, разделенные бетонной линией по середине, четко отделяющей восток от запада, широкой скорее для целей безопасности. Внизу посередине были вделаны лампочки, святыющиеся белым светом, поэтому бетонное покрытие моста было полностью освещено. Строительство моста было закончено в марте, и первые полосы движения были открыты в начале апреля, в часы пик здесь было не протолкнуться.

Далеко впереди на крайней полосе, Лиззи заметила машину, она напрягла зрение и узнала ее.

Порше Лейна. Это была машина...

Лиззи со всей силы нажала на педаль тормоза, даже сильнее, чем она нажимала на

акселератор, и пикап стал совершать переход от движения вперед к полной остановке с грацией дивана, выпавшего из окна второго этажа: внутри машины все задрожало и затряслось, ее машина итак с трудом справлялась с любым изменением скорости, старенькой тойоте давалось все с трудом, особенно развить существующую скорость, поэтому она не собиралась так просто сдаваться... останавливаясь.

Лиззи заметила фигуру на краю моста, с противоположной стороны от ее направления. Фигура стояла на выступе моста, готовая к смертельному прыжку.

— Лейн, — закричала Лиззи. — Стоп!

Ее пикап вошел в штопор, выделявая такие пируэты, что ей пришлось крутить головой во все стороны, с силой удерживая руль, чтобы не врезаться в ограждение. Как только тойота наконец-то фыркнув остановилась, она поставила переключение передач в нейтральное положение, и не выключая двигателя, выскочила из машины.

— Лейн! Нет! Лейн!

Лиззи пересекла дорогу, перемахнув через ограждение, которое ей показалось сейчас совершенно не надежным, выдуманном, с учетом расстояния до реки.

Лейн вскинул голову, оглядываясь...

И то ли из-за того, что он неожиданно дернулся его рука соскользнула с прутьев, за которые он держался.

У него на лице отразился сначала шок, потом промелькнуло удивление..., которое тут же сменилось ужасом... и он стал падать в пустоту.

Лиззи замерла от ужаса с открытым ртом, она не могла даже закричать.

Покер.

Между Лейном и рекой Огайо не было ничего, его тело свободно падало, и тошнотворный выброс адреналина «борись или убегай» пришел слишком поздно, с силой выплеснувшись в кровь... он вдруг вспомнил игру в покер в отеле «Белладжио» в Лас-Вегасе семь лет назад.

Хорошо, что его падение было похоже на замедленную съемку.

Вокруг стола с высокими ставками сидели десять человек, вступительный взнос был двадцать пять тысяч, двое курили, восемь пили бурбон, трое были в солнцезащитных очках, один с бородой, двое в бейсболках, и еще был якобы проповедник в странном белом шелковом костюме, как у Элвиса из восьмидесятых... если бы Король рок-н-ролла остановился на арахисовом масле и банановых сэндвичах, то жил бы еще довольно-таки долго, испытывая Лейна десятилетиями своей панк-культуры.

Но за столом стоило еще кое-на-кого обратить внимание — на бывшего офицера Военно-Морского Флота, сидевшего через два места от Лейна, и достаточно скоро, эти два места опустели, сидевшие закончили игру. Бывший солдат был не разговорчив, особо не стоило о нем говорить, скорее всего из-за тех смертельных ситуаций, в которых он побывал за свою жизнь, по сравнению с зеленым столом из войлока, за которым он сейчас сидел, пытаясь поймать удачу. Он выглядел странно — светло-зеленые глаза и обманчиво ничем не выделяясь.

И было странно, что этот парень, которого Лейн обыграл, выложив пару королей и туз, был последним, кого он вспомнил.

Вернее, предпоследним.

Лиззи. О Боже, он не ожидал, что Лиззи отыщет его на мосту, и его шок от этого и вызвал эту роковую ошибку.

О Боже, Лиззи...

Вернемся к покеру. Парень рассказывал о своей службе на авианосце, бороздящим океан. Как их обучали совершать прыжки с высоты тридцати, сорока, пятидесяти футов в воду. Он рассказывал, если ты хочешь остаться живым, в первую очередь, тебе не стоит договариваться об этом, кроме как со своим телом, которое должно выбраться на поверхность.

Он объяснял о действии коэффициента аэродинамического сопротивления — ты сам должен стать чуть ли не «нулем», насколько это возможно.

Ноги в этом моменте самые важные — необходимо скрестить щиколотки друг с другом, иначе будут критические последствия — ноги в гипсе и на ширине плеч, а ты сам будешь напоминать индейку на День Благодарения. После этого если у тебя осталось желание прыгнуть, ты одной рукой должен ухватиться за локоть другой. Другую руку положить себе на грудь, растопырив пальцы, прикрыв нос и рот. Голова должна быть на одном уровне с позвоночником, или ты можешь получить сотрясение мозга или сломать себе шею.

Ты должен войти, как нож в масло.

В противном случае падая в воду на большой скорости, вода становится, как бетон, она изменяет свои свойства в зависимости от твоей скорости и высоты падения.

В таком состоянии при погружении, ты вытеснишь мало воды, так делают спортивные

ныряльщики.

И молись, чтобы твои органы замерли, поскольку они все связаны с твоим позвоночником, твоим якорем. В противном случае, парни с флота рассказывали, что внутренности начинают гореть огнем, словно их смазали перцем чили, прежде чем поджарить на огне, они хотя заполучить кислород, которого не так много у тебя в грудной клетке.

Лейн сгруппировался, используя каждый мускул, он должен был превратить себя в тонкую, прочную сталь, как лезвие ножа. Ветер, Господи, ветер так завывал в ушах, что походил на рев торнадо, и одежда не хлопала и не колыхалась на ветру, как он себе представлял. На самом деле, он падал чисто, профессионально, с ударом вошел в поверхность воды.

И время остановилось.

Он почувствовал, что словно навечно завис в Нетландии, находясь между смертью и жизнью, смерть готова была предъявить на него права... также как на его отца.

«Я люблю тебя!»

Он хотел произнести эти слова. Может он выкрикнул из прежде чем погрузиться в эту бездну? Он не мог сказать.

Он почувствовал мощный удар по бедрам, ногам и коленям, его ноги подбросило к торсу. А потом жуткий холод. Холод пронизывал до костей, кругом был один холод и только холод.

Вода сдавливала ему грудь и голову, окутывая тело мешком, готовая закрыть молнию над трупом, застегнуть свой черный конверт, блокируя свежий воздух, свет и звук.

Сдавливая, окутывая, закрывая.

«Плыть, — мелькнуло у него. — Плыви».

Руки не слушались, движения казались замедленными, ноги разогнулись, а потом, да вода видно отпустила свою когтистую руки, став мягкой. Он открыл глаза, или может и не закрывал их, но почувствовал внезапное жжение в глазах, словно из разъедала кислота.

Не дышать. Хотя его инстинкты освободились от перегрузки с маленьким выдохом, он хотел сохранить драгоценный кислород.

Ударяя ногами. Жадно царапаясь руками.

Он боролся... за жизнь.

Он хотел вернуться к женщине, от которой ушел в первый раз... и не хотел оставлять ее сейчас.

Он хотел доказать, что многим отличается от своего отца.

И своей борьбой он хотел доказать, что может изменить будущее банкротство своей семьи, он боялся, что эти слова будут написаны на надгробии его рода.

* * *

Как только Лейн спрыгнул с моста, первой мыслью Лиззи было последовать за ним. Она даже представила, как перелезает через перила и прыгает за ним в реку.

Но она остановилась, поскольку так никак не могла помочь ему. Черт, скорее всего она приземлится прямо на него, когда он всплывет на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Предположим, он... О, Боже...

Она стала рыскать в кармане. Телефон, ей необходим телефон...

Она даже не услышала визг шин рядом с собой. И только увидела мужчину, когда ее сотовый выскользнул из ладони и полетел в его сторону.

— Он прыгнул! — закричал человек. — Он прыгнул...

— Упал..., — он подхватил на лету ее телефон, прежде чем тот достиг асфальта. — Он упал!

— Мой брат — полицейский...

— Девять-один-один.

Они одновременно набрали номера, Лиззи отвернулась, приподнимаясь на цыпочках и заглядывая через перила. Внизу ничего не было видно, освещалось только пространство моста, у нее текли слезы, и она моргала, пытаясь их смахнуть. Ее сердце билось урывками, и конечности неприятно покалывало. Ей стало жарко, тело стало горячим, как бывает в жаркий июльский полдень, и она почувствовала струйки пота по спине.

Три гудка. А что, если никто не снимет трубку...?

Она повернулась обратно к парню, они смотрели друг на друга... и у нее возникло странное чувство, что этот момент она запомнит на всю свою жизнь. Может, он тоже.

— Привет! — закричала она. — Я на мосту, Мост «Большая пятерка»! Человек...

— Здравствуйте! — произнес мужчина. — У нас есть прыгун...

— Он не прыгал! Он упал... и что? Кого-нибудь интересует мое мнение! Пошлите кого-нибудь... не к мосту! Вниз к воде... вниз по течению...

— ...с нового моста. Я знаю, что ты на службе... ты под мостом? Ты можешь забрать...

— ...чтобы его забрать! Нет, я не знаю, выжил ли он! — Лиззи замолчала, почувствовав жуткую панику, и переспросила:

— Кто это был?

Даже в критические моменты она заколебалась, стоит ли называть имя. Все, что было связано с Брэдфордами тут же превращалось в сенсацию и не только в Чарлмонте, а на национальном уровне, а этот прыжок-падение, черт побери... она была уверена, что Лейн не хотел бы, чтобы о нем узнала общественность. Особенно, если предположить, что он выжил...

Наплевать, сейчас вопрос касался жизни и смерти.

— Его зовут Лэйн Брэдфорд... он мой парень. Я выехала из дома, потому что...

Она лепетала и лепетала, пока не дошла до его падения. Лиззи опять перегнулась через перила, молясь, что увидит голову над поверхностью воды. Боже, она почти ничего не видела, только мерцающий свет огней Чарлмонта на воде!

Лиззи повесила трубку после того, как назвала им свое имя, адрес, и они выпросили все, все, что она могла им сообщить. Мужчина тоже закончил разговор по телефону и стал объяснять ей, что его брат или какой-то родственник, или чертов Санта Клаус скоро будут. Но Лиззи совсем не слушала его. Единственное, о чем она думала, как ей попасть вниз на берег реки, к Лейну, но...

Она внимательно посмотрела на свой раздолбанный старенький пикап.

А потом перевела взгляд на 911 турбо кабриолет Porsche Лейна.

Не раздумывая Лиззи была уже за рулем Porsche. К счастью, он оставил ключи в замке, двигатель тут же ожил, стоило ей только нажать педаль и перевести скорость. Утопив педаль газа в пол, она ощутила разницу со своей старенькой тойотой, шины забуксовали, и она как идиотка рванула с места в противоположную сторону на спортивном автомобиле.

Отлично, и пусть полиция гонится за ней. По крайней мере, она приведет их вниз, на

берег реки.

Фары надвигающегося на нее автомобиля, заставили круто подать вправо, а другой автомобиль гудел так, что его звук слишком резал ей по ушам, но она совсем не обращала на них внимания, полностью сосредоточившись на дороге.

Лиззи подъехала к выезду с моста на скорости восемьдесят миль в час, никого не было по близости, и она спокойно съехала на шоссе. Она совершила еще один поворот в неполюженном месте и теперь мчалась по нужной трассе, но ей пришлось еще дважды нарушить правила — сорвав огораживающую цепочку и проехав по траве на обочине, чтобы попасть на трассу, ведущую в двух направлениях, спускающуюся к берегу реки.

Лиззи вела Porsche почти сто миль в час.

Потом ударила по тормозам напротив одного из самых любимых в штате кафе-мороженых, расположенного на берегу, в доме викторианской постройки с легендарным прошлым, здесь стояли стропы с ковшами, а также можно было арендовать велосипеды... и катера.

Она не стала выбирать место для парковки, просто оставила Porsche на краю дороги, криво поставив на обочину и траву, и теперь машина напоминала перекошенную шляпу пьяницы. Она оставила фары включенными и повернулась лицом к воде, перескочив через маленький заборчик, побежала через скошенную лужайку к плавучим докам. Внутри она обнаружила множество бостонских вельботов, но ни в одном из них не было ключей, конечно... и была жалкая, шатающаяся плоскодонка с подвесным мотором.

К счастью, она не была прикована цепью к столбику.

Лиззи забралась в нее, и ей пришлось дважды дернуть рычаг, чтобы завести двигатель. Потом она отбросила трос и поплыла вперед, волны бились о борт, и брызги попадали ей в лицо. Поскольку было темно, видела она перед собой немного, вернее совсем не много... и она боялась как-то задеть Лейна.

Она прошла уже почти сто ярдов по реке, которая сейчас ей казалась размером с океан, когда увидела кое-что на линии горизонта.

Удивительно.

Это было просто чудом.

Глава 3

Воды реки Огайо были намного холоднее, чем представлял себе Лейн. А берег был настолько далеко, словно он собирался переплыть английский канал. Его тело становилось тяжелым, словно к его ногам привязали бетонные блоки, легкие не работали с полной отдачей.

Течение быстро уносило его, но это была единственная хорошая новость, когда он упал также, как его отец. И как назло, его неустанно тянуло в центр канала, подальше от любого участка земли, и ему приходилось бороться против течения, если собирался выжить.

Яркий свет появился у него за спиной, и он подумал, что вера его матери оказалась реальной, и ее Господь пришел за ним, чтобы сопроводить к воротам рая.

— Я нашел его! Я нашел его!

Голос прозвучал слишком обыденно, совсем не похожий на библейский, а с южным акцентом, скорее это был простой смертный, никак не Бог.

Выплывая воду изо рта, Лейн перевернулся на спину и приставил руку ко лбу, прикрывая глаза, чтобы свет не слепил его.

— Он жив!

Лодка, направляющаяся к нему, была добрых тридцать футов в длину и на ней была кабина, ее двигатель заглох, как только она развернулась к нему задом, оставив за собой хвост волн.

Он ухватился за сеть на крюке для траления, и помог себе подняться и выбраться из реки на палобу. Плюхнувшись на спину, он посмотрел на небо, но не увидел звезды. Свет от города был слишком ярким. Или его глаза были слишком затуманены.

Перед ним появилось лицо мужчины с седой бородой и лохматыми волосами.

— Мы видели, как вы прыгнули. Хорошо, что мы ехали под...

— Кто-то приближается с правого борта, — раздался другой голос.

Лейн знал, ему даже не нужно было смотреть в ту сторону, он знал кто это был. Просто знал. И конечно, как только прожектор передвинули в том направлении, он увидел Лиззи в хлипкой плоскодонке, ее борты хлопали по воде, сама Лиззи согнулась над подвесным мотором, и ее маленький двигатель выдавал такой вой — идеальный звук для паники, отражающейся у нее на лице.

— Майна!

— Лиззи! — он сел и стал махать руками, при этом крича:

— Со мной все в порядке! Я сделал это!

Она остановилась прямо напротив кормы, как профессионал, и хотя на нем была мокрая одежда и холод пробирал его до костей, он вскочил ей навстречу. Или, возможно, она прыгнула на него. Наверное, они вместе.

Он крепко обнял, прижав к себе, и она также крепко сжала его. А потом она вырвалась и с такой силой ударила его по бицепсу, что едва не отправила обратно в реку.

— Ау!

— Какого черта ты там делал...

— Я не...

— Ты в своем уме...

— Я не...

— Ты чуть не убил себя!

— Лиззи, я...

— Я так зла на тебя!

Рыбацкая лодка качнулась назад и вперед, пока они вытанцовывали на палубе. И Лейн смутно осознавал, что за ними наблюдают трое рыбаков, которым при таком шоу не хватает попкорна и колы на этой большой посудине.

— Я могла бы еще двинуть тебе!

— Ладно, если от этого, ты почувствуешь себя лучше.

— Не буду! — сказала Лиззи. — Не собираюсь... я думала, ты умер!

И она начала плакать, он выругался.

— Мне очень жаль. Прости, мне так жаль...

Он обнял ее и крепко держал в своих объятиях, поглаживая спину и бормоча, что не будет вспоминать этот миг, несмотря на то, что это самый незабываемый момент в его жизни.

— Прости меня... мне очень жаль...

Но Лиззи, всегда оставалась Лиззи, поэтому взяла себя в руки и посмотрела на него заплаканными глазами.

— Я очень хочу снова тебе врезать.

Лейн потер бицепс.

— Я заслужил это.

— Вы в порядке? — спросил один из парней, передавая Лейну выцветшие полотенце, которое пахло приманкой для рыб. — Может нам стоит позвонить девять-один-один? Одному из вас нужна помощь?

— Я уже звонила, — ответила Лиззи.

И конечно же сейчас на мосту полно было мигающих красно-синих огней, а также спускающихся к берегу машин со стороны Индианы.

«Отлично, — подумал Лейн завертываясь в полотенце. — Просто чертовски здорово».

— С нами все в порядке, — Лейн протянул руку. — Спасибо.

Мужчина с седой бородой затряс головой и сказала:

— Я рад, что никто не пострадал. Знаете, люди что-то частенько стали прыгать с этого моста. Только на прошлой неделе один парень сиганул. Его нашли на противоположной стороне водопада. В эллинге для шлюпок.

«Да, это был мой отец», — у Лейна мелькнула мысль.

— Правда? — поинтересовался Лейн. — А в прессе ничего такого не было.

— Его прибило в лодочный сарай моего кузена. Думаю, что парень был важной шишкой, так они сказали.

— Ну, это все равно позор для семьи этого человека, кем бы он не был.

— Спасибо, — Лиззи сказала парням. — Огромное спасибо, что вытащили его.

Они о чем-то разговаривали, Лейн особо не обращал внимание на их разговор, он укутался в полотенце и поблагодарил их за все. Опустившись на скамейку по середине плоскодонки, он накрыл полотенцем руки и прижал их груди, чтобы сохранить тепло. Лиззи запустила подвесной мотор мощным рывком, сладкий запах бензина и масла наполнил воздух и что-то еле уловимое вспомнилось ему из детского лета. Она развернула лодку, и он взглянул на рыболовецкое судно.

А потом рассмеялся.

— Что? — спросила она.

— Название судна, — он указал на надпись на корме. — Просто невероятно.

«Аврора» было выведено золотыми буквами.

Да, даже когда ее не было рядом, его мама все равно защищала его, спасала и поддерживала.

— Это сверхъестественно, — ответила Лиззи, прибавив газу, и они помчались обратно к берегу.

Каждый раз, стоило Лейну моргнуть, он видел пропасть под мостом, переживал снова тот момент свободного падения. Было странно осознавать, что сейчас он находился на твердой земле с женщиной, которую любил, но чувствовал при этом себя так, будто снова попал в эту точку «ничто», в которой ощущал полное равнодушие к себе со стороны жестокого падения, которое, а он был в этом уверен, должно было его убить.

Он перевел взгляд на Лиззи, на лице которой залегли складки и глаза смотрели напряженно, ее светлые волосы трепал ветер, но он порадовался, что ее совсем не волновало, что он весь мокрый, она все равно прижала его к себе.

— Я люблю тебя, — произнес он.

— Что?

Он просто покачал головой и улыбнулся про себя. Имя его матери на том рыболовецком судке... его женщине — за этой плоскодонке...

— Ты украла эту лодку? — сказал он более громко.

— Да, — прокричала она в ответ. — Меня тогда это мало волновало, мне нужно было тебя найти.

Они подъезжали к пристани, и она стала маневрировать, как настоящий профи, управляя, нажимая ручки в двух направлениях, разворачиваясь и давая задний ход, она стала въезжать в док с таким мастерством, словно передвигала металлическую чашку, которая только что поцеловала столбик.

Лейн перешагнул через носовую часть, пока Лиззи стояла на корме, он протянул ей руку, чтобы помочь сойти на причал. Она засунула руку в карман своей свободной куртки, что-то достала и сунула под крышку топливного бака.

Потом вышла на причал, он спросил:

— Что это было?

— Пять долларов. Я же потратила немного бензина.

Лейн несколько секунд пялился на нее, несмотря на то, что холод пронизывал его до костей, и они нарушили множества правил, а он вообще искупался в реке Огайо.

Потом появились перед ними копы, выговаривающие за маленькое свободное падение, вы-собирались-умереть.

Протянув руки, он взял в ладони ее прекрасное лицо в освещение фар машин. В Лиззи было то, чего никогда не было в его семье, во всем.

Эта была одна из многих причин, почему он ее любил. И было странно, но он ощущал острую потребность сделать эти вещи постоянными между ними.

— Что? — прошептала она.

Он начал опускаться перед ней на одно колено.

— Лиззи...

— О, Боже, ты падаешь в обморок? — она потянула его за руки обратно и стала растирать ему руки. — Тебе плохо! Давай отвезем тебя в больницу...

— Поднимите руки, чтобы мы их видели, — последовал приказ. — Сейчас же!

Лейн посмотрел на огни машин и выругался. Видно не то время и место, чтобы попросить свою женщину выйти за него замуж. Окруженные полицией Чарлмонта, в мокрой одежде, через две минуты после смертельной спирали, которую он совершил в реку Огайо.

Нет. Место и время явно было не то.

— Эй, — сказал один из копов. — Я знаю, кто это — Лэйн Брэдфорд...

— Заткнись, — прошипел ему другой.

— Я видел его фото в статье...

— Хикс, заткнись.

Хикс замолчал, Лэйн поднял обе руки и уставился на фары, которые слепили, и поэтому он ничего перед собой не видел. Вполне удачно, на самом деле.

— Они могут арестовать меня за лодку? — прошептала Лиззи, подняв ладони вверх.

— Я позабочусь об этом, — тихо ответил Лейн. — Не волнуйся.

Вот черт.

Истерли — семейное поместье Брэдфордов

— Я ненавижу тебя!

Самая молодая из четырех потомков семьи Брэдфорд, Вирджиния Елизавет сделала выпад рукой, в которой держала лампу, Джин Болдвейн, в скорости Пффорд, но не достигла цели. Наверное, это к лучшему. Основание лампы было из фарфора имари в виде вазы, она всегда очень любила ее шелковый абажур ручной работы, с вышитыми на нем настоящей золотой нитью ее инициалами.

Было бы жаль уничтожить такую красоту, Бог знал, что не стоило этого делать, потому что разбив ее, уже не возможно было бы склеить.

Ее руку остановил жених, схватив ее за волосы и дернув, и в тот же момент он сбил ее с ног. Последовал краткий миг невесомости, который показался даже забавным, но падение было жутким, особенно жалящая боль между лопатками, как выстрел, заставила ее клацнуть зубами и напомнила, что копчик далеко не самая последняя и не самая ненужная часть тела.

Эта боль напомнила ей отца, когда он ее бил, маленькую девочку, одним из своих ремней из кожи аллигатора.

Конечно, она решительно отказывалась признавать его затрешины или менять свое поведение. Она отказывалась показывать ему свою слабость, пытаясь, наоборот доказать, что он не сможет управлять ее жизнью.

И с тех пор все было просто отлично.

Угловатое лицо Ричарда Пффорда заострилось еще больше, его голова возвышалась над ней.

— Можешь ненавидеть меня сколько влезет, но ты *не уважаешь* меня опять. Мы исправим это.

Он по-прежнему тянул ее за волосы, заставляя противостоять его силе, или же он мог свернуть ей шею.

— То, что я делаю или не делаю, — пробурчала она, — не изменит мнения о тебе. Это бессмысленно.

Она пристально посмотрела на него и... улыбнулась. И его крысиные глазки прямо сейчас затуманились воспоминаниями о его низкой самооценки, щедрой рукой сыпавшиеся на него оскорбления, когда они были одноклассниками на День Чарлмонта. Джин как раз была в числе тех обзывателей, самой злой, среди тех девушек, передвигающихся стайкой. Ричард тогда был тощим прыщавым пареньком, раздраженным и с манией, что ему все должны и голосом как у Дональда Дака. Даже удивительное богатство его семьи не могло спасти его в социальном плане...и его положение.

И действительно, слэнг девяностых приклеил к нему такие выдающие прозвища, как: неудачник, скраб, лох, придурок, ублюдок.

Ричард встряхнулся, заставляя себя сфокусироваться.

— Я ожидал, что моя жена будет сидеть дома и ждать меня, пока у меня идет деловая встреча, а не проводить время, как заблагорассудится, — он дернул ее за волосы. — Я *не ожидал*, что она улетит на самолете в Чикаго...

— Ты живешь в *моем* доме...

Ричард опять дернул ее за волосы, словно он дрессировал собаку с помощью ошейника-удавки.

— *Особенно*, когда я не разрешил пользоваться своим самолетом.

— Но если бы я взяла самолет Брэдфордов, разве я могла бы быть уверена, что ты узнал бы об этом?

У него на лице отразилось замешательство, которое стоило того, что происходило сейчас и будет дальше.

Джин вырвалась и поднялась на ноги. Ее платье от Gucci задралось, она раздумывала то ли поправить его, то ли оставить как есть.

«Пусть останется таким неаккуратным», — решила она.

— Вечеринка была божественной, — сказала она. — Оба пилота тоже присутствовали на ней. Ты, конечно, знаешь, каких людей нанимать.

Ричард вскочил с пола и замахнулся, она засмеялась.

— Будь осторожен с моим лицом. Моя визажистка, конечно, мастер, но есть пределы совершенству.

В ее голове и по всему телу, пело безумство, как хор на алтаре сумасшествия. И на долю секунды она подумала, что ее недееспособная мать, лежащая в своей постели дальше по коридору, такая же, как и любой бомж наркоман на улице.

Разница лишь в том, что Брэдфорд посадил на опиаты их семейный частный врач, и она лежала на белье Porthault, а не в картонной коробке, и у нее была личная сиделка, а не приют. Заменяли только название «наркотик» стал называться «лекарством», а суть осталась той же.

Независимо от того, как его называли, можно было воочию увидеть насколько с ним было лучше и проще для этой женщины, чем иметь дело с реальностью.

— Ты нужна мне, — прошипел Ричард. — И когда я покупаю что-то, я ожидаю, что это нужная вещь, и я буду ею пользоваться. Или же мне придется ее выбросить.

— И если ты хочешь быть губернатором штата Кентукки в обозримом будущем, то должен знать, что избиение жены может стать огромной пиар проблемой для тебя.

— Ты будешь удивлена. Я республиканец, запомни.

Над плечом Ричарда, она посмотрела в овальное зеркало над одним из двух итальянских комодов Людовик XV восемнадцатого века, которое прекрасно отображало их двоих: у нее размазалась помада, словно кровь на подбородке, ее голубое платье задралось, оголяя кружева на чулках, ее темные волосы находились в полном беспорядке, создавая ореол шлюхи, которой она и была; он в своей старомодной пижаме, со стрижкой восьмидесятых с Уолл-Стрит, напряженный, напоминающий подъемный кран внука Илии, готовый вот-вот рвануть вперед. А что же было вокруг них? Шелковые портьеры, как бальные платья на окнах, спадали, как водопады, антиквариат, достойный королевы Виктории и Альберта, кровать большая, как зал для приемов, одеяло с монограммой.

Она и Ричард в домашней одежде, в их полном игнорировании вежливой дискуссии были неправильной нотой в слезливой сонате Вермеера, как спущенное колесо на судьбоносном автомобиле.

И да, Джин любила раздор. Столкновения с Ричардом вошли в привычку, они оба испытывали дрожь на краю безумия, зуд друг от друга, хотя она пыталась как-то это исправить.

Однако, им удавалось как-то существовать. С ее резким разворотом финансового

положения и его губернаторскими амбициями, они напоминали союз нахлебницы и хозяина, запертые в неустойчивые отношения, основанные на своей давней борьбе, самой популярной дебютантки Чарлмонта, неожиданно обнаружившей себя в книге почета.

Все-таки их брак был построен на гораздо меньших из основ... не таких как иллюзия любви, а скорее, ложь, не верность и ядовитом дурмане «судьба».

Она устала от разборки.

— Я пойду спать, — объявила она, повернувшись в сторону ванной комнаты. — Этот разговор меня утомил.

Он схватил ее, он не за волосы на этот раз.

— Но я еще не закончил с тобой.

Он повернул ее кругом и притянул к себе, она открыто зевнула ему в лицо.

— Давай побыстрее. Да, точно. Ты ничего не делаешь так быстро — это единственная вещь, которая мне нравится в сексе с тобой.

Дом Лиззи

Мэдисонвиль, штат Индиана

— Ты же на самом деле не думаешь, что я стоял там, чтобы прыгнуть, да?

Спросил Лиззи мужчина, которого она любила, с другого конца ее дивана, она попыталась взять себя в руки... но у нее не получилось, она стала поглаживать ручной работы лоскутное одеяло, натягивая его на ноги. Ее маленькая гостиная в передней части дома была с большими шестью окнами, выходящими на крыльцо и лужайку перед домом, а также на грязную дорогу. Декор был комфортным и уютным, ее коллекция старинных сельскохозяйственных орудий, стояла у стены, старомодное пианино у противоположной, плетеные коврики на полу были такого цвета, чтобы больше подчеркнуть ее деревянные половые доски.

Обычно, ее укрытию никогда не удавалось до конца успокоить ее. Сегодня рассвет явно затянулся.

Да, и какая была ночь! У них заняли ответы на вопросы полиции около двух часов по поводу того, что произошло, они извинились и попросили довести их до машин, потом поехали домой.

Если бы не друг Лейна, шериф Митчелл Рэмси, они бы до сих пор была на берегу реки и полицейском участке у викторианского коттеджа. В наручниках и светило бы им задержание.

Митч Рэмси имел возможность позаботиться о сложных ситуациях.

Так что да, теперь они сидели здесь, на ее диване, Лейн вышел только что из душа в своей любимой толстовке университета Вирджинии, она переделалась в одну из его рубашек на пуговицах и леггинсы. Но черт побери, хотя стоял май, и они находились на юге, она чувствовала холод, пробирающий до костей, который и являлся ответом на вопрос Лейна.

— Лиззи? Ты думаешь, что я собирался прыгнуть?

— Конечно, нет.

Боже, она никогда не забудет, как он стоял с той стороны парапета, как повернулся, взглянув на нее... рука видно соскользнула... и он пропал из поля ее зрения...

— Лиззи...

Всплеснув руками, она попыталась сдержать свои эмоции, но ей не удалось.

— Если ты не собирался прыгать, тогда какого черта, ты там делал? Ты наклонился для падения, Лейн. Ты собирался...

— Я пытался выяснить, на что это похоже.

— Потому что ты хотел убить себя! — заключила она, еле выдавив из себя эти страшные слова.

— Нет, потому что я хотел понять *его*.

Лиззи нахмурилась.

— Кого? Своего отца...? — словно он пытался выяснить о ком-то еще? — Лейн, серьезно, есть и другие способы смириться с этим фактом.

Например, можно пойти к психологу, где он будет сидеть на другом диване, рассказывая свои проблемы. И эти разговоры явно бы уменьшили его шансы упасть с моста,

по крайней мере, она надеялась, что они бы уменьшились до нуля, пока он будет пытаться разобраться с психологом, что происходит в его жизни.

И в качестве бонуса, ей не пришлось бы беспокоиться, что она стала угонщицей катера.

«*Интересно, пятидолларовая купюра по-прежнему там?*» — подумала она, после того, как они все рассказали полиции.

Лейн вытянул одну руку, словно протягивал что-то и у него раздался хруст то ли в локте, то ли в плече.

— Теперь, когда отец мертв, я не получу никаких ответов. Я застрял здесь, разгребая его дерьмо, и я адски зол, потому что не понимаю многого. Любой может сказать, что он был поганым человеком, и это правда... но это ничего не объясняет и не дает никакой информации. Я смотрел на твой потолок, мучаясь бессонницей и больше не мог терпеть. Я поехал к мосту, я свесился через перила, оказался на той стороне, чтобы встать туда, где стоял он... потому что я хотел увидеть то, что видел он. Я хотел понять, что он чувствовал, стоя там. Я хотел получить ответы. Но ответов там нет... и я стоял там не для того, чтобы убить себя. Клянусь душой мисс Авроры.

Через мгновение Лиззи наклонилась вперед и взяла его за руку.

— Прости. Я просто подумала... ну, я видела, что ты упал, и ты мне ничего не рассказывал.

— А что тут рассказывать? Все, что я делаю только думаю, и мысли бесконечно кружатся у меня в голове, и иногда мне хочется закричать, чтобы они остановились.

— Но, по крайней мере, я бы знала, где ты находишься. Тишина пугает меня. Ты постоянно об этом думаешь? Ну, так же, как и я.

— Я сожалею, — он покачал головой. — Я собираюсь бороться ради моей семьи, ради нас. И поверь мне, если бы я собирался покончить жизнь самоубийством, последнее, чего бы захотел закончить свою жизнь таким образом, как он. Я не хочу иметь ничего общего с ним. Я не могу исправить ДНК, с этим я бессилён. Но я не собираюсь проводить любые дальнейшие параллели с ним.

Лиззи сделала глубокий вдох.

— Я могу помочь?

— Если что-то потребуется, и ты сможешь это сделать, я дам тебе знать, обещаю. Но сейчас я должен все сам. Я должен найти недостающие деньги, погасить долг трастовому фонду, и молиться Богу, что смогу сохранить наш семейный бизнес. Компания «Брэдфорд Бурбон», которой уже более двухсот лет не придет к концу в эти дни. Этого просто не может быть.

Лейн повернулся, глядя в большое окно, она изучала его профиль. Он был, как назвала бы ее бабушка, симпатичным. Классически красивый, с голубыми глазами цвета ясного осеннего неба, и темными волосами, такими густыми на ощупь, и телом, которое гарантировало, что взгляд каждого в комнате остановится на нем.

Но это не была любовь с первого взгляда, по крайней мере, для нее. Она была далека от этого. Молодой, непутевый сын семьи Брэдфордов был порочен во всем, и она зная, что это настоящая правда, обходила его стороной, стараясь не общаться с ним, хотя всячески скрывала свое порочное влечение к нему, прикладывая максимум усилий. Но они все же соединились вместе... и она влюбилась в него, как в фильме «Сабрина».

Ну, разве что в ее случае «обслуживающий персонал» был ландшафтным-садоводом со степенью магистра в области ландшафтной архитектуры из Корнелла.

Но потом Шанталь четыре недели спустя объявила, что у нее роман с Лейном, и она ждет от него ребенка. Лиззи порвала с ним все отношения, Лейн женился на этой женщине.

А потом вскоре уехал на север Штатов.

Ужасно. Какое это было ужасное время. После такого разлада, Лиззи сделала все возможное, продолжая работать в «Истерли», чтобы чем-то занять себя. Но все заметили, что Шанталь в какой-то момент перестала быть беременной.

Выяснилось позже, что она «потеряла» ребенка. Она «позаботилась» о нем в частной клинике в Джинджи.

Невероятно. И слава Богу, что Лейн с ней разводится.

Слава Богу, что Лиззи верила в хорошее и доверяла этому мужчине, а не репутации, если говорить о существующих промахах.

— Солнце встает, — пробормотал Лейн. — Новый день.

Его рука гладила ее босые ноги, щиколотки, нежно проводя пальцем по ее коже, она не была уверена, что он понимал, что делал. Он часто так делал, рассеянно касался ее, когда о чем-то задумывался, видно он чувствовал необходимость закрыться от психического контакта физическим.

— Боже, мне так нравится здесь, — он улыбнулся, глядя на золотые лучи солнца, опускавшиеся на ее лужайку и на поля. — Так тихо.

Это было правдой. Ее дом с большим участком земли и соседями вдалеке был совсем другим миром, по сравнению с миром его семьи. Здесь раздавался звук плуга в отдалении и иногда слышалось мычание коров.

«Истерли» никогда не отличался спокойствием, даже когда стояла тишина внутри здания. Особенно сейчас.

Долги. Две смерти. Полный бардак.

— Я просто хотел узнать, что он испытывал, когда умирал, — мягко сказал Лейн. — Я хотел бы, чтобы ему было больно. *Я очень хотел бы, чтобы ему... было больно.*

Лиззи погладила его предплечье.

— Не чувствуй себя виноватым за это. Гнев вполне естественен.

— Мисс Аврора говорила, что я должен молиться за него, а не говорить такие слова. Молиться за его душу.

— Это потому, что твоя мама — святая.

— Совершенно точно.

Лиззи улыбнулась, представив себе афро-американку, женщину, которая стала для него больше матерью, чем его родная мать. Благодарю Бога за присутствие мисс Авроры в его жизни. Было так мало мест, куда можно было пойти в этом огромном старинном доме, в котором он вырос, но ее кухня, наполненная запахами и едой, была для него святилищем.

— Мне казалось, что ты собирался прыгнуть, — вдруг ляпнула она.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— У меня есть слишком много, ради чего стоит жить. Ты есть у меня.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала она.

Боже, он выглядел гораздо старше, чем неделю назад, когда прибыл на частном самолете из своего укрытия на Манхэттене. Он вернулся в «Истерли», чтобы проведать мисс Аврору, когда та упала в обморок. Он остался дома, и все, что произошло за такое короткое время, изменение траектории его семьи, столкнувшейся с айсбергом и скрытыми судьбоносными течениями, пошатнули непробиваемый корпус Брэдфордов с двухсотлетней

историей, их необыкновенное финансовое и социальное положение, основанное на фортуне, и выправить этот лайнер теперь казалось невозможным.

— Мы можем уехать, — Лиззи снова выгнула ногу. — Мы можем продать этот дом, забрать деньги и хорошо жить вдали от всего этого.

— Я рассматривал этот вариант. И эй, я мог бы поддерживать нас, играя в покер. Это не совсем честный заработок, но я знаю, что власть особо не волнует, откуда берутся деньги на выплату налогов, — он жестко рассмеялся. — Взять хотя бы мою семью, которая живет за счет продажи спиртного столько лет, поэтому не мне судить.

На мгновение, ее сердце запело, она представила, как они будут жить на другой ферме, в другом штате с небольшим участком хорошей, плодородной земли, которая будет приносить урожай кукурузы, моркови, помидоров и зеленой фасоли. Она могла бы работать в небольшом городке, ухаживая за муниципальными насаждениями. А он бы захотел стать учителем в местной средней школе, возможно, тренером по баскетболу или футболу, а может совместно. Вместе, они будут любоваться друг другом, жить в радости и любви, и конечно у них будут дети. Белокурые с прямыми волосами мальчики, желающие принести домой головастиков, и девочки, лазающие по деревьям. И получение водительских прав и школьные выпускные, а также слезы, когда они разъедутся по колледжам, и праздник радости, когда дом опять заполнится детьми и наступит полный бардак.

И когда солнце, наконец, заиграло в полную силу, она представила себе крыльцо с парой кресел-качалок, на котором они будут сидеть бок о бок. И если один из них умрет раньше, другой вскоре последует за ним, как в романах Николаса Спаркса.

Никаких больше частных самолетов. Никаких больше драгоценностей и картин маслом, нарисованными известными художниками такого-то пра-пра-прадеда. Не будет больше «Истерли» с его семьюдесятью человек обслуживающего персонала и акрами садов, которые нужно поддерживать в соответствующем виде. Не будет больше никаких вечеринок и балов, роллс-ройсов и порше, никаких фантазий, от которых бездушные люди улыбаются тебе пустыми глазами.

Не будет больше компании «Брэдфорд Бурбон».

Хотя сам продукт всегда пользовался огромным спросом.

Возможно, он даже возьмет ее фамилию, чтобы в новой жизни никто не знал, кто он и что он, и кем была его семья.

Он хотел быть похожим на нее, неизвестным человеком, живущим скромной жизнью... и да, величия и роскоши не будет у них двоих. Но она соблюдала элементарный такт, не смотря на пустое величие больших денег, каждый день в недели и никогда не говорила ему об этом. И даже дважды в воскресенье.

— Знаешь, я не могу поверить, что он покончил с собой, — пробормотал Лейн. — Это совершенно не похоже на него. Он был слишком высокомерен и самонадеян... и, черт возьми, если великий Уильям Болдвейн решил покончить жизнь самоубийством, ему бы больше соответствовало — вставить один из дуэльных пистолетов Александра Гамильтона в рот и спустить курок. Но спрыгнуть с моста, это похоже на бомжей? Он не прыгнул бы в воду, в которую кидали бездомных кошек. Как-то это все выглядит бессмысленно.

Лиззи сделала глубокий вдох, и наконец решила высказать то, что последнее время ее больше всего занимало:

— Ты... не думаешь, что кто-то убил его?

Конюшни Red & Black Округ Огден, Кентукки

Сладкий запах сена.

О, сладкий запах сена и топание копыт... и проход между конюшнями из ледяного бетона, ведущий к двум дверям из красного дерева.

Эдвард Брэдфорд Вестфолк Болдвейн сидел на полу среди опилок, среди своих чистокровных жеребцов, спал, его костлявая задница страдала от ледяного холода, и он был поражен, насколько в мае, камень был просто ледяным. Конечно, начинался рассвет, и температура на улице была плюс семьдесят, даже если не брать во внимание солнце. Можно было подумать, что конец весны был более доброжелателен к нему и более щедрым, учитывая климатическую температуру.

Увы, нет.

Но, к счастью, он был пьян.

Поднимая бутылку... что это было? Ах, водка. Вполне справедливо, что он был разочарован, обнаружив, что бутылка почти пуста. Он прихромал сюда с тремя четвертями бутылки. Он что все это выпил? И черт бы с ним, остальные его видения касались родственников, которых он отчетливо представлял. Коттедж сторожки, где он остановился на «Red&Black» ферме по выращиванию чистокровных жеребцов, была не более ста ярдов, но и много миль вокруг.

Он взглянул на свои ноги. Даже скрытые под джинсами, сомнительно восстановленные, хотя он мог теперь передвигаться фактически с трудом, сделали их болезненно худыми, как пара изломанных спичек, его скромный одиннадцатый размер ботинок казался теперь ботинками клоуна на его ногах. А если добавить еще опьянение и тот факт, что он просидел здесь, сколько?

Его единственный шанс, чтобы получить больше водки, придется скрестись вперед, волоча свою нижнюю часть тела, как тачку, у которой отвалился обод колеса, и она завалилась на один бок.

Однако, кое-какие части тела функционировали, как и прежде. К сожалению, его ум оставался достаточно острым, постоянно подсовывая ему изображения, и влияние этих ментальных изображений оказывало такой же эффект, как шарики пейнтбола, выстреливающие по его хрупкому телу.

В этих изображениях он видел своего брата Лейна, стоящего перед ним, и сообщающего, что их отец мертв. Видел свою красивую, сумасшедшую сестру Джину, надевшую массивное бриллиантовое кольцо на свою изящную руку жестокого мужчины. Видел их красивую, сумасшедшую лежащую мать, одуревшую от лекарств и не осознающую, что произошло.

Видел его Саттон, которая, собственно, никогда не будет его.

И эти изображения крутились по кругу, постоянно. А пытки и его похищение, прежде чем Эдварда не выкупили, стали немного туманными.

Возможно, это было решение его внутренних демонов. Выпивка не стерла все, но восемь дней в джунглях — избиений, когда морили голодом и издевались, подкалывая

надвигающейся смертью, убавили свою громкость воспоминаний о его похищении. И в качестве бонуса, он вряд ли переживет второй раунд такого обслуживания...

Звук маленького размера сапог по полу амбара привлек его внимание, они маячили у него перед глазами, приближаясь к нему. Сапоги остановились ровно перед ним, он не отрываясь смотрел на них.

— Опять ты, — сказал он.

В ответ на его радостное приветствие, раздался голос Шелби Лэндис, словно из детских мультфильмов или, по крайней мере, женский голос. Хотя интонация, как обычно, была больше похожая на сержанта-инструктора по строевой подготовке, чем на Золушку.

— Давайте поднимайтесь сию же минуту.

— Оставь меня здесь, навсегда... и это приказ.

Вверху над головой Эдварда, за железными прутьями, которые удерживали жеребца, способного откусить кусок от человеческой плоти, Нибеканзер испустил ржание, прозвучавшее с любопытством близким к приветствию. Обычно, огромный черный жеребец показывал все свое жеребиное недовольство всем, кроме Эдварда.

И даже своему хозяину, он никогда не показывал особой радости.

— Мы можем сделать это по-плохому или более жестче, — продолжила Шелби.

— Какой огромный выбор ты мне предоставляешь, как это великодушно с твоей стороны.

И естественно ему захотелось быть буйным, просто чтобы узнать, что подразумевалось под «более жестче». Кроме того, даже в своем ослабленном состоянии, большинство женщин такого небольшого роста, как она, с трудом бы подняли его, при этом, возможно, смеялись бы над ним. Шелби, однако, имела тело, отточенное многими и многими часами изнурительной работы с лошадьми.

Она выиграет этот раунд. Как бы то ни было, это было ясно.

И единственное, что у него осталась — это гордость, которая подпитывала его мужественность.

Хотя стоит ли ему заботиться о том, о чем он толком не имел понятия.

Подтолкнув себя в вертикальное положение, было сродни ударом молота по ногтям, боль была настолько нестерпимой внутри, несмотря на количество принятого алкоголя. Хрюканье и чертыхание было конфузом, особенно перед нанятой работницей, которая была хорошей христианкой, презирающей богохульство и ее умершем отце, которому Эдвард задолжал слишком много.

Из-за этого ему пришлось нанять Шелби, когда она появилась на крыльце его коттеджа, гнав столько миль на своем грузовике, с открытым, честным лицом и твердым взглядом, соответствующем ее имени...

Но отсутствие баланса отправило Эдварда обратно вниз на бетон, тело стало падать, как складной столик, что-то было не так с его щиколоткой.

Шелби поймала его прежде, чем он рухнул на пол, моментально схватив сильными руками и потянув вверх.

— Хорошо.

Он хотел начать бороться с ней, поскольку ненавидел себя в таком состоянии. Этот калека, пьяница, недовольный негодяй не был им. В своей прошлой жизни до того, как его собственный отец устроил похищение, а затем отказался заплатить выкуп, он даже не мог представить себе подобное.

— Не знаю, следует ли вам ходить.

Как только Шелби произнесла свои слова, он продемонстрировал свою «хорошую» больную ногу, с коленом которое не сгибалось, а затем уперся на нее, перенеся свой вес, но щиколотку прострелило такой болью, которую он раньше никогда не чувствовал.

— Конечно, мне не следует. Ты же видела меня голым, поэтому знаешь насколько я плох.

В конце концов, она же засекла его в ванной... когда влетела туда при закрытой двери, явно ожидая найти его мертвым плавающим в ванне.

— Меня беспокоит ваша лодыжка.

Он стиснул зубы.

— Ты добрая самаритянка.

— Я вызову врача.

— Нет, не вызовешь.

Как только они вышли на солнечный свет, он зажмурился, и не потому, что у него было похмелье. Он как раз был совершенно трезв, чтобы увидеть все вокруг. И по сравнению с прохладой конюшни, золотой утренний воздух чувствовался, как кашемир на его покалывающей коже, и ох, вот это был вид. Все вокруг — переливающиеся поля из мятлика, огороженные пятью деревянными изгородями и одиночный клен был бальзамом для его души, обещанием поддержать безупречную родословную лошадей, которые бродили и поедали сегрегированные луга, принося будущее поколение Дерби и будущих чемпионов.

Даже победителей Тройной Короны.

«Земле и ее дарам можно доверять», — подумал Эдвард. На деревья можно было бы положиться, потому что они обеспечивали тень в летний зной, а огромная крона не пропускала дождя, и поток воды мог стекать с нее весной и засушливой осенью, но человек мог всегда предсказать смену сезонов погоды. Черт, даже яростные торнадо и снежные бури имели свой определенный ритм, и не зависели от личности самого человека, поэтому не были безнравственными.

Любой гнев может спуститься с небес, но он никогда не был направлен на какого-то конкретного: хотя некоторые могут почувствовать себя мишенью, но на самом деле, такого никогда не было.

То же самое касается лошадей и собак, кошек и енотов, даже низших существ, невзрачного опоссума и змей, пожирающих своих детенышей. Для некоторых его жеребец Наб, как злобная шавка, но этот конь никогда не притворялся тем, кем он был. Он не улыбался в лицо, и не рвал вам спину, когда вы отворачивались от него.

Люди гораздо опаснее, чем «непредсказуемые» животные и события перста Божьего.

И все это озлобило его.

Опять же, в эти дни он с горечью думал о многом.

К тому времени, как он с Шелби подошел к коттеджу сторожа, его внутренние тирады, были закалены такой болью, которая все равно просачивалась сквозь его опьянение, словно его нервную систему принудительно перезагрузили, послав в мозг повышенное электрическое напряжение, отчего его связь между нейронами была вынуждена понизить его пессимизм.

Старая дверь заскрипела, когда Шелби толкнула ее, внутри было темно как ночью, шерстяные тяжелые шторы плотно закрыты, единственный свет в компактной кухне был от лампы, напоминающей «глаз» шахтерской каски, ее света не хватало, чтобы осветить все.

Мебель была скудная, дешевая и старая, полная противоположность ценным вещам, среди которых он вырос в «Истерли», хотя он полагал, что полки с трофеями победителя гонок из стерлингового серебра имели какую-то ценность, конечно, но в общем были ничем.

Вырвавшись из ее рук, он потащился к своему креслу, ветхое Арчи Банкер, глубокое, принявшее форму его тела, с выпирающим колдобинами сиденьем. Он откинул голову назад и попытался дышать ртом, пытаясь не делать больших вдохов, чтобы не появлялась боль в ребрах.

Но дергание его ноги заставило опустить его глаза вниз.

— Что ты делаешь?

Белокурая голова Шелби склонилась к его ботинку, и ее рабочие руки быстро справлялись со шнурками, он так не мог бы.

— Я снимаю ботинок, мне кажется с вашей щиколоткой совсем плохо.

Эдвард открыл рот, саркастические слова так и крутились у него на кончике языка.

Но Бог не дал ему ничего сказать, поскольку ботинок с дикой болью был снят.

— Черт побери!

— Мне кажется, вы ее сломали.

Вцепившись руками со всей силы в подлокотники кресло, его сердце ударилось о ребра. И когда все это прошло, он закричал.

— Я подгоню свой грузовик...

— Нет! — проскрежетал он сквозь стиснутые зубы. — Ты не сделаешь ничего подобного.

Шелби подняла на него глаза, сидя на полу, и где-то глубоко в своем сознании он отметил, насколько редко было для нее встретиться с ним взглядом. Она всегда была готова парировать его словесные удары, но редко смотрела ему в глаза, стараясь не задерживаться взглядом.

Ее глаза были... необычными, обрамленные густыми, темными, натуральными ресницами, и в ее небесно-голубых глазах присутствовали вкрапления рассвета.

— Если вы не поедете в больницу то, как позвонить вашему личному врачу? И не притворяйтесь, что у вас его нет. Вы — Брэдфорд.

— Нет, дорогая.

Она вздрогнула, как только он сказал «дорогая», как бы признавая, что она была не из тех женщин, которых так называют часто, тем более не такие мужчины, с такой родословной, как у него. И ему стало стыдно, признавшись самому себе, что он хотел причинить ей боль без всякой на то причины.

Нет, на самом деле, это неправда. Скорее из-за того, что он был пьян, и здравый смысл ему отказывал.

Шелби обладала безупречной способностью, подловить его в самые уязвимые моменты, и та его часть, которая все время держала оборону, ненавидела ее за это.

— И как долго ты заботилась о своем отце? — потребовал он ответа.

— Всю свою жизнь.

Джеб Лэндис был страшный пьяница, картежник, бабник... но непревзойденным знатоком лошадей. Он научил Эдварда всему, что знал, когда Эдвард вообще не рассматривал скачки и разведение лошадей, как бизнес, а только как хобби богатого человека и, конечно, Эдвард никогда не предполагал, что у него будет работать его дочь.

Черт, он даже не знал, что у Джеба был ребенок.

По какой-то причине, Эдварду стало интересно, сколько сарказма Шелби вытерпела за эти годы, от высушенного эго ее грешника отца, тренирующую ее... ее для ухода за таким мужчиной, которым Эдвард стал.

Это напоминало, словно Джеб отправил ее сюда специально, показывая свою жестокость к ней, даже из могилы.

Эдвард наклонился вперед и протянул дрожащую руку, коснувшись щеки Шелби. Он ожидал, что ее кожа будет грубой, но это было не так.

Она отпрянула прочь, он сосредоточился на ее губах.

— Я хочу тебя поцеловать.

Вернемся в дом Лиззи, Лейн смотрел на восходящее солнце, ее слова повисли в воздухе между ними.

«Ты не думаешь, ... что кто-то убил его?»

Трудный вопрос, если учесть, что он чувствовал себя обманутым, потому что сам не мог убить человека. И это была не горькая пилюля, которую следовало проглотить и оставить без ответа, особенно когда он наблюдал за зарождающимся новым днем на равнинном пейзаже Индианы.

Перед ним было столько удивительной красоты, что его мрачные мысли, казались фугасными бомбами, пронесшиеся над этим пространством.

— Ну? — позвала Лиззи. — Что ты думаешь?

— Я не знаю. Есть ряд людей, которые имеют мотив. Большинство из них родственники, — он поморщился, вспомнив, о чем рассказал ему шериф Рэмси. — Камеры видеонаблюдения на мосту не была включена.

— Что?

Лейн взмахнул рукой в воздух.

— На мосту имеются камеры, которые должны были записать ту ночь. Но когда полицейские проверяли их, то обнаружили, что их никто не включил.

— Поэтому никто не знает, что на самом деле случилось?

— Думаю, да. Но муниципальная полиция думает, что если он прыгнул, то явно оттуда. С другого моста было бы слишком трудно перелезть через ограду и прыгнуть вниз... Митч сказал, что они собираются исправить этот момент на мосту «Большая пятерка», — Лейн покачал головой. — Что же касается убийства? Я думаю, что он прыгнул сам. Я почему-то верю, что он покончил с собой. Долги, опустошение счета трастового фонда... это все подтолкнуло отца. Как, черт возьми, он после всего этого смог бы удержать свою власть в этом городе? Или где-то еще?

— Ты не знаешь, когда они отдадут тело?

— Рэмси сказал, как только будет заключение по вскрытию. Поэтому это вопрос времени, — Лейн внимательно посмотрел на нее. — На самом деле, ты можешь кое-что сделать для меня.

— Скажи, что.

— Речь идет о прощании с отцом. Как только нам отдадут его тело, в «Истерли» хлынут сотни людей, даже тысячи, и я хочу... я хочу, чтобы все было как надо.

Лиззи взяла его за руку и сжала в своей ладони.

— Я уверена, что все будет сделано правильно, как надо.

— Спасибо, — он наклонился и поцеловал внутреннюю сторону ее запястья. — Знаешь, это даже смешно... мне совершенно не хочется чувствовать его память, мне не хочется

чувствовать ничего, что касается отца. Но это связано с именем Брэдфордов... с семьей, хотя и настолько поверхностно, но мне кажется, что это должно происходить не в мою смену, понимаешь? Люди, приехавшие сюда, явно будут искать признаки скандала и вынюхивать не ослабела ли семья, и будь я проклят, если они увидят хоть что-то из этого. И кроме того я очень обеспокоен тем, что мать хочет выйти на прощание или что-то типа того.

Да, это была суцая правда, «молодая» Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн, которой было сейчас за шестьдесят, не встававшая с кровати в течение трех лет, с сиделками, ухаживающими за ней лежачей и делающие постоянно ей прическу, но видно у нее тоже существовали какие-то стандарты достоинства семьи, что даже наркоманка собиралась посетить прощание с мужем. И соответствующий обслуживающий персонал уже принимал меры в доме, чтобы это произошло. В данном случае речь совершенно не касалась его отца. Высшее общество Чарлмонта было настолько же конкурентоспособным, как НХЛ, и событие посещения семьи Брэдфордов, чтобы почтить память, было сродни выигрышу в Суперкубок.

Все хотели получить лучшие места на пятьдесят ярдов.

Все это было настолько лживым. И хотя он всегда знал это, но окончательно понял, когда Лиззи вошла в его жизнь, именно тогда он понял, что постоянно поддерживал пустоту этого имиджа.

— Я хочу пообещать тебе кое-что, — пробормотал он. — После того, как все это закончится... после того, как я исправлю все. Мы уедем отсюда, выберемся. Но я должен пока оставаться здесь, чтобы разрулить этот бардак. Это единственный способ, когда я смогу полностью освободиться от своей семьи. Исправив ошибки моего отца — единственный путь заработать мне свою свободу — заработать свое право на любовь.

— У нас уже есть любовь.

— Иди сюда.

Он потянулся к ней и подняв ее на колени, нашел ее губы в утреннем свете. Раздеть ее было делом одной минуты, и она сидела на нем, а он сдергивал свои штаны вниз.

— О, моя Лиззи, — застонал он ей в губы.

Ее грудь уместилась вся в его ладонях, и она вздрогнула, когда он сжал их. Она всегда была откровением для него, всегда чем-то новым... каждый поцелуй, каждое касание, словно он возвращался домой или попадал одновременно на Луну.

Превосходно.

Она приподнялась на коленях, он направил себя в нее, они соединились, она двигалась сверху на нем, он удерживал ее за талию. Она двигалась, полностью осознавая, что происходит, ее глаза были закрыты, словно она не хотела отвлекаться от процесса и от своих ощущений.

Он удерживал ее разведенные ноги.

О, она была прекрасна, когда выгибалась назад, когда ее голова запрокидывалась, грудь поднималась, и утренний свет струился по ее великолепной наготы и светлым волосам.

Он надолго это запомнит, сказал он про себя. Этот момент, когда все почти утонуло в панике... этот замечательный, важный момент с той, которую он так любил, что они были живы, были одни и были вместе, никто не мог прикоснуться к этой части их личной жизни и никто не мог ее отнять, он будет вспоминать этот миг, наряду со всеми остальными, произошедшими сегодня вечером.

«Да», — подумал он. Ему необходимо подзарядить силы, надежду в сердце, как раз воспоминаниями о его Лиззи.

Впереди его ждала борьба, и стоял вопрос сможет ли он разрулить все, что ждало его впереди. Но Лиззи придавала ему сил, он чувствовал себя воином, которым он хотел и ему стоило быть.

«Забудь о деньгах», — подумал он.

Все, что ему действительно необходимо в его жизни, было здесь и сейчас в его объятиях.

— Я люблю тебя, — выдохнул он. — Я люблю тебя...

Эдвард был удивлен, когда Шелби не вскочила на ноги и с раздражением не побежала к двери. Ведь настоящие христианки, когда их работодатель сообщает, что хочет поцеловать, как правило, обижаются и убегают. Но чем дольше она оставалась, уставившись на него с его ботинком в руках, тем больше он пугался.

«Она не должна быть такой», — подумал он про себя. Он нагнулся к ней, но она отодвинулась, окончательно забыв про чертова доктора.

— Иногда земля должна принять бурю, — прошептала Шелби.

— Что?

Она просто дернула головой, поднявшись на коленях.

— Это не важно.

И она была права. Ничего не было особенно важным, когда она поцеловала его, ее губы были мягкими, застенчивыми, словно она ничего не знала о соблазнении.

Для него это не было большой проблемой.

Эдвард взял все в свои руки, стараясь быть более внимательным к ней, нежели с любой другой женщиной... ну, с которыми он был когда-то. Он легко прошелся руками по ее торсу, притянув ее между своими ногами, вверх по ее груди. Под толстовкой ее тело было упругим, таким же как у него, но по другой причине. Оно была упругим из-за физического труда, здоровья, данного природой, и ее усилий от работы с животными, которые весили на тысячу фунтов больше, нежели она сама, подвозя им литры кормежки, а также таская наполненные тачки опилками, делая километры ходок от конюшни к сараю, от пастбища к пастбищу.

Она не носила бюстгальтер.

Он обнаружил, потянув толстовку вверх ей через голову, что у нее не было даже внизу майки. Ее груди были идеальны, маленькие, упругие, как и она вся. Ее соски были девчачьими розовыми и для него это был полный сюрприз...

И он сделал правильный выбор — остановившись.

Несмотря на жажду, которая царапала когтями его брюхо, желая попробовать ее сладость, кое-что гораздо более важное стукнуло ему по затылку.

— Ты девственница? — спросил он.

— Нет.

— Мне кажется, что ты лжешь.

— Есть только один способ узнать это, не так ли?

Странное, непривычное сомнение, заставило его оцепенеть, он отвернулся, не потому, что ему не нравился ее полуобнаженный вид, а потому, что он вообще на это решился. С ее скромностью, ее неловкостью, ему захотелось наброситься на нее и взять, подобно тому, как берет мужчина, заявляя права на женщину, обнаружив, что она ничья.

И еще она не испугалась, а наоборот, как бы дала понять, что позволяет ему это сделать, это и многое другое.

Отведя глаза в сторону, он раздумывал над этой ситуацией, в некоторой степени эта черта была свойственна ему всегда, быть собственником, еще до того, кем он стал... но он вдруг увидел деньги.

Одну тысячу долларов.

Десять сто долларовых купюр, которые лежали веером.

На тумбочке у двери.

Он оставил деньги для одной из проституток в прошлую пятницу, он исправно платил за то, что они были с ним. И в самом деле, женщина той ночью (за исключением того, что она вела себя и была одета именно так, как он и хотел, чтобы...) реальная женщина сама пришла к нему.

Его Саттон.

Они занимались сексом, потому что он предполагал, будто она настолько идеальный двойник Саттон Смайт. Какая же была первая подсказка? Когда все закончилось, женщина не взяла денег, они остались лежать на столике. А вторая? На следующее утро он обнаружил ее клатч на столике у кресла и когда открыл его, в нем было водительское удостоверение Саттон.

Иногда, он задавался вопросом — произошло ли это на самом деле или был лишь сон. Хотя напряжение между ними, когда он вернул ей клатч ядерным... да, это должно быть все же произошло.

И он точно знал, почему занимался с ней сексом. Саттон была классной, достойной, блестящей бизнесвумен, в которую он был влюблен уже много лет. Почему она разрешила ему прикоснуться к себе, поцеловать ее и войти внутрь?

Да, она сказала, что тоже была влюблена в него. Но разве это может быть правдой?

Эдвард сосредоточился на дочери Джеба. Расправив ее толстовку, он аккуратно прикрыл ее наготу.

— Никакого врача, — сказал он отстраненно. — Мне не нужно.

— Вам необходим врач.

Немного смуцало, насколько она спокойно поднялась и пошла к телефону, как будто ничего не случилось. Взяв трубку древнего, настенного телефонного аппарата, он нахмурился, возмущаясь ее прагматизмом.

— Мое дал мне номер, — объяснила она, начиная набирать диск указательным пальцем. — Доктор Колби, правда ведь?

— Вот, черт возьми, если ты знала его имя и номер, зачем доставала меня?

— Я давала вам шанс стать разумным, но мне не стоило рассчитывать на это.

— Черт побери.

Повернувшись к нему, она приложила трубку к уху.

— Я просила вас не произносить имя Господа всуе в моем присутствии и не сквернословить. И я знаю, что вы никогда не влюбитесь в меня. Вы всегда будите *ее*.

— Какого черта ты несешь? — выстрелил он.

— Вы произносите ее имя во сне. Типо Сат... Саттер?

Эдвард запрокинул голову назад и закрыл глаза от отчаяния. Может, это все ему привиделось. Скорее всего, что да, он просто отключился у стойла Наба, и все это видение, ставшее результатом пойла, которое в настоящее время бежало у него по крови.

Он надеялся на это.

— Мисс Смайт? Еще кофе?

Саттон вернулась в реальность, улыбнувшись пожилой женщине в униформе с кофейником в руках. Эллин Айзекс работала в семейном имении очень давно, насколько помнила Саттон, она чем-то напоминала бабушку и всегда заставляла ее вспоминать о Ханне Груэн из «Нэнси Дрю».

— Нет, спасибо, миссис Айзекс. Как не печально, но мне пора ехать.

— Машина ждет вас.

Саттон промокнула рот дамасской салфеткой с монограммой и поднялась.

— Я пойду за отцом.

Миссис Айзекс улыбнулась и поправила накрахмаленный белый передник, висевший спереди на ее сером платье.

— Отец в своем кабинете. И я сообщила ему, что ты уезжаешь.

— Спасибо.

Фамильная столовая была маленькой и очаровательной, размером пятнадцать на пятнадцать, оконный проем находился между основной кухней особняка и официальной столовой. В окнах, наполненных светом, особенно в утренние часы, виднелись кирпичные стены, увитые плющом и тщательно ухоженные клумбы роз в семейном саду, а также имелись соответствующие старой школы Colefax и Fowler всевозможные растения. Это комната была одной из самых любимых комнат ее матери, пока она была жива. Саттон с братом вместе со всей семьей всегда здесь завтракали перед школой, общаясь и сообщая новости. После того, как умерла ее мать, а Винн уехал в университет Виргинии, в этой комнате проводили время только она и отец.

И когда она уехала в Гарвард, здесь завтракал только ее отец... и потом миссис Айзекс начала сервировать ему утреннюю трапезу у него за столом, в кабинете.

Это стало привычкой, которая так и осталась, даже когда Саттон вернулся из бизнес-школы при Университете Чикаго и начала работать в корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон».

Она сложила салфетку рядом со съеденной половинкой грейпфрута, булочкой, разрезанной пополам и оставшейся скорлупой в держателе для яиц, сваренных в крутую, и задалась вопросом, почему каждое утро она продолжала завтракать здесь в одиночестве?

Возможно, дань прошлому, а может фантазии о будущем.

Огромный дом, в котором она жила с отцом, и каждый был сам по себе (за исключением, когда приезжал Винн) состоял из двадцати пяти тысяч квадратных метров и исторически содержался в тщательном великолепии, все предметы старины передавались из поколения в поколение, множество картин и экспонатов музейного значения, ковры из Персии, за исключением некоторых, ручной работы из Франции. Это было великолепное убежище, где латунные перила и светильники, обрамленные золотыми листьями, сверкали от бесчисленной полировки, а свисающие хрустальные люстры мерцали у потолка, отбрасывая свет на стены, дерево стало более теплых оттенков со временем, отдавая свою теплоту, как зола в топке.

Но этот дом был одиноким.

Звук ее шпилек глухим эхом раздавался в самом сердце пустоты, ее учили, как следует правильно ходить спокойным шагом, когда она направилась к передней части дома, проходя мимо гостиной и библиотеки, комнаты отдыха и дамских комнат. Здесь ничего не было неуместным или не кстати, все было с тщательностью убрано, нигде не было ни пушинки или пылинки.

Двери в кабинет отца была открыта, и он поднял глаза от своего стола.

— А вот и ты.

Его руки рефлекторно легли на ручки кресла, врожденный такт, когда женщина входила или выходила, он всегда вставал. Но это был бессильный жест, сил у него уже не осталось, от чего стало грустно, он не мог уже сделать простое движение, но она решительно

проигнорировала это.

— Ты собираешься поехать сейчас или позднее? — спросил он, опустив руки на колени.

— Мы собираемся, — она обогнула стол и поцеловала его в щеку. — Пойдем.

Финансовый Комитет начнется через сорок пять минут.

Рейнольдс Винн Уилшир Смайт IV кивнул на угол стола.

— Я читал материалы. Дела идут хорошо.

— Мы немного мягки в Южной Америке. Думаю, что нам нужно...

— Саттон. Присядь, пожалуйста.

Нахмурившись, она заняла место напротив него, скрестив лодыжки под столом и поправляя свой костюм. Как обычно, она была одета в Армани, персикового цвета, один из любимых своего отца.

— Что-то не так?

— Пришло время объявить о нашем решении.

От его слов она пришла в ужас и ее сердце замерло.

Позже, она будет вспоминать каждую мелочь, как они сидели друг напротив друга в его кабинете... насколько он был красив с седой шевелюрой в своем прекрасно сшитом костюме в тонкую полоску... и как ее руки, так же как и его, лежали на коленях.

— Нет, — категорически ответила она. — Еще не время.

Рейнольдс попытался протянуть к ней руку, но его ладонь шлепнулась на кожаное пресс-папье, и на мгновение Саттон захотелось закричать. Вместо этого, она проглотила свои эмоции и соединила с ним руки на середине, склонившись над великим простором его стола, подминая кипы бумаг.

— Моя дорогая, — он улыбнулся ей. — Я так горжусь тобой.

— Остановись, — она сделала вид, что поглядывает на запястье на свои золотые часы. — Мы должны идти, чтобы встретиться с Коннором, прежде чем мы начнем...

— Я уже сказал Коннору, Лакшми и Джеймсу. Пресс-релиз будет опубликован в «Таймс» и «Уолл Стрит Джорнал», как только в твоей трудовой договор будут внесены изменения. Лакшми займется этим, как мы и говорили. Это уже не касается только меня и тебя.

Саттон почувствовала холодок страха, такой же, когда у вас начинают волосы вставать на затылке, и вы начинаете усиленно потеть.

— Нет. Это не законно. Договор должен быть ратифицирован правлением.

— Они приняли его вчера вечером.

Она откинулась на спинку кресла, сосредоточившись. Жесткое кресло впилося в лопатки, и по какой-то нелепой причине она подумала о количестве рабочих по всему миру. Тысячи и тысячи. И сколько они производили бутылок, перегоняя бурбон, различное вино, а потом водку, джин и ром, разной ценовой категории. Десять миллиардов в год это почти четыре миллиарда валовой прибыли. Она вспомнила, как ее брат как-то ее спросил, как она чувствует себя по этому поводу.

Винну еще два года назад было объявлено, как будут разворачиваться события в семейном бизнесе. И он отлично понимал, что она единственная в их семье, не считая отца конечно, была с головой, заточенной на бизнес.

Саттон посмотрела на отца... и тут же забыла о корпорации.

Ее взор затуманился слезами, она отбросила всю воспитанность и вернулась в тот момент, когда потеряла свою мать.

— Я не хочу, чтобы ты умирал.

— Как и я. И я не собираюсь никуда уходить, — он невесело засмеялся. — Но болезнь Паркинсона прогрессирует, и я боюсь, что это более похоже на правду, чем мне бы хотелось.

— Я могу сделать что-нибудь? — прошептала она.

Он кивнул.

— Я не отдам тебе свою позицию, потому что ты моя дочь. Любовь хороша в семье, но не приветствуется в бизнесе. Ты сменишь меня, потому что ты именно тот человек, который поведет нас в будущее. Все очень отличается от того, когда мой отец передал мне свой кабинет. Сейчас все... настолько глобально, настолько нестабильно при жесткой конкуренции. И ты понимаешь эти проблемы.

— Мне нужен еще один год.

— У тебя его нет, прости, — он снова двинул своей рукой, а затем стиснул зубы от разочарования... потом взял себя в руки, скрыв свои мучения. — Запомни это. Я не зря потратил последние сорок лет своей жизни стремясь превратить кого-то в того, кто не подходит для этой работы. Ты можешь это сделать. Кроме того, ты *сделаешь* это. У тебя просто нет другого выбора, ты должна преуспеть.

Саттон опустила взгляд на их переплетенные руки. Он все еще носил свое простое золотое обручальное кольцо. Отец не женился второй раз. Он даже ни с кем не встречался. Он спал с ее фотографией, стоящей рядом с кроватью на тумбочке, и ее ночные рубашки до сих пор висели у него в шкафу.

Такая романтическая дань может и была настоящей любовью. И фактически одна часть его была скорее всего преданностью и уважением к его умершей жене, а вторая часть — болезнью, подтачивающей его здоровье, может это и было его данью.

Болезнь Паркинсона оказались изнурительной, тоскливой и страшной. И она тоже была существующей реальностью, богатые люди не живут в специальном классе, они тоже подвержены прихотям судьбы.

На самом деле, за последние пару месяцев ее отец заметно стал более медлительным, и в дальнейшем все будет только усугубляться, пока он не окажется прикован к постели.

— Ах, папа... — выдохнула она.

— Мы оба знали, что так произойдет.

Сделав глубокий вдох, Саттон поняла, что это был единственный раз, когда она показала свою уязвимость. Это был ее единственный шанс честно признаться, насколько ей страшно — в тридцать восемь лет встать у руля огромной корпорации, на которой покоится успех ее семьи... а также смотреть в лицо смерти своего отца.

Смахнув слезу, она увидела мокрое пятно на пальце и сказала себе, что больше не будет слез, как только она выйдет из дома. Как только она доберется до штаб-квартиры, все будут внимательно рассматривать ее, оценивая в качестве нового лидера. И да, выползут змеи из-под деревьев, пытаясь подорвать ее и появятся люди, которые не воспримут ее всерьез, потому что она женщина и член семьи, а ее собственный брат скорее всего разозлится.

Что не менее важно, она не могла теперь показывать свою слабость даже перед отцом. Если она проявит слабость, он будет беспокоиться, правильный ли выбор сделал и, возможно, можно только предположить... стресс не поможет в его состоянии.

— Я не позволю нам упасть, — сказала она, встретившись с ним взглядом.

Облегчение отразилось на его красивом лице, и его взгляд был настолько открытым, непосредственным, что чуть ли не заставил ее опять заплакать. Но он был прав — она уже не

могла позволить себе так открыто проявлять свои эмоции.

Любовь касалась семьи, но для бизнеса она не подходила.

Поднявшись на ноги, она обошла стол и обняла его, а когда выпрямилась, расправила плечи.

— Я хочу продолжать использовать тебя, как консультанта, — заявила она. И было смешно услышать, но ее тон уже не был похож на просьбу, обычно она не так разговаривала со своим отцом. Скорее тон напоминал, так генеральный директор разговаривает со своим предшественником.

— Всегда, — пробормотал он, склонив голову. — Это было бы честью для меня.

Она кивнула и отвернулась, прежде чем он увидел «трещины» на ее фасаде. Саттон уже была на полпути к двери, когда отец произнес:

— Твоя мама сейчас улыбается.

Саттон остановилась и чуть не заплакала. О, ее мама. Зачинщица, всегда борющаяся за права женщин, когда это не приветствовалось на Юге, в их родной семье.

Да, ей бы очень понравилось, что она стала генеральным директором — это правда. Это было все, за что она боролась и требовала.

— Я не из-за этого выбрал тебя вместо брата, — добавил он.

— Я знаю, — все они знали, почему Винн не тянул на эту должность. — Я на конференц-связи с тобой во время финансового заседания, даже если ты и здесь. Я ожидаю, что ты внесешь свой вклад, как всегда делал.

Опять же, это прозвучало, как не просьба.

— Конечно.

— Ты будешь участвовать в заседании правления, как член правления в отставке. Я назначаю тебя, это первое мое официальное назначение к следующему заседанию правления. И ты также будешь участвовать в заседаниях исполнительного комитета и на всех заседаниях трастового фонда, пока будешь жив.

Пока она говорила все время продолжала смотреть в сторону.

Довольный смешок ее отца был полон отцовской гордости, он явно правильно передал свои бразды правления от бизнесмена-к-бизнесумен, она снова начала усиленно моргать.

— Все, что пожелаешь.

— Я буду дома в семь вечера к ужину. Мы поедем у тебя в комнате.

Обычно к этому времени он лежал в постели, устав от борьбы за восстание своего тела.

— Я с нетерпением буду ждать.

Саттон направилась к двери его кабинета, потом остановилась, оглянувшись назад. Рейнольдс казался таким маленьким за своим столом, даже несмотря на физические изменения этого мужчины, сама мебель осталась прежней.

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, почти так же сильно, как любил твою маму.

Саттон улыбнулась. И продолжила свой путь, взяв портфель у столика рядом с дверью, прежде чем выйти в теплое майское утро.

У нее дрожали ноги, когда она одна шла к Bentley Mulanne. Она представляла, как раньше отец обгонял ее на своей электроколяске, издающий зzzзжжжж, звук, который она решительно старалась игнорировать.

— Доброе утро, мисс Смайт.

Дон в униформе водителя, был шофером ее отца в течение двух десятилетий. Он открыл

перед ней заднюю дверь, стараясь не встречаться глазами... не из неприязни или недоверия.

Конечно, он уже все знал.

Она сжала его руку.

— Вы будете на этом месте столько, сколько будете в состоянии работать.

Мужчина выдохнул с облегчением.

— Все для вас.

— Я заставлю его гордиться мной.

В этот момент он посмотрел на нее. В его глазах мерцали слезы.

— Да, вы сделаете это.

Кивнув, она села в машину, дверь с приглушенным стуком закрылась. Мгновение спустя они двинулись с места через внутренний дворик, выезжая за пределы поместья.

Как правило, она обсуждала с отцом дела, пока они добирались в другой конец города, она взглянула на пустое сиденье рядом, ее вдруг осенило, что за день до этого они в последний раз вместе ездили в штаб-квартиру корпорации. Последняя поездка... она не думала, что она последняя.

Не так должно было все произойти.

Она думала, что будет еще много у них всего впереди, его постоянное наставничество и бесконечные поездки бок о бок.

Маячивший отказ от должности по-своему прекрасен, пока ты не войдешь в курс дела, не так ли? Но когда ты выходишь из своего теплого пруда заблуждения, реальность вызывает дрожь, которая холодным жалом кусает тебя. И если бы перегородка была опущена, отделяющая салон от водителя, она бы, наверное, сильно рыдала, причем с такой силой, словно собиралась на похороны отца.

Вместо этого она опустила ладонь на сиденье, на котором он всегда сидел и посмотрела в тонированное стекло. Они двигались по Ривер-Роуд, присоединившись к потоку машин, которые направлялись к живым артериям города, к магистралям и мостам делового района Чарлмонта.

Существовал только единственный человек, которому она хотела бы позвонить. Единственный мужчина, чей голос она хотела бы слышать. Единственный... способный понять ее на подсознательном уровне, что она чувствует в данный момент.

Но Эдвард Болдвейн больше не интересовался производством бурбона. Он больше не был наследником их конкурента, также как и не был ее «двойником» со своим сарказмом, сексуальностью, раздражением, которого она так долго желала.

И несмотря на то, что он был вторым в компании «Брэдфорд Бурбон», он дал ясно понять, что не хочет иметь с ней никаких отношений.

Несмотря на ту, сумасшедшую встречу... в коттедже сторожа в конюшнях в Red & Black.

Она до сих пор не могла поверить в случившееся.

После стольких лет фантазий, она наконец-то была с ним...

Саттон с трудом вытянула себя из этой черной дыры, вспоминая их последнюю встречу, когда они сидели в его грузовике, возле ее дома, и спорили по поводу ипотеки, которую она предоставила его отцу, буквально за день, как умер Уильям.

Вот вам и готовый материал для фильмов Hallmark.

Но несмотря на все, Эдвард все равно был тем, с кем она хотела бы поговорить, он был единственным человеком, кроме ее отца, чьим мнением она дорожила. По крайней мере, до его похищения. Она бы обязательно сразу же позвонила ему, и он бы ответил на первый же

ее звонок и поддержал бы, а с другой стороны, поставил бы ее на место.

Он был именно таким.

И тот факт, что он уже не был таким, как прежде.

Еще на одну потерю больше.

Еще одно, о чем следует сожалеть.

Еще один кусочек траура.

Она положила голову на подголовник и посмотрела на реку, и ей захотелось, чтобы все было как тогда.

— О, Эдвард...

Семюэль Ти. гнал жалкие пятнадцать или шестнадцать миль в час свой старинный кабриолет Ягуар вниз по дороге вдоль реки. Движение было не медленнее и не быстрее, чем обычно, но он был немного расстроен по поводу задержки в пути, поскольку в это утро ему предстояло проделать весь путь из своей адвокатской конторы в центре города в поместье Чарлмонт. Нет, сегодня он не мог не поехать, так как предстояло встретиться с одним из своих клиентов.

Хотя, если честно, Лейн скорее был семейным клиентом, чем обычным.

Большое поместье на холме было слева от него, а мутные воды реки Огайо — справа, а сверху было молочно-голубое небо, обещавшее еще один жаркий, влажный майский день. Мягкий бриз от воды трепал его волосы, благодаря открытому верху, он включил местную классическую радиостанцию, чтобы послушать лучший 9-й ноктюрн Шопена. номер 2.

Он подыгрывал левой рукой на своем бедре, продолжая вести машину, но имитировал игру довольно-таки правильно.

Если бы он не был адвокатом, как его отец, дяди и его дед, он был бы пианистом, исполняющий классическую музыку. Увы, не судьба... и не только из-за адвокатского наследия. В лучшем случае, он был способен поразить воображение обычных граждан своей игрой на пианино на вечеринках или во время Рождества, но был недостаточно талантлив, чтобы тягаться с профессионалами.

Он взглянул на пассажирское сиденье, где лежал старый портфель, которым пользовался его двоюродный дед, Ти. Бомонт Лодж-младший, как и его автомобиль, портфель был классический и принадлежал более ранней эпохе. Коричневый с множеством потайных отделений, поношенный, местам потертый на ручке и наверху было золотое тиснение инициалов. Но портфель был ручной работы, сделанный мастером Кентукки, долговечный и выглядел довольно-таки хорошо, несмотря на свой возраст, и также как во времена его дяди, он был наполнен записками, заметками и обращениями в суд.

В отличие от времен Ти. Бомонта, в нем был MacBook Air и сотовый телефон.

Семюэль Ти. собирался когда-нибудь передать портфель дальнему родственнику. Возможно, также и немного своей любви к фортепиано.

Но по поводу своих собственных детей он не задумывался. Не задумывался ни по поводу брака, ни по поводу детей вне брака, не потому, что он был религиозен и совсем не потому, что *«Лоджи просто так не делают»*, хотя последнее, конечно, верно.

А потому, что он был достаточно умен, чтобы понять, что он неспособен быть отцом, поэтому он отказался делать то, в чем преуспеть не мог.

И в результате этого жизненного принципа, вот почему он был отличным адвокатом. Фантастическим плейбоем. И высокоинтеллигентным пьяницей самого изысканного общества.

Все это можно было считать своего рода комплиментом, что он не стал папой года, не были они...

— Мы прерываем наш эфир последними новостями. Уильям Болдвейн, шестидесяти пяти лет, главный исполнительный директор компании «Брэдфорд бурбон», умер в результате самоубийства. Многочисленные анонимные источники сообщают, что тело было найдено на реке Огайо...

— Ох... *черт*, — пробормотал Семюэль Ти., потянувшись вперед, чтобы прибавить звук радиостанции.

В докладе не было ничего существенного, никакой ценной информации, но все детали были верны насколько Семюэль Ти. мог судить. Очевидно, их усилия были направлены на то, чтобы кратко рассказать эту историю, пока они не будут готовы выйти в эфир с более подробной информацией.

— ...обвинение в семейном насилии, выдвинутое против Джонатана Тулейна Болдвена, его женой Шанталь Болдвейн всего несколько дней назад. Миссис Болдвейн была госпитализирована в отделении реанимации пригородной больницы Болтон с синяками на лице и следами на шее. Вначале она обвинила мужа в нанесении ей телесных повреждений. Она отказалась от своих показаний, после того, как полиция не стала возбуждать дело против мистера Болдвейна в связи с отсутствием улик...

Семюэль Ти. слушал остальную часть отчета, посматривая на самый высокий холм.

Истерли — историческое поместье семьи Брэдфордов представляло собой величественное зрелище, стоящее на вершине холма. С видом на реку Огайо, особняк в федеральном стиле был выбелен, как гранд-дама, с сотней окон, соединенных блестящими черными ставнями, с большим количеством дымоходов и главным входом, который был настолько грандиозным, что Брэдфорды сделали его логотипом своей компании. Террасы раскинулись во все стороны, ухоженный сад, полный различных цветов и фруктовых деревьев, а также большая магнолия с темно-зелеными листьями и белыми цветами величиной с голову человека.

Особняк был построен, когда Брэдфорды только заработали деньги. Теперь на тех банковских счетах уже появился зеленоватый налет возраста, но все короли начинали когда-то как нищие, и все великие династии были когда-то нуворишами. Термин «аристократ» измерялся тем, как далеко вам пришлось пройти, чтобы добраться до такой вершины.

А также он зависел еще и от того, как долго вы были в состоянии сохранить свое место в будущем.

По крайней мере, Брэдфордам не придется беспокоиться о деньгах.

Поместье Брэдфордов, раскинувшееся на многие акры имело два въезда. Один для персонала, который ухаживал за садами и овощными поля, и вел к гаражам и задней части особняка, и официальный — для избранных, для семьи и их гостей. Семюэль Ти. выбрал последний, Лоджи пользовались им уже столетия, и поднимаясь на холм, он взглянул на себя в зеркало заднего вида.

Хорошо, что он был в очках. Иногда не стоит видеть собственные глаза.

«Джин, наверное, завтракает, — подумал он, подъезжая к дому. — Со своим новым женихом».

Выбравшись из машины, он прошелся рукой по волосам, чтобы убедиться, что они не взъерошены и взял портфель своего двоюродного деда. Его костюм в сине-белую полоску красиво облегал его фигуру, и ему не стоило беспокоиться о галстуке. Он побеспокоился о нем, прежде чем покинул свою спальню.

— Доброе утро!

Повернувшись на своих лоферах ручной работы, он поднял руку, блондинка шла по дорожке. Лиззи Кинг толкала перед собой тачку, наполненную плющом, покрасневшая, что было лучшей рекомендацией порядочности женщины, которую он когда-либо видел.

Неудивительно, что Лейн был в нее влюблен.

— Доброе утро, — с легким поклоном произнес Семюэль Ти. — Я здесь, чтобы встретиться с твоим мужчиной.

— Он должен быть здесь с минуту на минуту.

— Ах... тебе помочь? Как джентльмен и фермер, я чувствую себя обязанным предложить.

Лиззи рассмеялась и продолжила везти тачку.

— Грета и я справимся. Спасибо.

— А я подожду твоего мужчину, — ответил Семюэль Ти., поднимая свой портфель.

— Спасибо, — негромко сказала она.

— Не волнуйся. Я сделаю так, что Шанталь уедет... и сделаю это с удовольствием.

Он подошел с другой стороны ко входу в особняк. Бледные каменные широкие ступеньки истерлись со временем и стали неглубокие, и они привели его к коринфским колоннам рядом с блестящей черной дверью, на которой в виде молотка была морда льва.

Семюэль Ти. не стал заморачиваться с формальностями. Он открыл дверь и вошел в фойе, такое большое, что в нем можно было играть в боулинг.

— Сэр, — раздался британский акцент. — Вас ожидают?

Ньюарк Харрис был самым последним в длинной линии дворецких, в своем текущем воплощении, обученный в Bagshot Park по ту сторону Атлантики, или что-такое Семюэль Ти. слышал о нем. Англичанин был очень далек по характеру от Девида Суше, игравшего Эркюля Пуаро, официозный, зажатый, как брюки, и туманно неодобрительно относившийся к американцам, у которых он служил. В своем черном костюме, белой рубашке и черном галстуке, он выглядел так, будто находился здесь еще с тех пор, когда построили этот особняк.

Увы, это была только видимость. Но у него было чему поучиться.

— Всегда, — улыбнулся Семюэль Ти. — Меня ждут здесь всегда. Так что, если вы извините меня, я пойду.

Темные брови англичанин выстрелили вверх, но Семюэль Ти. уже поворачивался к нему спиной. Столовая была справа и в исходящем аромате, он уловил запах знакомого парфюма.

Он приказывал себе держаться подальше. Но, как обычно, не мог.

Когда дело касалось молодой Вирджинии Элизабет Болдвейн, в скором времени Пффорд, ему никогда не удавалось дистанцироваться от нее на очень долго.

Это был его единственный недостаток.

Вернее, единственная черта характера, которая беспокоила его.

Шагая по черно-белому мрамору, он вошел в длинную, великолепную столовую с настроением, словно только что уволил дворецкого.

— Ну, разве это не романтично. Обрученные вместе наслаждаются утренней трапезой.

Голова Ричарда Пффорда поднялась от яиц и тостов. У Джин, между тем, не было никакой реакции... по-видимому, так и было. Но Семюэль Ти. улыбнулся увидев, как у нее побелели суставы пальцев, пока она держала кофейную чашку... и, чтобы еще больше ее позлить, он чуть не произнес с удовольствием, что официально сообщили о самоубийстве ее отца.

Она была жестока с ним, чем же он был лучше.

И пока Ричард о чем-то трепался, он рассматривал длинные темные волосы Джин, спадающие на ее шелковую блузку в цветочек, и шарф вокруг ее шеи, и идеальную осанку ее шикарного телана стуле Чиппендейла. Общий эффект, словно ее специально так посадил

великий художник, собираясь писать ее портрет. Ну что здесь можно сказать, если не затрагивать нравственность, Джин всегда выглядела стильно. Начиная от черт лица. Превосходства Брэдфордов. И красота.

— ...приглашение скоро, — ответил Ричард. — Мы ждем, что вы примете участие.

Семюэль Ти. взглянул на «скелет», сидящий напротив нее.

— О, на вашу свадьбу? Или мы говорим о похоронах ее отца? Я немного перепутал.

— На наше венчание.

— Ну, для меня большая честь быть в списке, который несомненно будет очень эксклюзивным, как Википедия.

— Ты не обязан приходить, — тихо сказала Джин. — Я знаю, что ты очень занят.

Он увидел кольцо у нее на пальце и подумал: «*Да, она хорошо устроилась*». Он, конечно, не смог бы позволить себе купить драгоценность такого размера, хотя он не был голодранцем. Деньги Пфорда были на уровне с Брэдфордами.

Да, это было чертовски страшно для нее прыгнуть в спасательную шлюпку, которую она выбрала. Но безопаснее, нежели попробовать плавать с акулами.

— Я не пропущу такое событие за все дары мира, — пробормотал Семюэль Ти. — Уверен, *эта дочь твоя* тоже сейчас волнуется, поскольку наконец приобретет отца.

Джин побледнела, он же отказывался чувствовать себя неловко от своих слов. Так же как и Джин в значительной части своей жизни, но «эта дочь» Амелия была ошибкой, результат одной из ее интрижки после того, как она отправилась в институт, ее животрепещущее неправильное решение, он как раз понял, но она поставила в трудное положение родителей и едва закончила образование.

Почему он не мог просто ненавидеть ее? Семюэль Ти задумался. Бог знал, что у него для это имелось достаточно оснований.

Ненависть никогда не была для него проблемой, однако не с ней.

— Знаете, — с подчеркнутой медлительностью произнес Семюэль Ти., — я сильно завидую вам. Брак — это такая прекрасная вещь.

— Как и развод Лейна? — сказал Ричард. — Вот почему ты здесь, не так ли?

— Это другое. Ты же знаешь, один из трех браков заканчивается разводом. Но вас это не коснется. Так потрясающе увидеть истинную любовь в живую. Вы — путеводная звезда для всех нас.

Брови Ричарда приподнялись.

— Я не думал, что ты хочешь остепениться.

— Я не про данный момент. Но девушка моей мечты не где-то там. Я просто знаю это.

Это не было ложью. К сожалению, она собиралась выйти замуж за этого мудака, с которым завтракала... и термин, который лучшего всего подходил к роли Джин в жизни Семюэля Ти. назывался «ночной кошмар». Но он собирался ответить на их приглашение. Он будет там, когда она пойдет к алтарю с этим мудаком, просто чтобы напоминать себе о реальности их отношений.

Послышался звук мощного двигателя, просочившийся через одинарные старинные оконные рамы, Семюэль Ти кивнул счастливой паре.

— Мой клиент прибыл. Я могу узнать двигатель Porsche в любом месте. Это звук напоминает мне звук женского оргазма, который вы никогда не забудете.

Направившись к арке, он остановился.

— Что касается вас, Ричард, тебе стоит поработать в этом направлении. Удачи, и

позвони мне, если тебе потребуется инструкция. Я дал ей ее первый оргазм.

Лейн подъехал к Истерли на своем 911 и припарковался рядом с классическим бордовым Ягуаром адвоката.

— Какой вид, — сказал он, выходя.

Лиззи оторвалась от посадки плюща, перед которым стояла на коленях. Вытирая лоб рукой, она улыбнулась.

— Я только начала сажать пять минут назад. Через час будет выглядеть намного лучше.

Он пошел по подстриженной траве. Где-то вдалеке слышалось жужжание газонокосилки, треск электрических кусачек, низкий шум от воздуходувки, сгоняющей листья.

— Я не говорю о посадках, — наклонившись, он поцеловал ее в губы. — Где...

— *Guten Morgen*.

Лейн выпрямился и попытался скрыть свою гримасу.

— Грэта. Как дела?

Партнерша Лиззи вышла из-за большого дерева магнолии, он попытался взять себя в руки в присутствии немки. С короткими светлыми волосами, черепаховыми очками и своим серьезным отношением, Грета фон Шлибер была способна на великие подвиги в садоводстве... и глубокому, неизменному недовольству.

Когда она ответила ему на немецком, он понадеялся, что она пожелала ему хорошего дня, а не пианино, готовое упасть ему на голову.

— Я должен встретиться с Семюэлем Ти., — сказал он Лиззи.

— Удачи, — Лиззи снова поцеловала его. — Если что я здесь, если понадобится.

— Ты мне нужна...

Фырканье Греты было похоже на фырканье лошади или на квохчущую курицу... и базака, которую она держала, была направлена ему в голову, и он воспринял это, как знак — лучше уйти. Поскольку это был его дом и дом его семьи, он не собирался связываться с немкой... но он также не хотел ей показать, что совсем не заслуживает от нее такого отношения.

И собственно время пришло, ему нужно установить свои собственные правила и прямо сейчас.

— По поводу развода, — сказал он Грете. — Моего развода. С Шанталь.

Ледяные голубые глаза пустили в него уйму кинжалов.

— Самое время. И ты покажешь мне бумаги, пока не высохнут чернила, *ja?*

— Грета! — вскрикнула Лиззи. — Он...

— Покажу, — Лейн направил палец на немку. — Чтобы вы убедились.

Направляясь к входу Истерли, он посчитал, что ему однозначно повезло, поскольку немка не стукнула его по макушке садовым совком. Но он имел в виду именно то, что сказал. Он собирался решить проблему со своей бывшей женой.

Огромная дверь открылась, и он готов был увидеть дворецкого, поэтому произнес:

— У меня встреча...

Но на пороге стоял Семюэль Ти., а не ужасный мистер Харрис.

Его адвокат улыбнулся, как том Форд, которым он мог бы быть.

— Точность находится рядом с благочестием.

— Поэтому я всегда опаздываю.

— На мой взгляд, это единственная вещь, которая присутствует во мне.

Они хлопнули друг друга по рукам и по плечу.

— Я хочу выпить, Сэм.

— Вот почему мне нравится быть адвокатом своих друзей. Особенно тех, чей бизнес связан с выпивкой.

Лейн повел его в гостиную.

— Друзей? Мы почти что семья.

— Нет, она выходит замуж за другого, — он оглянулся, Семюэль Ти. помахал рукой. — Не совсем это, я имел в виду.

«Вот дерьмо», — мелькнула мысль у Лейна. Но он давно перестал вмешиваться в непонятные отношения сестры Джинны с Семюэлем Ти. Эта пара напоминала ему Скарлетт и Ретт*, если у того убрать усы и добавить пару сотовых телефонов. И, черт возьми, даже с финансами и то было очень похоже, Джин могла бы сделать себе даже бальное платье из шпур. В этой комнате они были бледно-желтые, цвет ей бы понравился. * («Унесённые ветром» (англ. *Gone with the Wind*) — роман американской писательницы Маргарет Митчелл, события которого происходят в южных штатах США в 1860-х годах, во время (и после) гражданской войны.)

Взяв бутылку Family Reserve, Лейн наполнил наполовину бокалы Уотерфорд льдом и наполнил жидкостью. Оба они любили бурбон и могли выпить одним глотком, поэтому Лейн взял с собой бутылку, рухнув на обтянутый шелком диван.

— Итак, что у нас есть, Семюэль Ти., насколько все плохо... сколько мне это будет стоить.

Его адвокат опустился напротив, по другую сторону от мраморного камина. Над камином висел портрет второго предка Илии Брэдфорда, который построил Истерли, показывая тем самым, что семья имеет огромное богатство, и казалось, пристально поглядывал на них сверху.

— Ты слушал сегодня утром радио? — спросил Семюэль Ти.

— Нет.

— Они сообщили обо всем, ну почти обо всем, — Семюэль Ти поднял ладонь. — О самоубийстве твоего отца, но не про беременность Шанталь. И я слышал об этом по всем местным радиостанциям по пути сюда. Прости... но я должен тебе сказать, что завтра это будет во всех газетах. В Интернете должно быть уже полно обсуждений.

Лейн потер глаза.

— Черт побери. Это Шанталь, кто слил эти новости?

— Я не знаю. Сообщалось об «анонимных» источниках. Я поговорю с шерифом Рэмси и посмотрю, что смогу узнать.

— Это не парни Митча, я могу точно тебе сказать. Он убил бы их за это.

— Согласен. И я не думаю, что это твоя бывшая. Если это Шанталь, она бы наоборот апеллировала бы своей беременностью. Если бы она на самом деле хотела бы нас поиметь, она бы трясла бы этой новостью, как знаменем... хотя учитывая ее выбор адвоката, понятно, что она не намерена так спокойной сдаться.

— Кого она наняла?

— Рейчел Пратер.

— Кто это?

— Думаю, это смесь Глории Оллред с Халком... хотя последнее не относится к внешности, а скорее к характеру, если ее разозлить. Ее не было в Атланте, но она позвонила

мне вчера в десять часов вечера. Я был уже впижаме. Женщина, с которой я не имел дел. (Глории Оллред родилась: 3 июля 1941 г. (75 лет), Филадельфия, Пенсильвания, США, самый известный адвокат-женщина Америки.)

Лейн мог только представить.

— Они не теряли времени зря, я вижу. Сколько они хотят?

Семюэль Ти поднял свой стакан.

— Знаешь, это на самом деле лучший бурбон, который я когда-либо пил. Такой насыщенный, бога...

— Сколько?

Глаза Семюэля Ти переместились на журнальный столик.

— Половину, записанного на твое имя, что составляет около восьмидесяти миллионов долларов.

— Она рехнулась?

— Да, но перефразируя Шанталь, у нее имеется информация, которую ты не хотел бы, чтобы о ней узнала пресса, — Лейн ничего не ответил, и Семюэль Ти указал на очевидное: — ее беременность — это большая проблема в этой ситуации... в другой ситуации, я мог бы воспользоваться этим, чтобы уменьшить алименты.

— Ее будущий ребенок всего лишь один проблемный вопрос.

— Из-за этого твой отец покончил жизнь самоубийством? — тихо спросил Семюэль Ти.

— Не знаю, — Лейн пожал плечами, думая, что ему нужно подготовить чертовый список. — Как бы то ни было, я не соглашусь на такие условия, Семюэль. Этого не случится.

— Послушай, мой тебе совет, особенно учитывая... обстоятельства ее и твоего отца? — Семюэль Ти, казалось, еще сделал один глоток бурбона. — Я думаю, что тебе следует заплатить деньги... честно я сам не могу поверить, что такое говорю. Я был готов бороться с ней за все, кроме обручального кольца, которое она может оставить себе. Но репутация вашей семьи должна остаться непоколебимой. Я знаю, что это ударит по вашей прибыли, но с бурбоном, продающемся сейчас, за три года, а может и меньше, ты вернешь себе все. Сейчас не время занимать такую принципиальную позицию по многим причинам... особенно если ты решил двигаться вперед со своей садовницей.

— Она ландшафтный дизайнер, и не только садовник, — проскрипел Лейн.

Семюэль Ти поднял ладони.

— Прими мои извинения, что касается Шанталь, я подготовлю жесткий договор о неразглашении, заставлю ее отречься от родительских прав со стороны отца и обеспечу не возможность контакта для нее или ребенка с любым, живущем под этой крышей...

— Даже если Шанталь подпишет нечто подобное, я не подпишу документы на развод.

— Лейн, не будь ослом. Эта женщина из тех адвокатов, которая будет выискивать информацию о тебе и твоей семье, сообщая ее прессе, ты готов к этому? Твоя мать не знает о беременности, не так ли? — Лейн отрицательно покачал головой, Семюэль Ти продолжил:

— Тогда давай сделаем так, чтобы она как можно дольше об этом не узнала.

Лейн представил женщину, которая родила его, лежащую наверху в одурманенном состоянии на шелковом постельном белье. У него существовал соблазн поверить, что он мог удержать ее изолированной от этого дерьма, но медсестры, ухаживающие за ней круглыми сутками, жили в этом мире, читали газеты, слушали радио и в конце концов, имели свои телефоны, где можно было найти все.

Но существовала гораздо большая проблема, чем эта.

Ирония заключалась в том, наливая Family Reserve в свой стакан, он сказал:

— У нас нет денег.

— Я знаю, что есть пункт расточительства, что касается твоего трастового фонда. Мой отец вставил его туда. Но он имеет силу только, если ты получишь иск от третьего лица. В твоём случае, твой трастовый фонд может сделать план выплат. В конце концов, купить молчание, вероятно, будет дешевле, чем информация в прессе. У тебя очень придирчивые и дотошные управители трастового фонда, которые стоят за чистоту семейных уз, не воспринимая любовниц, а тем более вопрос самоубийства для них является уголовной слабостью...

— У нас имеются более серьезные проблемы, Семюэль Ти., чем беременность. Почему ты думаешь, Джина выходит замуж за Ричарда?

— Потому что ей нужен мужчина, которого она сможет контролировать.

— Потому, что ей нужны деньги.

При других обстоятельствах было бы забавно смотреть на замешательство, которое произошло на лице его старого друга.

— Что ты...? Простите, что?

— Мой отец покончил жизнь самоубийством по многим причинам, и кое-какие связаны с финансами. Он создал ху*еву тучу проблем, я не могу даже оплатить бытовые счета, и боюсь, что компания «Брэдфорд бурбон» не имеет сейчас наличных. У меня, буквально, нет денег, чтобы заплатить Шанталь сейчас или со временем.

Семюэль Ти. покрутил свой бурбон в стакане, затем произнес:

— Прости меня, но... я не в состоянии это переварить. Что насчет трастового фондового твоей матери? Насчет...

— Мы должны на данный момент шестьдесят восемь миллионов. Это наш личный долг. И мне кажется, что это только верхушка айсберга.

Семюэль Ти. моргнул. Потом протянул свой пустой стакан.

— Прощу тебя, можно мне еще немного?

Лейн налил своему другу и себе.

— Здесь у меня находится мой друг из Нью-Йорка, который пытается прояснить ситуацию. Джефф Стерн, ты должен помнить его по университету.

— Хороший парень. Он не пил, как южанин, но в другом смысле, он классный.

— Он находится наверху и просматривает счета компании, пытаюсь выяснить, насколько все плохо. Было бы ошибкой считать, что мой отец не присвоил себе почти все. Около года назад он сделал мою мать недееспособной, и она подписала ему опекунство... только Бог знает, осталось ли что-нибудь.

Семюэль Ти помотал головой.

— Ты хочешь услышать мои соболезнования или то, что я на самом деле думаю?

— Лучше честно.

— Жаль, что твоего отца не кокнули.

— Прощу прощения? Хотя нет смысла спорить с тобой... я хотел бы быть тем, кто это сделал.

— В большинстве случаев политика не позволит тебе забрать его деньги, если это самоубийство, но если кто-то убил его? Пока ни один из бенефициаров не наложил лапу на его деньги, поэтому они будут твоими.

Лейн засмеялся. Он ничего не мог поделать.

— Знаешь, это не первый раз, когда я наивно думал об убийстве, когда дело доходило до этого человека...

С улицы послышался ужасный вопль, как выстрел.

— Какого черта? — рявкнул Семюэль Ти., они оба вскочили на ноги.

— *Scheisse! Meine Güte, ein Finger! Ein Finger...* (Черт! Боже мой палец! Палец...)

Лейн выскочил из дома с Семюэлем Ти. его бурбон выплескивался из бокала, и он в конечном итоге выплеснул его в кусты, перепрыгивая через каменные ступеньки. Справа от них Лиззи скорчилась над ямой, которую выкопала для плюща, рядом уже сидел в земле, посаженный плющ, а ее партнер Грета продолжала кричать на немецком языке и указывать на яму.

— Что случилось? — спросил Лейн, спустившись.

— Это..., — Лиззи сняла шляпку и посмотрела на него. — Лэйн... у нас проблема.

— Что...

— Палец, — Лиззи кивнула на только что выкопанную ямку. — Я на самом деле не думаю, что это палец.

Лейн покачал головой, словно ее слова не имели никакого смысла. Он опустил на корточки перед ямкой. Еще больше наклонившись, чтобы поближе рассмотреть в маленьком углублении земли...

Святое... *дерьмо*. Это был палец. Человеческий палец.

Он был в грязи, но было видно, что он был целым... мясистым, хотя и распух, поскольку был отрезан или... оторван, или еще что-нибудь. Ноготь был по-прежнему плоский и белый, как и сама кожа, но в месте, где он был оторван или отрублен был чистый срез, мясо внутри было серое, с бледной костью внизу.

Но что действительно его заинтересовало.

Тяжелое золотое кольцо, которое красовалось на этом пальце.

— Это кольцо моего отца, — сказал он совершенно спокойно.

— О... черт, — прошептал Семюэль Ти. — Просите и дастся вам.

Лейн похлопал себя по карману и достал телефон, но не набрал номер.

Вместо этого он посмотрел вверх, еще выше, потом еще выше... и увидел окно спальни матери прямо над этим местом, где был найден палец в земле. Лиззи опустила руку ему на плечо и сжала, Лейн взглянул на нее.

Не отрывая от нее глаз, он задал своему адвокату совершенно очевидный вопрос:

— Мы должны позвонить в полицию, верно?

Появились Джина и Ричард Пффорд в дверях дома, Семюэль Ти. приложил ладонь к лбу чтобы загородиться от солнца.

— Вы двое, возвращайтесь в дом.

Джин устала на мужчин.

— Что происходит?

Лейн кивнул, соглашаясь со своим адвокатом. Его особо не волновало увидит ли его сестра, но это не распространялось на Пффорда. Он не доверял ему.

— Ричард, пожалуйста, отведи ее в дом.

— Лейн? — Джин уже начала спускаться по ступенькам, но ее жених поймал ее за руку. — Лейн, что там такое?

— Я приду и все объясню, — это было сказано с натяжкой, потому что он на самом деле сам понятия не имел, что, черт возьми, происходит. — Ричард, я прошу тебя.

Пффорд стал тянуть ее обратно внутрь дома, но Джин вырвалась на свободу и побежала

через лужайку на своих высоких каблуках. Подойдя она взглянула в яму, выражение ужаса отразилось на ее красивом лице.

— Что это? — спросила она.

Семюэль Ти. встал рядом с Джин и тихо заговорил с ней. Потом направился с ней в сторону дома, он оглянулся через плечо.

— Ты вызовешь или я?

— Я.

Лейн провел по экрану своего iPhone, рассеянно заметив, что у него не дрожали руки и нажал цифру быстрого набора шерифа Рэмси. Раздумая, что он стал уже профессионалом по обнаружению неприятных сюрпризов и сообщению плохих новостей, и полиция стала слишком часто навещать его дом.

Эй, офицеры, давно не виделись. И чтобы вы чувствовали себя более комфортно, у нас всегда есть место для вас на парковки прямо перед парадной дверью.

Один гудок. Два гудка...

— Я как раз собирался тебе звонить, — сказал шериф вместо приветствия. — Тело твоего отца отдадут завтра... для кремации.

— Нет, не отдадут.

— Что, прости?

Лейн сосредоточился на бледном куске плоти, который виднелся в кентуккском черноземе.

— Мы нашли кое-что захороненное. Прямо под окном моей матери. Ты и твои ребята из отдела убийств не хотят вернуться сюда?

— О чем мы говорим.

— Это принадлежит моему отцу, насколько я могу судить.

На одно сердцебиение установилась тишина.

— Ничего не трогай. Я выезжаю. Ты вызвал уже полицию?

— Нет.

— Позвони им...

— ... чтобы было зарегистрировано в отчете.

— ... чтобы было зарегистрировано в отчете, — произнес Ремси.

Лейн жестко засмеялся.

— Теперь я уже знаю.

Они оба одновременно повесили трубки, Лейн позволил себе вернуться на лужайку, где Лиззи, он и Грета сидели полукругом вокруг ямку, которая напоминала ямку для костра, но зефира не было. *«Может это связано с привидениями»*, — подумал он.

Спустя мгновение из открытой парадной двери особняка послышались звуки ссоры, голос Джин становился громче, Семюэль Ти вторил ей в точно такой же тональности.

«Жаль, что твоего отца не кокнули».

Голос Семюэля Ти. отдавался эхом в голове Лейна, который пожалел, что выплеснул свой бурбон в изгородь из самшита у входной двери.

«Сейчас могут кардинально измениться правила игры», — подумал он про себя. Хорошо это или плохо, еще предстояло узнать.

— Эдвард, — прошептал Лейн. — Эдвард, что ты...

В округе Огден, Эдвард сидел, откинувшись на спинку стула Арчи Банкер и отказывался приветствовать своего посетителя.

— Вам не стоило приезжать сюда, совершенно нет никаких оснований.

Доктор Майкл Калби вежливо улыбнулся. Парню было тридцать пять, но выглядел он на двенадцать, по крайней мере, внешне, его красивое лицо и воронова крыла волосы давали неверное представление о его наполовину иракском происхождении, его зоркие, ничего не упускающие карие глаза видели все, их невозможно было ввести в заблуждение, думая, что можно воспользоваться его добротой. Его ум был настолько четкий, что он был живым Дуги Хаузером в медицинской школе и в ординатуре, а затем окончив, пошел помогать отцу с практикой в городе. *(Дуги Хаузер — история о мальчике-вундеркинде, который в 16 лет уже работает врачом в клинике. В коллизиях интересно и порой смешно сочетаются его взрослые проблемы, связанные с работой, и обычные подростковые.)*

Эдвард был их пациентом долгие годы, но он не платил членские взносы, поскольку он относился к Чарлмонту. Вежлив ли он был к нему или нет, казалось Калби не волновало.

— Я на самом деле не нуждаюсь в твоих услугах, — выпалил Эдвард. — И что за галстук на тебе, галстук «Эрудита»?

Доктор Калби посмотрел вниз на разноцветные шелковые ленты, которые свешивались у него с шеи.

— Да. Если я вам не нужен, почему бы вам не встать и не проводить меня до двери, как подобает джентльмену?

— Мы живем во времена персональных компьютеров. Мне не хотелось бы тебя оскорблять, но это может повлечь за собой нежелательную реакцию в интернете.

Доктор Калби кивнул Шелби, которая стояла позади него, скрестив руки на груди, как боец смешанных единоборств, ожидающий взвешивания.

— Она сказала, что вы все время спотыкались в конюшне.

— Можешь это сказать в пять раз быстрее, — Эдвард указал на старомодный черный саквояж в руке доктора. — Это на самом деле то, что я думаю, или бутафория?

— Он достался мне от моего деда. И наполнен вкусняшками.

— Я не люблю леденцы.

— Вам не нравится ничего из того, что я слышал.

Доктор прошел вперед и опустился на колени перед Эдвардом, ноги которого были обуты в тапочки с монограммой, единственные, которые подходили ему, учитывая жуткую боль и отек.

— Эти тапочки просто фантастические.

— Они моего деда. Я слышал, что мужчины из Кентукки никогда не покупают себе ничего нового, кроме жены. Послушать, так наши гардеробные наполнены хлебом и рыбой.

— Больно?

Изувеченное тело Эдварда дернулась в кресле, и он схватился за подлокотники, он прохрипел:

— Не очень.

— А сейчас?

Доктор переместил его щиколотку в противоположном направлении, Эдвард прошипел:

— Это расплата за мои женоненавистнические комментарии?

— Вы признаете, что вам больно?

— Только если ты коп, играющий в демократию.

— Я гордился бы этим.

Эдвард хотел бы продолжить с ним словесную перепалку, но его нейроны слишком

перенасытились сенсорной перегрузкой, и в этом не было ничего хорошего. Он крикнул и выругался, он был осведомлен по поводу Шелби, которая стояла в сторонке и с негодованием наблюдала за этим шоу.

— Вы можете попытаться согнуть ногу? — спросил Калби.

— Думаю, да.

После более двух часов пыток... ладно на самом деле двух минут, доктор Калби присел опять на корточки.

— Не думаю, что щиколотка сломана.

Эдвард посмотрел на Шелби.

— Вот видишь, представь себе это.

— Вывихнута.

Брови Шелби я-же-вам-говорила поднялись до ее волос, Эдвард неожиданно сказал доктору.

— Так поставьте ее на место.

— Вы сказали, что вывихнули ее в конюшне? Как вы попали сюда?

— Я пришел.

— Невозможно.

— Я был пьян.

— Ну, опять вы за свое. Мы должны доставить вас в ортопед...

— Я не поеду ни в какую больницу. Так что, либо вправьте ее, либо оставьте меня в покое.

— Я бы не рекомендовал вам. Вы должны...

— Доктор Калби, вы прекрасно знаете, что я пережил. Я провел в больнице такое количество дней, что хватит на всю мою оставшуюся жизнь. Довольно эффективно, правда. Так что нет, я не поеду в больницу.

— Лучше бы вам...

— *Primum non nocere.*

— Вот почему я хочу отвезти вас в город.

— И пост-скриптум — клиент всегда прав.

— Вы мой пациент, а не клиент. Ваше удовлетворение — не моя цель. Соответствующий уход и лечение.

Но Калби замолчал, и внимательно вперил свой взгляд в щиколотку, хотя было непонятно, то ли он раздумывал о дальнейшем обследовании или же ожидал, что пациента одумается.

— Я не могу сделать это в одиночку, — заключил он.

Эдвард кивнул на Шелби.

— Она сильнее, чем вы. И я уверен, что она хотела бы, чтобы я помучился, не так ли, дорогая?

— Что нужно сделать, доктор? — спросила она, подходя.

Калби уставился в лицо Эдварда.

— Если не будет *dorsalis pedis* или *tibialis posterior pulse* после того, как я вправлю, вы едете в больницу.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы единственный, кто легко бросается фразами на латыни. И это мои условия. Если вы отклоняете их, я уйду, но я также обращусь в социальные сети, представив вас, как

недееспособного и отстающего в развитии, саркастического человека, потом вы сможете повеселиться с вашими домочадцами над бурей, которая там поднимется.

— Ты не посмеешь.

— Попробуйте меня остановить, — последовал спокойный ответ.

«Вот тебе и детское лицо, на мою задницу», — подумал Эдвард.

— Ты жестко ведешь переговоры, доктор.

— Только потому, что вы ведете себя смехотворно.

И спустя несколько минут Эдвард завернул на тощих ногах свои джинсы, открыв искореженную ногу, согнутую в колене, и Шелби захватила руками с двух сторон его убогие колени. Из-за травмы бедра в прямом положение ноги не будут работать, как бы не хотел доктор.

— На счет три.

Эдвард собрался с силами и посмотрел прямо перед собой... на весьма впечатляющий зад Шелби. Да именно такой зад можно получить, когда всю жизнь занимаешься физическим трудом и вам всего лишь двадцать с небольшим.

Напротив на стене в кухне, начал звонить его старомодный телефон.

— Три.

Эдвард вскрикнул и раздался громкий щелчок. Но боль отступила и тупая боль тоже, причем быстро. И пока он дышал через нос, доктор Калби померил пульс на ножных артериях.

— Импульсы сильные. Похоже вам повезло, — он поднялся на свои нормально функционирующие ноги. — Но этот инцидент поднимает вопрос о том, где вы находитесь на пути вашего выздоровления.

— В этом кресле, — застонал Эдвард. — Я в этом кресле, это же очевидно.

— Вам следует вести более подвижный образ. И вы не должны заниматься самолечением прибегая к алкоголю. И вы должны...

— А слово «должен» разве не современная анафема? Я думал, что более подходит «на тот случай, если».

— Современная психология меня не интересует. Факт есть факт — вы не так слабы, как хотите показаться.

— Я так понимаю, что это означает, о рецепте на болеутоляющие не может быть и речи. Беспокойтесь, как бы второй член семьи не подсел на наркотики?

— Я не лечащий врач вашей матери. И уверяю вас, что я лечил бы ее не так, как они, если бы был ее лечащим врачом, — доктор Калби наклонился и взял свой саквояж. — Я призываю вас рассмотреть вопрос о коротком лечении в реабилитационном центре...

— Даже не думайте об этом...

— ...чтобы увеличить свою силу. Я также рекомендую лечение алкогольной...

— ...потому что я не верю в врачей...

— ...зависимости. Последнее, что вам нужно сделать...

— ...и в этом нет ничего плохого...

— ...это совмещение спиртного с этими препаратами.

— ...с моей выпивкой.

Доктор Калби достал визитку из кармана и протянул ее Шелби, сказав:

— Возьмите ее. Здесь мой телефон. Если вы продолжите жить с ним, вы позовете меня снова, это прямой номер, мы минуем автоответчик.

— Я не живу с ним, — тихо ответила она. — Я работаю здесь.

— Мои извинения за предположения, — доктор Калби взглянул на Эдварда. — Вы тоже можете мне позвонить. И нет... вам не нужно беспокоиться. Я знаю, вы скажете, что не будете.

Дверь за доктором закрылась и чуть позже отъехала машина. И в тишине Эдвард посмотрел на свою ногу, которая теперь была в правильном положении, а не под углом. По какой-то причине, он вспомнил поход сюда из конюшни, как он опирался на Шелби, как его израненное тело всей своей массой облакачивалось на ее потянутое.

Телефон зазвонил снова, Шелби взглянула на него.

— Вы хотите, чтобы я...

— Прости, — грубо произнес он. — Ты застала меня в тот момент моей жизни, когда я стал таким же, как твой отец.

— Ты не просишь меня позаботиться о тебе.

— Тогда почему ты заботишься?

— Кто-то же должен.

— На самом деле нет. А ты не хочешь спросить саму себя, не следует ли тебе уйти.

— Мне нужна эта работа...

Он встретился с ней глазами, и что-то в выражении его лица заставило ее молчать.

— Шелби. Я должен быть честным с тобой. Все будет еще хуже. Еще труднее.

— Так не пейте столько. Или остановитесь.

— Это не то, о чем я тебе говорю.

Ну, разве он не джентльмен. Пытается спасти ее жизнь, в то время, как его отравила в ад. И черт побери, он хотел бы, что телефон замолчал.

— Эдвард, ты пьян...

Телефон наконец замолчал, он просто покачал головой.

— Кое-что произошло у меня в семье. И это скоро будет известно всем. И тогда лучше, чем сейчас, уже точно не будет.

Проблема с щиколоткой будет совсем несущественным вопросом.

Послышалось, как к дому подъехал автомобиль, он закатил глаза.

— Калби должно быть, забыл свои манеры тут.

Шелби подошла к двери и открыла ее.

— Это кто-то другой.

— Если это длинный черный лимузин и на заднем сидении ты видишь розовый костюм от Шанель, скажи им...

— Это мужчина.

Эдвард холодно заулыбался.

— По крайней мере, я точно знаю, что это не отец пришел, чтобы увидеться со мной. Об этой маленькой головной боли Бог оправданно побеспокоился.

Эдвард посмотрел на открытую дверь и нахмурился, когда увидел, кто стоял на пороге.

— Шелби. Ты не оставишь нас на минутку? Спасибо.

На солнце у Истерли, Лейн закончил говорить с муниципальной полицией города и взглянул Семюэля Ти., который вернулся от парадной двери.

— Ладно, адвокат, — сказал Лейн. — У нас есть пятнадцать-двадцать минут перед тем, как прибудет команда. На данный момент я на «вы» с ними.

— У нас достаточно времени, чтобы скрыть улики в случае, если ты это сделал, — Лиззи и Грета вздохнули и уставились на Семюэля Ти., который закатил глаза. — Расслабьтесь. Это была шутка...

В этот момент Джефф Стерн с грохотом открыл дверь и вышел из особняка. Давний сосед Лейна по братству университету Виргинии выглядел таким же расслабленным и хорошо выспавшимся, как всегда, словно он не спал много ночей подряд, живя на кофе и анализируя финансовые таблицы.

Если сравнивать его с «Ходячими мертвецами» то, у него было больше шансов попасть на страницы журнала GQ.

— У нас есть проблемы, — сказал Джефф, подойдя к лужайке.

При других обстоятельствах, он казался действительно красивым парнем, само провозгласив себя анти-представителем «среднего класса» со своей гордостью еврейского народа и акцентом нью-джерси. Он окончил университет Виргинии по многим причинам, в основном из-за математических способностей и впоследствии пошел работать на Уолл-Стрит, чтобы ворочить огромными деньгами в качестве инвестиционного банкира.

Лейн провел последние два года на диване своего дружбана в Большом Яблоке. И он отплатил услугой за услугу упросив Джеффа взять «отпуск» и выяснить, какого черта, его отец сделал со всеми деньгами семьи.

— Это может подождать? — спросил Лейн. — Мне нужно...

— Нет, — Джефф взглянул на Лиззи и Грету. — Нам нужно поговорить.

— Ну, у нас есть пятнадцать минут, пока не приехала полиция.

— Так ты знаешь? Какого черта? Почему ты не сказал мне...

— Знаешь что?

Джефф снова посмотрел на двух женщин, но Лейн отрезал:

— Все, что ты хочешь сказать мне, может сказать при них.

— Ты уверен? — парень поднял ладони вверх, больше не выставляя никаких аргументов. — Хорошо. Кто-то еще воровал деньги у компании. Это не только касается твоей домашней бухгалтерии. Поток денег уходил из «Брэдфорд бурбон», если ты хочешь, чтобы что-нибудь осталось, тебе лучше обратиться в ФБР. Там есть реквизиты банка, но все очень противоречиво, большое дерьмо происходит, которое явно попадает под закон об инвестировании, полученных от рэкета капиталов, этим должны заниматься федералы.

Лейн посмотрел на Лиззи, она взяла его под руку, он спросил себя: *«Какого черта он будет делать без нее?»*

— Ты уверен?

Его давний друг метнул в него такой красноречивый взгляд.

— А я еще не прошел все до конца. Это плохо, очень плохо. Вам необходимо сообщить высшему руководству, остановить всю деятельность, а затем позвонить в ФБР и опечатать бизнес-центр, который находится за этим домом.

Лейн повернулся в сторону особняка. После того, как его мать «заболела», отец принял решение и переоборудовал помещение, которое раньше было конюшней позади особняка, в полнофункциональные, оборудованные по последнему слову техники, самые современные служебные помещения — офис корпорации. Уильям перевел сюда все высшее руководство, поставив замки на все двери, и тем самым превратив огромный головной офис компании, находившейся в деловой части города, во вторую скрипку, сделав его просто вместительным вице-презентов, директоров и менеджеров среднего звена. Якобы, объяснив перевод мозгового центра, чтобы он мог оставаться дома поближе к жене, но на самом деле, в это мало кто поверил, учитывая, что их редко раньше видели вместе.

Сейчас Лейн понял настоящую причину. Так было легче украсть при меньшем количестве людей.

— Пошли совершим экскурсию, — объявил он.

С этими словами он отпустил Лиззи и зашагал, направляясь к бизнес-центру, который стоял на территории не чуть не меньшей, чем футбольное поле, позади особняка. По пути люди приветствовали и пытались заговорить с ним, но он игнорировал всех.

— Лейн, — произнес Семюэль Ти, встав перед ним. — Что ты делаешь?

— Экономлю электроэнергию.

— Я думаю, мы должны позвонить в правоохранительные органы...

— Я только что сделал это. Помнишь палец?

Задняя дверь бизнес-центра была заперта на большой толстый засов, на котором нужно было ввести код. К счастью, когда он с Эдвардом пару дней назад вломился сюда, чтобы получить финансовую информацию, Лейн запомнил правильную последовательность цифр.

Стоило ему нажать их и дверь открылась, он вошел в тихий роскошный интерьер. Каждый дюйм почти двадцати тысяч квадратных метров одноэтажного здания был заполнен бордово-золотым ковром, который был таким толстым, как матрас. Шумоизоляция стен означала, что никто за пределами этих стен не мог услышать ни голосов, ни звонков телефонов или стука по клавиатуре, стены поглощали все. И на стенах висело такое количество портретов, как на большинстве айфонов селфи.

Офис компания «Брэдфорд бурбон» имел личные кабинеты для руководителей, изысканную кухню и фойе, похожий на овальный кабинет Белого дома, все высочайшего качества, в старейших традициях и все самое лучшее из лучшего.

Лейн двигался не в сторону кабинетов начальства и частных кабинетов. Он направился к задней части, где находились подсобные помещения и кухня.

А также коммунальное обеспечение.

Толкнув двойную дверь, он вошел в жаркое, без окон помещение, заполненное оборудованием, которое включало в себя кондиционеры для отопления и воздуха, бройлер для воды... и электрораспределительный щит.

Встроенные светильники, работающие на движение, загорелись, и он прошел по бетонному полу прямо к электрораспределительному блоку. Ухватившись за красную ручку, он опустил ее вниз, вырубив полностью электричество во всем здании.

Все погрузилось в темноту, и зажглись тусклые аварийные светильники.

Лейн вышел обратно в фойе, Семюэль Ти. сухо сказал:

— Хорошо, что это один из способов сделать...

Как взбешенные осы из улья, выбежали руководители — трое мужчин и одна женщина, и секретарь за стойкой ресепшен, как клоун бежала по узкому коридору. Они замерли, как

только увидели его.

Финансовый директор шестидесяти лет, окончивший престижный университет «Лиги Плюша», с ухоженными руками и с заостренными блестящими ботинками, отпрянул.

— Что *вы* здесь делаете?

— Прекращаю работу в этом месте.

— Простите?

К группе присоединился еще один костюм, Лейн указал на заднюю дверь, через которую пришел.

— Уходите. Все вы.

Финансовый директор, выпятив грудь и властным голосом произнес.

— Вы не имеете права...

— Полиция уже на пути сюда, — технически это было верно. — Ваш выбор — вы уезжаете с ними или в собственном мерседесе. Или вы ездите на лексусе?

Лейн аккуратно подбирал слова. И был полностью удивлен, когда финансовый директор продолжил свое выступление ваши-действия-не-правильны-вы-...

— Это частная собственность, — спокойно произнес Семюэль Ти. — Этот объект не находится на корпоративной земле. Вам только, что сообщил владелец, что вас не хотят здесь видеть. Вы все достаточно умны и знаете, что грозит за вторжение на частную собственность в Кентукки, но я буду счастлив быстро вам все объяснить. Однако, если вы хотите, чтобы вас вывела вооруженная охрана...

Лейн толкнул адвоката в печень, чтобы тот заткнулся.

Между тем финансовый директор взял себя в руки и провел по своему красному галстуку.

— Существуют критические ситуации, которые должны руководиться...

Лейн встал лицом к лицу к парню, готовый схватить его за грудки и вытащить на улицу.

— Заткнись и уходи.

— Твой отец был бы недоволен!

— Он мертв, ты помнишь. Поэтому не может высказать своего мнения. Или ты уходишь мирно, или я приглашаю сюда полицию, и они выводят тебя, как и сказал мой адвокат.

— Вы мне угрожаете?

Семюэль Ти заговорил:

— Вы вторглись в три... две... одна...

— Я обязательно все расскажу председателю правления об этом...

Лэйн скрестил руки на груди.

— Поскольку здесь отключены все телефоны, меня не волнует, вы можете позвонить даже президенту США или своей крестной феи.

— Подождите, — вдруг встрял Джефф. — Один из нас проводит вас до вашего рабочего места, чтобы вы могли взять ключи от своей машины. Вы не имеете право забирать с собой ничего — ни флешки, диски, документы или файлы.

— Хорошо, — сказал Лейн своему другу.

Эдвард улыбнулся своему гостю, сидя в коттедже сторожа в Red & Black, как только Шелби оставила их двоих. Рикардо Монтеверди был генеральным директором Трастового фонда на перспективу, крупнейшей частной трастовой компании в центре страны, и он выглядел соответствующим образом — подтянутый, в изысканном сшитом на заказ в тонкую полоску костюме, Эдвард вспомнил брошюры Wharton School of Business, Калифорнии 1985

года. В отблеске от серебряных трофеев, которое создавало обманчивое свечение вокруг его фигуры, он мог предположить, что пришедший вестник хороших вестей.

Однако, он знал точно, что это не так.

— Вы пришли засвидетельствовать мне свое почтение по поводу моего отца? — протянул Эдвард. — Не стоило беспокоиться.

— Ох... но, конечно, — сказал банкир с кратким поклоном. — Я очень сожалею о вашей потере.

— Хоть один из нас.

Возникла пауза, и Эдвард был не уверен, обдумывает ли он его язвительный ответ или подготавливается к тому из-за чего и приехал без предупреждения. Скорее последнее.

— Что-то еще? — подсказал Эдвард.

— Мне не ловко об этом говорить.

— Ясно.

Наступила еще одна пауза, мужчина все-таки предпочитал, видно, чтобы Эдвард начал задавать вопросы. Но этого не произошло. Эдвард уже давно выучил правила ведения бизнеса, если ты первый начнешь задавать вопросы, считай ты проиграл свои переговоры.

И да, он знал, почему этот мужчина приехал к нему.

Монтеверди кашлянул.

— Ну, на самом деле. Существуют определенные моменты, которыми... стоит заняться, особенно в результате смерти вашего отца, и в моем случае, в срочном порядке. Я понимаю, что вы находитесь в трауре, но боюсь существует ситуация, частного порядка, решение которой не терпит отлагательств, и которая может придаться гласности. В связи с этим, чтобы защитить имя вашей семьи и репутацию, я приехал к вам, чтобы решить эту проблему... аккуратно.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, — солгал Эдвард, на воре и шапка горит. — Поэтому боюсь вам придется объяснить мне более конкретно.

— Ваш отец пришел ко мне несколько месяцев назад, чтобы взять в частном порядке кредит. Я был счастлив помочь ему и выполнить его желание, но стоит заметить, что я должен был проявить фантазию в финансировании. Сейчас необходимо вернуть эти денежные средства до ежеквартального заседания правления трастового фонда на перспективу...

— Или вы окажетесь в трудном положении?

Лицо Монтеверди стало жестким.

— Нет, я буду вынужден поставить вашу семью в трудное положение.

— Я не могу вам с этим помочь.

— Мне кажется, вы не понимаете. Если деньги не будут возвращены в срок, я буду вынужден принять правовые меры и это будет предано гласности.

— Так подавайте на нас в суд. Позвоните в «Нью-Йорк Таймс» и скажи им, что мы задолжали трастовому фонду на перспективу пятьдесят три миллиона долларов. Скажите им, что мы бездельники, лжецы и воры. Меня это не волнует.

— Я думал, что вы ничего не знали об этом.

Алкоголь все еще бурлил у него в крови. Кроме того, он был отличным практиком, что касалось словесной перепалки.

— Мне кажется, вопрос заключается в том, — сказал Эдвард с улыбкой, — что вы хотите обезопасить себя. Вы пытаетесь на меня надавить, но вам следует сказать, что вы без

разрешения правления выдали беззалоговый кредит и признаться, что проценты от него возьмете себе. Мой ответ — я не собираюсь разгребать это дерьмо. Делайте все, что считаете нужным. Меня это совершенно не волнует, поскольку это не моя проблема.

— Ваша мать находится в деликатном положении.

— Она в коме.

— Как старший сын, я подумал, что вы беспокоитесь о благополучии своей семьи.

— Я переехал сюда, в эту невероятную роскошь, — Эдвард махнул рукой на ужасную мебель, — скрывшись от всего этого богатства своей семьи по уважительной причине. Так что даже если вы будете расстреливать большой красивый «корабль» на холме, пока он не рухнет в море, меня это не касается и никак на меня не повлияет.

Монтеверди тыкнул пальцем в пространство.

— Вы не достойны называться сыном.

— Учитывая, кто мои родители, я горжусь, как можно дальше находится от них под этой крышей. И сделайте нам обоим одолжение. Не пытайтесь замаскировать свою корысть риторикой альтруизма, угрожая моей семье. Скажите, сколько процентов вы положите себе в карман? Десять? Пятнадцать? Если кредит был на полгода, это как минимум два с половиной миллиона, которые вы заработаете. Хорошая работа, если вы только его вернете, да?

Монтеверди тербил свой белый французский манжет рубашки.

— Я расцениваю это как объявление войны. Что произойдет в дальнейшем — это полностью будет ваша вина.

— Как я завишу от вас? — Эдвард указал на свое тело. — Я подвергался пыткам в течение восьми дней людьми, которые собирались меня убить, и в моем случае, это не преувеличение. Если вы думаете, что чем-то таким можете меня напугать, то вы просто бредите.

— Послушайте. Вас может не заботить ваша мать, но я удивлен, что вы также надменно относитесь к своим братьям и сестре. Насколько я помню, вы всегда приглядывали и заботились о них.

— Приглядывал — прошедшее время.

— Мы увидимся еще.

Мужчина отвернулся и вышел за дверь. Старомодный телефон начал звонить снова, Эдвард посмотрел на свои уродливые искалеченные ноги... и удивился, но не впервые о несостоявшейся возможности.

Несбывшейся возможности.

Слишком поздно это уже теперь.

Наклонив голову набок, он посмотрел на телефон, висевший на стене в компактной кухне. Мысль, что он одержал легкую победу, не давала удовлетворения, он чувствовал себя без сил, и он понял, что звонок, наверное, касался его несостоявшейся возможности.

Если они хотят поговорить с ним, то им следует приехать к нему, а не звонить.

Эдвин МакАллан, мастер-дистиллятор компании «Брэдфорд Бурбон» сидел в своем кабинете, который до этого был командным центром его отца, пока тот не умер десять лет назад. Мак пытался дозвониться хоть кому-нибудь в бизнес-центре. Ничего. Он все время попадал на автоответчик, учитывая, что он звонил по собственной линии высшему руководству, а не через секретаря, это был беспрецедентный случай.

Финансовый директор, операционный директор и три старших вице-президента не брали трубки.

Лейн также не отвечает по своему мобильному.

Мак снова повесил трубку, он чертовски хорошо понял, что корпоративная верхушка предпочитала не отвечать на его звонки. Именно так, можно не ответить на один или два звонка, но не ответить на все пять? Да, генеральный директор умер и наступил хаос, но бизнес продолжал работать.

— Эй, я делаю это...

Прежде чем Мак произнес слово «правильно», закрыл рот и вспомнил, что его секретарь-помощница, которая еще работала с его отцом, тоже не было в офисе. И ее не было сегодня на работе, так как у ее брата позавчера произошел сердечный приступ.

А все собеседования, которые он провел сегодня, разве не напоминали ему полную катастрофу?

Очевидно, они просто швырнули ему что не попадя, заранее зная его отказ.

Поставив локти на стопки бумаг, он схватился за голову. Собеседование было очень похоже на первое свидание. Отдел кадров отправил к нему кандидатов, и от каждого из них можно было отказаться еще раньше, исполнительный помощник, требующий к себе повышенного внимания, не закрывающая рот королевы красоты; невротическая Гленн Клоуз, экспансивная кошка в облегающих шортах; секс-меньшинства, волосатая, агрессивная мужененавистница, с руками, изрытыми оспой.

— Дерьмо.

Встав, он обошел вокруг старого стола и прошелся по комнате, разглядывая экспонаты, выставленные в стеклянных витринах. Вот была разлита первая бочка, на которой была печать с датой. № 15 — бренд компании, относительно недорогой бурбон. И специальные бутылки, стоящие в одну линию, празднование — Университет выигрывал турнир баскетбола в Чарлмонте в 1980, 1986 и 2013. Старинные исторические револьверы. Карты. Письма от Авраама Линкольна, Эндрю Джексона различным Брэдфордам.

Но сами стена были истинным показателем всей продукции компании, долголетия и гордости. Каждый дюйм плоской, вертикальной стены был заклеен этикетками бесчисленных бутылок, различными названиями, цвета и рисунка, иллюстрирующие эволюцию маркетинга, ценности продукции и цены.

Также как и продукт, который продавался сейчас, остался точно таким же.

Брэдфорд бурбон делался именно так, как и когда только началось первое производство с конца 1700-х годов, ничего не менялось, не зерновой замес, не штамм дрожжей, не специальная известняковая вода из источника, не обугленные дубовые бочки. И Бог знал, смена погоды в Кентукки и количество дней в календарном году останутся неизменными.

Рассматривая всю историю, ему казалось невероятным, что традиция,

просуществовавшая два века, может вот так запросто закончиться за часы. Но корпоративные воротилы решили, еще до смерти Уильяма Болдвейна, заморозить закупки кукурузы, что означало, что больше нет зернового замеса, Маку пришлось остановить производство.

Это было беспрецедентно. Даже во время сухого закона, ББ продолжали производить свой бурбон, хотя его пришлось перенести в Канаду на какое-то время.

После безрезультатных боев с «костюмами», ничего не изменилось, Мак забил тревогу и рванул в Истерли, но Лейн остановил его и ему пришлось помочь блудному сыну получить доступ к некоторым корпоративным финансовым отчетам. Но после этого что? Он ничего не слышал о нем с тех пор.

Это походило на ожидание результатов биопсии, и стресс просто убивал его. А если он потерял эту работу и средства к существованию? Он проиграл перед своим отцом, без всякого сомнения.

И ему впервые не нравилось такая жизнь, не нравилось здесь находиться.

Нервный и расстроенный он вышел в приемную. Пустое место Барни было слишком тихим, слишком холодным, горячий воздух, поднимающийся вверх к открытым балкам потолка, от кондиционера угнетал. Как и весь старый офис с винодельней, в этом городке было известно, что офис мастера-дистиллятора был расположен в отреставрированной старинной постройке, сделанной из старого раствора и сруба, оборудованный всем необходимым — от водопровода до Wi-Fi.

Пройдя через огромные тяжелые двери, он вышел на улицу и побрел по подстриженному газону. Старая винодельня все так же была функционирующим заводом по производству бурбона, хотя и являлась туристической достопримечательностью, чтобы показать обычным людям и поклонникам бурбона, как делается лучший бурбон Брэдфорд. Соответственно, здесь на площади находился Диснейуорд, в самом лучшем смысле, здания все были причудливыми и окрашены в черно-красные цвета с небольшими дорожками, ведущими от зернохранилища к амбарам для хранения бочек. И, как правило, здесь было полно туристов вместе с гидами, парковки были заполнены, а также сувенирный магазин и на стойках ресепшен кипела невероятная активность.

Из уважения к кончине Уильяма Болдвейна, все было закрыто до конца следующей недели.

Или, по крайней мере, высшее руководство так сообщило. А на самом деле? Сократились затраты не только на поставку зерна.

В конце концов, Мак оказался перед одним из трех амбаров, где хранились бочки. Семь неизолированных ярусов деревянного здания вмещали сотни совершеннолетних бочек бурбона, стоявших на деревянных стеллажах, температура варьировалась в зависимости от сезонов, подготавливая почву к магическому процессу, который происходил, когда забродившая смесь проходила все стадии — первого свидания, влюбленности, женитьбы, впитываясь в обугленные волокна деревянного дома.

Он открыл филенчатую дверь, петли заскрипели и богатый, землистый запах ударил ему в нос, как только он шагнул внутрь, вспоминая своего отца. Внутри было темно, балки, поддерживающие ряды бочек были обтесаны и между рядами многоярусных стеллажей вела тонкая дорожка в две доски в ширину и тридцать футов в длину.

Центральный проход был гораздо шире и пол был бетонный, он засунул руки в карманы джинсов, двигаясь все глубже и глубже в здание.

— Лейн, что мы делаем здесь, — спросил он себя вслух.

Для вызревания бурбону требуется время. Это не деланье водки, когда можно просто включить кран и наполнять бутылки. Хочет ли компания продавать продукцию семилетней, десятилетней и двенадцатилетней выдержки? Тогда нужно сейчас включать производство...

— Простите?

Мак повернулся. В открытых дверях, освещаемая со спины солнцем, стояла женщины с фигурой песочные часы, длинными темными волосами, она была как наваждение, которое может присутствовать в сексуальных фантазиях. Господи... он даже почувствовал запах ее духов или мыла, или может это что-то парило там на улице и просто задуло сюда на склад.

Она казалась тоже очень удивленной, разглядывая его.

— Я сожалею, — сказала она низким голосом без акцента. — Я ищу Эдвина МакАллана. У меня назначено собеседование с ним, но в офисе... никого нет...

— Вы нашли меня.

Возникла пауза. «О». Она покачала головой.

— Простите. Я... ладно, меня зовут Бет. Бет Льюис. Вы хотите, чтобы я пришла в другой раз?

«Нет», — подумал он, когда ее волосы подхватил ветер и закинул ей их на плечо.

На самом деле... я не хочу, чтобы вы уходила.

— Я не могу дозвониться до Эдварда.

Лейн прошел через бизнес-центр и стойки ресепшен напрямик в кабинет своего отца, это походило словно он оказался в комнате, полной заряженных пистолетов, направленных в его сторону. У него покрылась кожа мурашками от какого-то предчувствия, руки сами собой сжались в кулаки, ему захотелось развернуться и со всех ног рвануть отсюда.

Место было жуткое, как в аду. Тусклое аварийное освещение от того, что он вырубил рубильник, окрашивало все в мрачные тона предчувствия, будто бы призрак Уильяма Болдвена скрывался в темноте.

Лейн даже не понял, зачем он пришел сюда. Полиция, наверное, уже подъехала к Истерли.

Он покачал головой, осматривая королевский стол и большой резной стул, больше похожий на трон. Все вещи напоминали декорации из фильмов Хамфри Богарта — хрустальный графин с бурбоном. Серебряный поднос с хрустальными бокалами. Фотография маленькой Вирджинии Элизабет в серебряной рамке. Хьюмидор для кубинских сигар, которые отец очень любил на противоположном углу стола от лампы от Тиффани. Пачка Данхилл и золотая зажигалка рядом с чистой пепельницей от Картье. Компьютера не было. Никаких документов. И даже телефон был самым высокотехнологичным, соответствующий образу жизни, высоко самонадеянный предмет.

— Я попадаю сюда только второй раз, — пробормотал он Лиззи, которая осталась стоять в дверях. — Я никогда не завидовал Эдварду.

Пока она оглядывалась по сторонам, рассматривая книги в кожаных переплетах, грамоты, фотографии Уильяма с видными мужчинами международного и национального уровня, в этот момент он рассматривал ее: ее волосы, которые побелели от солнца; ее грудь, как выпирала в ее черной рубашке-поло; ее длинные, мускулистые ноги в шортах.

Желание выпустило свои когти прямо у него в животе.

— Лиззи...

Джефф появился в открытом дверном проеме.

— Ладно, все ушли. Здесь никого, твой адвокат вернулся в поместье, чтобы встретить полицию. Ты знаешь, как сменить код на входной двери? Я бы на твоём месте сменил.

Лейн моргнул, возвращаясь к словам Джеффа, а не к желанию разложить Лиззи на столе голой.

— Ах, я не знаю, но мы что-нибудь придумаем, — Лейн потянулся, чтобы размять спину. — Послушай, ты можешь мне кратко рассказать, что ты нашёл?

Джефф огляделся по сторонам, казалось, он не особенно был впечатлен величиим.

— То что было на поверхности — переводы, которые я выделил за ваши обыденные садовые траты, платежи в счет долга в различные банки. Но стали встречаться огромные суммы платежей ... и они меня обеспокоили в первую очередь. Проследивая денежные переводы, я обнаружил, что они все уходили в WWB Holding, который оказался Холдингом Уильяма Уайатта Болдвейна. Я считаю, что это случай сверх балансового финансирования, которое вышло из-под контроля, и если это так, это можно квалифицировать как хищение. Когда я провел некоторые поиски в Интернете и позвонил своей помощнице в UBS, я ничего не смог нигде найти конкретного о WWB Holding, ни где он находится, но я дам тебе угадать, кто ответственен за это. (*WWB Holding — William Wyatt Baldwin Holdings Холдинг Уильяма Уайатта Болдвейна*)

— Сукин сын, — пробормотал Лейн. — Вот куда делись деньги. Холдинг Уильяма Уайатта Болдвейна. О какой сумме мы говорим?

— Семьдесят два миллиона. Пока.

Лиззи ахнула, покачав головой.

— Вот черт.

А потом спросила:

— Постойте, а что такое внебалансовое...

— Или забалансовое финансирование, — Джефф потер глаза, похоже Лейн создал ему настоящую головную боль. — В основном, когда пользуются активами из одной компании в качестве выплат за долги другой. Если второе лицо не выполнило своих обязательств перед банком или кредитором, то платит первая компания выплачивает все сполна. В этом случае? Я готов поспорить, что выданные займы или кредиты WWB Holding были присвоены или растрочены, и когда пришло время погашать кредитные обязательства не были выполнены, поэтому использовали деньги компании «Брэдфорд бурбон» для выполнения обязательств WWB Holding. Это один из способов воровства, хотя он не такой явный, как просто выписать себе чек в банке и обналичить его.

— Все сто сорок миллионов? — Лэйн скрестил руки на груди в нем кипела ярость, и он наподдал корзину для мусора ногой. — Это вся сумма. Ты должно быть шутишь.

— И семьдесят с лишним миллионов — это перевод на тот счет в феврале. Там есть и еще на более крупные суммы. Там можно все отследить, — Джефф пожал плечами. — Я советую тебе, Лейн, пришло время привлечь ФБР. Для меня это слишком много... тем более, что мне придется вернуться в Нью-Йорк. Отпуск был просто зашибись.

Начал звонить телефон Лейна, он достал и увидел звонок от Семюэль Ти., ответил:

— Они уже здесь? Я иду...

— Что ты делаешь!

Женщина лет шестидесяти, похожая всем своим видом на «броненосец», ворвалась в кабинет. В своем темно-сером с легким голубым оттенком костюме, с пучком седых волосах, мисс Петерсберг четко следовала своим рабочим обязанностям, присутствующим деловой

жизни Уильяма Болдвейна уже почти двадцать лет. Но обычное ее хладнокровие куда-то испарилось. Раскрасневшаяся и возбужденная, ее трясла мелкая дрожь так, что очки на тонкой цепочке на ее шеи подпрыгивали на ее плоской груди, она задыхалась.

Лейн произнес ровным голосом.

— Забирайте ваши вещи и уходите.

— Вы *не имеете права* находиться в этом кабинете!

Женщина разразилась проклятиями и на удивление оказалась довольно-таки сильной, она рванула к Лейну и стала царапать ему лицо, при этом пытаясь ударить его еще и ногой, сыпя визгливыми ругательствами. Лиззи и Джефф рванули вперед, пытаясь ее схватить, но Лейн отрицательно покачал им головой. Схватив ее за руки, он позволил ей ругаться, аккуратно прижав ее к книжным шкафам.

Ее аккуратный пучок растрепался, представляя какую-то плюшку, дыхание стало тяжелым и жестким, видно ей не хватало воздуха, или она могла упасть в обморок.

— Вы не можете его вернуть, — мрачно произнес Лейн. — Слишком поздно для этого, хотя и было недавно. Вы знаете все. Вам следует задать себе вопрос, сколько вы готовы еще быть верны мертвецу. Я узнаю все больше и больше, что здесь происходило, и я уверен, что вы были в курсе всего происходящего. Вы готовы сесть за него в тюрьму?

Он специально это сказал, потому что обычно тюрьма была хорошим стимулом, и не погнушался воспользоваться им в данный момент, хотя в глубине душе он не был уверен, что вызовет полицию.

«И кроме того, — сказал он себе, — если обман был такого масштаба, как сказал Джефф, то тогда стоит». Кредиторы будут капать, чтобы получить свои деньги, когда выплат не последует... и да, некоторые позвонят своим юристам, а активы уже пусты и что будет дальше?

Это будет долг-магеддон на компании «Брэдфорд бурбон».

— Он был хорошим человеком, — выплюнула мисс Петерсберг. — Твой отец всегда был добр ко мне.

— Потому что вы были ему нужны. Не принимайте это лично к себе, и не гробьте свою жизнь на иллюзию, что вы были для него кем-то особенной, он просто хорошо вами манипулировал.

— Я *никогда* не понимала, почему вы парни так сильно ненавидели его.

— Вам стоит проснуться и посмотреть на все другими глазами.

Когда она вырвалась, поскольку он ее отпустил, она пригладила волосы и привела в порядок одежду.

— Твой отец, как никто другой в первую очередь действовал в интересах семьи и общества. Он был...

Лейн отстраненно направился на выход, пока женщина расписывала добродетели его отца. Его это уже не волновало, как, впрочем, и отца тоже. Невозможно изменить мозги идолопоклонства или спасти кого-то, кто не хочет спасаться.

Итак, эта квалифицированная женщина явно потерпела неудачу со своим бывшим боссом.

Не его проблема.

Снова начал звонить у него телефон, она же не унималась:

— Когда я нуждалась в нем, он всегда был рядом.

Лейн не узнал номер, и кто бы это ни был пусть оставит свое сообщение на голосовой

почте.

— Ну, тогда, надеюсь, вы насладитесь приятными воспоминаниями... когда окажетесь в тюрьме.

— У вас есть ко мне вопросы?

Ее вопрос вернул Мака в реальность, он откинулся на спинку офисного кресла и снова бросил взгляд на безымянный палец женщины, пришедшей на собеседование. *До сих пор не занята.* Как только он ее впервые увидел, то предположил, что Бет Льюис замужем.

Да, вау. Будь профессионалом, Макаллан.

— А здесь нужно часто задерживаться? — Бэт положила руки на стол. — Я имею в виду, кандидату на эту должность. Должен задерживаться? Я спрашиваю, не потому что боюсь работы. Но мне приходится заботиться о матери и после пяти приходится подстраховываться. Я могла бы как-то улаживать этот вопрос, просто нужно знать заранее, когда следует задержаться.

— Мне очень жаль слышать, что..., — он не знал, почему кадры направили ее к нему и знали ли они о ее ситуации, но он не мог выпрашивать ее об этом. — Ваша мать...

— Она попала в аварию два года назад. Несколько месяцев была подключена к аппаратам жизнеобеспечения, сейчас у нее проблемы когнитивного характера. Я переехала, чтобы ухаживать за ней, и знаете, у нас неплохо получается. Но мне нужна работа, чтобы мы могли...

— Вы приняты.

Бет отпрянула, ее темные брови взлетели вверх. Затем она нервно рассмеялась.

— Что? Я имею в виду, вау. Я не ожидала...

— У вас четырехлетний стаж работы в должности ассистента в сфере недвижимости. Вы выглядите представительно, профессионально и по-деловому. Именно это я и искал.

— Разве вы не хотите проверить мои отзывы?

Он взглянул на резюме, которое она ему дала.

— Да, конечно.

— Пойдите, со стороны кажется, будто я пытаюсь вас отговорить... но я так волнуюсь. Спасибо. Я вас не подведу.

Она поднялась, он последовал ее примеру, заставляя себя отвести от нее взгляд, который так и хотел вернуться к ней... его глаза, предоставленные сами себе, были готовы опуститься на ее более интимные места. Послушай, она была высокой... и это было очень привлекательно. И с длинными волосами. И глаза, такие...

Дерьмо. Наверное, он слишком много о ней думает, принимая на работу. Хотя она была, на самом деле, очень квалифицированной.

Протянув руку через стол, он сказал:

— Добро пожаловать на вечеринку.

Она пожала его руку.

— Спасибо, — выдохнула она. — Вы не пожалеете.

Боже, он надеялся, что это было правдой. Он был одинок, она, скорее всего, тоже, они оба были взрослые люди... но вероятно, это была не совсем хорошая идея — «работодатель / сексуальные отношения с подчиненной», добавляющие еще больше проблем ко всему происходящему.

— Я вас провожу, — он направился к двери своего офиса, провел через приемную, открыл широко входную дверь. — Может вы начнете...

— Завтра? Да, я смогу.

— Хорошо.

Машину она припарковала на маленькой дорожке из гравия, серебристый Kia, которому было уже несколько лет, он остановился у капота и обратил внимание, что в салоне чисто, также, как и снаружи — без вмятин и царапин.

Прежде чем сесть за руль, Бэт посмотрела на него.

— Почему так тихо сегодня? Я была здесь в качестве туристки в прошлом году. Было очень много людей, несмотря на будни.

— Мы в трауре. Уверен, что вы слышали.

— О? — она вздрогнула. — Ой, мне стыдно. Конечно. Смерть Уильяма Болдвейна. Мне так жаль.

— Как и мне. Я смогу увидеть вас завтра в девять?

— В девять, хорошо. Еще раз спасибо.

Мак хотел посмотреть, как она выкруливает с дорожки и уезжает, но это явно уже пахло свиданием, а он просто-нанял-ее-и-он-не-являлся-«другом-семьи». Направившись обратно в свой офис, на полпути он изменил направление.

Развернувшись, Мак направился к пристройке за высокой оградой, без окон, без сайдинга, обшитой современными панелями из стали, никаких бревен и штукатурки на стенах. Достав пропуск, он прокатал его в ридере и услышал, как дверь со свистом, выпуская воздух, открылась. Внутри, в прихожей лежало кое-какое защитное снаряжение, но он не стал беспокоиться на этот счет. Он никогда не беспокоился об этом.

«Господи, Боже ж ты мой! — думал он всегда. Первый из Брэдфордов сделал свой бурбон, фактически без всяких средств «защиты». Он произвел его в лесу, и результат был просто отличным».

Вторые стеклянные двери испустили такое же шипение, впуская его в небольшую комнату, похожую на лабораторию, которая очень напоминала лабораторию центра контроля и профилактики заболеваний. Но здесь не следили за развитием заболеваний и не пытались их лечить.

Здесь он кое-что выращивал. Секретный ингредиент, о котором никто не должен был узнать.

Суть состояла в том, что все ингредиенты для производства бурбона были важны и необходимы, но был только один, по-настоящему незаменим. Даже предположив, что вы сохранили процентное соотношение в сусле кукурузы, которая была кукурузой, ячменя, который был ячменем и ржи, которая была рожь. И использовали специальную воду из подземного известнякового источника, уникальную для этой части Кентукки, но источник плодоносил, выдавая прежнее количество из года в год и в его недрах еще было достаточно. Даже используя бочки, изготовленные из специального сорта древесины, точнее, из одного вида дуба.

Но закваска (дрожжи) была совсем другая история.

Хотя все спиртовые дрожжи происходили из вида, называемого *Saccharomyces cerevisiae*, и в этой семье имелось много разных штаммов, в зависимости от того, какой вы использовали для закваски своего сусла, вкус бурбона мог сильно отличаться. Да, этанол всегда был побочным продуктом процесса брожения, но существует еще множество других веществ, дающих побочные эффекты брожения, например, сахароза в сусле, вызывающая брожение дрожжей. Назовите это алхимией, магией или прикосновением ангелов, в

зависимости от того, какой штамм вы использовали, ваш продукт может варьироваться от хорошего до захватывающего... и до совершенно эпического.

«Брэдфорд бурбон» использовали те же штаммы, как и для No. Fifteen, Family Reserve, Black Mountain — пожизненных брендов Брэдфордов.

Но иногда внести изменения было тоже не плохо.

Когда умер его отец, Мак работал над новым штаммом дрожжей, очищая от плесени орехи и кору, слой земли Юга, выращивая драгоценные микроорганизмы в этой лаборатории, исследуя их состав. Полностью изолируя соответствующий биологический вид, он постоянно ковырялся с ним, добавляя его маленькими партиями в сусло, тестируя конечные результаты.

Была задержка в реализации проекта, когда он стал работать Мастером-дистиллятором, но за последние три месяца был совершен настоящий прорыв — наконец-то, после столького времени, он остался доволен полученным одним результатом.

Рассматривая все стеклянные контейнеры, накрытые фольгой, чашки Петри, различные образцы, микроскопы и компьютеры, ему трудно было поверить, что такая красота может родиться в таком неприглядном месте. И эта лаборатория была похожа на лабораторию ЭКО, где происходило чудо рождения человеческой жизни, получая немного помощи от науки.

Мак подошел к стойке и встал перед своим ребенком — бутылкой первого нового штамма, который должен был быть введен в процесс брожения Брэдфорд бурбон впервые за двести лет. Он был настолько хорош на вкус, настолько специфичен, беспрецедентно мягкий, совершенно без намека на запах серы. Ни один производитель бурбона не сможет предъявить ему претензии.

Он собирался запатентовать его.

Это была еще одна причина, почему компания «ББ» не могла потерпеть неудачу.

Чертовая компания должна была оставаться на плаву еще довольно долго, чтобы смогла выпустить его на рынок.

Выращенный им штамм дрожжей изменит все.

— Тебе надо поесть.

Было уже пять часов, когда полиция покинула дом, и первая мысль, посетившая Лейна, как только он вошел в кухню Истерли — ему надо выпить. У мисс Авроры, однако, были другие планы.

Как только она преградила ему дорогу, закрыв проход своим большим телом и разглядывая его своими черными глазами, он тут же почувствовал себя пятилетним. И было смешно, потому что она выглядела точно так же, как и тогда, с туго заплетенными волосами, в красном фартуке с эмблемой UC, завязанным вокруг талии, вокруг свободной белой одежды шеф-повара, говорившей, что с ней явно было лучше не шутить.

Учитывая ее болезнь, бессмертие было иллюзией, но на данный момент, Лейн больше склонялся к иллюзии.

И когда она заставила его пойти по коридору для обслуживающего персонала, он не боролся с ней. Не потому, что устал, хотя он действительно устал, и не потому, что хотел что-нибудь съесть, потому что он не мог вспомнить, когда ел, а потому что он никогда не мог ей ни в чем отказать. Она была словно реальный, действующий на яву закон физики, которому подчиняешь безропотно, как гравитации, вытащившей его из-под моста.

Трудно было поверить, что она умирает.

В отличие от гостиной и столовой, где проходили официальный семейный ужины и завтраки, а также ланчи, в комнате для персонала не было ничего, кроме белых стен, стола из сосны на двенадцать человек и деревянного пола. Здесь, правда, имелись еще пара окон, выходящих в темный угол сада, хотя окна были большие, сохраняя симметрию задней стенки особняка, нежели чтобы доставить удовольствие обслуживающему персоналу, которые здесь ели.

— Я не очень голоден, — сказал он, но она заставила его сесть.

Минуту спустя перед ним появилась тарелка, содержащая явно около двух тысяч калорий здоровой пищи. Он глубоко вздохнул и подумал: «*Да. Мисс Аврора возможна права*».

Лиззи опустилась рядом на стул со своей тарелкой.

— Выглядит потрясающе, мисс Аврора.

Его мама заняла свое место во главе стола.

— Через секунду будет горячее.

Возможно, жареная курица, приготовленная в чугунной сковороде с длинной ручкой. Капустные листья. Настоящий кукурузный хлеб. Бобовое Рагу. Бамия.

И знаете, что? После первого кусочка, Лейн почувствовал зверский аппетит, поэтому воцарилась долгая тишина, пока он заглатывал все, останавливая себя, чтобы не спешить, он все же был воспитанным парнем.

Зазвонил его телефон, пригвоздивший его задницу к стулу, словно электрический шок. В последнее время звонки больше приносили торнадо: одни плохие новости, которые продолжали путь разрушения компании.

Он ответил, послышался голос Рэмси, как из глубины, с протяжным акцентом.

— Тебе следует прибыть сюда в ближайшие сорок восемь часов. Даже несмотря на то, что мы нашли, патологоанатом закончила, ей больше не нужно тело.

— Спасибо. Ничего сверхординарного нет в заключительном отчете?

— Она кинет мне копию. Как только я что-то узнаю, позвоню тебе.

— Убийство было установлено около получаса назад. Полиция же предполагает, что кто-то убил моего отца, не так ли? Детективы не сказали мне ничего, но я имею в виду, это чертово кольцо... моего отца.

Мисс Аврора резко прочистила горло, он поморщился.

— Простите, мэм.

— Что? — спросил Рэмси.

— Мама сидит напротив меня, — Рэмси произнес «угу», поскольку он точно знал, что слова Лейна оказывали на мисс Аврору такой же эффект, как и падение ядерной бомбы. — Детектив Мерримак сказал, что он по расспрашивает людей. Сколько пройдет времени, пока у них будет представление о том, что произошло на самом деле?

— Никто не знает, — возникла пауза. — Ты подозреваешь кого-нибудь, кто мог убить твоего отца?

Да.

— Нет.

— Даже никого не подозреваешь?

— Ты спрашиваешь меня как детектив.

— К сожалению, я профессионал. Возможно, ты знаете кого-нибудь, у кого мог быть мотив?

— Ты же знаешь, что представлял из себя мой отец. У него были враги повсюду.

— Это очень личное убийство, хотя бы взять отрезанный палец с кольцом, закопав его перед домом.

Под окном спальни моей матери, не меньше. Но Лейн не собирался этого говорить.

— Многие бизнесмены ненавидели его, — Боже, его голос звучал, словно он пытался оправдаться. — И он многим задолжал деньги, Митч. Большие деньги.

— Тогда почему они не сняли кольцо и не заложили его? Оно довольно-таки дорогое.

Лейн открыл рот, затем закрыл.

— Мне кажется, мы немного отвлеклись от темы.

— Я так не думаю.

— Что это значит?

— Давай честно признаемся друг другу, я всегда защищал членов твоей семьи. И не собираюсь менять свое отношение.

Лейн закрыл глаза, думая об Эдварде.

— Чем я могу отплатить тебе?

— Я возвращаю тебе долг. Но сейчас не время для этого. И есть еще одна причина, из-за которой я звоню. Розалинда Фриланд, ее останки забрали сегодня днем.

Лейн отодвинул тарелку.

— Ее мать?

— Ее сын. Ему только что исполнилось восемнадцать, поэтому все законно.

— И?

Установилась еще одна пауза, дольше, чем в первый раз.

— Я был там в тот момент. Ты видел ее сына когда-нибудь?

— Я даже не знал, что у нее есть ребенок.

— Его фотография будет на первой странице завтра.

— Почему? Я имею в виду, почему его фотография будет завтра в газетах, кроме того, что его мать покончила с собой, перед тем как погиб мой отец.

— Я перешлю тебе его фотографию, после нашего разговора. Я позвоню тебе позже.

Лейн отключился и посмотрел на мисс Аврору.

— Ты знаешь, Митча Рэмси, не так ли?

— Знаю, с малолетства. И если он захочет сказать тебе почему, он скажет. Это его дело, не мое.

Лейн положил телефон на стол и решил не продолжать этот вопрос... а разве был другой способ? Взглянув на Лиззи, он сказал:

— Как ты думаешь, можем ли мы устроить прощание с ним в четверг?

— Конечно, — кивнула Лиззи. — Сады и площадки в отличной форме после Derby's Branch. Все остальное легко сделать за короткий срок. Что ты думаешь?

— С четырех до семи вечера в четверг. Мы можем устроить погребение частным образом и сделать это в пятницу или в субботу. Но я хочу, чтобы люди пришли попрощаться.

Мисс Аврора перегнулась через стол и пододвинула ему тарелку.

— Ешь.

Но он не успел. Прежде чем он стал спорить, в дверях появился мистер Харрис, дворецкий.

— Мистер Болдвейн, к вам гость, ожидающий в передней. Я полагаю, вы его не ждете, но он отказывается уходить.

— Кто это?

— Мистер Монтеверди из трастового фонда перспективы и доверия.

Лейн поднялся, забрал сотовый, а также тарелку.

— Я уже иду.

Мисс Аврора забрала у него тарелку из рук.

— Она подождет тебя здесь. Ты не будешь есть, расхаживая по дому.

— Да, мэ.м.

Опустив поцелуй на губы Лиззи, Лейн направился по коридору для персонала, ведущего мимо комнаты мистера Харриса, офиса (в котором Розалинда Фриланд покончила с собой) и одной из трех комнат, где располагалась прачечная. Он проходил по официальным комнатам, когда его телефон сообщил о прибывшем смс.

Он, шагая по черно-белому мраморному полу фойе, ввел пароль и завернул в арку, ведущую в гостиную, открыв изображение, присланное Митчем Рэмси.

Лейн остановился как вкопанный.

Он не мог поверить своим глазам.

Сын, который забрал тело Розалинды... был точной его копией, близнецом.

Бумажные распечатки валялись везде. Несколько ноутбуков стояли полукругом вокруг на столе, с открытыми файлами Excel. Желтые стикеры и блокноты были испещрены черными куриными каракулями.

Для Джеффа Стерна, все это было обычным делом. На Уолл-Стрит инвестиционный банкир зарабатывал свой хлеб с маслом, выискивая дыры в корпоративных финансовых документах. Он был мастером своего дела, с одержимостью погружаясь в детали, своего рода скучной и нудной работы, находя необходимый смысл, часто взвешивая и обдумывая умышленно созданные препятствия подмасленной и плодовой бухгалтерии, используемой для оценки крупных мульти-национальных компаний.

— Я пришла, чтобы обновить ваши ваннные принадлежности.

Он не привык, чтобы его прерывали, когда работал, и тем более не привык видеть перед собой блондинку двадцати с небольшим в униформе горничной, стоявшей в дверях люкса Four Seasons, который теперь стал его офисом.

Ну, по крайней мере, эта женщина, которую некоторые женоненавистники мудаки находят в клоаке, работала не в службе эскорта.

Да, и у нее был сильный южный акцент, поэтому она растягивала слова: *«Я прииииишла, чтоообы ообновиииить ваааиии ваааннныыеее приииинадлеееежнооостиии»*.

Она держала в руках стопку белых полотенец, как летнее облако, подхваченное с земли, и от нее исходил удивительный аромат, как только эта девочка прошла в комнату, словно ласкающий его. Выражение ее лица было таким — молодость была самым привлекательным атрибутом, а глаза были удивительного василькового цвета... и ее тело в униформе, двигалось так, что она хорошо бы смотрелась на Хэллоуин, играя непослушную горничную.

— Вы знаете, где ванная? — пробормотал он.

— Да, знаю.

Он наблюдал, как она поплыла, словно обнаженная... оставив дверь широко открытой, что-то поделала с раковиной... потом, низко нагнулась, выискивая что-то в нижнем шкафу. Ее юбка высоко задралась, сверкнули кружевные трусики, показывая ягодицы.

Изогнувшись, она посмотрела на него.

— Меня зовут Типфании. С «п» в середине и два «и» на конце. Вы уезжаете?

— Что?

Она выпрямилась и прижалась спиной к мраморной столешнице, обхватив руками свои бедра так, что верх ее одежды приподнялся.

— Ваши чемоданы уже собраны?

Джефф посмотрел на кровать. Чемоданы, набитые вещами, были широко открыты, одежда вываливалась в беспорядке. Но он считал, что с его одеждой все в порядке. Его больше волновали таблицы и столбцы чисел. И совершенно не волновало состояние его барахла, стоило ему только вернуться домой на Манхэттен. Он отдаст все в химчистку.

Джефф сосредоточился на горничной.

— Мне нужно вернуться к работе.

— Это правда, что вы с Манхэттена? Из Нью-Йорка?

— Да.

— Я никогда не была там, — она прощлась пальцами вниз по бедрам, а потом

изогнулась и дошла до икр, словно показывая, чего бы ей хотелось и также хотелось, чтобы он узнал о ее желании. — Я всегда хотела там побывать.

А потом она просто посмотрела на него.

«*Это не хорошая идея*», — подумал Джефф, вставая и шагая по восточным коврам. Это на самом деле, совсем неправильная идея.

Войдя в ванную комнату, он закрыл за собой дверь.

— Я Джефф.

— Я знаю. Мы все знаем, кто вы. Вы друг Лейна.

Он положил указательный палец на основание ее горла.

— Слухами земля полнится.

Он медленно вел пальцем, прочерчивая след на ее мягкой коже вниз к V-образному вырезу униформы. В ответ она начала тяжело дышать, и ее грудь приподнялась.

— Я здесь, чтобы позаботиться о вас, — прошептала она.

— Ты.

Униформа была серой, с белым воротником и пуговицами — белыми перламутровыми, он уперся пальцем в одну из них, его эрекция запульсировала. У него было адских семьдесят два часа, где кроме цифр, головной боли и плохих новостей не было ничего. С ее стороны это было очень ясное предложение, упавшее как дождь на жаждущую землю, насколько он обратил внимание.

Джефф расстегнул первую пуговицу. Вторую. Третью. У нее был черный бюстгальтер, равно как и чулки до бедра.

Наклонившись, он поцеловал ее в шею, и она выгнулась назад, он обхватил ее за талию. Презерватив. Ему необходим был презерватив... и зная давнюю распутную репутацию Лейна, здесь где-то должен был...

Он опустил с ее плеч верх униформы и расстегнул спереди бюстгальтер, ее жесткие соски оказались наружу, да, они были совершенны. И он огляделся вокруг и открыл первый ящик.

«*Хорошая работа*», — подумал он, найдя три ярко-синих пачки Trojans.

Потом он понял, что горничная уже была голой, за исключением чулок до середины бедра. Она была великолепна, вся настоящая — грудь, округлые бедра, податливые и мягкие. Он оставался одетым и натянул один из презервативов, не теряя ритма.

Типфании, с двумя «и» на конце, точно знала, как обернуть свои ноги вокруг его талии и скрестить лодыжки, и да, точно знала какой звук следует издавать ему на ухо. Уперев одну ладонь в стену рядом со старинным зеркалом, висевшем на стене, а другой рукой держа ее за талию, он начал толкаться в нее. Она схватила его за плечи, он закрыл глаза.

Это было так чертовски хорошо. Хотя и анонимно, очевидно, сказывался его статус иностранца, ему показалась она экзотичной. Иногда, правда, приходится воспользоваться тем, что попадает под руку.

Она кончила перед ним. Или, по крайней мере, она сделала вид, что кончила, а может и, на самом деле, он не был уверен в этом и его мало волновало, даже если она и притворялась.

Его оргазм был настоящим, мощным и быстрым, напоминая о том, что, по крайней мере, для него человеческая природа была лучше, чем альтернатива в любое время.

Когда он закончил, Типфании прижалась к его груди, он тяжело дышал.

— Ммм, — прошептала она ему на ухо. — Это было хорошо.

«*Да, было*», — подумал он, вытаскивая из нее член.

— Тогда давай сделаем это снова, — застонал он, подняв ее на руки и направился к кровати.

Внизу, в гостиной, Лейн позволил Рикардо Монтеверди говорить обо всем, говорить и говорить, несмотря на то, что знал, сколько именно не хватает, и чем может закончиться для Монтеверди эта безвыходная ситуация, если эти миллионы не будут возвращены.

Стакан Family Reserve помог скоротать время и сократить ожог сетчатки от фотографии сына Розалинды. Волосы, глаза, черты лица, фигура...

— А твоего брата это не беспокоит.

Итак, похоже, что речь заканчивалась.

— Эдвард больше не занимается семейным бизнесом.

— И он еще называет себя сыном.

— Следи за выражениями, — напомнил Лейн. — Любое оскорбление моего брата будет считаться, как оскорбление лично меня.

— Гордость может оказаться дорогой роскошью.

— Также, как и профессиональная честность. Особенно если она построена на лжи, — Лейн поднял бокал, как бы провозглашая тост. — Но мы отвлеклись. Я не был здесь два года и многое изменилось, но сейчас столкнулся с несчастной кончиной своего отца.

Возникла пауза, во время которой Монтеверди четко анализировал свой дальнейший разговор. Когда он, наконец, заговорил снова, его голос был плавным и агрессивным одновременно.

— Ты должен понять, что необходимо вернуть деньги по этому кредиту.

Смешно, это было две недели назад, а прошла только неделя. Скорее всего, правление трастового фонда доверия и перспективы развития что-то пронюхало или кто-то напал на след выданного кредита.

Лейн удивился, как этому парню удалось совершить такую сделку, не боясь, что его поймут за руку.

— Скоро будет объявлена воля покойного, — произнес Лейн, — у меня нет доступа к семейным счетам, кроме моего собственного, также у меня нет доверенности на счет моей матери, мой отец обратился к своему личному адвокату, Бэбкоку Джефферсону, который и является его душеприказчиком. Если ты хочешь, чтобы вернули кредит, тебе следует поговорить с мистером Джефферсоном.

Монтеверди откашлялся, Лейн подумал: *«Аааа, так вот оно что, значит он уже обращался к нему и тот его послал»*.

— Мне кажется, Лейн, что у вас есть более личный интерес во всем этом.

— С чего бы?

— Вам бы не хотелось, чтобы многое вышло на свет.

— Смерть моего отца уже в новостях.

— Я не об этом.

Лейн улыбнулся и встал, направляясь к бару-тележке, сделанной из латуни.

— Скажи мне, как ты собираешься поделиться этой информацией с кем-то, что моя отказывается тебе заплатить, и не покончить со своей карьерой раз и навсегда, а может и с жизнь? — он оглянулся через плечо. — Я имею в виду, давай в открытую, ладно? Ты угрожаешь мне, раскрыть информацию, и даже если это будет анонимный звонок от тебя, как это отразится конкретно на тебе, когда совет директоров трастового фонда узнает о кредите, который ты выдал моему отцу? Мы не совсем свободны в финансовом плане прямо

сейчас, и ты должен был это знать, выдавая кредит. У тебя имеется доступ ко всей информации в трастовом фонде. Ты же знал, сколько у нас есть на всех наших счетах.

— Ну, я думаю, вы бы захотели избавить свою мать от позора...

— Моя мать лежит в кровати вот уже три года. Она не читает газет, и единственные гости, которые к ней приходят — это ее медсестры — все они будут говорить то, что я им скажу, или они просто будут уволены. Скажи мне, ты также разговаривал с моим братом? Не думаю, что ты продвнешься в этом вопросе.

— Я ничего такого не делал, я просто хотел помочь давним друзьям. Ваша семья не переживет скандала... и вы должны знать, что фонд доверия вашей матери сильно истощился. Незаметно для меня, ваш отец перевел почти все деньги за день до смерти. Осталось очень мало, меньше шести миллионов. Трастового фонда вашей сестры не существует. Фонд вашего брата Макса пуст. Активы Эдварда на нуле. И если вы думаете, что это наша бесхозяйственность, то хочу вас заверить, что ваш отец стал доверенным лицом, опекуном всех этих фондов, как только он объявил вашу мать недееспособной. И прежде чем вы спросите меня, почему мы позволили ему повернуть такое, я вам напомню, что он действовал в рамках своих законных прав.

Ну, это не самая прекрасная маленькая новость. Шестидесят восемь миллионов, казались, крупной суммой. Потом сто сорок миллионов. А теперь...

Сотни миллионов пропали.

Лейн повернулся к Монтеверди спиной и поднял свой стакан. Он не хотел, чтобы тот видел, как у него тряслись руки.

Шесть миллионов осталось в трастовом фонде матери, для большинства людей это было огромной суммой — целым состоянием. Но расходы на Истерли сожрут их за полгода.

— Я хотел все это объяснить вашему брату, — прошептал Монтеверди, — но он не захотел меня выслушать.

— Сначала ты оправился к нему, а потом к Бэбкоку.

— Вы хотите меня в чем-то обвинить?

— Бэбкок сказал тебе, куда мой отец вложил все деньги? — Лейн покачал головой. — Не обращай внимания. Если бы он сказал, тебя бы здесь не было.

Мозг Лейна работал на всю катушку, а потом он посмотрел на спиртное, налитое в его граненый хрустальный стакан.

По крайней мере он понял, куда он может приложить свои руки, чтобы получить наличные.

— Сколько времени я смогу купить за десять миллионов? — услышал он свой вопрос.

— У вас нет...

— Заткнись и отвечай на вопрос.

— Я могу дать вам еще неделю. Но мне нужно, чтобы десять миллионов были завтра на счете. Завтра до обеда.

— И они сократят долг до сорока трех миллиона.

— Нет. Это мои комиссионные за то, что я рисковал своей репутацией ради вашей семьи. Уровень долга останется прежним.

Лейн кинул взгляд через плечо.

— Ты не джентльмен.

Уважаемый человек покачал головой.

— Ничего личного, мистер Болдвейн. Это бизнес. И с точки зрения бизнеса, я могу...

попридержать некоторые вещи на короткий срок.

«*Спасибо, сволочь*», — подумал про себя Лейн.

— Ты получишь свои кровавые деньги. Завтра.

— Я высоко ценю это.

После того, как Монтоверди сказал ему куда сделать перевод, он поклонился и направился к выходу. В наступившей тишине Лейн достал телефон.

Он знал, где можно взять деньги. Но ему необходима была помощь.

— Мне необходимо, чтобы ты сделал это.

Как только Эдвард поднес трубку к уху, зазвучал мрачный голос брата, собственно такие же, как и новости. Все пропало. Фонд доверия и перспективы развития иссяк. Учетные записи стерты. Поколение изобилия было дематериализовано.

— Эдвард? Ты должен встретиться с ней.

По какой-то причине, Эдвард повернулся к своей маленькой кухне. Шелби стояла у плиты, что-то помешивая в кастрюле, и запах исходил убийственно вкусный.

— Эдвард, — крикнул Лейн. — Алло?

У Шелби выбилась прядь волос из хвостика, и она убрала ее за ухо, словно та ее раздражала, пока смотрела вниз в суп. Рагу. Соус. Или что там она готовила.

Она одела другие джинсы, но оставила свои сапоги, сменила рубашку, но оставила флиску. *«На ней всегда много надето, — рассеянно отметил, — словно она мерзнет».*

С каких это пор он стал замечать такие мелочи у нее?

— Отлично, — отрезал Лэйн. — Я пойду сам и позабочусь...

— Нет, — Эдвард перенес свой вес на другую ногу и отвернулся от кухни. — Я схожу.

— Мне нужен перевод к завтрашнему дню. Монтеверди дал мне номера счетов. Я пришлю их тебе.

— У меня нет сотового телефона. Я дам тебе знать, куда отправить реквизиты перевода.

— Хорошо. Однако есть и еще кое-что, — возникла пауза. — Они нашли кое-что. Это касается отца. Я пытался дозвониться до тебя.

— Да? Он оставил после себя маленький кусочек? Он имеет какую-то материальную ценность? Мы могли бы использовать его, чтобы получить хоть какой-то доход.

— Почему ты так говоришь?

— Ты только что сказал, что денег ни у кого нет. Достаточно разумный оптимизм получить хоть какие-то наличные при таком ограничении средств.

Наступила еще одна пауза. А потом Лейн рассказал, что нашли рядом с плющом.

Эдвард молчал, его брат пробормотал:

— Ты, кажется, совсем не удивлен. Ничему, что я тебе рассказал.

Глаза Эдварда прошли по портьеру, прикрывающей окна.

— Эй? — позвал Лейн. — Ты знал, не так ли? Ты знал, что деньги пропали?

— У меня были подозрения.

— Скажи мне что-нибудь. На сколько застрахована жизнь отца?

— Семьдесят пять миллионов, — произнес Эдвард, слыша себя со стороны. — Страхование ведущего руководителя через компанию. По крайней мере, так было, когда я был у руля. Мне нужно ехать. Позвоню тебе позже.

Эдвард повесил трубку и сделал глубокий вдох. На мгновение коттедж закрутился перед глазами, но он силой воли заставил себя сфокусироваться.

— Мне нужно уехать, — сказал он.

Шелби взглянула через плечо.

— Куда ты собираешься?

— По делам.

— За новой кобылой, о которой ты говорил Мое и ее жеребце?

— Да. Прибереги мой ужин, — ее брови поднялись, сердце у него заболело в груди, как будто его проткнули. — Пожалуйста.

— Ты будешь поздно?

— Не думаю.

Эдвард был уже на полпути к двери, когда вспомнил, что у него не нет машины. Его Porsche пылился у задней стенки гаражей в Истерли.

— Можно одолжить твою машину? — спросил он.

— Разве ты не поедешь с Мое или Джоуи? — он просто пожал плечами, Шелби покачала головой. — У меня механическая коробка передач.

— Я справлюсь. Лодыжка уже лучше.

— Ключи в машине, но я не думаю...

— Спасибо.

Прихрамывая он вышел из дома, у него не было сотового, не было бумажника, не водительских прав и его желудок был совершенно пуст, ничего у него не было, способного его как-то поддержать, но он был трезв и точно знал, куда ехал.

Рулевое колесо у старого пикапа Шелби было сильно потертым, с выцветшей торпедой и коврики внизу были с таким небольшим ворсом, что кое-где просвечивали. Хотя шины были новые, мотор завелся без проблем, внутри, в салоне все были прибрано, вплоть до булавки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пересекая шоссе 42, он направился в пригород. Сцепление в ее машине было не жестким, но тем не менее оно убило его щиколотку и колено, и его путь занял много времени, ему приходилось ехать на третьей скорости. Однако, как замороженный он ехал вперед. Ну, эмоционально замороженный.

После многих миль, появились большие особняки с профессионально ухоженной землей, словно он въехал в интерьер какой-то комнаты, а не находился на дороге. У многих были причудливые ворота, каменные заборы и скульптуры на газонах. Элитные машины и такие же деревья. Камеры безопасности. Роллс-ройсы и Бентли стояли на дороге.

Родовое поместье Саттон Смайт было левее. Оно тоже стояло на холме, который был не так высок по сравнению, на котором возвышался Истерли, но ее особняк из кирпича, по истине точно соответствовал штату Джорджия, построенный в начале 1900-х годов, по площади прилегающего участка за тридцать тысяч квадратных футов, делал его больше, чем старое логово Эдварда.

Подъехав к воротам, он опустил стекло и ввел код на клавиатуре, чтобы проехать вперед. Огромные железные ворота разделились надвое и стали открываться, предоставляя ему проход по извилистой дорожке вглубь поместья, оставляя огромный след в разросшейся стриженной траве. Также как и в Истерли, дом был окружен магнолиями и другими деревьями, с разросшейся кроной. В стороне виднелся теннисный корт, закрытый живой изгородью, а гаражи были где-то еще дальше.

Дорога петляла к входу особняка, где стоял черный лимузин, Мерседес С63, скромный Camry и два внедорожника с тонированными стеклами, припаркованные в ряд.

Он остановил пикап Шелби поближе к входу, и заковылял к резным дверям. Несколько раз стукнув латунным молотком о дверь, он вдруг вспомнил, сколько раз он приходил сюда в черном галстуке и костюме прямиком заходя внутрь. Но он и Саттон уже не те.

Дворецкий Смайтов, мистер Грэм, открыл двери. Надо отдать ему должное, он

постарался не выдать своего удивления, хотя его глаза широко распахнулись и не только по тому, что Эдвард был в джинсах и рубашке вместо костюма.

— Мне нужно увидеть Саттон.

— Сожалею, сэр, но она принимает гостей...

— Я по делу.

Мистер Грэм склонил голову.

— Конечно. Гостиная для приема гостей, если вы были там?

— Я знаю дорогу.

Эдвард, прихрамывая прошел через фойе, мимо кабинета, направляясь в противоположную сторону главной гостиной, где принимались коктейли. Учтывая, внедорожники, стоявшие перед домом, вполне вероятно, что губернатор Кентукки прибыл на ужин, и Эдвард мог только догадываться, что могло здесь обсуждаться. Дело могло касаться бурбона. А возможно и сбора средств. Для школ.

Саттон усиленно занималась благотворительностью и хотела быть в курсе всего.

Возможно, она будет когда-нибудь даже баллотироваться на какую-нибудь государственную должность.

Он конечно же проголосует за нее.

Войдя в великолепную гостиную, он огляделся и подумал, что прошло много времени, когда он был здесь в последний раз. Когда же он приходил сюда в последний раз? Он не мог вспомнить... он взглянул на лимонно-желтые шелковые обои, дамасские шторы цвета весенней зелени, диваны с кистями на подлокотниках и картины Сислея, Мане и Моризо, и решил, что здесь, как у роскошного отеля присутствует своего рода некая анонимность, отображающая родословность: здесь не было картин современного искусства, все было вполне гармоничным и бесценным, не было нагромождения в беспорядке безделушек, всего лишь несколько семейных фотографий в серебряных рамках.

— Вот так сюрприз.

Эдвард медленно развернулся, и на миг потерял дар речи. На Саттон было одето красное платье и ее прическа была высокой, дополненная шиньоном брюнетки, духи должно быть были по-прежнему *Must de Cartier*. Но поразило его не это. На ней были рубины, которые он ей подарил.

— Я помню эти серьги, — тихо сказал он. — И эту брошь.

Своими длинными пальцами она дотронулась до мочки уха.

— Я все еще люблю их.

— Они по-прежнему идут тебе.

Van Cleef & Arpels набор — бирманских прекрасных бриллиантов. Он подарил ей, как только она стала вице-президентом корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон».

— Что случилось с твоей щиколоткой? — спросила она.

— Судя по тому, что ты надела сегодня красное, ты собираешься говорить о УЧ, — Университете Чарлмонт. Вперед Орлы. И Нахрен Тигров. — Стипендиях? Или расширении стадиона Папы Джона.

— Итак, ты не хочешь говорить, почему ты хромаешь на одну ногу.

— Ты... прекрасно выглядишь сегодня.

Саттон снова потеряла сережку, потом прошла немного вперед. Платье было, скорее всего от Кельвина Кляйна, от *maison de haute couture*, не массового производства, его струящиеся линии были настолько гладкими, настолько элегантными, что от женщины

невозможно было отвести глаз.

Она прочистила горло.

— Я не могу представить, что ты пришел поздравить меня.

— С чем? — спросил он.

— Не обращай внимания. Так зачем ты здесь?

— Мне необходимо, чтобы ты исполнила обязательства по кредиту под недвижимость.

Она выгнулась бровь.

— О, на самом деле. Это явный прогресс. В прошлый раз, когда мы говорили об этом, ты потребовал, чтобы я разорвала договор в клочья.

— У меня есть номер счета для перевода.

— Что изменилось?

— Куда ты хочешь мне отправить информацию о состоянии счета?

Саттон скрестила руки и прищурилась.

— Я слышала о твоём отце. Сегодня в новостях. Я не знала, что он совершил... прости, Эдвард.

Он позволил ее словам повиснуть в воздухе. Здесь он ничего не мог поделать, он не собирался говорить о смерти отца, тем более с ней. И в тишине, он ощупывал глазами ее тело, вспоминая, каково это прикасаться к ней, представляя, как он встал рядом и зарылся в ее волосы, чувствуя их запах, ее кожу... только на этот раз, он знал, что это была она.

Боже, он хотел ее обнаженной, вытянувшейся перед ним, чувствовать ее гладкую кожу и слышать стоны, когда он накрывал ее собой.

— Эдвард?

— Ты выполнишь условия кредита под недвижимость? — нажал он.

— Иногда помогает, стоит только поговорить.

— Итак, давай обсудим, куда можно перевести десять миллионов.

Шаги в коридоре заставили их повернуться.

И что вы думаете? В богато украшенном арочном проеме показался сам губернатор.

Губернатор Дэгни Бун, да, потомок настоящего Дэниела, и у него было такое лицо, которое спокойно могла быть на двадцати долларовой банкноте. Несмотря на свои сорок семь, у него было полно волос, естественно, темных, тело, отточенное часами игры в теннис, и в нем чувствовалась сила человека, который только что выиграл свой второй срок с большим отрывом. Он был женат на своей школьной подруге в течение почти двадцати трех лет, имел троих детей, но четыре года назад его жена умерла от рака.

С тех пор он был один, насколько было известно общественности.

Он взглянул на Саттона, но взглянул ни как политик. Его взгляд задержался чуть дольше, словно он с каким-то трепетом наслаждался ее видом.

— Так это свидание, — протянул Эдвард. — С полицией, как сопровождение. Как романтично.

Бун вскользь глянул... и глазам своим не поверил, словно он не признал Эдварда.

Игнорируя его насмешку, Бун шагнул вперед с протянутой рукой.

— Эдвард. Я не знал, что ты вернулся в город. Мои соболезнования по поводу смерти твоего отца.

— Только часть меня вернулась, — произнес Эдвард, все же пожимая руку, только лишь потому, чтобы потом не выслушивать упреки Саттон. — Поздравляю с победой в ноябре. Снова.

— Предстоит много работы, — губернатор взглянул на Саттона. — Извините, что вмешиваюсь, но ваш персонал интересуется можно ли подавать ужин? Или стоит организовать еще одно место за столом? Я могу помочь.

— Он не останется...

— Я не останусь...

— Как одновременно, — губернатор улыбнулся. — Хорошо. Я оставлю вас. Было приятно повидаться с тобой, Эдвард.

Эдвард кивнул, и не упустил, как мужчина, выходя из комнаты, легко сжал руку Саттона.

— Новый парень? — протянул он, как только они снова остались одни.

— Не твое дело.

— Ты не отрицаешь.

— Куда ты хочешь, чтобы я перевела деньги...

— Почему ты не отвечаешь на вопрос...

— Потому что не хочу.

— Так это свидание.

Они оба молчали, воздух искрился между ними гневом и чем-то эротическими искрами, которые разделяли их... или, по крайней мере, сексуальная составляющая была с его стороны. И он ничего не мог поделать. Он раздевал ее глазами, снимая мысленно с нее платье, видя ее обнаженной во всей своей красе.

Но она заслуживала лучшего. Лучшего, чем он. Она заслуживала настоящего парня такого, как Дермовый Дэгни со всем его надежным прошлым, его слащавостью и его политической властью. Губернатор был именно тем мужчиной, который будет стоять рядом с ней во всем, полностью функционируя, будет отодвигать ей стул и вставать на ноги, когда она соберется пойти в туалет освежить губную помаду. Он мог сказать ей то, что она должна была слышать, но и то, что она хотела ему сказать. Он смог бы помочь ей с ее бизнесом, а также с ее отцом. Эта пара бы совершила великие дела для государства.

И да... Дермовый Дэгни, несомненно, наслаждается ею и имеет на нее определенные планы, Эдвард не мог даже об этом думать.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— О кредите под недвижимость. Ты выполнишь условия? У тебя нет никаких оснований их не выполнять. Процентная ставка хорошая, и ты будешь единственной в обеспечительном интересе на Истерли. Ты в безопасности, в этом смысле.

— Что заставило тебя передумать?

— Это «да»?

Она пожала изящными плечами.

— Я заключила сделку добровольно и у меня имеются наличные.

— Хорошо.

Он слышал себя со стороны, спокойно передавая реквизиты счета, которые сообщил ему Лейн, но при этом думал о губернаторе таком слащавом и заманчивым, который ждет ее внизу, и желал он ее не потому что она была свободной, а потому что она была красива и умна, и мужчины это видели, такого невозможно было не замечать и желали, даже жаждали.

И знаешь, Эдвард был поражен возникшем у него желанием пройти в другую комнату и совершить убийство, разбив о голову губернатора супницу. Конечно, его бы тут же застрелили в процессе мести, это было бы справедливо, но тогда разрешились бы и многие проблемы.

— Средства будут на счете утром, — сказала она. — В одиннадцать утра.

— Спасибо.

— Это все?

— Десять миллионов — это много, да.

Эдвард двинулся к выходу из комнаты, но потом он развернулся и подошел к Саттон.

— Будь осторожна с нашим прекрасным губернатором. Политики не славятся совестью.

— А ты?

Он протянул руку и коснулся большим пальцем ее губ.

— Не всегда. Скажи мне что-нибудь. Он останется на ночь?

Саттон оттолкнула его руку.

— Это не твое дело, но он не останется.

— Я думаю, он хотел бы.

— Ты с ума сошел. И оставь его в покое.

— Почему, потому что я увидел, что он находит тебя привлекательной? Разве это оскорбление?

— Он губернатор штата Кентукки.

— Как будто это что-то меняет? Он все-таки мужчина.

Наклонив подбородок, она пристально посмотрела через его плечо.

— Ты получил то, что хотел. Ты знаешь дорогу обратно.

Она обошла его вокруг, и он сказал:

— Когда он попытается поцеловать тебя в конце ужина, вспомни, что я тебе сказал.

— О, я буду вспоминать тебя. Но не об этом.

— Тогда вспомни меня, касающегося твоих губ.

Лейн шел через Истерли, переходя из одной комнаты в другую, в полной тишине. Такая тишина была редкостью. Когда в поместье трудятся семьдесят человек полный и неполный день и еще имеются полдюжины членов семьи под одной крышей, как правило, раньше, когда он проходил по Истерли обязательно кого-нибудь встречал на любом этаже.

Даже англичанин дворецкий *куда-то исчез*. Хотя это было самое жуткое, что можно было предположить.

За окном вечерело, темнота опускалась на землю, смазывания очертания деревьев Чарлмонта, а также реки, самой низкой точки Огайо, которая становилась серо-черной, словно нарисованная карандашами.

Проверив свой телефон, он выругался, Эдвард до сих пор не позвонил, и чтобы как-то унять свое беспокойство, он открыл стеклянные двери и вышел на террасу, выходящую на сад и реку. Подойдя к самому краю, его мокасины издавали шорох по плиткам, заставляя его задуматься.

Казалось невероятным, что богатство, окружающее его, изысканные цветы и плющ на грядках, старые каменные статуи, цветущие фруктовые деревья, домик для бассейна, грандиозный бизнес-центр... было ничем иным, как скалой. Постоянной. Неизменной.

Его мысли переметнулись на то, что было внутри дома. Картины старых мастеров. Абиссинские и персидские ковры. Хрустальные люстры баккара. Чистейшее серебро от Тиффани и Кристофле, а также от Пол Ревира. Мейсенский, лиможский и севрский фарфор. Королевская Корона, выигрыш на Дерби, наборы посуды и бесчисленное стекло Уотерфорда. И еще имелась коллекция украшений его матери, настолько обширная, естественно была под сигнализацией, но настолько большая, чтобы рассмотреть ее нужно было долго обходить стенды, некоторые люди имели такого размера гардеробные.

Должно быть семьдесят или восемьдесят миллионов долларов можно было выручить за все это. Ну, или значительно больше, если еще и посчитать картины... в конце концов, в поместье имелись документально заверенных три Рембрандта, спасибо одержимости его бабушки и дедушки художнику.

Так в чем проблема? Ничего, из имеющегося ценность, нельзя было облечь в денежную форму. Прежде, чем все это превратится в доллары, если можно так выразиться, сначала нужно вызвать оценщика, потом он даст свое заключение, и все будет выставлено на аукцион — это будет очень публично. Плюс придется платить определенный процент Christie или Sotheby. И, возможно, было бы быстрее продать в частные коллекции, но здесь тоже придется прибегнуть к услугам посредников, что потребует определенного времени.

Все это напоминало, словно глыбу льда он положил в огонь. С одной стороны, вроде бы можно решить, с другой — не так быстро.

— Эй.

Он обернулся в сторону дома.

— Лиззи.

Он протянул ей навстречу руки, и она легко ринулась в его объятия, на мгновение он забыл обо всем. Легкий ветерок трепал его волосы, принося горячее, сладкое облегчение, забыв обо всем, что так давило на него, выдохнув, он закрыл глаза, отчаянно нуждаясь во сне.

— Ты хочешь остаться здесь на ночь? — спросила она, глядя его по спине.

— Не знаю.

— Мы могли бы, если ты хочешь. Или я смогла бы уйти куда-нибудь, чтобы дать тебе время подумать.

— Нет, я хочу быть с тобой, — он провел рукой вверх-вниз по ее талии, ему хотелось быть ближе к ней. — Иди сюда.

Взяв ее за руку, он повел ее за угол, в сад, на которой опускалась темнота, и они проходили мимо грядки с овощами, по извилистой выложенной кирпичом дорожке, ведущей к бассейну. Его тело воспламенялось с каждым шагом, они были скрыты от всего поместья навесом и беседкой с шезлонгами, баром и грилем. Бассейн освещался снизу, аквамаринного цвета вода ярко подсвечивалась, пока последние лучи солнца исчезали за рекой Индианы.

Слышались переливы сверчков, но для светлячков было еще слишком рано, это было не их время. Ночь, своим мягким очарованием и влажностью окутывала все, хотя, главная нота ее мелодии — секс в чистой форме, еще была не невидима.

Внутри бассейна имелись три передевалки, каждая с собственной душевой кабиной и ванной комнатой. Он выбрал первую, поскольку она была самой большой. Заведя Лиззи в одну из них, он запер дверь.

Но не стал включать свет. Мерцающая вода бассейна светила через окна, он видел достаточно хорошо.

— Я ждал этого весь день.

Как только он сказал, то притянул ее к себе, чувствуя напротив своей груди, ее бедра напротив своих, свои руки на ее плечах.

Ее рот был мягким и сладким, и стоило ему лизнуть ее губы, как она прошептала с придыханием его имя, и это заставило его продвинуться дальше, причем намного быстрее. Но существовало кое-что, что он должен был ей сказать. У него имелись опасения, он боялся, но у него не было выхода, ему необходимо было с ней поделиться. Он очень хотел осуществить свой план.

— Лиззи...

Ее руки прошли по его волосам.

— Да?

— Я знаю, что совсем неподходящее время, по многим причинам.

— Мы можем вернуться в дом, в твою комнату.

Лейн оторвался от нее и стал расхаживать по тесной комнате. Со стороны он выглядел так, словно собирается пройти сквозь все шкафчики, причем не один раз.

— Я хотел, чтобы все было в высшей степени совершенным.

— Давай вернемся.

— Я хотел бы большее предложить тебе. И я предложу. После всего. Не знаю, как хорошо это будет выглядеть со стороны, но у нас будет будущее, — он что-то лепетал, словно разговаривая сам с собой. — Может, это будет ферма, о которой ты мечтаешь. Может гараж. Или закусочная. Но я клянусь, не всегда будет так, как сейчас.

И он обязательно разведется. *Черт побери, может ему стоит подождать?*

«Нет», — решил он. Его жизнь казалась такой неустойчивой, и он сожалел, даже тогда, о том времени, которое упустил. Он выжидал, чтобы сделать все правильно, сделать то, что ему больше всего хотелось и в чем он нуждался, в той, которую любил, и это было настоящей

роскошью быть счастливым.

А также ему хотелось начать свое будущее прямо здесь, прямо сейчас, в Истерли, в Чарлмонте. Он хотел, чтобы она осознавала, что он очень ее ценил. Несмотря на то, что «римская империя находилась в затруднительном положении», она все равно была для него важна, бесценна, не потому, что она была своего рода его «билетом», чтобы вырваться из этого ада. Он любил ее, и он с нетерпением ждал, чтобы начать вместе с ней строить свою жизнь.

На самом деле, он отчаянно нуждался в действиях, пытаясь получить наличные во время этого ужасного краха его семьи.

Он взглянул на нее, Лиззи покачала головой и улыбнулась.

— Мне больше ничего не нужно, только ты.

— Боже... я люблю тебя. И все должно быть гораздо лучше и по-другому.

Как происходит у других. С кольцом. С шампанским и струнным квартетом...

«Нет», — опять подумал он, сосредоточившись на своей Лиззи. Она не была похожа на Шанталь. Она не будет перечислять весь список соответствующих вещей своим подругам в городском клубе, готовясь к свадьбе, чтобы посоревноваться в Олимпийском бракосочетании.

Опустившись на одно колено, Лейн взял ее руки и каждую поцеловал. Ее глаза вспыхнули в полумраке, словно она вдруг догадалась, что произойдет дальше и была не в состоянии поверить, он широко улыбнулся.

В домике с бассейном. Кто мог предположить, что такое может произойти в домике с бассейном?

Ну, по крайней мере, это гораздо лучше, чем стоять перед половиной отделения городской полиции Чарлмонта, с направленными на них пистолетами.

— Ты выйдешь за меня? — спросил он.

Путь домой Эдварда был долгим, двигаясь по инерции по сельским улочкам, которые обходным путем вели его к конной ферме округа Огден, только фары пикапа Шелби единственные освещали путь по холмистой местности. Воздух был теплым и приятным, обдувая его лицо, и он дышал полной грудью... хотя крепко сжимал руль, и его живот сжимался.

Он продолжал думать о Саттон и губернаторе.

На самом деле, он слышал о Дермовом Дегни, что тот был джентльменом. Губернатор был верен своей жене, и в отличие от многих мужчин, которые стали вдовцами, он не бросался ни к какой двадцатипятилетней «арендованной фантазии». Вместо этого он сосредоточился на своих детях и управлении городом.

И на самом деле, это скорее всего было похоже на правду, поскольку в противном случае, газеты сообщили бы об этом и его оппоненты не приминули намекнуть в ходе избирательной кампании.

Так что, да, он казался насквозь джентльменом. Но это не означало, что ниже живота он был мертв. Черт возьми, мужчина должен быть просто не в своем уме, чтобы не признать в Саттон настоящую женщину. И тот факт, что она стала стоить миллиарды долларов был только на руку.

Даже без гроша в кармане, она бы все равно имела неизмеримо много. Она была уравновешенной. Веселой. По уши влюбленной в свою работу. Дурашливой и доброй, и умной. В состоянии перечить мужчине и называть его глупым, в то же время заставляя чувствовать каждую унцию тестостерона в теле.

Но она ошибалась в одном. Губернатором он был или нет, он точно собирался сделать шаг в их отношениях сегодня вечером.

Дерьмо.

Однако, ему по-настоящему было горько осознавать, что его больше всего беспокоили не намерения губернатора. Его больше всего беспокоил ответ Саттон, он ненавидел признаваться даже самому себе, что в нем и крылась настоящая причина его ревности, он же все ходил вокруг, да около.

И самое ужасное было то, что Дермовый Дагни был на самом деле удивительным человеком, достойным ее по слишком многим причинам. И она собиралась выяснить, прав ли Эдвард в своих предположениях.

И с этим он ничего не мог поделать.

Или *ему следовало* бы все же что-то с этим сделать, да, ради бога! Какого черта с ним происходит, что с ним не так? Почему он хочет позлить ее, если она желает вступить в потенциальные счастливые, здоровые отношения...

Потому что я хочу ее для себя.

Как только его внутренний голос громко озвучил мысль, его остановило только то, чтобы не врезаться в дерево и, таким образом, легко закрыть вопрос, что пикап принадлежал Шелби, и он не имел права его колечить.

Он вовремя затормозил, пару раз стукнув руль и сотрясая матом салон машины.

Много миль спустя, Эдвард наконец-то решил поехать в Red Black, а не кружить вокруг по окрестностям, как шестнадцатилетний подросток, которому отказала девушка, собираясь

на свидание с капитаном футбольной команды. Он только тогда обнаружил, что сжег пол бака бензина. Заехав на бензоколонку Shell, он подъехал к одному из трех вакантных насосов и полез за своей кредиткой... пусто. Бумажника также не было.

Чертыхаясь, он выехал и направился напрямик к главным воротам Red Black. Проехав между двумя каменными колоннами, он увидел огромное и открытое пространство, которое согревало душу, несмотря на то, что провел за рулем большую часть ночи и оставил в пикапе Шелби почти пустой бак. В скором времени ему еще предстоял неловкий разговор с ней или с Мое и/или Джоуи, когда они будут толкать ее машину.

Припарковавшись перед конюшней В, Эдвард вытащил ключи из зажигания, а потом вернулся, чтобы проверить закрыты ли окна. Прихрамывая, он открыл входную дверь своего домика, ожидая, что у него в берлоге будет пусто.

Шелби спала в его кресле, подтянув ноги к груди, положив голову набок на колени. Глядя мимо нее, он увидел, что кухня сверкала чистотой, и он поставил бы последний свой цент, что в холодильнике поджидала его еда.

Он тихо прикрыл дверь.

— Шелби?

Она очнулась, вспрыгнув с кресла со всей своей гибкостью, которой он позавидовал. Ее хвостик волос тут же перелез на плечи вперед, и она не задумываясь стянула резинку, ее волосы разметались по плечам.

Их было так много, гораздо больше, чем он предполагал. Блондинка.

— Сколько времени? — спросила она, собирая их и стягивая опять резинкой.

— Почти десять часов.

— Кобыла не ожеребилась, да?

— Нет.

— Я оставила вам миску с едой в холодильнике.

— Я понял, — он внимательно следил за ее действиями, как она легко опустила ноги, как поправила прядь за ухо. — Я знаю, что ты оставила. Спасибо.

— Увидимся утром, тогда.

Она направилась мимо него, но он схватил ее за руку.

— Не уходи.

Она не подняла глаз. Она по-прежнему смотрела... на половицы под своими ботинками. Но ее дыхание участилось, и понял, каков будет ее ответ.

— Останься со мной сегодня на ночь, — услышал он свои слова. — Не для секса. Просто... останься со мной.

Шелби замерла и не двигалась очень долго.

Но, в конце концов, она взяла его за руку и повела в полутемную спальню. Отсвет огней сигнализации из конюшен отбрасывал легкие тени через простые шторы в клетку, а также от такого же простого бюро и скромной, двуспальной кровати, которая совершенно не соответствовала его положению.

Он не мог вспомнить, имелись под одеялом простыни.

Поскольку большинство ночей он спал в кресле, фактически, как только перебрался сюда. Или же уходил в эти чертовы конюшни или же совершал еще что-то.

Эдвард направился в ванную комнату, справил нужду, потом почистил зубы. Когда он вышел, она разглаживала одеяло.

— Я вчера постирала, — сказала она, стоило ему подойти к другой стороне кровати. —

Я не знала спали ли вы на ней или нет.

— Тебе не стоит так обо мне заботиться.

— Я знаю.

Она впервые залезла к нему под одеяло полностью одетой, и снова он позавидовал легкости ее движений, как она спокойно вытянула ноги, как откинулась на спину, не скрючившись от боли и стонов. Его подготовка в горизонтальное состояние, напротив, происходила со стонами и проклятиями, ему нужно было время отдышаться, прежде чем он мог положить свою голову на подушку.

Шелби развернулась к нему, положив руку на его впалый живот. Он напрягся, хотя и был в футболке. И флиске.

— Тебе холодно? — спросила она.

— Мне? — он повернул голову в ее сторону. — Думаю, что ты права...

Она вдруг поцеловала его, ее губы были мягкими.

— С возвращением, — прошептала она. — Можешь не отвечать.

— Что?

— Вы ничем мне не обязаны, кроме этой работы. И мне ничего не нужно от вас, кроме этой работы.

Он крикнул, подняв руку, чтобы провести пальцами по ее подбородку и спуститься вниз к ее шее. И обнаружил, что порадовался тому, что вокруг было темно.

— У меня ничего нет, чтобы кому-то что-то дать, — Эдвард взял ее натруженную руку и положил себе в центр груди. — И да, мне холодно.

— Я знаю. Много знаю о тебе. Я всю свою жизнь работаю с животными. Я не жду, что какая-нибудь лошадь будет лучше или хуже, чем есть на самом деле. И люди такие же, у них тоже нет причин быть другими, нежели такими, какие они есть.

Это был самый странный ответ. С тех пор, как он был похищен из отеля в Южной Америке, он все время держался, каждой клеточкой своего тела. Сначала от ужаса. Потом от боли, связанной с пытками и желанием умереть. А потом после спасения, его организм перестал функционировать на очень многих уровнях... и ему опять пришлось сражаться, чтобы сохранить свой здравый смысл и не сойти с ума.

Но сейчас, в этой ночной тишине, он почувствовал, что пора отпустить контроль.

— Я чувствую, как ты на меня смотришь, — нежно произнес он.

— Это потому, что я здесь. И это нормально. Как я сказала, вы не должны мне ничего. Я не жду от вас ничего.

По какой-то причине, он подумал о сыне Мое Брауна, Джоуи. Красивый, здоровый парень, такого же возраста, как и она. Любит лошадей, добродушный и не дурак.

Ей стоило проводить свои ночи с ним или с кем-то на него похожим.

— Тогда зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Это мое решение, а ничье-либо. Мой выбор, который мне не надо объяснять никому, включая и вас.

Ее спокойное, откровенное заявление, объясняющее ее точку зрения, было воспринято им точно так, каким оно и было... вызвав странное и чудесное послабление в нем.

И чем дольше он лежал рядом с Шелби, тем больше его тело расслаблялось. Или это была его душа. Но Шелби была единственным человеком, которая не сравнивала его с тем, кем он был раньше. Она не могла его оплакивать, потому что не знала его тогда. Она не собиралась выжидать, когда он победит свою немощность и присоединиться к управлению

компании «ББ», став штурвалом семьи.

Он был лошадью для нее, восстанавливающийся после травмы на пастбище, под воздействием стихий..., за которой она готова была ухаживать и кормить. Скорее всего, это было единственное, что она умела делать, когда сталкивалась с чьими-то страданиями.

Выдохнув, он почувствовал, как спадает тяжесть. Он не мог предположить какую тяжесть носил в своем сердце. Обиды на всех, кто был в его прежней жизни. Вернее... на самом деле, он ненавидел их всех, ненавидел всех, кто смотрел на него с жалостью, шоком и печалью. Он хотел крикнуть им, это не их собачье дело, что с ним случилось, и он, в конце концов, не вызывался добровольцем, и не важно, как он выглядит...

Неужели они думали, что их взгляды могут его расстроить? Мать твою. Ему пришлось столько пережить и с их взглядами он как-нибудь уж справится.

И да, он даже злился на Саттон, хотя она была виновата не больше, чем остальные.

Шелби... Шелби ко всему этому не имела никакого отношения. Она была чиста по сравнению с ними. Она была свежим воздухом в душной комнате. Она была светом в камере без окон.

Эдвард застонал, надавив на свое плечо и поцеловав ее в ответ. И под натиском его губ, ее губы приоткрылись, честно отвечая ему, такой она и была. И он мгновенно затвердел.

Но вместо того, чтобы начать снимать с нее футболку и джинсы, он отстранился и убрал свои руки от нее.

— Спасибо, — прошептал он.

— За что?

Он всего лишь покачал головой. А потом закрыл глаза.

И впервые, казалось, за целую вечность, он начал погружаться в сон... трезвым.

— Замуж.

Лиззи возвышалась над Лейном, она наклонилась, взяла его лицо в ладони и широко улыбнулась. Боже, он был так красив, такой с ног сшибательно привлекательный, несмотря на мешки под глазами и его пятичасовую... (хотя была уже девять сорок пять вечера) щетину и взлохмаченные волосы.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж? — услышала она сама свои слова. И да, она говорила с придыханием.

Он кивнул.

— Могу я тебе кое-что сказать? Твоя улыбка сейчас — одна на века.

— Знаешь, — она провела рукой по его волосам, — я не отношусь к тем женщинам, которые мечтают о свадьбе с пятилетнего возраста.

— Меня это не удивляет.

— Я даже не уверена, что хочу надеть свадебное платье, и я не хочу венчания в церкви.

— Я атеист, поэтому с этим все в порядке.

— Чем меньше, тем лучше. Последнее, что меня интересует, это огромная свадьба, как самое большое событие для общества.

Он провел руками вверх-вниз по ее спине, разминая, поглаживая.

— Будет так.

— И твой развод...

— Развод будет, на самом деле. И Семюэль Ти. позаботится об этом.

— Хорошо.

Лейн поднял руку, словно перед учительницей в школе, она произнесла:

— Мммм?

— Это «да»?

Наклонившись, она прижалась губами к его губам.

— Абсолютное да.

Следующее, что она поняла, очутилась на шезлонге, его вес скользил по ней, они целовались глубоко, смеялись и опять целовались. А потом она оказалась обнаженной, также, как и он.

Она выдохнула его имя, стоило ему войти в нее, и о Боже, ему было так хорошо, проникая глубоко, растягивая и подчиняя ее. Она никогда не говорила, как ей нравилось ощущать его внутри себя, как она скучала по временам, когда он хватал ее за запястья и нагибал ее вниз, жадничая, пожирая и действуя немного грубо, вклиниваясь в нее.

Но он знал об этом.

Опять же, Лейн знал о ней все, и этот план был безупречным. Ничего показного, ничего фантазийного, и нет, она не хотела получить от него самый большой бриллиант. Все, что ей нужно — он. Все, что она хотела — их.

Поэтому они скрепили свою помолвку, двигаясь вперед, и она совершенно не беспокоилась на этот счет.

Да, вокруг Лейна творился полный хаос. Да, он не мог точно сказать, чем все закончится. И конечно же большинство женщин, даже контуженных на голову, не подписались бы на такую помолвку, даже золото искательницы.

Но у любви есть забавная особенность, наполнять вас верой в того, кто вас любит. В жизни ничего нельзя гарантировать — не богатство, не здоровья, не даже самой жизни. В конце дня, вы просто направляетесь... в лучшее место, которое может существовать на земле.

Он с наслаждением двинулся вверх по ней, Лиззи назвала его по имени и зарылась лицом ему в шею, он выругался и дернулся, находясь глубоко внутри нее. Это было прекрасно... идеально. Особенно когда он обнял ее, накрывая собой.

— Боже, я люблю тебя, — прошептал он ей на ухо. — Ты единственная, ради чего стоит жить.

— Мне не страшно, — прошептала она. — Мы разберемся во всем вместе. Почему так произошло. И у нас все будет хорошо. Это имеет значение для меня, но ничего больше.

Толкнувшись в нее, его голубые глаза были такими, как описывают их в романах — почтительными, искренними, наполненными любовью.

— Я хочу купить тебе кольцо.

— Не надо, — она снова погладила его по волосам, приглаживая пряди, которые торчали. — Мне не нравится носить кольца. Не с моей работой.

— Как насчет часов с бриллиантами?

— Наверняка...

Его телефон в кармане зазвонил, и он отрицательно покачал головой.

— Меня ни для кого нет. Я не...

— Тебе следует...

Он ответил на ее предложение, поцеловав ее и продолжая двигаться в ней. И Лиззи присоединилась к его ритму. В мире вокруг нее существовало столько всего ужасного, по сравнению с тем, что она сейчас теплой ночью в штате Кентукки занималась любовью со своим женихом.

Проблемы смогут подождать. Неужели их мир, это только маленький кусочек неба?
Только для них двоих.

И никого они не собираются приглашать сейчас на их празднование.

Ко времени, когда карамельный пудинг был съеден, Саттон готова была закричать. Разговор не клеился. Губернатор Дагни Бун и Томас Георгетов, управляющий директор университета Чарлмонт, были отличной компанией и самыми влиятельными людьми в штате, беседуя, они подтрунивали друг над другом, как старые давние друзья, какими и являлись. Другие, присутствующие за столом, тоже были известными личностями: жена мистера Георгетова, Берилайн, была красивой южанкой, как сладкий чай в жаркий полдень, а также его преподобие со своей женой, миссис Найс, руководитель крупнейшей баптистской общины в штате, был тверд, как гранит и соответственно не способствовал поднятию настроения ранним утром с первым солнечным лучом.

При любых других обстоятельствах, она бы наслаждалась вечером в этой компании. Конечно, у каждого из них была своя собственная цель, но все они были хорошими людьми, и ее шеф-повар сегодня превзошел самого себя.

Эдварду, однако, удалось вселить в нее смуту. Мало того, что этот мужчина не давал ей заснуть по ночам, пытаясь забраться под кожу, сейчас же он проделал еще лучшую работу.

Дагни совершенно не интересуется мной. Это безумие.

— Итак..., — губернатор опустил в кресло стиля королевы Анны справа от Саттон. — Думаю, мы все должны поблагодарить мисс Смайт за ее гостеприимство.

Чашки для кофе были подняты в знак уважения, и Саттон кивнула головой.

— Мне было в удовольствие.

— Нет, это для нас было удовольствие.

Губернатор улыбнулся ей, и Бог ей в помощь, от его улыбки, она тут же услышала слова Эдварда в своей голове. И это привело к другому, к другим воспоминаниям. Именно тем, когда она решила его навестить, и когда они...

«Прекрати», — одернула она себя.

— К нам не присоединился сегодня ваш отец, — произнес губернатор.

— Да, как он? — поинтересовался преподобный Найс.

Саттон сделала глубокий вздох.

— Ну, на самом деле, вы все равно завтра услышите новости — он объявит о своей отставке. И я заменю его на посту генерального директора.

Наступило минутное молчание, а потом Дагни сказал:

— Поздравляю и соболезную одновременно.

— Спасибо, — она склонила голову. — Сейчас немного сложное время лично для меня, но я точно знаю, что полностью готова для этой должности.

— «Ликеро-водочные заводы Саттон» не могут быть в лучших руках, — улыбнулся губернатор, приподнимая чашечку с кофе, как бы в тосте. — Я с нетерпением хочу представить вам наши новые предложения по налогам. Вы один из крупнейших работодателей в штате.

Было странно, но она почувствовала, как атмосфера слегка изменилась за столом, даже губернатор смотрел на нее, как-то по-другому и отводил глаза в сторону. Впервые она столкнулась с этим на заседании финансового комитета сегодня утром, а потом, когда общалась с высшим руководством компании на протяжении всего дня. Позиционная власть, так сказать, передала факел из рук в руки — ее отец передал ей, тем самым признав и

установив ее продвижение по служебной лестнице.

— И именно поэтому я пригласила вас сегодня на ужин, — сказала она.

— Я бы по любому с удовольствием пришел на десерт, — произнес преподобный Найс, указывая на свою чистую тарелку. — Это свидетельство Господа нашего, в моем представлении.

— Аминь, — встрял Георгетов. — Я хотел бы сказать...

— ... говорят его доктора, — закончила за него Берилайн.

— Она — моя совесть.

Саттон подождала, когда затихнет смех, а потом поняла, что сдерживает слезы.

Прочистив горло, она произнесла:

— Мой отец для меня очень много значит, — она взглянула на его портрет, висевший на противоположной стене. — Я хотела бы закрепить его существенный вклад, который он внес в управление штата и общества Чарлмонта. После долгих раздумий, я решила основать фонд в университете Чарлмонт на кафедре экономики, носящий его имя. Я выписала чек на пять миллионов долларов и готова передать вам его сегодня.

Президент университете ахнул... и на то у него были серьезные основания. Саттон, черт побери, прекрасно понимала, что такие огромные подарки не каждый день передавались университету, тем более в дальнейшем обещая подпитывать финансово это детище. Но она смогла, в буквальном смысле, поставить его на колени... после его любимого десерта.

Георгетов откинулся в кресле.

— Я... Я не знаю... спасибо. Университет благодарит вас за такой дар и это будет честью для нас — связать его имя с высшим образованием.

Подобный фонд был создан и в университете Кентукки, но она не собиралась поднимать эту тему на этом ужине: она и ее семья были фанатами баскетбольной команды Университета Кентукки... этого она не собиралась говорить Георгетову.

Саттон взглянула на преподобного Найса.

— Мой отец не был религиозным человеком, но он достаточно глубоко уважаем, в отличие от любого другого верующего человека в штате. Поэтому я хотела бы учредить фонд его имени для студентов афро-американцев, под вашим руководством. Фонд будет охватывать обучение и покупку учебников для государственных школ Кентукки, — она шутливо взмахнула рукой в сторону Георгетова. — И даже Университета Кентукки. Нам нужны более квалифицированные специалисты, которые стремятся остаться здесь и сделать карьеру. Мой отец уже давно задумывается о малообеспеченных слоях населения, особенно в Вест-Энде. Это должно как-то помочь.

Преподобный Найс взял ее за руку.

— Сыновья и дочери говорят огромное спасибо вам и вашей семье за такую щедрость. Я прослежу, чтобы этот фонд достойно нес имя вашего отца и помогал.

Она сжала его руку в ответ.

— Я знаю.

— Может тебе стоит подкинуть его нам, — пошутил Георгетов. — Ты и твоя прекрасная жена — оба выпускники нашего университета.

Его преподобие поднял чашку с кофе.

— Это даже не обсуждается. Я пушу кровь любому, кто попробует посягнуть на этот фонд.

— Мальчики, мальчики, вы не одни, — Саттон указала на себя, а затем обратилась к

губернатору. — И наконец, я хотела бы сделать подарок штату от имени моего отца.

Дагни улыбнулся.

— Я соглашусь на все...

— Я купила сегодня тридцать тысяч акров в Восточном Кентукки, — губернатор застыл в своем кресле.

— Вы... вы.

— Четыре горных хребта. Четыре красивых, нетронутых горных хребта...

— Это на границе разрабатываемых рудников.

— Я хотела бы передать их штату, как дар от моего отца, чтобы в дальнейшем там был сделан заповедник, оставшийся в первозданной природной красоте.

Дагни опустил глаза на стол на пару секунд.

— Это...

— Всю свою жизнь мой отец любил охоту. Он охотился на оленей, голубей, уток. Его любимым времяпрепровождением было окунуться в естественную среду природы. Когда я была маленькой у нас в морозилке лежало мясо, которое он приносил домой, своей семье. Он не может... у него сейчас не получается ходить на охоту, но уверяю вас, его сердце по-прежнему находится в том лесу.

Открытый способ добычи угля был эффективным и экономически выгодным, поэтому часто встречался в восточных штатах. В угольной промышленности было занято много людей, которые были настолько бедны, что их семьи голодали зимой и не имели медицинского обслуживания. Саттон понимала всю реальность происходящего, все, что касалось угольной промышленности было сложным вопросом, его нельзя решить моментально, учитывая тот вред, который эта промышленность оказывала на экологию. Но ее отец любил эту землю, и сделав такой дар, она могла быть точно уверена, что, по крайней мере, эти четыре горы останутся точно такими же, как и на протяжении тысячелетий.

Она месяцами вела переговоры с семью семьями, владевшими этой землей, и миллионы миллионов, которые она им заплатила, были ничем по сравнению с тем, что предлагали им угольные компании, чтобы продолжить разработки. Но хозяйева хотели именно то, что она и пообещала дать им в дополнение к деньгам... она и озвучила это за столом.

Оставить нетронутым. Первозданным эти вершины, такими, как их создал сам Бог, также бы и сказал ее отец Рейнольдс.

— Итак, — произнесла она с улыбкой, — как вы думаете, штат сможет оплатить и повесить дощечку с именем отца, если я передам вам все эти акры земли?

Дагни наклонился к ней и коснулся ее руки.

— Да, уверен, что мы все организуем.

На пару секунд она готова была бы поклясться, что его глаза задержались на ее губах... но потом она тут же подумала: «Нет», ей привиделось это.

«Черт поберет тебя, Эдвард».

Гости стали расходиться, Георгетов ушел с чеком на пять миллионов долларов в кармане, а преподобный направился на встречу с адвокатами.

Дагни остался, наблюдая как гости уходили по дорожке перед домом, садились в машины и уезжали.

— Итак, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Сейчас несколько трудное время для меня, исполнять подобные вещи «на бис», если можно так выразиться.

— Ваша семья всегда была щедрой по отношению к штату и городу.

Саттон продолжала наблюдать, как последние огни машин скрывались из виду.

— Это не настолько значимо. По крайней мере, не в моем случае, и не для меня, я имею в виду своего отца. Меня просто настолько переполняют... эмоции... с ними нужно что-то делать. Я не могу держать их внутри, и мои чувства очень сложно выразить словами, потому что они слишком сильные и их много..., — она коснулась своей груди. — Здесь слишком больно.

— Я точно знаю это ощущение, — лицо Дагни, словно окаменело. — Я пережил подобное.

— Мой отец еще не умер, но я вижу, как теряю его с каждым днем, — она посмотрела на видневшиеся вдаль верхушки деревьев, которые покачивались на ветру на бархатном темном ночном небе. — Видеть, как с каждым днем он становится все слабее, тяжело... тяжело страдать. Хотя мои страдания — это только маленькая часть... той боли, которая придет с его смертью, я ненавижу это... сейчас для меня важен каждый миг с ним. Прекрасный миг, который есть у меня *сейчас* с ним.

Дагни прикрыл глаза.

— Да, я помню, каково это. Мне очень жаль.

— Да, — она вдруг пожалела, что была так откровенна. — Я не хотела ввергать вас в свои проблемы.

— Вы можете говорить столько, сколько хотите. Иногда, это единственный путь остаться в здравом уме и как-то держаться. Остаться одной — это полный ад.

Саттон взглянула на него.

— Он все, что у меня есть.

— Вы не одиноки. И если захотите, не будете одиноки.

— В любом случае, — она пригладила волосы, надеясь, что ее смех не звучит неловко, насколько она себя чувствовала. — В следующий раз вы приглашаете меня на ужин.

— И когда это будет? — мягко спросил он. — Я счастлив быть терпеливым, но надеюсь, мне не придется ждать очень долго.

Саттон почувствовала, как ее брови поднимаются.

— Вы... меня приглашаете к себе?

— Да, мэ. Я верю, что все получится, — она перевела на него глаза, Дагни рассмеялся. — Слишком много для вас? Простите.

— Нет, я... Нет, я просто...

— Да, боюсь мои намерения были благородными, но не столь платоническими, когда я шел сюда.

«Будь ты проклят, Эдвард», — подумала она.

И внезапно, она поймала себя на мысли, что трое сотрудников государственной полиции стояли в сторонке, на достаточно далеком расстоянии от них. А также она отметила тот факт, что покраснела.

— Я не хотел все усложнять, — произнес Дагни, беря ее за руку. — И если я доставил какие-то неприятности своим заявлением, мы сможем забыть, что я когда-либо пересек черту.

— Я, ах...

— Мы просто забудем это, ладно? — заключил губернатор, видя, как она борется с собой. — Я все понял и буду двигаться дальше.

— Поняли?

Он потер подбородок большим пальцем.

— Я не многим женщинам предлагал отношения. После того, как умерла Мэрилин, вернее ни одной. Знаете, по статистике, это увеличивает мои шансы на положительный ответ в такой момент, и поскольку я оптимист, я надеялся получить положительный результат за этот вечер... вместе с этими четырьмя горами.

Саттон рассмеялась.

— А многие люди говорили вам «нет»? Мне трудно в это поверить.

— Ну, на самом деле... вы первая, кого я прошу. Но как я уже сказал, я получил отказ и продолжу жить уединенно, думая о пережитом. — Он улыбнулся и нагнулся к ее лицу. — Ты до сих пор выглядишь ошеломленной.

— Я просто удивлена, — рассмеялась она. — Что я первая... я имею в виду, ну... черт.

Губернатор рассмеялся, а потом серьезно произнес:

— Это было тяжелое время, когда я потерял Мэрилин, и долго я вообще ни на кого не обращал внимания, если уж говорить честно. И хотя это не делает меня похожим на «жеребца» ни в малейшей степени... мне понадобилось два месяца, чтобы набраться храбрости, чтобы спросить тебя.

— Два месяца?

— Помнишь, когда я увидел тебя в марте в здании Капитолия? Именно тогда я решил, что мне хочется пригласить тебя на свидание. А потом я струсил. Но ты пригласила меня к себе на ужин, и я решил рискнуть. Не кори себя. Я большой парень и смогу пережить...

— Я влюблена кое в кого, — вдруг ляпнула она.

Губернатор отшатнулся. А затем тихо выругался.

— О, я сожалею. Не знал, что ты с кем-то в отношениях. Я бы никогда не оскорбил твои чувства...

— Мы не вместе, — она взмахнула рукой. — У нас нет связи. На самом деле, это совсем не имеет смысла, скорее всего.

— Ну..., — Дагни посмотрел ей в глаза. — Эдвард Болдвейн — просто дурак.

Саттон открыла рот, чтобы отрицать, но мужчина, стоящий перед ней, был далеко не идиотом.

— Между нами ничего нет, и мне кажется, что это больше у меня в голове. И мой новый пост... сейчас не совсем подходящее время.

— Рискаю заглянуть вперед, хочу сказать, что я готов быть твоим плечом для утешения, — он рассмеялся. — Да, это отчаянная попытка, с моей стороны, но у меня есть опыт в этом вопросе, ты понимаешь. Ты очень умная, очень красивая женщина, которая заслуживает хорошего мужчины.

— Простите.

— Я тоже сожалею, — он пожал ей руку. — Но, по крайней мере, мы будем часто видеться, особенно учитывая твой новый пост.

— Да, будем.

Она опустила его руку и шагнула в его объятия.

— И я с нетерпением жду этого.

Он слегка прижал ее к себе, а затем отпустил.

— Парни? Поехали.

Охранники сопроводили губернатора к двум черным внедорожникам, и мгновение спустя автоколонна, возглавляемая парой полицейских на мотоциклах, двинулась вперед.

Саттон почувствовала грусть, пока стояла на крыльце, обдуваемая прохладным, несущим запахи цветов, ночным ветерком.

— Черт побери тебя, Эдвард, — прошептала она ветру.

На следующее утро Лейн вышел из своей спальни в Истерли в отличном настроении. Но его настроение тут же изменилось, как только он взглянул в дальний конец коридора и увидел, чемоданы, выставленные из комнаты его деда.

— О, нет, нет.

Обойдя чемоданы, он даже не стал стучать в приоткрытую дверь.

— Джефф, ты не уезжаешь.

Его давний приятель по университету поднял глаза, оторвавшись от огромной кучи бумаг, валяющихся на старинном столе.

— Я должен вернуться в Нью-Йорк, друг.

— Ты нужен мне.

— ...но я все подготовил для федералов, — он указал на различные распечатки и поднял двумя пальцами флешку. — Я написал краткий отчет...

— Тебе тоскливо на Уолл-Стрит, ты же понимаешь это.

— ...все выводы, все, что обнаружил. Он находится прямо здесь. Просто отдай им эту флешку, и они поймут, что с ней делать. Они могут позвонить мне и задать вопросы. Я оставлю свою визитку с сотовым.

— Ты должен остаться.

Джефф выругался и потер глаза.

— Лейн, я не какой-то волшебник, который может что-то изменить и все вернуть. Я даже не самый лучший для такого рода вещей. У меня нет юридических полномочий, чтобы что-то сделать в твоей компании, и я там никто.

— Я доверяю тебе.

— У меня уже есть работа.

— Которую ты ненавидишь.

— Без обид, но моя зарплата огромна и приходит вовремя.

— У тебя больше денег, чем тебе необходимо. Ты можешь жить в апартаментах в центре города, а все пытаешься поймать удачу за хвост для других.

— Потому что я не делаю глупостей, типа оставить вполне хорошую работу...

— Скучную работу.

— ...чтобы тушить лесной пожар.

— Ну, по крайней мере, тебе будет тепло. И мы можем поджарить зефир на этом огне. И устроить вечеринку.

Джефф расхохотался.

— Лейн.

— Джефф.

Его друг скрестил руки на груди и передвинул своим очки метросексуала повыше на нос. В белой рубашке и черных брюках, он выглядел так, будто был готов напрямик отправиться в свой офис, после приземления в аэропорту Тетерборо, Нью-Джерси.

— Скажи мне, — начал он.

— Нет, я не знаю квадратный корень из ничего, я не могу вычислить Пи в высшей степени, и если ты спросишь, почему я заливаюсь, как птица в клетке, потому что чувствую, как чертово дуло пистолета приставлено к моей голове.

— Почему до сих пор ты не позвонил федералам?

Лэйн прошелся по комнате, остановившись у окна, которое выходило в сад и на берег реки. Внизу, в лучах утреннего солнца, река Огайо была великолепна, мерцающая вода, омывала деловую часть города, и возвышающиеся здания из стекла и стали с блестящей гладкой поверхностью создавали nirvanу.

— Здесь было совершено преступление, Лейн. Ты защищаешь имя своего отца, который умер?

— Черт побери, нет.

— Тогда что?

— Мы семейная частная корпорация. Если существуют злоупотребления, то от них пострадает только моя семья. Украли наши собственные деньги, а не акционеров. Сюда никто не должен ввязываться, только люди, которым мы можем доверять.

— Ты издеваешься, — его давний сосед по комнате в университете, уставился на него, как будто у него на лбу вырос рог. — Здесь произошло прямое нарушение закона, сокрытие информации, которое напрямую подпадает под юрисдикцию Генерального прокурора и налоговой службы. Я нашел не стыковки в ваших ежегодных отчетах. Ты можешь быть обвинен в сговоре по федеральным законам, Лейн. Черт, может теперь меня тоже могут в этом обвинить, поскольку я знаю.

Лейн бросил на него взгляд через плечо.

— Так вот почему ты уезжаешь?

— Возможно.

— Что, если я пообещаю, защитить тебя?

Джефф закатил глаза и подошел к чемодану, лежащему на кровати. Он предполагал, что его миссия закончилась, поэтому отрицательно покачал головой.

— Вы настоящие идиоты предполагающие, что мир вращается вокруг вас. Неужели ты думаешь, что закон для тебя чем-то отличается, раз ты производишь из древнего рода и деньги водились уже давно?

— Деньги пропали, помнишь?

— Послушай, либо ты звонишь федералам, либо это сделаю я. Я люблю тебя, как брата, но я не готов сесть за тебя в тюрьму...

— До настоящего момента, нам удавалось приходить к общему соглашению с правоохранительными органами. Мы проявляем усиленную заботу *здесь* о таких вещах.

Джефф выпрямился и провернул к нему голову. Он открыл рот, потом закрыл его снова.

— Ты говоришь, как гангстер.

Лейн пожал плечами.

— Что есть, то есть. Но когда я говорю, что смогу защитить тебя, это подразумевает от государственной власти тоже.

— Ты сумасшедший.

Лейн посмотрел на своего давнего друга. И чем дольше он смотрел в его глаза за очками, тем больше бледнел Джефф.

Через некоторое время Джефф опустился на кровать и уперся локтями в колени. Оглядывая элегантный номер, он тихо сказал:

— Вот дерьмо.

— Нет, не дерьмо. Ты останешься здесь, узнаешь все, что произошло, и я займусь этим сам. Конечно, мы привлечем тогда полицию.

— А если я откажусь?

— Ты останешься.

— Это угроза?

— Конечно, нет. Ты мой давний друг.

Но они оба знали правду. Джефф никуда не уйдет.

— Господи Иисусе, — Джефф прижал пальцы к вискам, чтобы унять головную боль, стучавшую в висках. — Если бы я знал, в какую кроличью нору попаду, я бы никогда не приехал сюда.

— Я позабочусь о тебе. Я не имею в виду деньги, слишком много людей многим обязаны моей семье. У меня много разных ресурсов.

— Потому что ты вынуждал их?

— Что-то типа того.

— Х*й тебе, Лейн.

— Давай разберемся, ладно? Ты закончишь то, что начал, возможно, это займет у тебя неделю, а потом будешь свободен. Никакого вреда, никакого разрушения карьеры. Все будет так, словно ты никогда здесь не был. А я займусь всем остальным.

— А если я сейчас уеду?

— Я действительно не могу позволить тебе сделать это. Прости.

Джефф покачал головой, словно хотел проснуться от дурного сна.

— Реальный мир не крутится вокруг тебя, Лейн. Это не пятидесятые. Вы — Брэдфорды не можете контролировать все, как привыкли делать это раньше. Ты не можешь закапать свою отчетность на заднем дворе поместья, просто потому, что это бросает тень на твою семью, или ты хочешь сохранить секретность, которую считаешь очень важной, нежели право на официальное правосудие. А что касается меня? Не дави на меня. Не ставь меня в такое положение.

— Ты не единственный, кто владеет информацией, — Лейн подошел к столу и взял флэшку. — Не думаю, что твоя профессиональная репутация на Манхэттене переживет, если кто-то узнает, как ты заставлял делать ставки во время боев на ринге, когда учился в университете. Я не говорю про букмекерскую сеть, которую ты организовал, куда студенты вкладывали сотни и сотни долларов, и прежде чем уезжать, выдавая такие аргументы, я тебе напомню, что сеть, сам понимаешь, было незаконной, да и еще к тому же широко масштабной, поэтому ты сам особо не отличаешься от гангстера Рико, имея такое пятно в биографии.

— Пошел ты.

— Что и собираюсь сделать.

Джефф пару секунд пялился на манжеты своей рубашке. Затем он снова покачал головой.

— Парень, ты так похож на своего отца.

— Черт возьми, я...

— Ты меня шантажируешь! Да еще как, мать твою!

— Речь идет о выживании! Ты думаешь, я *хочу* этого? Думаешь, я балдею от того, что своему лучшему другу, фактически «выкручиваю руки», заманив тебя вместе со мной в эту яму с гадюками? Моему бы отцу понравилось... но я ненавижу его и все это! Но что мне остается делать?

Джефф встал на ноги и закричал:

— Позвони федералам! Стань разумным человеком, а не каким-то гребанным Тони Сопрано!

— Я не могу этого сделать, — мрачно произнес Лейн. — Прости, но не могу. И мне жаль... но ты нужен мне, и находясь в такой трагической ситуации, я сделаю все, что в моих силах, чтобы заставить тебя остаться.

Джефф рубанул рукой по напряжению, осязаемо повисшем в воздухе.

— Ты просто мудака, если пойдешь по этому пути. И ничего не изменится только потому, что ты разыгрываешь передо мной карту плохого, бедного парня.

— Если бы ты оказался в моей ситуации, ты бы сделал то же самое.

— Нет, я сделал бы все по-другому.

— Ты не знаешь точно. Поверь мне. Бл*дь, все очень изменилось.

— Ты прав, — сорвался Джефф.

Воспоминания нахлынули, как они были студентами в университете Вирджинии, как жили в общежитии, как занимались на лекциях, как проводили время на каникулах, которые оплачивал Лейн. Как играли в покер, устраивали розыгрыши, женщины, много женщин, особенно у Лейна много женщин.

Он никогда не думал, что его давнего друга не будет в его жизни. Но сейчас он не мог об этом думать, сейчас у него не было вариантов, он фактически висел на краю бездны.

— Я не такой, как мой отец, — тихо произнес Лейн.

— Ложь и обман присутствуют в вашей семье. У вас видно своеобразный генофонд, гребанный генофонд.

— Вот здесь справочник компании. Телефон. Хм... компьютер. Вот ваш рабочий стол. И... да, стул, — у Мака закончился запал, он оглядел приемную перед своим кабинетом в Старой офисе компании. Словно ждал, что кто-то выскочит из-под стола и протянет ему спасательный круг.

Прекрасная Бэт, как он называл ее про себя, рассмеялась в ответ.

— Не волнуйтесь. Я разберусь. У меня уже есть имя пользователя и пароль, чтобы войти в систему? — на его непонимающий взгляд, она шлепнула перед собой справочник. — Хорошо, я позвоню в отдел ИТ поддержки. Надеюсь они уже на месте?

— Хм...

Она сняла сумочку с плеча и положила под стол.

— Не волнуйтесь. Я позабочусь обо всем. Вы же сообщили им, что наняли меня?

— Я...

— Хорошо, может им стоит отправить письмо по электронной почте? Сказать, что я буду обзванивать различные объекты, изучать и буду делать это постоянно?

— Я хочу, чтобы вы знали, несмотря на некомпетентность в данном вопросе, я своего рода известная личность. Я делаю бурбон и главный среди них.

Она улыбнулась ему, Мак, пожалуй, слишком долго смотрел ей в глаза. В ней все было настолько профессионально и привлекательно — ее красная блузка, черные юбка и туфли на плоской подошве, она была красивой и умной.

— Ну, я хорошо выполняю свою работу, — сказала Бэт. — Вот почему вы наняли меня. Поэтому вы занимайтесь своими вещами, а я позабочусь о своих, и мы будем работать...

Дверь в Старый офис открылась, и вошел Лейн Болдвейн, выглядя так, словно он побывал в автокатастрофе, с перекошенным лицом, растрепанными волосами, движения были раскоординированными, будто он одновременно собирался собрать все шарики,

высыпавшиеся из банки, и хватался за все подряд.

— Нам нужно кое-куда проехать, — угрюмо произнес он. — Давай.

— Бет Льюис, моя новая помощница, а это Лейн Болдвейн. Да, именно тот, о ком ты думаешь.

Бет протянула руку, Мак старательно игнорировал ее благоговение перед Лейном. Но Лейн, всегда оставался Лейном — одним из тех мужчин, больше подходящих для обложки журнала, которые пару раз он видел, нежели для появления здесь. Также он хорошо подходил для телевидения и Интернета, когда его сопровождали известные звезды. А потом начались в *Vanity Fair* нелицеприятные статьи о его семье, где он играл роль сексуального плейбоя.

Но он по-прежнему воздействовал на людей своей харизмой.

И хорошо, что парень находился в серьезных отношениях, иначе Маку хотелось ему врезать.

— Привет, — сказала она. — Я сожалею о вашем отце.

Лейн кивнул, но, кажется, не особо обратил на нее внимание.

— Добро пожаловать на борт. Мак, мы опаздываем.

— Я не знал, что у нас назначена встреча, — но, видимо, настало время отправляться в путь. — О, черт. Бэт, сможете за меня отправить письмо?

Мак передал ей пароль от своего компьютера, Лейн подждал его за дверью, направляясь к своему Porsche.

— Простите его, много обрушилось на его плечи.

Бэт кивнула.

— Я прекрасно понимаю. Я позабочусь обо всем. Не волнуйтесь... какой у вас номер сотового? В случае, если что-то случится, чтобы я смогла с вами связаться.

Мак поднял кубик с отрывными листками КББ и записал свой номер.

— На сегодня у меня не запланировано никаких встреч... но я не предполагал, что оказывается у меня была запланирована уже какая-то встреча, поэтому никто не знает, что может дальше произойти.

— Я позвоню, если у меня будут к вам вопросы.

— Не знаю сколько буду отсутствовать. И не знаю, куда направляюсь.

— Будьте оптимистом. Может, в Диснейленд.

Он отвернулся от нее посмеиваясь, и дал указание себе не оглядываться. И он почти выполнил его, но выходя за дверь, все же кинул взгляд через плечо.

Но он почти не оглядывался.

Бет обошла стол и села за компьютер, ее пальцы залетали по клавиатуре. Волосы были собраны сзади в хвост, лицо сосредоточенно, но все равно красивое.

— Есть шанс, что ты фанатка Университета Кентукки? — выпалил он.

Ее голубые глаза поднялись от экрана, и она улыбнулась.

— А разве есть какой-нибудь другой университет в штате? Хотя уверена, что такого нет.

Мак улыбнулся и махнул ей рукой.

Как только он подошел к Porsche и опустился на сиденье, его улыбка пропала.

— Что, черт возьми, происходит Лейн? Ты не отвечаешь на мои звонки, но появляешься здесь разозленный и заявляешь, что я опаздываю на встречу, о которой вообще ничего не знаю...

— Я решаю твою проблему с зерном, вот что я делаю, — он пропустил пару странных

пешеходов. — И ты поедешь со мной, потому что кто-то должен высказать свое мнение, сколько тебе необходимо. Ты все еще злишься на меня?

Лейн нажал на газ и промчался по пустой стоянке, поднимая за собой гравий, Мак пристегнул ремень.

— Ты купишь мне зерно, которое так необходимо, тогда ты можешь ударить меня по лицу тухлой рыбой, если захочешь.

— Я как человек, который мыслит нестандартно. И в своем нынешнем настроении, вероятно, развернусь на все сто восемьдесят градусов и стану вегетарианцем, употребляющим рыбу и морепродукты, хотя бы из принципа.

Глава 19

Международный аэропорт Чарлмонт был расположен к югу и немного к востоку от центра города, и Лейн свернул на скоростную магистраль Патерсона, двигаясь по пригороду, вместо того, чтобы сражаться с движением на многоуровневой городской транспортной развязке. Над головой было великолепное бледно-голубое небо, солнце светило ярко, как театральный прожектор, и день казался таким, как будто ничего плохого произойти уже не может.

Конечно, впечатление может быть обманчивым.

— Помнишь, Джона Ленге, а? — спросил Лейн, перекрикивая ветер, въезжая в первый разворот к аэропорту.

— Конечно, знаю, кто он, — в ответ прокричал Мак. — Никогда не встречал его раньше.

— Ну, так используй свою улыбку Pepsodent, — Лейн замедлил скорость, и ветер стал тише. — И будь готов очаровать его. У нас есть двадцать минут, чтобы мы смогли убедить его дать нам свою кукурузу.

— Подожди, что? Я думал... ты имеешь в виду... мы не покупаем у него кукурузу?

— Мы не можем ему заплатить. Вот я и пытаюсь уговорить его, не девая денег.

Лейн проехал вход, имеющий ограниченный доступ и направился к взлетно-посадочной полосе, где садились и взлетали частные самолеты.

— Значит никакого давления, — пробормотал Мак, когда они замедлились перед пропускным пунктом.

— Неа. Никакого и ни за что.

Одетый в форму охранник махнул Лейну рукой.

— Доброе утро, мистер Болдвейн.

— Доброе, Билли. Как Нельс?

— Хорошо. Спасибо.

— Передай ей привет.

— Обязательно.

Лейн рванул мимо современного здания консьерж-сервиса, продолжая свой путь, минуя ангары, упакованные самолетами, стоящими сотни миллионов долларов. Проход для машин на взлетно-посадочные полосы преграждали автоматические ворота в двенадцать футов высотой, через которые он промчался на своем 911, визжа шинами по асфальту, как часто показывали в рекламных роликах.

Наследие Джона Ленге частный самолет Embraer 650 стоял на полосе, Лейн нажал на тормоз и заглушил двигатель. Пока они ждали его, он думал о разговоре, состоявшемся с Джеффом.

«Парень, ты так похож на своего отца».

Взглянув на Мака, Лейн сказал:

— Я должен был позвонить тебе раньше и объяснить как дела. Но сейчас так много всего происходит, я пытаюсь сохранить время и подстегиваю себя под задницу.

Мак пожал плечами.

— Как я уже говорил, без обид, если мои бункеры будут полны. Но тебе придется мне кое-что объяснить.

— Что?

— Где, черт возьми, высшее руководство? Я не скучаю по этим сволочам, но от каждого из них вчера я получил голосовое сообщение. Ты всех их уволил? И ты сделал бы мой день еще более счастливым, если бы сообщил, что они плакали как дети.

— Сильно. Ага.

— Постой... что? Надеюсь, это шутка, Лейн?

— В ближайшее время они не вернутся. По крайней мере, не в бизнес-центр Истерли. Теперь, что касается того, что они делают в штаб-квартире?

— Я понятия не имею, ...наверное, ты захочешь бросить меня с моста. Но они следующие в моем списке веселья на сегодняшний день.

Мастер-дистиллятор открыл рот, Лейн вышел из кабриолета и подтянул брюки. Реактивный самолет Ленге был похож на сделанные специально для ВВС США продуманные и усовершенствованные, которые проносятся, как чертовые задницы, пока ты моргаешь, и Лейн обнаружил, что делает математические расчеты стоимости этого небесного монстра из стали и стекла.

Должно быть шестьдесят миллионов.

Но Ленге понадобится брокер, чтобы продать такое судно. Оно явно не попадет в Крейгслист, там нет похожего даже на Эмбраер. (*Крейгслист — (англ. Craigslist, дословно — каталог Крейга по имени основателя Крейга Ньюмарка) — сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета. Крейгслист возник в городе Сан-Франциско, США в 1995 году, когда интернет получил более широкое распространение среди населения. Тогда же создатели сайта обнаружили потребность рынка в дешёвом, быстром и легкодоступном источнике разнообразного рода объявлений.*) (*Embraer E-Jet — семейство двухмоторных узкофюзеляжных пассажирских самолётов средней дальности производства бразильской компании Embraer.*)

Мак встал перед ним, поскольку он был высоким и крупным, его игнорировать было уже невозможно.

— Так кто руководит компанией?

— Прямо сейчас? В данный момент? — Лейн приложил палец к губам и задрал голову, как Дэдпул. — Ах... никто. Да, если мне память не изменяет, никто не руководит.

— Лейн... дерьмо.

— А ты ищешь работу? Я готов нанять. Помимо опыта необходимо иметь высокую устойчивость к стрессу от руководства, полный шкаф, сделанных на заказ костюмов и полное аннулирование принятых решений членами семьи. Ой, подожди. Так делал мой отец, и мы уже это проходили. Поэтому синие джинсы и хороший среднего размера площадка, а также бросок в прыжке, будет работать. Скажи мне, ты все еще играешь в баскетбол, как раньше?

Частный самолет открыл люк для выхода и стал опускать лестницу. Шестидесятилетний мужчина появился в проходе, плотного телосложения, явно бывший футболист, с квадратной челюстью, как в школьных комиксах изображался раньше супер герой, одетый для игры в гольф — шорты и рубашку поло, и возможно даже потребуются темные очки, чтобы должным образом все рассмотреть.

Он представлял неоновый фейерверк на черном фоне открытого люка. Но тем или иным образом, парень производил впечатление.

Опять же, когда твое состояние оценивается примерно в три миллиарда долларов, ты

можешь носить все, что хочешь.

Джон Ленге разговаривал по телефону, спускаясь по трапу.

— ...приземлился. Ага. Нормально, да...

Акцент соответствовал человеку, выросшему на Среднезападных равнинах, слова неторопливые, как и сама поступь, пока он спускался вниз. Но он был умен, не вводя никого в заблуждение. Ленге контролировал шестьдесят процентов кукурузы и пшеницы, производящихся в стране, а также пятьдесят процентов всех дойных коров. Он был, буквально, Бог зерна, и ни для кого не было секретом, что он не стал бы тратить свое время, спускаясь вниз по трапу, если бы мог в этот момент что-нибудь купить или продать.

— Я буду дома поздно вечером. И скажи Роджеру не косить мою траву. Это мое дело... что? Да, я знаю, что я ему плачу, вот поэтому и могу ему сказать, чтобы он этого не делал. Я люблю тебя. Что? Конечно, приготовлю свиные отбивные, дорогая. Все, что ты захочешь, только попроси. Пока.

Хоооорошо, так это он разговаривал с женой по телефону.

— Парни, — позвал он. — Неожиданный сюрприз.

Лейн направился к нему, на полпути протягивая руку.

— Спасибо, что согласились с нами встретиться.

— Сожалею о твоём отце, — Ленги покачал головой. — Я потерял два года назад своего и до сих пор не могу отойти.

— Вы знаете, Мака, нашего Мастера-дистиллятора?

— Впервые встретились, — Ленге улыбнулся и похлопал Мака по плечу. — Мне понравился бурбон твоего отца, я ваш фанат навеки.

На что Макинтош произнес кучу правильных слов. А потом наступила пауза.

— Итак, — Ленге подтянул свои шорты с американским флагом чуть выше, — около получаса назад мне позвонил председатель совета директоров, сынок. Не хочешь поговорить об этом наедине?

— Хочу. Лучше сохранять конфиденциальность.

— Понятно, считай, что я могила. Но не могу уделить вам много времени, должен быть дома в Канзасе к ужину, а мне еще нужно заскочить в пару мест по дороге. Давайте воспользуемся салоном моего маленького самолетика, как конференц-залом?

— Звучит неплохо, сэр.

Внутри реактивного самолета Ленге было совсем по-другому, чем в самолетах ВВС. Вместо кремовой кожи и особых пород дерева, цвета золы, Бог зерна сделал свой салон уютным и гостеприимным, с диванчиками и креслами, покрытыми пледами ручной работы с атрибутами университета Канзаса, расписанными подушками. Ведра с попкорном стояли на столе, не икры, ни алкогольных напитков, только различная газировка. Здесь не было бортпроводницы. И если бы была хоть одна, она без сомнения стала бы его женой, а не какая-то надувная бимбо.

Ленге предложил им колы, явно собираясь их сам обслуживать.

— Спасибо, я пасс, — сказал Лейн, занимая место за небольшим столом.

Мак сел рядом с ним, Ленге занял место через проход, соединив свои толстые пальцы и, внимательно рассматривая их своими пронизательными бледно-голубыми глазами на загорелом лице.

— Я слышал, что высшее руководство не в восторге от тебя, — произнес Ленге.

— Да, не в восторге.

— Твой председатель правления сказал мне, что ты опечатал офис в поместье и выгнал всех из кабинетов, перекрыв доступ на сервер корпорации.

— Да, именно так.

— Почему, были какие-то причины?

— Я не горжусь тем, что сделал, но боюсь, что так. Я пытаюсь сейчас разобраться во всем, но у меня есть основания полагать, что кто-то ворует у компании. И боюсь, что некоторые или все эти костюмы причастны к этому. Я не знаю многого, поэтому не могу сказать больше, однако пока так.

Лжеец, вун, болтун, у которого земля горит под ногами.

— Так ты еще не беседовал с председателем правления?

— Прежде чем все закрутилось? Нет. Кроме того, я не должен ему ничего объяснять.

— Ну, сынок, думаю, что у него другое мнение на этот счет.

— Я увижусь с ним, как только буду готов. Если имеются доказательства воровства в таком масштабе, о котором говорю я, никому нельзя доверять.

Ленге притянул к себе ведро с попкорном.

— Я пристрастился к этой еде, знаешь ли. Но это лучше, чем сигареты.

— И целый ряд других вещей.

— Ты знаешь, ты совершенно прав по поводу этого вопроса, у тебя неплохо получается, сынок, поэтому я спрошу тебя честно. Ты наконец-то обнаружил шахты своего отца?

Лейн подался вперед на своем кресле.

— Простите... что?

— Я сказал Уильяму, чтобы он перестал гнать чушь по поводу тех алмазных шахт в Африке. Глупейшая идея на всей планете. Ты знаешь, я ездил туда с женой в прошлом году... бьюсь об заклад, что твой отец не сказал тебе об этом, я проверил их? Нет? Там даже нет дырок в земле. Либо он их заделал, либо... ну, другого варианта у меня нет.

— Алмазные шахты?

— И это еще не все. Под эгидой КББ было много разных предприятий. Он говорил мне с нефтяных скважинах в Техасе, и конечно, сейчас ты не можешь гнать нефть-сырец. Железной дороге, одной или двух. Рестораны в Палм-Бич, Неаполе и Дель Рэй. А потом с каком-то стартапе, не думаю, что из него точно уж что-то получится. Что-то связанное с приложением для интернета? Не понимаю, какого черта, люди тратят свое время на это дерьмо... пардон за мой французский. Также пара отелей в Сингапуре и Гонконге, дома моды в Нью-Йорке. Мне кажется он даже вкладывал в производство кинофильмов, одного или двух.

Лейн сделал все, чтобы говорить совершенно спокойно, ровным голосом:

— Как вы узнали обо всем этом?

— Когда в гольфе ты должен пройти восемнадцать лунок, язык развязывается. Я всегда говорил ему придерживаться основного бизнеса. Все эти новые идеи могут быть заманчивыми, но вероятно, скорее всего они окажутся черной дырой, особенно, когда ты не знаток данной отрасли. Я фермер, простой, обычный фермер. Я знаю все о сезонах, все, о земле, о посевах и коровах. Думаю, что твой отец... ну, не хочу говорить плохо о мертвецах.

— Меня мало волнует, даже если вы разорвете память о нем в клочья. Я должен знать все, и если вам есть, что рассказать мне, все поможет.

Ленге помолчал некоторое время.

— Он всегда брал меня в Огаста. Хотите знать, почему? (*Огаста — город шт.*)

Джорджия, США)

Лейн кивнул, и мужчина сказал:

— Потому что эти мальчики никогда не позволят такому типу, как я, с грязными ногтями, стать членом их клуба. И пока мы играли в гольф, он рассказывал о всех своих инвестициях, которые совершил. Ему приходилось конкурировать во всем... и это не критика. Я тоже люблю побеждать. Разница между нами заключается в том, что я точно знаю, откуда я родом и не стыжусь этого. Твой отец прекрасно осознавал, что все, что у него было и есть, не его собственное. Правда ведь, если бы он не женился на твоей матери, Огасты бы не было и в помине, не говоря о членстве в клубе.

— Думаю, что именно так.

— Знаешь, я всегда удивлялся, откуда у него столько денег, чтобы вкладывать в эти предприятия. Думаю, ты обнаружил это сейчас, когда он умер.

Лейн рефлексивно взял горсть попкорна и стал жевать, хотя раньше он такое даже и не пробовал.

— Знаете, — пробормотал он, — мне всегда казалось, что он завидовал моей матери.

— Я думаю, именно поэтому он был настолько полон решимости найти другие возможности, найти что-то свое. Я все время получаю предложения от друзей, компаньонов, с которыми веду дела. Но я выбрасываю их в мусорное ведро. Твой отец искал что-то свое, свой фундамент. Я? Я был только в Огасте, мне нравится там, конечно, я люблю гольф, — Ленге пожал мощными плечами, швы на его поло пытались удержать все мышцы. — Жизнь приносит гораздо больше удовольствия, если ты косишь свой газон. Это просто мысли вслух.

Лейн некоторое время молчал, посматривая в овальное окно на коричневые и золотистые частные самолеты, взлетающие и садящиеся вдали аэропорта. Чарлмонт имел идеальное расположение в центре страны, и это означало, что он был идеальным транспортным узлом. Также, как и КББ и «Корпорацию ликеро-водочных заводов Саттон», имели важное значение и были одним из крупнейших работодателей в городе и штате.

Было невозможно даже представить себе, что предприятие его семьи может пойти ко дну. Боже, сколько людей работало на его предприятиях, которые зависели от зарплаты.

Он даже не думал об этом раньше.

— Имеется ли у вас какая-то информация по этим предприятиям? — спросил он. — Какие-нибудь имена? Где располагаются? У меня приятель занимается всей корпоративной бухгалтерией, он обнаружил утечку, но он попытался найти что-нибудь под эгидой WWB Holdings, ничего не обнаружил.

— Твой отец довольно расплывчато отвечал на вопросы, но он сообщил мне кое-что. Я могу переслать тебе по электронной почте все, что знаю.

— Это было бы здорово.

— Итак... что я могу для вас сделать, парни? Уверен, что вы пришли сюда не за этой информацией.

Лейн откашлялся.

— Ну, как вы можете догадаться... я лишил доступа высшее руководство и веду внутреннее расследование, поэтому наш бизнес испытывает некий переходный период...

— Сколько зерна тебе нужно?

Тут заговорил Мак.

— На шесть месяцев было бы просто отлично.

Ленге присвистнул.

— Это очень много.

— Мы предоставим вам отличные условия по договору, — сказал Лейн. — Большую процентную ставку, и вы сможете получить обеспечение в виде склада с баррелями бурбона. И неважно, чтобы не происходило внутри нашей компании, наш продукт отлично продается, и бурбон пользуется повышенным спросом. Денежный поток со временем восстановится и не будет проблемой.

Ленге сделал какой-то странный звук носом, что Лейн практически почувствовался запах горящего дерева, Лейн подумал, что все кончено.

— У нас с тобой есть общий знакомый, — сказал он. — Боб Гринблатт?

— Инвестиционный банкир? — кивнул Лейн. — Я знаю его.

— Он сказал, что ты играешь в покер.

— Я перекидывался с ним картами, да.

— Ты обыграл его, это ты имеешь в виду? — Ленге улыбался во все зубы, вытирая пальцы о бумажную салфетку. — Я не знаю, понимаешь ли, но я немного азартный человек. Моя жена христианка. Она не одобряет... но закрывает глаза на мой блажь, ну, ты понимаешь.

Лейн прищурился.

— Что конкретно вы хотите?

— Ну, я получил приглашение прийти попрощаться с твоим отцом от вашего дворецкого. По электронной почте, для меня это стало полной неожиданностью, но, конечно, это экономит деньги на рассылку официальных писем, мне понравилось. В любом случае, я собирался вернуться в город, что, если ты и я заключим дружеское пари с некоторыми техасцами. Мы могли бы играть на зерно. Вот, что я имею в виду. Твоя семья первая стала покупать у меня зерно. — Ленге кивнул Маку. — Все благодаря твоему отцу. Я сел на автобус, проехал три штата, потому что у меня не было денег на машину, и Большой Мак, как мы его называли, познакомился со мной, и мы заключили сделку. Он заказал у меня четверть от всего объема. Потом половину. А через три года я стал единственным поставщиком кукурузы, а позже и ячменя.

— Мой отец всегда с уважением отзывался о вас, — сказал Мак.

— Это было взаимно. В любом случае..., — мужчина повернулся к Лейну, — я думаю, что нам стоит сыграть на зерно.

— Я до сих пор не совсем врубаюсь в суть.

Это было не совсем правда. Он, конечно, же лично не участвовал в процессе изготовления бурбона, но он не был полным идиотом. Шесть месяцев поставок зерна было колоссальным количеством, и если перевести это в деньги, то... Учитывая, что его портфель акций состоял из девяноста девяти процентов КББ, а на данный момент компания могла оплатить это зерно также, как астматика поставить на уборку сена... он понятия не имел, как он сможет получить такое количество денег, чтобы вступить в игру.

Ленге снова пожал плечами.

— Я буду поставлять вам полгода кукурузу, рожь, ячмень бесплатно, если ты выиграешь.

— А если я проиграю?

— Тогда ты должен будешь оплатить все не сразу, но со временем.

Лейн нахмурился.

— Послушайте, не хочу вас отговаривать от игры, которая, конечно же, мне выгодна, но разве это справедливо? Вы в результате получаете то, что я и предлагал, оплату за зерно.

— Первое, я люблю вызов. Второе, мой инстинкт говорит мне, что у тебя очень и очень большие финансовые трудности, вернее яма, из которой ты пытаешься выбраться. Молчи, ничего не говори, это не столь важно, я думаю, что ты не можешь заплатить мне прямо сейчас и даже в ближайшем будущем. И несмотря на твое предложение, по поводу обеспечения моего интереса в тысячи бочек? Ты разве не собираешься продать их, чтобы сохранить Компанию «Брэдфорд бурбон», потому что без наличных у тебя не будет дохода, чтобы выплачивать заработную плату и кредиторскую задолженность поставщикам. Вот почему я делаю это. Ну, и есть еще одна причина.

— Какая?

Ленге пожал плечами.

— Ваша семья делает, на самом деле, лучший бурбон на планете. Моя чистая прибыль свыше миллиарда долларов... так что я могу себе это позволить, помочь компании, которая поставляет мой любимый бурбон, — он подался вперед и снова улыбнулся. — И знаешь, что самое важное? Умение производить такую вещь, гораздо более ценно, чем попасть в загородный клуб. Поверь мне.

Джин вошла в оранжерею Истерли, сделанную по последнему слову техники, здесь благоухали гиацинты и прекрасные лилии в пропитанном влажностью воздухе. Через высокие, застекленные окна, среди грядок, с растущими цветами и величественными образцами орхидей, ее будущая невестка стояла, запустив руки в горшок с землей, с таким же грязным пятном сзади на шортах цвета хаки. На Лиззи не было макияжа, волосы поддерживались чем-то похожим на резинку.

На самом деле, эта садовница скоро будет как бы членом семьи. Лейн собирается жениться на этой женщине, и Джин удивлялась настолько она, отличалась от его елейной, пафосной первой жены Шанталь, которая напоминала домашнее животное.

— Вы очень трудолюбивы.

Лиззи оглянулась через плечо, держа руки над горшком.

— О, привет.

— Да, — Джин откашлялась. — Ну, привет.

— Вам что-нибудь нужно?

— По сути, да. Мне нужно сделать букеты для моей свадьбы и приема. Мы сделаем это все после прощания с отцом, в субботу после того, как я выйду замуж в здании мэрии в пятницу. Я понимаю, что времени очень мало, но вы сможете же все быстро подготовить, правда ведь?

Лиззи потерла ладони друг с другом, отряхивая прилипшую землю, и полностью развернулась к гостю.

— Вы уже говорили об этом с Лейном?

— Почему я должна говорить? Это мой дом. Мой прием. Он мне не отец.

— Я просто подумала, что с финансовыми проблемами...

— Я хочу, чтобы все было в цвете слоновой кости и персика. И прежде чем говорить мне про сокращение расходов, я устраивала приемы в общей сложности четыреста штук. Поэтому у нас будет сорок столов в саду. О, кстати, ты сможешь позаботиться и заказать столы и стулья? Также тент, серебряные столовые приборы и бокалы и что там еще. Я не очень доверяю в этом вопросе мистеру Харрису. А я скажу мисс Авроре, что приготовить.

— Кто за это будет платить?

— Прости?

— Это событие обойдется в семьдесят пять тысяч долларов. Потому что, помимо всего прочего, вам понадобится еще и обслуживающий персонал. Парковщики и официанты. А также повара, которые будут помогать мисс Авроре на кухне. Кто будет за все это платить?

Джина открыла рот. А потом вспомнила, что Розалинда умерла. Поэтому не имело смысла называть ее имя, как главного бухгалтера семьи, как *бывшего главного бухгалтера семьи*.

— Мы оплатим все расходы, — она вздернула вверх подбородок. — Все будет оплачено.

— Я думаю, вам лучше сначала поговорить с Лейном, — Лиззи подняла свои грязные ладони. — И это все, что я собираюсь сказать. Если он решит, что сможет все оплатить прямо сейчас, я буду счастлива устроить для вас такое событие и сделаю все, что требуется.

Джин стала осматривать свой маникюр. Нет сколов. Отличное покрытие. Красный лак, как кровь и блестящий, как новая десятицентовая монета.

— Ты может и спишь с моим братом, дорогая, но давай не будем забегать вперед, ладно? Ты все еще обслуживающий персонал, поэтому это не твое дело, ясно?

Да, были... проблемы... но, безусловно, одно маленькое событие не отправит компанию ко дну? И это всего лишь необходимые расходы. В конце концов, она же все же Брэдфорд, черт побери.

Лиззи отвела взгляд, нахмурившись. Потом она все же взглянула на Джин и мягко произнесла:

— Хорошо, давай говорить открытым текстом, да, я обслуживающий персонал, и нет нужды с твоей стороны напоминать мне об этом. Я хорошо осведомлена о ситуации, которая происходит в этом доме, и если ты почувствуешь себя гораздо лучше, разыгрывая передо мной роль из «Аббатство Даунтон», то вперед. Но это не изменит реальность твоей «скромной» свадьбы, которую в данный момент ты не можешь себе позволить. И я не буду ничего заказывать, пока не получу разрешение от твоего брата.

Джин тут же вспомнила всю свою родословную и выпрямила спину.

— Ну, я никогда не...

— Здравствуй, мама.

Беспечный голосок, словно молот ударил ее сзади по шеи, и Джин не сразу обернулась. Она внимательно смотрела на окно перед собой, в отражении наблюдая, кто направлялся к ней. Появившееся лицо в отражении не изменилось, когда она видела его в последний раз, в сентябре. Волосы остались прежними, такими же длинными и густыми, черными, как и ее... и выражение на лице было точно таким же, как его и запомнила Джин. Но скулы стали вроде бы выше, возможно сказался процесса созревания или потому, что Амелия сбросила вес.

Это всегда хорошо.

Джин обернулась. Дочь была одета в узкие джинсы, ее ноги в них были похожи на соломинки для содовой, в черную блузку от Шанель с белым воротником и манжетами, а также балетки Тори Берч.

Если говорить о ее внешнем виде, то она словно вернулась только что с подиума Парижа.

— Амелия. Что ты делаешь дома?

— Я тоже рада тебя видеть.

Взглянув через плечо, Джина хотела попросить Лиззи уйти, но та уже скрылась за стеклянной дверью, ведущей в сад, с тихим щелчком дверь закрылась.

На мгновение образы подрастающей Амелии стали всплывать в памяти один за другим, а потом все пропали. Существующее недопонимание и отчужденность друг с другом, переходящие в открытую враждебность, выкованные годами, пока Джин вела с ней как сестра, а не как мать.

Обиженная сестра.

Хотя для Джин все было гораздо сложнее.

В последнее время, безусловно, отношения стали немного поспокойнее. Но только благодаря тому, что Амелию отправили в школу Хотчкисс не только для того, чтобы она смогла получить образование, а чтобы унять поднимающийся шторм между ними, всякий раз, когда они вдвоем оказывались в одной комнате.

— Всегда приятно тебя видеть дома...

— Да.

— ...но это сюрприз. Я не знала, что летние каникулы начались так рано.

— Меня выгнали из школы. И прежде, чем ты попытаешься начать читать мне лекцию, я хотела бы напомнить тебе, что я просто следую твоему примеру.

Джин посмотрела вверх... в стеклянный потолок, сквозь который было видно голубое небо и так высоко плывущие облака.

Это правда, воспитывать было бы намного проще, если бы она лично показала положительный пример.

Так придумай что-нибудь положительное.

— Я поселилась в своей комнате, — объявила Амелия. — И ужинать я иду сегодня с друзьями. Не волнуйся. Одному из них двадцать пять и у него Феррари. Со мной все будет в порядке.

После встречи с Ленге, Лейн вернулся в Истерли, но далеко не прошел. Мистер Харрис дворецкий, вышел из столовой с подносом в руках, на котором лежало полдюжины серебряных столовых приборов, настоящее произведение искусства, в том числе конфетница от Картье, из которой торчал хвост карпа.

Но англичанин, двигаясь к нему, тут же начал говорить:

— О, какое счастье, что вы прибыли, сэр. Я как раз собрался идти за вами. К вам посетитель. Шериф Рэмзи на кухне.

— Да, я видел автомобиль шерифа, припаркованный снаружи.

— Кроме того, я разослал приглашения о часах прощания с вашим отцом. По электронной почте, поскольку очень мало осталось времени. Я бы предпочел сделать это по обычной почте, конечно. Многие приняли приглашение, мне кажется, вы останетесь довольны количеством гостей.

У Лейна тут же возникло три мысли — надеюсь, гости не будут много есть и пить; интересно, как бы все отреагировали, если бы я сделал платный бар, и, наконец, Господи, он никогда раньше не думал, во сколько ему обойдется каждый пришедший.

Потом он поймал себя на мысли, что дворецкий выжидающе смотрит на него, и Лейн сказал:

— Простите, что вы сказали?

— Также кое-кто прибыл из семьи.

Дворецкий замолчал, как бы давая время обдумать новость, словно он обиделся на невнимание Лейна и теперь ждал его реакции.

— И кто это? Мрачный Жнец? Нет, постойте-ка. Берни Мэдофф снять очередное шоу. Крампус... неа, не сезон.

— Вернулась мисс Амелия. Она приехала на такси десять минут назад с чемоданами. Я взял на себя смелость отнести их в ее комнату.

Лейн нахмурился.

— Разве наступили уже летние каникулы? Где она?

— Полагаю, она пошла повидаться со своей матерью.

— Значит, скоро начнется буря. Спасибо, мистер Харрис.

— Мне в удовольствие, сэр.

По какой-то причине, Лейн понял, как дворецкий произнес слова, они прозвучали, словно «Пошел ты». И если честно, ему захотелось схватить его за черный галстук, свисавший у него с шеи и...

Нет, хватит трупов, даже на гипотетическом уровне.

Мозг Лейна уже закипал, пока он пересекал фойе и направлялся в коридор для персонала, который вел на кухню. Дойдя до бывшего офиса Розалинды Фриланд, он остановился и внимательно оглядел печать полиции, красовавшуюся на двери.

И тот факт, что вход ему туда был заказан, казалось, символизировал именно то, во что превратилась вся его жизнь.

И возможно, Джефф был прав. Может, он был не в состоянии сохранить все, потому что все разваливалось прямо на глазах. Возможно, мир не рухнет, как это было еще во времена его деда и даже отца, когда его семья не имела возможности защитить себя и не

представляла такой власти.

И честно говоря, зачем он портит отношения со всеми, разгребая дерьмо за своим отцом?

— Здравствуйте, сэр.

Лейн взглянул вверх. Блондинка в униформе горничной вышла из прачечной, держа в руках постельное белье.

— Я Типфании, — сказала она. — С «п» посередине и два «и» на конце.

— Да, конечно. Как ты?

— Я забочусь о вашем друге Джеффе. Он слишком много работает, — возникла пауза. — Я могу что-то сделать для вас?

— Нет, спасибо, — если отбросить чистые пододеяльники в сторону, у нее не было ничего, чего бы он хотел. Или когда-нибудь захочет. — Уверен, что мой давний друг оценит твои персональные услуги.

— Вы дадите мне знать, если вам что-то понадобится.

И она, виляя бедрами, направилась в противоположную сторону, глядя ей в след, он подумал, что она напомнила ему первый сезон американской истории ужасов, где была горничная старая и молодая. Эта была явно оттуда. Хорошие новости? По крайней мере, Джефф сможет таким образом снимать с себя стресс. И Типфании не призрак, который мог кинуть на парня столб в самое не подходящее время.

«Парень, ты так похож на своего отца».

— Нет, я не буду таким, как мой отец.

Войдя в обширную, профессионально оборудованную кухню, Лейн тут же почувствовал запах горячей выпечки, и обнаружил мисс Аврору и офицера Рэмси, сидящих бок о бок на стульях за ее гранитной столешницей, с двумя кружками кофе и тарелкой конфет. Шериф был в униформе, коричневой с золотом, пистолет на бедре, рация на его огромном плече. Мисс Аврора была в фартуке и свободном синем костюме с брюками.

Она выглядела более похудевшей, с того момента, как он прибыл сюда, мрачно подумал про себя Лейн.

— Доброе, — сказал Лейн, подходя к Рэмси и хлопая ладонью о его ладонь.

— Тебе тоже.

— Найдется здесь местечко для третьего?

— Всегда, — мисс Аврора поставила перед ним пустую кружку и встала, чтобы взять кофейник из кофе машины. — Я оставлю вас двоих.

— Остаься, — попросил Лейн, опускаясь на стул. — Пожалуйста.

Боже, он забыл насколько огромным был Рэмси. Лейн не был маленьким, все-таки шесть и два или шесть и три фута. Но когда он подсел к шерифу, то ощутил себя куклой Барби.

— Отчет о вскрытии показал, — Митч взглянул на него. — Палец принадлежит твоему отцу. Однозначно. На трупе не хватает пальца, он идеально походит, тот, что нашли у тебя под окном.

— Он был убит, — Лейн кивнул ей в знак благодарности за кофе, кружку с которым она поставила перед ним. — Брат, продолжай.

— Ты знал, что твой отец был болен?

— На голову? Да.

— У него был рак легких.

Лейн медленно поставил кружку на стол.

— Что?

— Твой отец страдал от прогрессирующего рака легких, метастазы пошли в мозг. Коронер сказал, что ему оставалось шесть месяцев... и очень скоро это стало бы заметно, поскольку повлияло бы на моторику и способность нормально передвигаться, он не смог бы скрывать это от других.

— Сигареты, — он посмотрел на мисс Аврору. — Все эти чертовы сигареты.

— Следи за языком, — сказала она. — Но я всегда хотела, чтобы он бросил. Я не вызывалась добровольцем, чтобы у меня был рак. Не знаю, почему кто-то хочет получить такую болезнь.

Взглянув на Рэмзи, Лейн спросил:

— Неужели он не знал? И как долго он у него уже был?

Не то, что его отец докладывал Лейну или кому-то еще о своем состоянии здоровья. Но зная, великого Уильяма Болдвейна, который считал, что он сможет побороть все или оставить в состоянии ремиссии.

— Я задал точно такой же вопрос коронеру, — Рэмси покачал головой. — Он сказал, что у твоего отца, скорее всего, проявлялись симптомы. Одышка. Головные боли. Головокружение. Ему не производились никакие операции, ни на сердце, ни где-нибудь еще... но это не значит, что он не проходил химиотерапию или ему не делали облучение. Образцы тканей отправлены на токсикологический анализ, мы ждем результатов, но потребуется некоторое время.

Лейн потер виски.

— Значит, он, на самом деле, мог совершить самоубийство. Если он знал, что скоро умрет и не хотел страдать, он мог сам спрыгнуть с моста.

А причем тогда палец? Да еще с кольцом? Тот факт, что из всех десятин имения Брэдфордов, из всех мест, открытых и скрытых от постороннего глаза, он был зарыт прямо под окном его матери?

— Или твоего отца мог кто-то скинуть, — предположил шериф. — Из-за того, что он страдал таким недугом, совершенно не означает, что кто-то не мог бы его убить... и вода была у него в легких, что доказывает, что он был жив и сделал хотя бы один глубокий вдох, когда попал в реку. — Рэмси взглянул на мисс Аврору. — Мэм, мне очень жаль говорить об этом, подробно все описывая.

Мама Лейна пожала плечами.

— Что здесь такого.

Лейн посмотрел на мисс Аврору.

— Я был все время в Нью-Йорке. Ты не замечала ничего... необычного в нем?

Хотя несмотря на его состояние, он все равно занимался сексом. По крайней мере, по словам Шанталь, он сделал ей ребенка, которого она носила.

Его мама покачала головой.

— Я не замечала ничего не обычного. Он фактически не бывал дома последние пару месяцев, но так было всегда. И ты знаешь, он хранил все в себе. Он вставал и уходил в бизнес-центр рано утром, и проводил там много времени, домой возвращался очень поздно. Моя комната выходит на гаражи, я видела, как его шофер ставил машину в гараж в полночь, а то и в час ночи, я могла встретить его ненароком в коридоре, когда он возвращался из своего кабинета. Так что я не знаю.

Рэмси произнес:

— С деньгами и связями твоей семьи, он мог поехать на лечение в Штаты.

— Как тебе кажется каковы причины убийства? — спросил Лейн.

Рэмси покачал головой, раздумывая.

— Склоняются к нечестной игре. Этот палец — ключ. И он все меняет.

Лейн еще посидел немного, разговаривая с ними, потом извинился, поставил кружку в раковину и направился в сторону лестницы для персонала, ведущей на второй этаж. Мисс Аврора и Рэмси были знакомы, когда будущий шериф ходил еще в памперсах, он часто навещал ее раньше, когда был на дежурстве. Поэтому они задержались еще на какое-то время вдвоем.

Рак.

И так отец медленно убивал себя сигаретами... но кто-то решил ускорить этот процесс, поставив на нем крест и привесив бирку на палец его ноги.

Невероятно.

Как обычно, в утренние часы весь персонал убирался в этой части дома, и он почувствовал запах чистящих средств для туалета, душа, окон, немного цитрусовый, еле уловимый мятный аромат, от которого у него зачесался нос.

Войдя в комнату своего отца, он почувствовал себя так, словно совершал что-то противозаконное, если учесть, что он не постучал, прежде чем войти... но хозяин был мертв. И ступить без разрешения в пустое, с темным интерьером мужское пространство, тоже было чем-то противозаконным, Лейн даже оглянулся через плечо, хотя для этого не было причины.

На бюро и на прикроватной тумбочке лежала пара личных вещей, все в этом люксе говорило о статусе, как бы объявляя: «Все для такого богатого и влиятельного человека, который опускает свою голову здесь на ночь на подушку»: с монограммой покрывала и подушки, в кожаном переплете книги и восточные ковры, если не выглядывать во двор в окна, скрытые тяжелыми шелковыми шторами, можно решить, что вы попали в люкс отеля Ritz-Carlton в Нью-Йорке или в загородную резиденцию в Англии, или замок в Италии.

Ванная комната была от пола до потолка декорирована мрамором под старину и винтажные краны украшали новую сантехнику, необычная застекленная душевая кабина занимала почти половину комнаты. Лейн остановился, заметив халат с монограммой отца, висящий на медном крючке. Здесь на столешнице лежал бритвенный набор с золотой кистью и бритвой. Полоска кожи, оттачивать лезвие. стакан для воды и зубная щетка.

На столешнице было две золотых раковины, разделенные милей мрамора друг от друга, но его мать никогда не пользовалась второй раковиной в его ванной комнате. И над этим огромным пространством было зеркало с золотыми бра, со светоотражающими панелями.

Но здесь не было аптечки.

Лейн наклонился и начал открывать ящики. В первом была куча презервативов, и ему захотелось что-нибудь разбить по очень многим причинам. Далее шли ящики, заваленные мылом, ватными палочками, обычными бритвами. С другой стороны в ящиках были щетки, расчески. Под раковинами в шкафчики складывалась туалетная бумага, салфетки Kleenex, бутылки Listerine.

Ему показалось странным, но он не видел, чтобы его отец пользовался настолько обычными вещами. Как обычный другой человек, который готовится пойти на работу или лечь спать.

На самом деле, отца всегда окружала тайна, хотя и пугающая. Для него он напоминал Джека Потрошителя, и исходило это из отсутствия общения, отсутствия нормальных отношений, отсутствия какого-либо тепла со стороны отца.

Лейн нашел лекарства в высоком узком шкафу у окна.

Шесть оранжевых флаконов, каждый с разным количеством таблеток или капсул. Он не знал лечащего врача, выписавшего их, и названия самих лекарств ему тоже ничего не говорило, но учитывая количество предупреждений, начиная от «не рекомендуется садиться за руль во время приема препаратов», он догадался, что они скорее относились к обезболивающим или миорелаксантам... но более тяжелым, которые заставляли вас почувствовать себя еще хуже, чем ваша болезнь, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Он прочитал имя врача, а соответственно и телефон.

Хорошо. Что хоть кто-то знал о болезни отца.

Врач работал в онкологическом центре Андерсона в Хьюстоне.

Да, его отец знал, что он болен. И скорее всего, осознавал, что он умирает.

— Тебя выгнали? — воскликнула Джин, стоя в благоухающей оранжереи.

— Да, — ответила ей дочь.

«Фантастика!» — подумала Джин.

В последовавшей тишине она обдумывала какое из родительских негодований ей стоит высказать — потопать ногами, обутыми в высокие шпильки или, возможно, лучше воспользоваться старым методом, погрозить указательным пальцем. Не годится. Единственное, что на самом деле могло хоть как-то подействовать на ее дочь — Эдвард, только он справится с этой ситуацией. Он всегда знал, что делать.

Но нет. Это тоже уже было в прошлом.

В конце концов, она произнесла:

— Я могу спросить, почему тебя выгнали из школы?

— А почему ты думаешь?! Я все же твоя дочь во всем.

Джина закатила глаза.

— Ты напилась? Или тебя поймали с мальчиком?

Амелия вздернула подбородок вверх, и у Джин тут же сложилась вся математика, причем при этом она испытала вину.

— Ты переспала с одним из ваших профессоров? Ты с ума сошла?!

— Ну, ты же переспала. Вот почему ты взяла длительный отпуск от...

Дверь в оранжерею открылась, и на пороге появился Лейн, словно долгожданный маяк, как для любого моряка в море.

— Угадай, кто вернулся домой, — сухо сказала Джин.

— Я уже в курсе. Иди сюда, Эймс. Много времени прошло.

Девушка попала в объятия Лейна и их две темные головы сблизились вместе, Джин пришлось отвернуться.

— У нее имеются новости, — пробурчала Джин, пока она двигалась между орхидей, ощипывая листья. — Почему ты ему не говоришь?

— Меня выгнали.

— Она переспала с профессором, — Джин махнула рукой. — Из всех наследий, она следует моему примеру.

Лейн выругался и отступил назад.

— Амелия.

— Ах, он называет тебя настоящим именем, — Джин улыбнулась, подумав, что Лейн говорит сейчас точь-в-точь как отец. — Он понимает в чем дело. Мы можем кому-нибудь позвонить в Хотчкисс, Лейн? Конечно, мы сможем отговорить их от такого поспешного решения.

Лейн потер лицо.

— Кто-то воспользовался ситуацией? Тебе сделали больно?

— Нет, — сказала девушка. — Все не так.

Джин заговорила:

— Должен быть какой-то способ, вернуть ее туда.

— Ты решила бросить? — спросил Лейн. — Ты собираешься потерять все, чего достигла? Господи, Эймс, серьезно. Это очень серьезно.

— Прости.

— Да, — пробормотала Джин, — выглядишь жалко. Хочешь платок? Это поможет тебе играть более убедительно?

— Это бриллиант у тебя на пальце? — воскликнула Амелия. — Ты выходишь замуж, я так понимаю?

— На следующий день после прощания с твоим дедом.

— Да, хорошо, что ты позвонила мне и сообщила об этом, мама.

— Брак — не столь важен.

— Согласна. Я говорю о смерти моего деда. Мой родной дед умер, а я узнала об этом из газет.

Глаза Лейна переметнулись к Джин.

— Ты что не звонила ей, Джин? *Реально, не позвонила?*

— Я прошу прощения, но именно ее выгнали. А ты смотришь на меня так, будто это все сделала я?

— Я могу пойти здесь в школу в Чарлмонте, — отозвалась Амелия. — Образование в Чарлмонте одно из лучших, и я могла бы жить здесь, дома...

— Почему ты думаешь, что они возьмут тебя? — спросила Джин.

— Наша семья пять лет подряд делала огромные пожертвования, — парировала Амелия. — Почему они не возьмут меня? И кто на тебе женится, мама? Дай угадаю. Он богат и отличается мягкотелостью...

— Хватит! — резанул Лейн. — Джин, она твоя дочь. На этот раз, ты поступишь так, как должна поступать мать. Амелия, на самом деле, все более серьезнее, чем ты думаешь.

— Но это поправимо, — сказала девушка. — Все поправимо в этой семье, не так ли?

— На самом деле, не так. И лучше тебе помолиться, чтобы твой урок по этому вопросу не был таким суровым, я имею ввиду, что тебя выгнали.

Лейн направился к выходу, Джин подумала о предстоящей свадьбе и крикнула ему вслед:

— Подожди, мне нужно с тобой кое-что обсудить.

— Я не собираюсь ничего предпринимать в Чарлмонте. Ты должна сделать все сама, ради нее. Это как раз твой шаг к примирению с ней.

Джин скрестила руки на груди и поморщилась, задев синяк на локте, который оставил Ричард.

— Амелия, не будешь ли ты так любезна, отправиться дуться в свою комнату? Или к бассейну? Уверена, что в Twittere ты сможешь приятно провести пару часов, сообщая своим

друзьям о скверном характере матери, когда ты возвратилась в лоно семьи.

— С при великим удовольствием, — ответила Амелия. — Это намного лучше, чем находиться рядом с тобой.

Девушка не умчалась в бешенстве, она выпорхнула, оставив за собой легкий аромат в воздухе вместе со своим презрением.

Удивительно, насколько эти двое не могут наладить отношения.

Как только дверь тихо закрылась, Джин обратилась к Лейну:

— Возможно, ей стоит поехать в Нью-Йорк, чтобы стать моделью. Ей будет способствовать успех, благодаря ее внешности, но не ее рту, конечно, если она захочет двигаться дальше.

— Рот не остановил тебя, — ответил Лейн. — И он не сделал для тебя ничего хорошего. Посмотри за кого ты выходишь замуж.

— Ричард один из самых богатых людей в штате, и он сможет помочь нашему бизнесу.

— Ты его ненавидишь.

— Это не важно. И это не новость... но твои слова подводят меня к вопросу. Твоя Лиззи сказала, что мне нужно получить твое разрешение, чтобы осуществить здесь свадебный прием. Я сказала ей, что это не будет большой проблемой... четыреста, может больше...

— Подожди, что?

— Мой свадебный прием. Лицензию мы получим завтра, а распишемся в пятницу. После прощания с отцом на следующей день будет прием в субботу... коктейли в саду, а потом последует ужин...

— Джин.

— Что?

— Кто будет платить за все это?

— Мы. А почему ты спрашиваешь?

Глаза Лейна сузились.

— У нас нет денег, Джин. Чеки будут признаны неплатежеспособными. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Прямо сейчас денег нет. Я пытаюсь это исправить, но меня совершенно не заботят четыреста или сорок человек... мы не можем выписывать чеки, которые не в состоянии оплатить.

— Мы же платим за прощание с отцом.

— И это все. На этом вечеринки закончились, Джин. Частные самолеты. Черт, даже такси находится под вопросом. Никакой одежды, шариков и поездок. Все прекращается. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

Она нахмурилась, ее сердце довольно тревожно затрепетало. И потом она прошептала:

— Мне трудно поверить, что ты готов потратиться на похороны человека, которого ненавидел, но отказываешь мне в приеме, который я заслуживаю.

Лейн уставился на нее.

— Знаешь, Джин, я буду полностью откровенен с тобой. Я всегда знал, что ты — самовлюбленная, страдающая нарциссизмом и корыстная, но о чем я никогда не подозревал, что ты можешь быть глупой.

— Прошу прощения?

— Если мы не пригласим сюда пол мира, чтобы они смогли засвидетельствовать свое почтение нашей семье и покойному отцу, пойдут пересуды... и это будет правда. Я не могу позволить, чтобы репутацию моей семьи смешали с дерьмом, бизнес — это наш

единственный шанс выбраться из этой передрыги. Единственное, что нам нужно сделать, это удержать КББ на плаву. Я беспокоюсь о выплате зарплаты в срок, черт возьми. Если хоть что-то просочится в прессу о наших финансовых трудностях, мы рискуем остаться без поставщиков, которые начнут паниковать и требовать выплат по кредитам. Дистрибьюторы станут артачиться. Многие, стоящие у власти, начнут нервничать. Существует столько всего, помимо того, что я тебе сказал, чем какая-то чертовя вечеринка, которую ты собираешься устроить. Прощание с отцом является необходимой частью нашего бизнеса, твой прием таковым не является.

Джин дотронулась до горла и к ней вернулись мысли, когда она всунула свою карточку в слот на заправке... и ее кредитные карты не работали. Но тогда это было связано с тем, что ее отец порвал с ней, а не потому что не было средств.

А потом она вспомнила, что Лейн сообщал ей какие-то плохие новости о финансах, когда ее вытащил из полицейского участка.

Она отрицательно покачала головой.

— Ты сказал, что долг составлял пятьдесят или шестьдесят миллионов. Наверняка деньги есть... в других фондах...

— Долг больше в три раза. И это то, что я знаю. Времена изменились, Джин, — он отвернулся. — Ты хочешь провести вечеринку, пусть твой новый муж выпишет чек. Это мелочь для него, поэтому ты и выходишь за него, в конце концов.

Джин стояла на месте, наблюдая за стеклянной дверью, которая плавно закрывалась.

В тишине, странное чувство дислокации накрыло ее, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять с чем она будет иметь дело всякий раз, когда будет обращаться к Ричарду...

О, Боже. Она почувствовала, что готова бросить это занятие.

— Все будет хорошо, — сказала она, успокаивая саму себя. — И Пфорд может начать проявлять свою полезность.

Подметальщик вылизывал центральный проход конюшни, собирая и передвигая перед собой мусор, поднимая маленькое облачко пыли. Эдвард двигался со своей метлой, а молодые лошади, улучшенной породы, тянули к нему морды через створки стойла, принюхиваясь к его футболке и тыкаясь ему в колено, фыркая ему в волосы. Пот стекал у него по лбу и по позвоночнику к поясу свободно сидящих джинсов. Время от времени он останавливался и вытирал лицо майкой на предплечье рукава. Он разговаривал с Джоуи, сыном Мои, который убирал стойла и ухаживал за лошадьми, вычищая их изящные шеи и расчесывая жесткую гриву.

Эдвард чувствовал при каждом взмахе метлы, как алкоголь выходит из каждой его поры, словно он был полностью им проспиртован. И несмотря на то, что похмелье исчезало, он все равно два раза приложился к бутылке водки, чтобы предотвратить свою трясучку.

— Вы работаете с таким усердием, — раздался голос с дальнего конца конюшни.

Эдвард остановился и попытался оглянуться через плечо, но его тело не позволило ему свободно развернуться, поэтому он уперся ручкой метлы в плечо и сделал пару шагов вокруг.

Жмурясь от солнечного света, он спросил:

— Кто там?

— Я детектив Мерримак. СМР. (*The Committee on Missing Persons — Подразделение по преступлениям с без вести пропавшим лицам*)

Резкие шаги послышались по бетону, и когда они остановились напротив него, мужчина достал свой открытый бумажник, показав удостоверение личности и жетон.

— Не возражаете, если я задам вам пару вопросов? — спросил детектив. — Для формальности.

Эдвард переключил внимание с фотографии на удостоверении на лицо говорившего. Мерримак был афроамериканцем, с коротко подстриженными волосами, мощным подбородком и большими руками, Эдвард предположил, возможно, ранее он был спортсменом. На нем было белоснежное белое поло, сбоку на груди была эмблема в виде печати городского департамента полиции Чарлмонта, хорошие брюки и кожаные ботинки на резиновой подошве, что заставило Эдварда подумать, в такой обуви хорошо за кем-нибудь гнаться.

— Чем я могу вам помочь, детектив?

Мерримак убрал свое удостоверение.

— Не хотите куда-нибудь пойти, чтобы присесть, пока мы будем говорить наедине?

— Здесь вполне подходящее место, как по мне, — Эдвард доковылял до стога сена и повалился на него, давая отдых своим ногам. — Здесь никого нет сейчас. Вы можете воспользоваться этим ведром, если хотите, переверните его.

Мерримак покачал головой. Улыбнулся. Огляделся.

— У вас большое хозяйство. Много красивых лошадей.

— Вы играете на скачках?

— Так по мелочи. Рядом не стояло с тем, что делаете вы, я уверен.

— Я не ставлю на лошадей. Уже нет.

— Даже на своих?

— Тем более на своих. Итак, чем я могу вам помочь?

Детектив подошел к стойлу, верхняя половина которого была закрыта.

— Вау. Какой красавец здесь...

Эдвард покачал головой.

— Я нахожусь не слишком близко, поэтому....

Нибеканзер оскалил зубы и бросился на решетку, и Мерримак отбивая чечетку с такой скоростью рванул к противоположной стене, получше чем Сэвион Гловер.

Эдвард спросил, наблюдая за детективов, впечатавшимся спиной в противоположную дверь стойла.

— Вы не знакомы с лошадьми, не так ли?

— Ну... нет, — мужчина выпрямился и поправил свое поло. — Нет, не знаком.

— Как вы думаете, почему, когда вы заходите в конюшню, где в основном открытые стойла есть только одно полностью закрытое? Есть же причина и она довольно-таки уважительная.

Мерримак покачал головой, глядя на огромного жеребца, который ходил взад-вперед, показывая всем своим видом, что не собирается быть вежливым.

— Его никто не объезжает?

— Только я. Мне нечего терять.

— Вы? Вы можете сесть в седло этой лошади?

— Он мой жеребец, а не лошадь. Да, могу. Когда я чего-то хочу, я могу это сделать, даже при таком теле.

Мерримак внимательно посмотрел на Эдварда и снова улыбнулся.

— Вы точно можете. Ну, эта черта характера должно быть и способствовала вашему выздоровлению. Я читал о вашем...

— Неудачном отпуске? Да, что я пережил, никогда не появится на Trivago. Но, по крайней мере, у меня, как часто летающего, имелись баллы на бесплатный полет. И это не важно, что я летел на север. Они должны были перевезти то, что осталось от меня на военную базу, а затем ВВС вернули меня в Штаты. (*trivago — компания, основанная в Германии в 2005 году. Деятельность компании — сервис по поиску отелей и сравнения цен на них в режиме онлайн, тип сервиса, также называемый метапоисковиком. — прим. пер.*)

— Я не могу представить, через что вам пришлось пройти.

— Да, вам трудно будет представить, — Эдвард откинулся на сене и переставил ноги. — Итак, чем я могу быть вам полезен?

— Постойте, вы сказали, что ВВС вернули вас домой?

— Посол в Колумбии — друг моей семьи. Он был очень любезен. И был мой друг отсюда, из Чарлмонта, облаченный правами шерифа.

— Ваш отец готов был помочь?

— Нет, он был не готов.

— Нет?

Эдвард наклонил голову.

— У него были другие приоритеты на тот момент. Вы проделали весь этот путь до округа Огден, чтобы поинтересоваться моими лошадьми? Или же это все же касается моего отца?

Мерримак снова улыбнулся, наверное, он думал, когда улыбается, выглядит более дружелюбно, располагая к беседе.

— И об этом тоже. Всего лишь несколько вопросов. В подобной ситуации мы всегда

начинаем с семьи.

— Спрашивайте.

— Можете описать свои отношения с отцом?

Эдвард передвинул метлу между колен и дернул за ручку туда-сюда.

— Раздражающие.

— Это многое в себя включает.

— Вам нужна конкретика?

— Нет, я понял, — Мерримак достал блокнот из заднего кармана и открыл его. — Вы не были близки?

— Я работал с ним в течение нескольких лет. Но я бы не сказал, что у нас с ним были традиционные отношения, какие существуют между отцом и сыном.

— Вы были его наследником?

— Я хорошо разбирался в бизнесе.

— Но вы больше не...

— Он мертв. У него нет больше «не...», не так ли? Почему бы вам просто не спросить меня, не я ли убил его и отрезал ему палец?

Одна из тех улыбок. Знаете, у парня были хорошие зубы, все прямые и белые, и они явно были не результатом какого-то косметического улучшения.

— Все в порядке. Может вы сами и ответите на свой вопрос.

— Как я могу убить кого-то? Я толком не могу даже подмести этот проход.

Мерримак посмотрел вниз, а потом перевел глаза на Эдварда.

— Из того, что вы мне сказали, у вас были причины.

— Вы — детектив и должны понимать сколько усилий требуется, чтобы убить человека. Мой отец был здоровым мужчиной, в моем нынешнем состоянии... увы, он весил на пятьдесят фунтов больше, чем я. Может я и не очень сильно любил его, но это не значит, что отцеубийство было главным в моем списке.

— Можете сказать, где вы были в ночь, когда он умер?

— Я был здесь.

— Кто-нибудь может подтвердить...

— Я могу.

Шелби вышла из кладовки, даже не высказав никаких извинений, спокойная, как Будда. Хотя она лгала.

— Здравствуйте, мисс, — произнес детектив, подходя к ней и протягивая свою ладонь. — Я из отдела полиции Чарлмонта. А вы?

— Шелби Лэндис, — она пожала ему руку и отступила назад. — Я работаю здесь конюхом.

— Как долго?

— Недолго. Неделью или около того. Мой отец умер, и перед смертью он сказал поехать сюда.

Мерримак взглянул на Эдварда.

— И в ту ночь, когда умер ваш отец, вы были...

— Здесь, — сказал Эдвард. — Сидел. Это обычная для меня поза.

— Ну, понятно. — Улыбка. — Позвольте мне спросить вас еще кое-о-чем. На какой машине вы ездите?

Эдвард пожал плечами.

— Я не могу особо ездить. Мой Порше в Истерли. Переключение передач, для меня уже делать трудновато.

— Когда вы в последний раз были дома?

— Никакого дома. Я живу здесь.

— Хорошо, когда вы были в Истерли последний раз?

Мысли Эдварда вернулись к Лейну, как они проникали в бизнес-центр, чтобы найти финансовые отчеты отца. Фактически, это нельзя было назвать взломом и проникновением, но Эдвард точно не был уверен, кроме того они вдвоем похитили корпоративные финансовые данные.

Его видела мисс Аврора, женщина, которая вырастила, обняла его и вывернула ему всю душу наизнанку.

В Истерли везде стоят камеры видеонаблюдения — снаружи и внутри дома. А также внутри бизнес-центра.

— Я был там пару дней назад, чтобы встретиться с моим братом Лейном.

— И что вы делали, пока там были?

— Говорил с ним, — воспользовался черным входом, чтобы проникнуть в бизнес-центр и зайти в сеть корпорации, чтобы выудить нужную информацию. А также был свидетелем, когда его отец заключал сделку с Саттон. А потом этот ублюдок пытался ее поцеловать. — Мы просто пересеклись.

— Хмм, — очередная улыбка. — Вы брали один из автомобилей семьи? Я имею в виду, у вашей семьи имеется много всевозможных машин, не так ли?

— Нет.

— Разве нет? Вчера, когда я там был, то обратил внимание на огромный парк автомобилей с задней стороны дома, как раз напротив бизнес-центра, где и работал ваш отец.

— Нет, я не брал машин из его гаража.

— Ключи от них находятся в гараже, верно? Заперты в сейфе с кодом.

— Думаю, да.

— Вы знаете комбинацию, мистер Болдвейн?

— Если и знал, то забыл.

— Так все время происходит. Люди постоянно забывают коды и пароли. Скажите, вы не знаете кого-нибудь, кто мог бы затаить обиду на вашего отца? Или хотел причинить ему вред? Может кто-то имел причину, чтобы отомстить ему?

— Это слишком длинный список.

— Длинный?

— Мой отец имел привычку не заискивать перед другими.

— Можете привести пример?

— С кем он расправлялся в личном и профессиональном плане. Такой?

— Раздражающий, на самом деле. Вы сказали, что ваш отец был здоров, по сравнению с вами. Вы не знаете болел ли он чем-то или нет?

— Отец считал, что настоящие мужчины не должны болеть.

— Хорошо, — детектив закрыл свой блокнот, фактически ничего в него не написав. — Если вы вдруг что-то вспомните, и это сможет нам как-то помочь, вы можете позвонить по этому номеру. Любой из вас.

Эдвард взял визитку, которую ему протянули. В центре стояла золотая печать, такая же,

как и на поло у детектива, а вокруг нее значилось имя Мерримак, с различными номерами телефонов и адресом, словно вокруг солнца.

Внизу, каллиграфическим почерком была выведена фраза — «Служить и защищать».

— Так вы думаете, что его убили? — спросил Эдвард.

— А вы? — в ответ спросил Мерримак, протягивая Шелби свою визитку. — Как вы думаете, мистер Болдвейн?

— У меня нет четкого мнения на этот счет.

Он хотел спросить, подозревают ли его, но он уже знал ответ. Мерримак особо никак не скрывал своими намеками.

Опять все та же улыбка.

— Хорошо. Приятно было познакомиться с вами обоими. Вы знаете, где меня найти, а я знаю теперь, где найти вас.

— С удовольствием с вами побеседовал.

Эдвард наблюдал, как спина детектива удаляется в ярком солнечном полуденном свете. Затем он еще немного подождал, когда полицейская машина без опознавательных знаков выехала на главную аллею, а потом свернула на главную дорогу, скрывшись из вида.

— Ты не была со мной, — пробормотал Эдвард.

— Разве это столь важно?

— К сожалению... да.

По крайней мере, адвокат отца не опоздал.

Лейн взглянул на свои Piaget — четыре сорок пять, мистер Харрис ввел достопочтенного Бэбкока Джефферсона в главную гостиную Истерли.

— Добрый день, мистер Джефферсон, — сказал Лейн, поднимаясь ему навстречу. — Я рад, что вы пришли.

— Лейн, мои соболезнования.

Душеприказчик Уильяма Болдвейна был одет в темно-синий костюм с красно-синим галстуком и белым платком, выглядывающим из нагрудного кармана. Ему было за шестьдесят, он представлял из себя богатую версию пожилого парня, его щеки поднимались над воротничком фирменной рубашки, от него исходил запах кубинских сигар и одеколona после бритья, и этот запах пронесся в комнату до того, как он пожал протянутую руку.

Семюэль Ти тоже поднялся с другого конца дивана.

— Мистер Джефферсон. Я здесь в качестве адвоката Лэйна.

— Как твой отец, Семюэль Ти?

— Очень хорошо.

— Передай ему мои наилучшие пожелания. И всем, кто присутствует здесь по приглашению семьи, мои наилучшие пожелания.

— Мистер Джефферсон, — произнес Лейн. — Это моя невеста Лиззи Кинг.

Иииии наступила довольно-таки долгая тишина во всей комнате: Джин закатила глаза, Семюэль Ти улыбнулся, а мистер Джефферсон поклонился в пояс.

Лиззи тем временем с нескрываемым удивлением взглянула на Лейна, а затем пришла в себя, тряся в рукопожатии руку душеприказчика с улыбкой.

— Это произошло совсем недавно.

На секунду показалось, что глаза мистера Джефферсона загорелись, словно он был влюблен в нее, а потом стали лукавыми, но дружескими.

— Ну, поздравляю! — мистер Джефферсон кивнул Лейну, а потом снова посмотрел на его избранницу. — Я бы сказал, что вы обновили свой генофонд, но это было бы неуважением к его бывшей миссис. Но ты, однако, значительное улучшение.

Лиззи рассмеялась.

— Вы очаровываете людей, не так ли?

— Если я опять одеваю свои охотничьи сапоги, мэм, — мистер Джефферсон снова став серьезным, взглянув на Лейна. — Где твои братья?

Лейн снова занял свое место рядом с Лиззи.

— Не знаю, в каком состоянии пребывает Макс и как с ним связаться, а Эдвард...

— Прямо здесь.

Эдвард стоял в арке гостиной, и хотя Лейн уже встречался с ним за день или два до этого, но в облике его брата было нечто такое, что теперь приходилось долго привыкать. Эдвард видно недавно побрился и принял душ, его влажные темные волосы, завивались снизу, раньше он себе такого не позволял. Брюки почти спадали с его бедер, удерживаемые только ремнем из крокодиловой кожи. На нем была голубая рубашка, видно, из его старого делового гардероба. Но она настолько свободно висела, словно он был ребенком, который натянул на себя одежду своего отца.

И все же всем своим обликом он вызывал уважение, пока ковлял к одному из кресел и с трудом опустился в него.

— Мистер Джефферсон. Рад снова видеть вас. Простите за мою грубость, но мне необходимо присесть.

— Я подойду к тебе, сынок.

Душеприказчик положил свой портфель на один из столиков и подошел.

— Приятно снова увидеть тебя.

Эдвард пожал ему руку.

— Взаимно.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Эдвард никогда особенно не общался с душеприказчиком отца, и похоже мистер Джефферсон прекрасно об этом помнил.

— Стоит ли нам ожидать каких-то еще приглашенных?

Лейн хотел рефлексивно сказать, что не знает кого еще пригласил Эдвард, но потом вспомнил, что сам приглашал всех.

— Нет, — Лейн поднялся и направился к дверям, чтобы их закрыть. — Мы готовы.

Он закрыл две половинки двери с одной стороны и тоже самое проделал с другой стороны, в арке в коридор. Обернувшись он взглянул на Лиззи. Она сидела на шелковом диване в своих шортах и поло, ее белокурые волосы были зачесаны назад, полностью открывая лицо.

Боже, он любил ее всю.

— Давайте приступим, — услышал свои слова Лейн.

Эдвард сцепил руки, положив локти на мягкие подлокотники кресла. Через гостиную он смотрел на своего младшего брата, уютно устроившегося с дизайнером садоводом Лиззи на шелковом диване, и ему пришлось признать, что легкость, с которой они сидели бок о бок, свидетельствовала об их крепкой связи, как правило, которую нельзя найти среди браков Брэдфордов: хотя бы взять то, настолько он естественно обнял ее за плечи. И насколько она естественно положила руку ему на колено. И тот факт, что они сначала взглянули друг на друга, словно пытаясь удостовериться, что каждый из них был в порядке.

Он про себя пожелал Лейну всего самого хорошего. Он желал этого от всего сердца.

По другую сторону сидела Джин, в более присущих традициям Брэдфордов отношениях с будущим супругом. Ричард Пффорд никак не выделялся и это тоже было не плохо. Он явно женился на имени семьи, но это было его личное дело.

— Мы собрались здесь, чтобы огласить последнюю волю Уильяма Уайатта Болдвейна в его завещании, — заявил Бэбкок, опускаясь в другое кресло и открывая свой портфель на коленях.

— Может следует пригласить маму? — перебил его Эдвард.

Душеприказчик отца посмотрел поверх своего открытого портфеля и мягко ответил:

— Не думаю, что надо беспокоить ее. Твой отец в первую очередь проявил свой интерес по поводу своих детей.

— Ну, конечно.

Бэбкок выудил из портфеля довольно объемный документ.

— Я последние десять лет был личным адвокатом умершего, и в течение этого периода, он три раза менял свое завещание. Это его окончательно завещание, которое он написал год назад. В нем он изъявляет волю, чтобы любые его долги личного характера были погашены в соответствии с законодательством, т. е. должны быть уплачены в соответствии с налогами

или же другими профессиональными гонорарами. Затем он постановил создать фонд доверия к основной массе своих активов. Этот фонд доверия должен быть разделен поровну между мисс Вирджинией Элизабет Болдвейн, мистером Джонатаном Тулейном Болдвейн и мистером Максвеллом Прентисс Болдвейн.

Наступила долгая пауза.

Эдвард улыбнулся.

— Я вижу, что мое имя сознательно было опущено в этом процессе.

Бэбкок серьезно покачал головой.

— Мне очень жаль, сынок. Я предлагал ему включить тебя, я сделал все, что мог.

— То, что он исключил меня из своего завещания, является не самым обременительным бременем, которое он возложил на меня за эти годы, уверяю вас. Лейн, перестань на меня так пялиться, прошу тебя.

Его младший брат тут же перевел глаза в сторону, Эдвард поднялся и заковылял к тачке с баром.

— Кто-нибудь будет Family Reserve?

— Я, — сказал Лейн.

— Я тоже не откажусь, — ответил Семюэль Ти.

Джина промолчала, но ее глаза наблюдали за каждым движением Эдварда после того, как адвокат расписал все подробности фонда доверия, который создал его отец. Семюэль Ти подошел за своим бокалом, также и Лейн, Эдвард взял свой и обратно сел в кресло.

Он мог честно признаться самому себе, что ничего не чувствовал. Ни гнева. Ни ностальгии или сожаления. И он не горел особым желанием начинать дискуссию на этот счет, пытаясь оспорить завещание и что-то исправить касательно себя.

Его отчужденность к отцу была в крови, доведенная до совершенства, противоречия с отцом доходили до того, что заставляли лететь искры, он уже давно научился блокировать отчуждение этого человека.

Может другие что-нибудь и чувствовали на его месте, но не он... по крайней мере, когда дело касалось его и его официального права на наследование. Его отношения с отцом сводились исключительно к бизнесу и никак иначе. Эдвард не хотел, чтобы ему выражали сожаление, в этом вопросе его брат и сестра должны быть такими же флегматичными, как и он.

«Год назад», — подумал он.

Интересно, почему он изменил завещание год назад. Хотя, возможно, в тех завещаниях его права на наследство тоже не предусматривались.

— ...теперь завещания по личностям, — Бэбкок откашлялся. — Я хотел бы отметить, что существует важное завещание, выраженное волей покойного, к Розалинде мисс Фриланд, которая умерла. Дом, в котором она проживала, по адресу три-ноль-семь-два Serise Circle in Rolling Meadows, на самом деле принадлежит мистеру Болдвейну, и его желание было таково — передать этот дом ей в дар. Тем не менее, в случае, если она скончается раньше него, что на самом деле и произошло, передается другому наследнику и становится местом для его проживания, что и было сделано соответствующими бумагами вместе с суммой в десять миллионов долларов, в качества подарка ее сыну Рэндольфу Дамиону Фриланду. Указанные активы должны быть помещены в трастовый фонд, чтобы на них шли проценты, пока ему не исполнится тридцать лет, с доверительным управляющим в моем или моего представителя лице.

В комнате стояла полнейшая тишина.

Можно было бы услышать пение сверчка, если бы он был.

«Ах, так вот почему ты не хотел, чтобы моя мать присутствовала на оглашении завещания», — подумал Эдвард.

Семюэль Ти. скрестил руки на груди.

— Хорошо.

И данный факт довольно сильное произвел впечатление на всех, никто ничего не сказал. Было ясно, что скоро-бывшая-жена Лейна не единственная женщина Уильяма, забеременевшая вне брака с ним.

Возможно, были и другие сыновья или дочери где-нибудь еще.

Хотя, в действительности, для Эдварда больше не имело значения были ли другие или нет, также, как и не имело значения любой вид наследования. Он пришел сюда по другой причине, нежели слушать последнее волеизъявление своего отца. Со стороны просто все должно было выглядеть так, что он прибыл на это заседание также, как и все остальные.

Ему необходимо было победить, как сказала бы его бабушка.

Пока мистер Джефферсон излагал длинные пункты буквы закона, Джин особо не прислушивалась к чтению и, на самом деле, ее мало интересовал тот факт, что Эдварда вычеркнули из завещания. Единственная мысль, которая не давала ей покоя, что Амелия находилась дома... и Семюэль Ти сидел вон там, на диване, представляя интересы Лейна, как юрист... т. е. находился под одной крышей со своей собственной дочерью.

Никто из них этого не знал, конечно.

И это было на совести Джин.

Она старалась не думать о них вместе, сидящих бок о бок. Старалась не видеть, пока сидела и вспоминала их совместные характерные черты, присущие только им двоим, которые были выжжены у нее в мозгах, хотя бы похожие движения, как они шурились, когда были на чем-то сконцентрированы. Она также старалась не задумываться о том факте, как эти двое прятали свой прекрасный ум за необщительностью... это походило, словно они не собирались участвовать в разворачивающемся шоу.

— И это все важные положения, — мистер Джефферсон снял очки для чтения. — Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы ответить на любые ваши вопросы. Волеизъявление завещания на данный момент и подсчет активов в начале.

Наступило молчание. А потом заговорил Лейн.

— Думаю, вы уже все сказали. Я провожу вас. Семюэль Ти., ты присоединишься к нам?

Джин наклонила голову и только тогда позволила себе взглянуть на Семюэля Ти., когда он поднялся на ноги и пошел открывать двойные двери для своего клиента и душеприказчика отца. Он даже не оглянулся на нее. Не поздоровался с ней и не смотрел в ее сторону.

Для него существовало только дело.

Было единственное — всегда можно было рассчитывать на Семюэля Ти., каким бы диким и сумасшедшим он не был иногда, как только он «возлагал на себя адвокатскую шляпу», он становился непреклонным.

Она буквально не существовала для него. Вернее, была не больше, не меньше, чем любой другой человек, который не затрагивал интересы его клиента.

И обычно, это его отношение раздражало ее, ей хотелось бы увидеть его лицо и настойчивое внимание к себе. Но понимание, что Амелия была где-то здесь в особняке, тут же выветрило у нее такое ребячество.

С ними двумя в одном месте будет невозможно проигнорировать последствия ее тайны, если они вдруг столкнутся. Она преступница, так как у них двоих украла столько лет, лишив их права знать правду. И впервые, она почувствовала вину, что так талантливо вычеркнула их друг у друга, и от этой мысли она была уверена у нее внутри, наверное, началось кровотечение.

Но идея рассказать им все? Походило на непреодолимую скалу с того самого места, где она находилась сейчас, расстояние, высота, скалистая территория всех этих дней и ночей, событий маленьких и больших, добавьте к этому слишком далекий путь наверх.

«Да», — подумала она. Именно поэтому она стала драмой для своей семьи, в этом и заключалась суть ее выходки. Если кто-то начнет грохотать прямо перед лицом другого, ударяя в музыкальные тарелки.... тот не услышит ничего, чтобы ему не говорили. Особенно

совесть.

Ее совесть.

— Как ты?

Ее внимание перешло на брата Эдварда и ей пришлось моргнуть сквозь слезы, чтобы более четко его увидеть.

— Нет, прекрати это! — натянуто произнес он.

Господи, как хорошо, что он подумал, будто является причиной ее слез.

— Конечно, — она вытерла глаза. — Эдвард... как ты...

Он выглядел совсем не хорошо, и глядя на него, она подумала, как она позволила себе впасть в свои собственные проблемы.

И Господи, видя его сгорбленным и тощим, когда он так отличался от главы семьи, каким она вечно представляла его себе, а сейчас настолько не соответствовал ее представлению, что она не желала этого видеть. Это было очень странно. Для нее было легче потерять отца, чем потерять *того своего брата*, которым он для нее всегда был.

— Я в порядке, — закончил он, когда она так и не смогла закончить предложение. — А ты?

«Разваливаюсь на части, — подумала она про себя. — Я собираюсь устроить судьбу нашей семьи, сначала в личном плане... а потом для всех».

— Я хорошо, — она похлопала рукой о его. — Если нас послушать со стороны, то мы похожи на своих родителей.

Она поднялась из кресла и обняла его, и не смогла удержаться вздрогнула, почувствовав его кости. Он неловко ее погладил по спине, потом отступил.

— Я так понимаю, тебя стоит поздравить, — он с трудом поклонился. — Я постараюсь прибыть. Когда?

— Ах... В пятницу. Нет, в субботу. Я... не знаю. Мы хотели пожениться в мэрии в пятницу. Не уверена будет ли прием.

Внезапно, это стало самым последним вопросом, который интересовал ее в данный момент.

— Пятница, — он кивнул. — Ну, наилучшие пожелания тебе и твоему жениху.

С этими словами он заковылял к двери, она едва не перегородила ему дорогу и не потребовала, чтобы он ей сказал, что реально думал: ее настоящий брат Эдвард никогда не был таким же флегматичным, как Ричард. Эдварду приходилось вести бизнес с *Pford Distributors* в течение многих лет, и он никогда не был большого мнения об этом человеке.

И если бы тот Эдвард узнал, что происходило за закрытыми дверями?

Он бы действовал смертоносно.

Но он превратился в другого человека, ей даже показалось, что он одобрил ее решение. Сейчас со всеми, что-то происходило. никак обычно.

Оставшись в гостиной одна, Джин снова села на то же место и почувствовала странное оцепенение во всем теле. Между тем голоса и шаги покидающих комнату стихали вдали. А снаружи на лужайке в солнечном свете, не далеко от места, где обнаружили это ужасное доказательство под плющом, два адвоката и ее брат вели разговор.

Она смотрела на Семюэля Ти. через пузырчатое стекло старомодного окна. Его лицо, казалось, никогда не изменится, оставаясь прежним. Его лицо было, словно выточено и как всегда волосы немного длинные, зачесанные назад. Высокий и поджарый, на нем превосходно сидел костюм на плечах, складки на рукавах, брюки, все было именно так, как

и задумал портной.

Она вспомнила его в винном погребе в подвале, эту чертовую девицу на столе во время Дерби бранча. Джин была там, сидела на полу и плакала, когда он умчался с этой женщиной-бимбо, стонавшей как порно-звезда.

Судя по истории взаимоотношений Джин с Семюэлем Ти., это были всего лишь еще одни «грязные трусики» в длинной череде око за око..., которая началась с их первого поцелуя, когда ей было четырнадцать и завершилась рождением Амелии.

Несмотря на возникшую проблему в лице Амелии, когда они прекращали сражаться, наступая на большую мозоль, словно ей подложили кнопку под пятку, он мог быть...

Самым удивительным, невероятным, действенным, жизнерадостным мужчиной, которого она когда-либо знала.

И раньше она бы сказала, что ее брак не станет помехой для продолжения их отношений. Их любовная интрига походила на ужасный перекресток без светофора во время аварии, когда скорость падает, но достаточно одной искры бензина, чтобы загорелся перекореженный металл и резина. Они были защищены внутри ударопрочным стеклом, от удара превратившегося в паутину, с треском выскочили подушки безопасности, а шины трещали и прогибались.

Но наслаждение до удара? С этим ничего нельзя было сравнить в этом мире, таком скучном и неостребованном, до удара южная красавица — она... и совершенно неважно был ли один из них с кем-то другим. Девушки, бойфренды, любовники или же просто желание потрахаться. Все время для них обеих другой маячил на горизонте.

Она видела выражение его лица, когда ему сообщили о ее помолвке. Он никогда раньше *так* не смотрел на нее, и это было такое выражение, что она часто вспоминала лежа без сна по ночам...

— Ужасное кольцо он купил тебе.

Она вздернула голову вверх. Семюэль Ти. стоял, прислонившись к арке, скрестив руки на груди, полуприкрыв веки, плотно сжав губы, словно возмущался тем, что она до сих пор еще была в гостинной.

Джин спрятала руку и прочистила горло.

— Не мог не вернуться, Адвокат?

От его колкости, ее воспоминания лопнули, как мыльный пузырь. Его заявление напрочь убивало все хорошее в ней по отношению к нему.

— Не льсти себе, — ответил он, входя и направляясь к дивану. — Я оставил свой портфель и пришел за ним, а не к тебе.

Она приготовилась к обычной волне гнева... с радостью предвкушая, на самом деле, хотя бы и такую с ним близость. Едкое замечание не вызвало возбужденных пузырьков у нее в животе, а скорее обратную реакцию, когда приглашенный гость на обед разочаровал хозяйку своей грубостью. Семюэль Ти. продолжал играть по своим старым правилам — наступая, побуждая, возбуждая до крайности, а иногда и привирая.

— Пожалуйста, не приходи на свадьбу, — резко произнесла она.

Он взял в руку свой старый портфель, который унаследовал от своего великого дяди.

— О, я с нетерпением жду этого события, чтобы насладиться вашей истинной любовью. Планирую получить кучу вдохновения от вашего трепетного примера.

— У тебя нет особых причин, чтобы приходить.

— Ой, в этом мы и различаемся...

— Что случилось? Все закончилось?

Амелия ворвалась в арку со своей шестнадцатилетней энергией и с чувством стиля, которым подростки особенно не отличались... и эта особенность, казалось, все больше и больше была у нее от ее отца.

«О, Боже», — Джин испытала резкую боль в груди

— Хм, — скучающим тоном произнес Семюэль Ти. — Я позволю твоей матери рассказать все более подробно. Сейчас она не очень болтлива. Надеюсь увидеть тебя, Джин, через пару дней. В твоём белом платье.

И он просто пошел прочь, даже не взглянув на Амелию, Джин поднялась на ноги и уверенно направилась за ним, даже не пытаясь себя останавливать.

— Мама, — обратилась девочка, когда она проходила мимо. — Что случилось?

— Это не твое дело. Ты не являешься бенефициаром. Сейчас извини меня.

Амелия сказала что-то неуважительное, но Джин даже не обратила на это внимание, поскольку была полностью сосредоточена на Семюэле Ти., пытаясь его остановить прежде, чем он запрыгнет в свой Jaguar.

— Семюэль Ти., — прошипела Джин, цокая каблуками по мраморному полу холла. — Семюэль!

Она последовала за ним к входной двери как раз вовремя, душеприказчик отца отъезжал в большом черном Мерседесе, а Лейн направлялся к задней части дома.

— Семюэль!

— Да, — ответил он, не останавливаясь и не оглядываясь назад.

— Не надо хамить.

Он опустил на водительское сидение своего кабриолета, положил свой портфель рядом на свободное место и уставился на нее.

— А разве это не касается тебя?

— Она еще ребенок...

— Постой, ты про Амелию?

— Конечно! Ты прошел мимо нее, словно она пустое место.

Семюэль Ти помотал головой, будто хотел снять наваждение.

— Позволь мне объясниться прямо сейчас. Ты расстроена, потому что я не признаю ребенка, которого ты нагуляла с другим мужчиной?

О, мой Бог!

— Она же невинна.

— Невинна? Напомню тебе, что только что было оглашение завещания ее деда, а не уголовный процесс. Чувство вины или похожие чувства не принимаются к рассмотрению.

— Ты проигнорировал ее.

— Знаешь..., — он наставил на нее указательный палец. — Насколько я понимаю, ты самый последний человек, который имеет право обвинять кого-то другого, что он игнорирует эту девушку.

— Как ты смеешь!

Семюэль Ти посмотрел на длинный, изгибающийся капот Jaguar.

— Джин, у меня нет времени. Я должен поговорить с адвокатом жены твоего брата... и, в отличие от твоей маленькой такой грандиозной демонстрации...

— Ты просто не можешь никого терпеть, кто говорит тебе, что ты не Господь Бог.

— Нет, думаю, я просто не могу терпеть это от тебя. Бог — это второстепенный вопрос.

Он даже не стал дожидаться ее ответа, просто завел двигатель, нажал пару раз на газ, переключил скорость и поехал сначала по дороге, потом вниз по склону, подальше от Истерли.

Джин провожала его взглядом, хотя внутри у нее все вопило.

Об Амелии. О Семюэле Ти. О Ричарде.

И в основном... о себе самой и всех ошибках, которые она совершила. И ей стало очень грустно, поскольку в свои тридцать три года, времени у нее было в обрез, а может и вообще не было, чтобы исправить все ошибки, которые натворила.

Лейн отправился к задней части дома, в надежде поймать Эдварда, пока он не уехал. Несомненно, его брат воспользовался кем-то из сотрудников, так как у главных ворот обосновались журналисты, история о самоубийстве отца просочилась в прессу. Эдварду без сомнения хотелось побыстрее убраться отсюда, учитывая, что он не был в завещании отца.

Не находилось слов, чтобы описать то, что творил их отец: лишить своего первенца наследства соответствовало полностью характеру Уильяма, но все равно стало жестокой неожиданностью для всех.

И заключительный «пошел ты на х*й!» то, что отменить уже невозможно, поскольку мертвец достал свой козырь из могилы.

Лейн хотел что-нибудь сказать... или сделать... он точно не знал что. Но он четко понимал, что Эдвард, несомненно, не заинтересован ни в чем, чтобы он не сказал, но он должен был попробовать... с надеждой, что Эдвард в спокойном состоянии вдруг вспомнит, что Лейн все же предпринял попытку, хотя и неловкую.

Среди машин у бизнес-центра он не обнаружил грузовика Red & Black, но Лейн также и не обнаружил старой Тойоты, припаркованной рядом с красным Мерседесом, который он подарил мисс Авроре. Ему необходимо было, чтобы Эдвард приехал, но понятно же, что его брат не был сам за рулем, поскольку он так хромал. На самом деле, он мог его вообще не найти.

Нырнув с задней стороны на кухню, Лейн обнаружил там мисс Аврору, стоящую у плиты.

— Ты не видела Эдварда?

— А он здесь? — спросила она, развернувшись от своей кастрюли. — Ты скажешь ему, чтобы он пришел ко мне, если он все еще здесь.

— Я не знаю, где он.

Лейн быстро опросил всех, кого встретил на первом этаже, а затем он остановился на лестнице, задумавшись. Его брат явно не поднимался в спальню, поскольку для этого не было надобности.

— Где ты? — пробормотал он сам себе под нос.

Через сад он направился в бизнес-центр. Все французские двери, выходящие в сад, были заперты, и перед ними стояли кадки с цветами, поэтому ему пришлось идти дальше к заднему входу с кодовым замком.

Как только он очутился внутри, он понял, что Эдвард был здесь: горело тусклое освещение, точечные светильники, видно его брат, должно быть, включил электричество.

— Эдвард?

Лейн продвигался вперед по ковровому покрытию приемной, заглядывая в пустые кабинеты. Его телефон не умолкал от звонков председателя правления и взбешенных вице-президентов, а также корпоративного юриста. Но никто из них не осмелился появиться в

Истерли и сказать ему, в чем они его обвиняют. Несмотря на то, что эта куча костюмов, если даже предположить, могла быть причастна к исчезновению денег из своей штаб-квартиры? Это совершенно не имело значения. Джефф мог его презирать в данный момент, но то, что этот дотошный счетовод спас файлы из сети до того, как раздался свисток, который бы взорвал всю корпорацию, для Лейна было всем.

Поэтому любые изменения выглядели в качестве уличающих, неправомерных действий, которые требовали определенного сокрытия.

Лейн направился в кабинет отца, он понял, что Эдвард находится там, его сердце сильно колотилось, и его логика ушла на задний план, готовясь услышать что-то неприятное.

Правильнее было бы сказать, что сейчас он напоминал человека, который подошел к бомбе и готов был отпрыгнуть назад, попытаться залечь, чтобы как-то укрыться, на простой цементный пол.

— Эдвард?

Он замедлил шаг стоило ему добраться до приемной офиса отца.

— Эдвард...?

Дверь в кабинет Уильяма Болдвейна была закрыта, и Лейн никак не мог вспомнить — то ли он закрыл ее, когда объявил всеобщую эвакуацию, то ли она уже была закрыта. Как только он дотронулся до ручки, у него не было ни одной мысли, что он может обнаружить по ту сторону.

И у него не было уверенности, что он хотел увидеть то, что находилось там.

Он толкнул широкие деревянные двери.

— Эдвард?!

В кабинете отца было темно, он дотронулся до выключателя на стене, комната озарилась светом, никого не было.

— Где тебя черти носят...

Он развернулся, Эдвард стоял перед ним.

— Меня ищешь?

Лейн выругался и схватился за грудь с правой стороны.

— Что ты здесь делаешь?

— Решил навестить насиженное гнездо.

Лейн взглянул на руки брата, потом на карманы его штанов и за спину Эдварда.

— На самом деле. Что ты здесь делаешь?

— Где высшее руководство?

— В штаб-квартире в своих кабинетах.

— Ты уволил их?

— Я попросил их просто уйти, — он внимательно разглядывал лицо своего брата. —
Иначе они отправятся в тюрьму.

Эдвард улыбнулся.

— Ты сам собираешься управлять компанией?

— Нет.

Возникла пауза.

— И каков же твой план, тогда?

— Единственное, что я хотел сделать, это вывести их отсюда.

— И думаешь, что таким образом прекратишь финансовое кровотоечение?

— Отец мертв. Я думаю, что его уже остановили. Но пока не узнаю точно, не буду

рисковать.

Эдвард кивнул.

— Ну, ты не ошибся. Совсем не ошибся. Тебе стоит задуматься о том, кто будет руководить дальше компанией, поскольку отца больше нет.

— Есть хоть один лишь шанс, что ты подыскиваешь себе работу?

— У меня уже есть одна. И сейчас я алкоголик.

Лейн уставился в пустой дверной прием, поверх плеча своего брата.

— Эдвард. Мне нужно кое-что узнать, сейчас только ты и я здесь, да?

— На самом деле, все это место прослушивается. Скрытые камеры, спрятанные микрофоны. Под этой крышей ничего не может стать тайным, так что будь осторожен прежде, чем спрашивать.

Лейн бы не отказался сейчас выпить.

Но напряженный момент прошел, и он пробормотал:

— Ты закончил свой осмотр кабинета?

— Не знаю, почему я захотел прийти сюда. Я не в трауре и у меня нет намерения высказывать свое почтение умершему. Ничего личного, прости.

— Никто не собирается обижаться, я понимаю все. Но мать, вероятно, не совсем поймет.

— Ты так думаешь?

Лейн кивнул, ожидая, что его брат что-то скажет. Но он молчал.

— Послушай, Эдвард... мне очень жаль...

— Не стоит. Тебе не о чем жалеть, в ничем из сделанного нет твоей виной. Ты можешь только извиняться за причиненные твои обиды. Это все, маленький брат?

У Лейна в голове не было ни одной мысли, поэтому Эдвард кивнул.

— Вот и все. Береги себя, и не звони мне, если тебе что-то понадобится. Я не тот парень, который тебе нужен.

Его Porsche привлекало повышенное внимание, пока Лейн проезжал через район Rolling Meadows, но не из-за скорости. Сам кабриолет и мощный звук его двигателя привлекал к себе повышенное внимание, вызывая удивленные взгляды собачников, детей, играющих на дорожках перед домами, мамочек, толкающих коляски. Дома стояли плотно, были приличного размера, большинство из них кирпичные с башенками и эркерами на первом этаже, а также с мансардными окнами или небольшими балконами на втором... они были похожи как братья и сестры, все были покрашены в один цвет, но существовало различие, как в чертах у родственников. Здесь стояли припаркованные Volvos, Infinitis или Acuras, на дорожках перед домами, баскетбольные кольца висели выше двери гаража, а также были террасы с грилем с задней стороны домов.

Предзакатное солнце садилось за прекрасные деревья, газоны светились зеленой травой, дети бегали ватагами, это напоминало возврат в прошлое к поколению до детства.

Тихо и настойчиво GPS на его 911 передвигало Лейна через лабиринты улиц, которые назывались по видам деревьев, цветов и, наконец, фруктов.

Cerise Circle ничем не отличался от других полос, дорог и путей. Когда он подошел к дому, не смог обнаружить ничего, вернее, ни одного отличия, которое бы отличало этот дом от всех других, кроме как своим более известным генофондом.

Лейн остановил кабриолет на обочине через улицу. Он слышал ритмичные удары баскетбольного мяча позади гаража этого дома, прыжки, отскакивания, которые эхом отражались о стены соседних домов.

Заглушив двигатель, он вышел из машины и направился по тротуару в сторону разносившегося удара мячом. Ребенок, который был явно Леброном не было видно на задней части двора, и Лейну очень хотелось вернуться в свою чертову машину и уехать отсюда подальше. *(Леброн Рэймон Джеймс (англ. LeBron Raymone James; 30 декабря 1984, Акрон, Огайо, США) — американский профессиональный баскетболист, играющий на позиции лёгкого и тяжёлого форварда за команду НБА «Кливленд Кавальерс». — прим. пер.)*

И это совсем не было связано с тем, что он не мог стоять рядом с живым свидетельством неверности своего отца, или что он боялся взглянуть ему в лицо, которое своими чертами так напоминало его. Нет, и это не касалось факта, что какой-то появившейся незнакомец стал ему единокровным братом и мало того, о нем упомянул в завещание отец, по крайней мере, от этого мир Лейна не перевернулся.

А может был решающий фактор истины, его молчание? Нет, Лейн очень сильно устал, у него просто не было сил заботиться о ком-то другом. Проблема заключалась в том, что этот бедный ребенок, не по своей вине упал в черную дыру Брэдфордов, и насколько мог Лейн пытался помочь и разъяснить «сыну шлюхи» хоть что-то.

Это была адская лотерея на победу. Особенно сейчас, когда денег уже не было.

Не очень много преимуществ.

Его дорога заняла около тридцати футов в длину, в Истерли это просто парковочное место. И пока Лейн направлялся к звукам удара мяча, перед ним постепенно появлялся восемнадцатилетний баскетболист.

Высокий. Даже будет еще выше. Темноволосый. Большие плечи.

Парнишка решил пойти на данк, подпрыгнув под сеткой и прыгнув, чтобы одной рукой

забить мяч в кольцо, но мяч отскочил об обод.

Лейн поймала его на лету.

— Эй.

Рэндольф Дамион Фриланд замер, выглядя удивленным, потом его удивление переросло в шок.

— Так ты знаешь, кто я? — спокойной спросил Лейн.

— Я видел твою фотку, да.

— Ты знаешь, почему я здесь?

Паренек скрестил руки на груди, и Лейн обратил внимание насколько накачена его грудь и бицепсы, но похоже они остановятся в росте. Он будет сильным и красивым.

Боже, его глаза были точно такие же синие, как у Лейна.

— Он умер, — пробормотал парень. — Я читал об этом.

— Так ты знал...

— Кто мой отец? Да, — он опустил взгляд. — Вы собираетесь меня...

— Что?

— Меня арестовать или что?

— Что? Зачем мне это делать?

— Не знаю. Ты Брэдфорд.

Лейн закрыл глаза ненадолго.

— Нет, я пришел повидаться с тобой и сообщить важные новости. А также выразить сожаление, что умерла твоя мама.

— Она покончила с собой. В вашем доме.

— Я знаю.

— Говорят, вы нашли ее тело. Я читал об этом в газете.

— Да, нашел.

— Она не попрощалась со мной тем утром, просто ушла, а потом не вернулась. Знаете, как ушла безвозвратно.

Лейн покачал головой и зажал мяч между ладонями.

— Мне очень жаль...

— Вы не смеете! Вы не имеете права!

Пожилая женщина выскочила на крыльцо гордо вскинув голову, с искаженным лицом от ярости, ей даже пистолет был за ненадобностью.

— Отойдите от него! Вы уходите...

— Бабушка, перестань! Он просто пришел поговорить...

И парень встал между бабушкой и Лейном, которая продолжала махать руками на него.

— Держитесь подальше от этого места! Как вы посмели прийти сюда...

— Он наследник. Вот почему я пришел.

Они оба — бабушка и парень замерли на месте, Лейн кивнул.

— Ему достался дом и десять миллионов долларов. Мне показалось, что вам захочется это узнать. Душеприказчик отца свяжется с вами. Не могу сказать сколько, на самом деле, имеется денег, но хочу, чтобы вы знали, я буду бороться за то, чтобы этот дом был переписан на имя вашего внука.

Ведь, по существу, мог существовать и другой сценарий, при котором этот дом может быть продан в зависимости от ситуации с долгом. И где бы оказался этот паренек?

Бабушка вышла из транса и вернулась к своей ненависти, как локомотив.

— Никогда не приходите сюда снова...

Лейн встретился глазами с пареньком.

— Ты знаешь, где я живу. Если у тебя есть вопросы, или ты хочешь поговорить...

— Никогда! — закричала женщина. — Он никогда не придет к вам! Вы не сможете и его отнять!

— Бэбкок Джефферсон, — произнес Лейн, положив мяч на дороге. — Вот имя душеприказчика.

Он развернулся, хотя образ этого молодого парня, сдерживающего свою бабушку, засел у него в мозгу, и, Господи, он ненавидел своего отца в этот момент, хотя бы за это, он действительно его ненавидел.

Вернувшись к Porsche, он сел за руль и нажал на газ. Ему захотелось затормозить с визгом шин, вплотную проехать к углам и может быть даже задеть пару припаркованных машин, перевернуть несколько велосипедов. Но он этого не сделал.

Он выезжал к развилке, когда зазвонил его телефон. Номер был неизвестен, но он решил ответить на звонок, поскольку это было намного лучше, чем мысли, крутившиеся у него в голове.

— Да?

— Мистер Болдвейн? — произнес женский голос. — Мистер Лейн Болдвейн?

Он свернул после указателя поворота налево.

— Да, это я.

— Меня зовут ЛаКиша Лок. Я бизнес-репортер журнала *Charlemont Courier Journal*. Не могли бы мы встретиться где-нибудь, вы и я?

— Зачем?

— Я делаю репортаж о том, что компания «Брэдфорд бурбон» имеет серьезные долги и возможно впереди маячит банкротство. Статья появится завтра утром. Я подумала, что вы захотите ее прокомментировать.

Лейн стиснул зубы, чтобы грязно не выругаться.

— Итак, почему я должен это сделать?

— Ну, я так понимаю, и это вполне очевидно, что личное состояние вашей семьи неразрывно связана с состоянием вашей компании, не так ли?

— Но я не участвую в управлении бизнесом.

— Вы хотите сказать, что вам не было известно о существующих проблемах?

Лейн постарался произнести спокойным голосом.

— Где вы? Я приеду к вам.

* * *

Сарай для садовой техники родового поместья Брэдфордов меньше всего походил на обычный сарай, а больше напоминал ангар для самолетов. Расположенный в дальнем углу, за большей частью обширной недвижимости, он находился рядом с парковкой для сотрудников и коттеджами, построенными в 50-х годах, которыми пользовался обслуживающий персонал, работники и слуги в течение многих десятилетий.

Лиззи вошла в тусклый ангар, пропахший газом и нефтью, ее ботинки громко топали по запятнанному бетонному полу. Тракторы, промышленные газонокосилки, культиваторы-рыхлители и грузовики стояли в строгом порядке, и их экстерьеры блестели от чистоты,

также как и двигатели, которые поддерживали на пределах возможностей.

— Гари? Ты здесь?

Голова садовника виднелась из дальнего ушла, сквозь пыльное стекло, на которое падал дневной свет.

— Гари?

— Тебя здесь нет или ты здесь?

Она поменяла маршрут, обходя дробилку и насадки для снегоуборочной машины, по своему размеру близких к ее Yaris.

— О, Боже, не поднимай это! — закричала она.

Лиззи подбежала, но Гари МакАдамс полностью проигнорировал ее вопль, подняв блок цилиндров с пола и опустив их на рабочий стол. Его мастерство могло произвести впечатление в любых обстоятельствах, но учитывая, что парень был на тридцать лет старше ее, тогда это как? Опять же, Гари по своему строению напоминал бульдога, был силен, как бык, и пережил шторм на границе Кентукки.

— Спина, — пробормотала она.

— Просто отлично, — последовал ответ с южным акцентом. — Подсматриваешь, мисс Лиззи?

Он даже не посмотрел на нее, но это не означало, что он ее не любил. На самом деле, они вместе очень хорошо сработались: когда она пришла, то внутренне готовилась к конфликту с ним, который так и не появился. Самоучка южанин оказался душкой под этой грубой и суровой внешностью.

— Так ты знаешь о часах посещений? — спросила она.

— Я, ага.

Приподнявшись на руках, она села на его рабочий стол, качая ногами и наблюдая, как его мозолистые руки быстро двигались по старому металлу, перебирая части машинного двигателя. Он не хвастался своими навыками и знанием, хотя он до всего дошел сам. Лиззи слышала разные слухи, будто бы он начал работать в поле, когда ему исполнилось двенадцать, и с тех пор он так и продолжал работать здесь. Он никогда не был женат. Никогда не брал отпуск. Не пил. Жил в одном из коттеджей.

Он руководил тридцать лет такими же рабочими, как и он, достаточно хорошо, но держал их в ежовых рукавицах.

— Тебе нужен ключ? — спросила она.

— Да, нужен.

Она передала ему нужный ключ, потом взяла его обратно, ожидая пока он не закончит возиться с двигателем, потому что хотела его еще кое-о-чем спросить.

— Во всяком случае, — произнесла она. — Завтра будет день посещений, и я пришла еще раз убедиться, что твои ребята скосят дорожку до главного входа утром, подрежут самшиты по дороге, хорошо, чтобы нам все это удалось, а я поставлю горшки с цветами на парадное крыльцо и внутренний двор.

— Да, мисс. Еще что-нибудь нужно сделать в садах?

— Я думаю, мы все хорошо поделили. Я буду делать цветы с Гретой.

— Один из моих парней скосит траву у бассейна.

— Хорошо. Зажим?

— Ага.

Пока она опять передавала ему нужные инструменты, он спросил:

— Это правда, говорят то, что ты нашла?

— Грета нашла. Да, правда.

Он даже не взглянул ей в глаза, по-прежнему оставаясь сосредоточенным на двигатели, продолжая крутить и перебирать пальцами своими сильными с выпирающими венами руками.

— Хм.

— Не знаю, Гари. До сих пор я думала, как и все остальные, что он прыгнул сам. Но сейчас...

— Полиция приезжала?

— Да, пару детективов. Те же, что и приходили, когда умерла Розалинда. Я разговаривала с ними в то утро. Они, наверное, захотят поговорить с тобой или с кем-нибудь еще, кто уже работал на земле примерно в то время, когда он умер.

— Печальное дело.

— Очень. Хотя я никогда не любила этого человека.

Она вспомнила о чтении завещания. Господи, это напоминало старое кино — наследники собрались в шикарной гостиной, выдающийся юрист оглашал последнюю волю покойного голосом похожим на Чарлтона Хестона. (*Чарлтон Хэстон (англ. Charlton Heston, при рождении Джон Чарльз Картер, англ. John Charles Carter; 4 октября 1923 — 5 апреля 2008) — американский актёр, лауреат премии «Оскар» (1960), который семь раз избирался президентом Гильдии киноактёров и долгое время служил председателем Американского института киноискусства. Наиболее известен по фильмам «Бен-Гур», «Планета обезьян», «Печать зла», «Десять заповедей» — прим. пер.)*

— Что они спрашивали? Детективы?

— Как только мы нашли его. Где я была последние пару дней. Как я уже сказала, они побеседуют с каждым, я уверена.

— Ага.

Она протянула ему плоскогубцы.

— Завтра сотрудники тоже приглашаются.

— Высказать соболезнования?

— Угу. Это касается всех, можно засвидетельствовать свое почтение.

— Они не захотят такого грязного автомеханика, как я, видеть в своем доме.

— Тебе будут рады. Я обещаю. Я буду рада.

— Это потому, что дело касается отца твоего мужчины.

Лиззи почувствовала, как у нее залились щеки краской.

— Как ты узнал про меня и Лейна?

— Нет ничего, чего бы я не знал, что происходит вокруг, девушка.

Он перестал копаться в двигатели и взял старую красную тряпку. Вытер руки, и, наконец, поднял свое обветренное лицо, по-доброму посмотрев на нее.

— Лейну бы лучше все сделать правильно по отношению к тебе. Или я подготовлю для него место, чтобы зарыть тело.

Лиззи рассмеялась.

— Я бы обняла тебя сейчас, но ты, наверное, потеряешь сознание.

— Ой, не знаю, никогда не терял, — он двигался вокруг нее, пока она над ним подшучивала. — Думаю, он сделает все правильно... или ты не будешь с ним. Кроме того, я видел, как он на тебя смотрит. У мальчика любовь в глазах все эти годы, как только он

пришел к тебе.

— Ты гораздо более сентиментален, чем говорил, Гари.

— Меня не учили, помнишь. Я не знаю смысл этих громких слов.

— Думаю, ты точно знаешь, что они означают, — Лиззи слегка ударила его по руке. —

И, если ты решишься все же прийти в часы посещения, ты сможешь поболтать со мной и с Гретой.

— У меня имеется работа. И на все это нет времени.

— Понятно, — она спрыгнула со стола. — Ну, я пойду. Я получила все, что заказывала, а также мисс Аврора готовит еду.

— Как поживает этот дурак дворецкий?

— Он не так уж плох.

— Все зависит от того, с кем ты его сравниваешь.

Смеясь, она взмахнула рукой на прощание и отправилась в светлый день на воздух. Но еще далеко не ушла, когда он снова заговорил:

— Мисс Лиззи?

Обернувшись, она вытянуло свое поло из-за пояса шорт.

— Да?

— Кто-нибудь что-нибудь делает для дня рождения Маленькой В.Э. в этом году? Мне нужно что-нибудь для этого сделать?

— О, Боже. Я уже и забыла, что скоро ее день рождения. Не думаю, что мы сделаем что-нибудь прошлогоднее, да?

— Ей исполняется шестьдесят пять. Это единственная причина, почему я просил.

— Это круглая дата, — Лиззи подумала о матери, родившей Лейна и лежащей в своей спальне. — Я спрошу. И кстати, мне надо завтра освежить ей цветы.

— У нас есть расцветшие ранние пионы.

— Я тоже подумала об этом.

— Дай мне знать, если тебе понадобится что-нибудь.

— Обязательно, Гари. Обязательно.

Когда Лэйн наконец-то добрался до Истерли, у него было такое чувство, словно с репортершей он провел несколько лет, поэтому он напрямик направился на второй этаж, не обращая внимания на ужин, который был подан в главной столовой, и игнорируя мистера Харриса, перебирающего ногами рядом с ним о чем-то лопотавшем.

У дверей спальни своего деда он остановился и постучал один раз, а потом распахнул широко дверь.

Типфании быстро села на кровати, прикрывшись одеялом, пытаясь скрыть свое полностью обнаженное тело.

— Прошу прощения, — сказал он ей. — Но у меня с ним дела.

Джефф кивнул женщине, чтобы она ушла, и видно Господь очень любит ее, потому что она, черт побери, потратила достаточно времени, чтобы обернуться в простынь и прошествовать к ванной комнате, а Джефф тем временем потянул одеяло на себя и сел.

Вскоре она вышла из ванной в своей униформе и исчезла за дверью, хотя Лейн был уверен, что она намеренно оставила свои черные трусики на полу у кровати.

— Это было совершенно добровольно, — пробормотал Джефф. — И я могу позволить себе сделать перерыв на короткое время и заняться...

— Местные газеты знают все. *Все*.

Джефф открыл рот, Лейн рявкнул:

— Только не трахай мне мозги!

— Ты думаешь, что это я сообщил все прессе? — Джефф запрокинул голову и рассмеялся. — Ты, действительно, думаешь, что я настучал им и все слил...

— У них имеется вся информация, над которой ты работаешь. Страница за страницей. Объясни тогда мне, как это могло произойти. Я думал, что могу доверять тебе...

— Извини, ты обвиняешь меня в совершении должностного преступления после того, как заставил меня все это сделать? Ты на самом деле серьезно?

— Ты подвел меня.

— Хорошо, во-первых, если бы я по-настоящему собирался тебя поймать, как ты говоришь, я бы обратился в *Wall Street Journal*, а не какой-то там *Charlemont Herald Post Ledger* или как он там называется. Я могу назвать тебе полдюжины репортеров в Большом Яблоке. Здесь, в этом проклятом Кентукки я, черт побери, даже не знаю кому позвонить. И более того, как только этот маленький кошмар закончится, я вернусь на Манхэттен. Думаешь, я не смогу воспользоваться связями с парой людей, которые мне должны? Дерьмо о твоей семье и маленьком бизнесе бурбона — это большая новость, ты, мудака. Даже в самом захолустном штате все читают *USA Today*. Поэтому да, если бы я хотел тебя продать с потрохами, я бы хотел самолично побывать на вершине «славы».

Лейн тяжело выдохнул.

— Господи Иисусе.

— Я бы не стал упоминать это имя. Но всего лишь, потому что я еврей.

Опустив голову, Лейн потер глаза. Затем он стал прохаживаться между кроватью и столом. Столом и одним из длинных окон. Окном и бюро.

Он стоял у окна. Еще не наступила ночь, но уже скоро, солнце садилось за горизонт, и закат становился красно-розовым и пурпурным. Краем глаза он видел всю работу Джеффа —

заметки, компьютеры, распечатки, и словно кто-то ему орал об этом на ухо.

И сам факт, что его давний сосед по комнате университета сидел голый, уставившись на него с отчужденным выражением: и весь гнев, который вышел из Джеффа был болезненным для Лейна, реально болезненным.

— Прости, — вздохнув произнес он. — Прости... я сделал неправильные выводы.

— Спасибо.

— Мне жаль, что я заставил тебя все это делать. Я просто... в этом поместье я теряю свой чертовый разум. У меня все время такое чувство, словно я нахожусь в горящем доме, и все выходы объаты пламенем. Я сгораю заживо, и пребываю в отчаянии, потому что не в состоянии выбраться, я так устал от этого дерьма.

— О, ради Бога, — пробормотал его давний друг со своим своеобразным говором Нью-Джерси. — Видишь, опять ты за свое.

Лейн бросил взгляд через плечо.

— Что ты имеешь ввиду?

— Все будет хорошо. Я ненавижу это в тебе. Ты бесишь и сводишь меня с ума, но когда все вот так честно говоришь, я не в состоянии ненавидеть твою жалкую, белую привилегированную задницу. К твоему сведению, я наслаждаюсь злясь на тебя. Это единственная тренировка, которую я получаю... ну, без относительно Типфании.

Лейн слегка улыбнулся, а потом внимательно посмотрел на своего друга.

— Честно, ха. Хочешь честно? Типа того, что я никому этого не говорил?

— Да. Чем больше я знаю, что здесь происходит, тем больше я смогу помочь и тем меньше я буду возмущаться, что ты держишь меня в западне.

Высоко в небе парил ястреб в невидимых потоках воздуха, потом сделал резкий разворот, и не снижая скорости, ринулся вниз в сумерках на дорожки и тропинки, чтобы насытиться, видеть с такого расстояния могла только эта птица.

— Я думаю, что его убил мой брат, — сам себя услышал Лейн. — Думаю, это сделал Эдвард, больше некому.

Джефф получал абсолютное удовольствие от так его раздражающих праведных высказываний своего друга. Все это казалось таким приглаженным, не было накала езды, от которого возникало жжение в груди, подпитывая неиссякаемый бензобак, который не давал ему заснуть ночью, поскольку он настолько был поглощен цифрами, пытаюсь добыть какие-нибудь сведения.

Но он и мудака Лейн все время сглаживал углы, как и раньше во время их долгих отношений, залапывая недопонимание или глупую резкость. Каким-то образом, этому южанину удавалось всегда все залатать и вернуть прежние отношения.

Ну да, ив этот раз он проделал это снова. Особенно этим своим нелепым «маленьким экстренным сообщением».

— Вот, дерьмо, — произнес Джефф, снова ложась на подушки. — Ты серьезно?

Мудацкий вопрос.

Такого в шутку не говорят, если учесть, что происходило в этом доме. И Лейн бы никогда такого не придумал про своего настоящего героя старшего брата, если у него не было бы на то, действительно веской причины.

— Зачем? — пробормотал Джефф. — Зачем Эдварду делать что-то подобное?

— У него одного имелась реальная на то причина. Мой отец был ужасным человеком, и он совершил множество ужасных вещей, множеству влиятельных людей. Но мог ли

Монтеверди убить его за долг? Нет. Он хотел получить назад свои деньги. Розалинда тоже не могла этого сделать, поскольку уже была мертва. Была уже мертва, когда мой отец решил прыгнуть с моста. Джин, сколько себя помню, всегда его ненавидела, но она точно не стала бы марать руки. Мама имела множество причин, но не имела возможности. Кто же еще мог это сделать?

— Твой брат не совсем в хорошей физической форме. Я имею в виду, во время обедов и ужинов до меня доходили разговоры каким он вернулся домой. Он хромает, вероятно у него была сломана нога. Не думаю, что он хорош, чтобы закрыть эту чертову дверь, а тем более сбросить кого-то с моста.

— Ему могли помочь, — Лейн оглянулся через плечо, и его красивое лицо выглядело сейчас так, словно он только что умылся... не в прямом смысле. — Люди в поместье преданны ему. Мой брат знает, как сделать, чтобы все заработало.

— Он еще здесь? В доме?

— Не знаю.

— Но имеются же камеры безопасности, верно? Здесь в особняке.

— Да, и он знает о них. Он вложил в эту чертову систему уйму денег, и если ты что-то подчищаешь, то это будет видно. На некоторых входах и выходах стоят тоже камеры.

— Детективы просили у тебя пленку?

— Еще нет, но думаю попросят.

— И ты собираешься им ее предоставить?

Лейн смачно выругался.

— У меня есть выбор? Не знаю... я был один на один с Эдвардом сегодня и чуть его не спросил об этом.

— И что тебя остановило? Ты боялся, что он разозлится?

— Да, но я просто боялся услышать ответ.

— И каков твой следующий шаг?

— Жду. Детективы ушли не на совсем. Они посетят его ферму. И если он это сделал...

— Ты не сможешь его спасти.

— Нет, не смогу.

— Из-за чего твой брат может убить своего отца? Велико ли дело, что тебя и его наказывали пару раз в детстве.

— Отец пытался убить его в Южной Америке...

— *Что прости?*

— Да, Эдвард стал таким из-за того, что с ним там произошло. И до этого их отношения тоже не складывались. Черт, даже после смерти, отец намеренно лишил его наследства. Кроме того, ты знаешь, что мой брат никого не подставлял. Такой он есть и всегда был.

«Господи», — подумал Джефф.

В наступившей тишине Джефф задумался о своем брате и сестре, которые тоже жили на Манхэттене. У них уже были семьи и дети. Он вспомнил про своих родителей, которые постоянно летали между Флоридой и Коннектикутом, но также имели дом в Сохо. Вся семья собиралась вместе по праздникам, обстановка была теплой, бывали и конфликты, радостные события, слезы и смех.

Смех всегда присутствовал.

У Лейна был хороший дом. Очень много хороших вещей. Хорошие машины.

Но его семья не шла ни в какое сравнение с тем, что было у него, Джеффа.

Парень подошел и сел на стул за рабочий стол.

— Ладно, хватит об этом. Если слил информацию не ты, то кто?

— Высшее руководство. Ну же, давай, включи мозги. Я получаю информацию из своих источников. Таблицы, которые я составляю, являются анализом их работы.

Лейн потер голову, она не переставала болеть.

— Конечно.

— Послушай, дружище, ты не можешь навечно заморозить эти костюмы, уже очевидно, что ни они подрисовывали статьи счетов, что неудивительно. Сейчас не лучшее время оставить компанию без того, кто бы стоял у руля.

— Да, мне нужен кто-то, способный управлять компанией на временной основе. Председатель правления хочет со мной встретиться. Он думает также.

— Ну, на всякий случай, я не стал бы ставить такую жирную точку... ты все же должен контролировать высшее руководство, пока не привлечешь к ответу говнюков.

— Я не подхожу. Единственное, в чем я достаточно умен — в признании, что совсем не смыслю в бизнесе такого масштаба, — Лейн вскинул руки. — Ради всего святого, я даже не буду думать об этом сегодня. Давай завтра переживем время посещения, и тогда мы двинемся дальше. Черт побери, Эдвард единственный, кто мог бы справиться с этим.

Наступила полная тишина, Джефф пригладил одеяло, он не знал, что еще сделать. В конце концов, он полушутя сказал:

— Когда я смогу вернуть свою горничную назад? И не для того, чтобы она убиралась у меня в ванной комнате.

— Это зависит от тебя. Я ее работодатель, а не сутенер.

— Ты же глава этой семьи, хм.

— Потому что никто больше не хочет браться за эту работу, — Лейн поднялся на ноги. — Возможно, из-за того, что случилось с моим братом, когда ему выпал такой шанс.

— Ты справишься, дружище. У тебя все получится.

Лейн подошел и протянул руку.

— Мне очень жаль, что я поставил тебя в такое положение. Честно. И когда все закончится, обещаю, никогда больше не свяжусь с тобой ни по какому вопросу.

На секунду Джефф замер, обдумывая предложение. Затем протянул свою ладони.

— Ну, я же не прощаю тебя.

— Тогда почему пожимаешь мне руку?

— Потому что я отношусь к тем людям, которые легко все забывают. Знаю, что это устарело. Но таков уж я есть и мне помогало это до сих пор... и позволяет держать тебя на крючке, так что отвали со своими извинениями.

— Сейчас самое время.

Ричард Пфорд напрямик зашел в гостиную фамильного поместья Истерли около девяти вечера, Джин на его слова хотела закатить глаза и сказать, что девятнадцать пятьдесят, таков существующий обычай... был раньше. Но на самом деле, она осталась, чтобы поговорить с ним, поэтому молча наблюдала, как он направился к бару, словно был лордом этого поместья, и она тут же вспомнила, насколько сильно его презирала.

Налив себе бурбон, он подошел и сел на красное кожаное кресло рядом с диваном, на котором она удобно устроилась. Эта гостиная была не большой, на панелях стен висели картины, нарисованные маслом всех высоко ценимых Брэдфордов с безупречными манерами, отчего гостиная казалась еще меньше. Может из-за присутствия Пфорда во всем этом интерьере? Ну, а может все уменьшилось в своих размерах из-за широкого экрана телевизора, который висел напротив нее, чуть ли не вплотную, и показывал повтор *The Real Housewives of Beverly Hills*.

— Зачем ты смотришь эту чушь? — спросил он.

— Потому что мне нравится.

— Это пустая трата времени, — он взял пульт и переключил на какой-то финансовый канал, где аналитик в красном галстуке и бледно-голубой рубашке о чем-то вещал.

— Тебе следует смотреть на котировки, которую имеют материальную ценность.

«Тогда позволь мне метнуть взгляд в сторону подальше от тебя», — подумала она.

— Мы должны поговорить о приеме, — она прищурилась. — И я должна познакомить тебя с Амелией.

— Кто это? — спросил он, не отрываясь от индекса NASDAQ, который полз отдельной строкой по экрану.

— Моя дочь.

Ее слова привлекли его внимание, и он взглянул на нее, приподняв тонкую бровь.

— Где она? Она что дома, вернулась из школы?

— Да.

Джин протянула руку к внутреннему телефону, который был спрятан за светильником, сделанном из чистого стерлингового серебра в виде молодой кобылки, получившей приз из девятнадцати сотен. Взяв трубку, она назвала номер дворецкого.

— Мистер Харрис? Не могли бы вы сходить за Амелией и привести ее сюда? Спасибо.

Она повесила трубку и посмотрела на Ричарда.

— Мне нужно, чтобы ты оплатил свадебный прием, который мы устраиваем здесь в субботу. Ты можешь выписать мне чек, примерно на пятьдесят тысяч. Если будет больше, я обращаюсь к тебе в дальнейшем.

Ричард опустил стакан и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Почему я должен оплачивать прием?

— Потому что мы собираемся пожениться. Ты и я.

— В твоём доме.

— Так ты вообще ничего не собираешься вкладывать?

— Я уже вложил.

Она посмотрела на свое кольцо.

— Ричард, ты живешь под этой крышей, ешь нашу еду...

Он засмеялся и покрутил свой бурбон в стакане.

— Ты же не серьезно, не так ли?

— Ты собираешься выписать чек на прием?

— Я предлагаю тебе попридержать дыхание, чтобы быстрее высохли чернила, Дорогуша, — произнес Ричард, словно говорил тост для нее. — Сейчас, однозначно стоит посмотреть это шоу.

— Если ты не заплатишь, я отменяю вечеринку. И не лги, что ты без нетерпения ждешь эту вечеринку, чтобы получить особое внимание к себе.

Трофеи, в конце концов, очень даже нуждаются в церемонии презентации.

Ричард подался вперед, от его движения кожа на сидении заскрипела.

— Я знаю, что ты не в курсе, но у компании твоей семьи имеются проблемы.

— Да, имеются, — она прикинулась дурочкой. — Кто-то потерял ключ от кладовки? О, какая трагедия!

Она не хотела показывать ему, важность его замечания, ему не следовало знать о полной финансовой переоценки состояния ее семьи. Конечно, до тех пор, пока у нее не будет на руках свидетельство о браке.

Он улыбнулся, и в первый раз она заметила что-то похожее на радость у него на лице, которая даже отразилась в его глазах.

— Угадай, кто звонил мне сегодня? Друг из *Charlemont Courier Journal*. И хочешь знать, что он мне сказал?

— Что они делают превосходный имплантат полового члена и хотят, чтобы ты стал их клиентом?

— Это глупо.

— Верно, но думаю, это может помочь.

Ричард откинулся в кресле и скрестил ноги, его подбородок напрягся.

— Во-первых, это она, а не они. А во-вторых, она сказала, что у компании вашей семьи имеются очень серьезные проблемы, Джин. *Большие финансовые проблемы*. Завтра утром выйдет репортаж об этом. Так что не пытайся манипулировать мной по поводу приема, буду я вкладывать деньги или нет, эти вещи равноправны между нами. Твой отец умер, и его завещание оглашено, трастовый фонд твоей матери заморожен, пока она не передаст опеку кому-то другому, а пока КББ борется, дивиденды снижаются. Если ты собираешься провести сбор средств в качестве пожертвований и ждешь, что я буду в этом участвовать, сделав взнос, то тебе стоит объявить себя благотворительной организацией, тогда я смогу выписать чек и получить налоговый вычет. В противном случае, я не дам тебе ни цента. Дорогуша.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Не понимаешь? Ну, тогда сразу утром прочитай на главной странице статью, и ты что-то поймешь, — он указал на телевизор. — А еще лучше, приди сюда и включи этот канал. Я уверен, что этановость будет на всех каналах завтра.

Джин вздернула подбородок, несмотря на то, что ее сердце продолжало стучать, но оно было разбито.

— У нас достаточно денег здесь, хотя бы взять к примеру этот дом, и я не думаю, что для тебя будет непомерно заплатить за что-то... так что если ты не готов поделить расходы, прием отменяется.

Ричард опять покрутил бурбон в своем стакане.

— Совет по ведению переговоров. Если ты угрожаешь, то должна сначала удостовериться, что твои угрозы не вернуться к тебе с противоположной стороны страданиями.

— Ты стремишься на меня произвести впечатление. Ты хочешь показать, что меня подловил? Не притворяйся, что я для тебя не являюсь наградой или выигрышем.

— Но как только высохнут чернила, ты моя. И это тоже будет в газетах. Каждый прочтет об этом. Мне не нужна коктейльная вечеринка, чтобы доказать, что ты принадлежишь мне.

Джин в шоке покачала головой.

— Ты такой мелочный.

Смех наполнил комнату, ей хотелось кинуть в него что-нибудь, и она остановила глаза на лампе из стерлингового серебра.

— А ты разве нет? — спросил он. — Моя дорогая, единственная причина, по которой ты выходишь за меня замуж из-за выгодных контрактов, которые я согласился предоставить компании твоего отца. И я бы хотел больше знать о кризисе в холдинге. Я, наверное, мог бы получить тебя даром, и не тратится на это кольцо, учитывая финансовое состояние твоей семьи.

В этот момент раздался стук в дверь, а затем вошел мистер Харрис с Амелией.

Она переоделась в брючный костюм от Гуччи, но сама уткнулась в телефон, перебирая пальцами по экрану.

— Мисс Амелия, мадам, — произнес англичанин. — Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, — без особого рвения произнесла Джин.

— Для меня в удовольствие.

Дворецкий ушел, закрыв дверь, девушка по-прежнему стояла, уткнувшись в телефон.

— Амелия, — резко произнесла Джин. — Это мой жених Ричард.

— Да, — ответила дочь. — Я знаю.

— Ты что не собираешься поздороваться с ним, мне в это даже трудно поверить?!

— Это было в сети, — пожалала она плечами. — В любом случае, поздравляю, вас двоих.

Я просто в восторге.

— Амелия, — сорвалась Джин. — Что, черт возьми, там такого интересного?

Девушка показала им экран, там что-то мигало, как в старомодном кинофильме. — *Diamonds.*

— Даже не знаю, что и сказать, — пробормотала Джин. — Но ты ведешь себя невежливо.

— Это новая игра.

Джин указала на Ричарда.

— Ты хотя бы можешь вежливо поздороваться.

— Я вижу сходство, — вставил Ричард. — Ты очень красива.

— Я должна быть польщена? — Амелия наклонила голову. — О, благодарю вас. Я так стараюсь не иметь ничего общего с ней. Это цель моей жизни, стать не похожей на маму, когда вырасту. Теперь, если вы извините меня, я бы предпочла окунуться в виртуальную реальность с фальшивыми бриллиантами, чем находиться рядом с ней или кем-то, кто собирается на ней жениться. Желаю вам удачи.

Амелия выскользнула за дверь в ту же секунду, но не потому, что она сбежала.

Амелия никогда ни от чего не сбежала.

Она не спеша вышла, так же, как и ее отец.

— Миссия выполнена, — сказал Ричард, поднявшись на ноги и направившись к бару. — Яблоко от яблони далеко не падает. И позволь мне повториться, я не буду выписывать тебе чек. Если хочешь, ты можешь отменить прием, мы просто поженимся в мэрии. Этот вопрос не ко мне.

Джин сосредоточилась на экране телевизора, ее ум работал, все обдумывая. Она по-прежнему смотрела перед собой, фактически ничего не видя, когда перед ней возник Ричард.

— Прошу запомнить одну вещь, — сказал он. — У тебя имеется способность, когда ты становишься такой тихой, многое что придумывать у себя в голове. Позволь мне напомнить, что я не буду терпеть неуважение к себе, и ты можешь прекрасно вспомнить, чем обернулись для тебя последствия, любого оскорбления в мой адрес.

«О, но ведь тебе это нравится, ты, больной ублюдок, — с горечью подумала Джин. — Ты наслаждаешься каждой минутой».

— Джон, ты прислал. Молодчина!

Услышала Лиззи слова Лейна, оторвав взгляд от своего почти пустого холодильника. Он сидел у нее на кухне в доме, хмурясь, за круглым столом, с открытым перед ним ноутбуком, и говорил сам с собой.

— Прости? — сказала она, закрыв дверцу.

— Джон Ленге. Бог Зерна. Он сказал мне, что хочет прислать мне как можно больше информации о компаниях, участвующих в *WWB Holdings*. И вот они.

Он развернул экран, она наклонилась и посмотрела на e-майлы, их оказалось так много, словно она видела перед собой книгу.

— Вау. Сколько названий.

— Теперь мы должны их найти, — Лейн откинулся на спинку стула и вытянул руки над головой, у него что-то хрустнуло, причем так громко, чтобы Лиззи вздрогнула. — Клянусь, это мне напоминает бесконечную езду на американских горках, которой нет конца и края, несмотря на то, что меня уже тошнит.

Она встала позади него и стала массировать ему плечи.

— Ты снова разговаривал с этой журналисткой?

— Да, — он обмяк от ее массажа. — О, Боже, это так хорошо.

— Ты так напряжен.

— Знаю, — выдохнул он. — Я просто с ней беседовал. Она роет и пишет репортаж. Ничего не могу поделать, чтобы как-то остановить все это. Один из тех вице-президентов, должно быть выложил ей всю информацию. Она чертовски много знает.

— Разве она может опубликовать все, что нароеет? «Брэдфорд бурбон» не публичная, а частная компания. Разве это не нарушение неприкосновенности личной жизни?

— Нет такого закона, когда дело касается бизнеса. И до тех пор, пока она будет излагать все определенным образом, она имеет на это право. Знаешь, типа, когда все начинается со слов «ссылаясь на...» перед статьей, тогда все становится не противоправным.

— И что же будет дальше?

— Не знаю, я действительно пока не вижу смысла беспокоиться об этом. Единственное, мне необходимо пережить часы приема посетителей завтра, и только потом очередной кризис я удостою своего внимания.

— Ну, мы готовы. Мистер Харрис и я позаботились о дополнительном персонале, мисс Аврора во всю ведет подготовку на кухне. Основной последний штрих мы сделаем завтра

утром. Сколько людей ты думаешь придет?

— Тысяча, может быть. В последний раз больше.... о, прямо здесь. Дааааа, — он опустил голову вниз, она же массажировала и восхищалась его крепкой шеей. — Думаю, будет столько, сколько пришло на Дерби Бранч. Единственное, в чем ты можешь быть всегда уверен, особенно если потерял все деньги, знаешь, что это? Люди просто обоооооожают смотреть на трупы Власти и Величия. И после этой завтрашней статьи, на нас будут смотреть, как на прилавок мясника.

Лиззи отрицательно покачала головой.

— Помнишь о моей мечте, когда мы уедем отсюда?

Лейн развернулся и притянул ее к себе на колени. Он убрал ее волосы назад и посмотрел ей в лицо, его улыбка почти достигла его глаз.

— Да, да, да. Расскажи мне о ней еще раз.

Она погладила его подбородок, шею, плечи.

— Мы будем жить с тобой на ферме далеко отсюда. Ты будешь тренировать баскетбольную школьную команду. Я выращивать цветы для города. Каждый вечер, мы будем вместе сидеть на крыльце и смотреть, как солнце садится в кукурузное поле. По субботам мы будем ходить на блошинный рынок. Может, я смогу там что-то продать из овощей или цветов. Может, ты что-то будешь мастерить. Мы будем совершать покупки в небольшом продуктовом магазине, в котором рагу является иностранным деликатесом, я буду варить суп зимой и готовить картофельный салат летом.

Он прикрыл глаза и кивнул.

— И яблочный пирог.

Она рассмеялась.

— Конечно, яблочный пирог. И мы нагишом... будем бежать в наш пруд, который будет за нашим домом.

— О, эта часть мне очень нравится.

— Я подумала, что тебе захочется иметь пруд.

Его руки начали блуждать и кружить по ее талии, поднимаясь выше.

— Могу теперь я в кое чем признаться?

— Конечно.

— Это может будет характеризовать меня не совсем с хорошей стороны, — он нахмурился. — С другой стороны, ничего такого особенного.

— Чего?

Он замолчал, потом ответил:

— Когда ты и я были в кабинете моего отца, мне захотелось смахнуть все с его стола и уложить тебя на поверхность, чтобы заняться с тобой сексом на его проклятом рабочем столе.

— Правда?

— Да, — он пожал плечами. — Я развратный?

Лиззи посматривала на него задумавшись с улыбкой.

— Нет. Хотя, на самом деле, не могу решить, эротично ли это или ты только собирался создать беспорядок на полу, поразив меня, чтобы не убираться.

Он рассмеялся, она встала на ноги, но он остался сидеть.

— Но у меня есть идея.

— И?

Выгнув спину, она потянула за его рубашку, медленно, вверх через голову.

— На столе, прямо здесь... и хотя здесь кроме моего ноутбука ничего нет, я не предлагаю бросать его на пол, мы все же можем... ты понимаешь.

— Ох, даааааа...

Лиззи села на кухонный стол, Лейн склонился на ней, его губы нашли ее, она почувствовала прилив тепла.

— Кстати, — выдохнула она, — в моей фантазии, мы много...

На следующее утро Лейн сбавил скорость, приблизившись со стороны Индианы к Big Five Bridge, движение на автомагистрали этим утром застопорилось. Радио в машине было выключено. Он даже не стал проверять свой телефон на поступившие звонки и смс-ки, и перед тем как вышел из дома, также не заглянул в ноутбук Лиззи.

Солнце светило ярко на чистом голубом небе, где-то в дали виднелись слоистые облака. Хорошая погода ни о чем не говорила, поскольку атмосферное давление было низким, а значит буря была не за горами.

Все логично.

Он вклинился в третий ряд, затем перестроился во второй и заметил впереди, что пробка была намного больше, чем в обычный час пик. На автотрассе велись какие-то строительные работы, поэтому машины перестраивались, создавая узкий поток, который блестел на солнце металлом, распространяя вокруг себя волны жара. Медленно двигаясь вперед, он понимал, что опаздывает, но его совершенно это не волновало.

Он не хотел быть на этой встрече, но ему не оставили выбора.

Наконец, влившись в общую узкую линию, которая двигалась еле-еле, он чуть не рассмеялся, поравнявшись с рабочими в оранжевых нагрудниках и касках, в синих джинсах.

Рабочие устанавливали ограждение, чтобы люди больше не падали с моста.

Больше никаких прыжков. Или, по крайней мере, если вам очень хочется прыгнуть, то сначала придется перелезть через эту систему ограждений.

Попав на автомагистральную многоуровневую развязку, он завернул на малый круг, чтобы выбраться наверх на шоссе I-91. После двух съездов, он был на Dorn Avenue, а потом и на River Road.

Угол заправки Shell отводился под аптеку, супермаркет... и газетный киоск.

И он намеревался заглянуть в газетный киоск, в котором точно должен быть номер *Charlemont Courier Journal* со статьей об Истерли.

Его руки двигались сами собой, словно уже приняли решение. Вывернув руль вправо, он притормозил у автосервиса, обошел газгольдеры и стоящий серебряный холодильник с двойными дверями, по бокам которого был нарисован лед и пингвин с красным шарфом, завязанным вокруг шеи из какого-то мультика.

Лейн низко надвинул на лицо бейсбольную кепку, с логотипом университета Кентукки UC.

Рядом с газгольдерами стояло несколько человек, заправляющих свои пикапы. Пикапы с городскими номерами. Автоподъемник с люлькой CG&E. И женщина с ребенком постоянно оглядывалась на него.

Он чувствовал, как стоящие провожали его взглядом. Но на самом деле все было не так. Если они и смотрели в его сторону, то только потому, что он прибыл на Porsche.

Раздался металлический звон колокольчика, как только он толкнул дверь и попал в прохладное помещение магазина, и тут же его взгляд остановился на газетах. *Charlemont Courier Journal* стоял в одну линейку, с заголовком, которого он боялся увидеть, кричащим вверху на первой странице огромным шрифтом.

«БРЭДФОРД БУРБОН» — БАНКРОТ.

«*New York Post* не мог бы сделать это лучше», — подумал он, доставая доллар и

двадцать пять центов. Взяв в руки одну газету, он положил деньги на прилавок и стукнул костяшками пальцев. Парень на кассе посмотрел на него и кивнул.

Вернувшись к Porsche, Лейн сел за руль и развернул газету на первой странице. Пробежавшись глазами по первому столбцу, он перевернул страницу, чтобы посмотреть окончание статьи.

О, Боже мой. Они напечатали несколько документов. И дали очень много комментариев. Даже указали на первой полосе о корпоративной жадности и отсутствии подотчетности.

Отбросив газету на соседнее сидение, он нажал на газ.

Добравшись до главных ворот усадьбы, Лейн снизил скорость, чтобы подсчитать количество трейлеров новостных каналов, припаркованных на обочине, ожидая любой возможности, чтобы ринуться в Истерли в любую секунду. Продолжая свое движение, он свернул на дорогу для персонала, проезжая мимо полей с овощами, которые Лиззи выращивала для мисс Авроры, дальше шли теплицы и, наконец, показались коттеджи и сарай для инвентаря.

На стоянке персонала было полно машин, а также скорая помощь, таковы были правила для назначенных часов посещения. Асфальтированная полоса продолжалась дальше по склону, параллельно дорожкам, которыми пользовался обслуживающий персонал, чтобы попасть в поместье. Дальше были гаражи, в задней части дома, вместе с черным входом в особняк.

Он остановился рядом с бордовым Lexus, который стоял на парковке для высшего руководства.

Как только Лейн вышел из машины, тут же вылез и Стедман У. Морган, председатель попечительского совета Компании «Брэдфорд бурбон», из своего седана.

Мужчина был одет в одежду для гольфа, но не такую как у Ленге, Бога зерна. На Стедмане было поло с эмблемой Загородного клуба Чарлмонта, показывающего, что это закрытое и частное сообщество голубых кровей, а также золотом расшитый Принстонский Тигр на поясе вокруг его талии. Его лоферы были такие же, как предпочитал Лейн, и он носил их без носков. Часы были Piaget. Загар был получен природным путем, а не искусственным. Здоровье, видно, его было отличным, благодаря породе и вниманию к своему рациону, и в результате этому мужчине не приходилось задаваться вопросом, где заработать деньги, чтобы купить себе что-то на стол.

— Та еще статья, — произнес Стедман, как только они встали друг к другу лицом.

— Теперь вы понимаете, почему я выгнал их всех отсюда?

Рукопожатий не последовало, а также никаких формальностей, которыми всегда обменивались в любом случае. Добрый Стедман за столько лет не привык быть вторым, особенно когда дело касалось компании, и было понятно, что он чуть не намочил свои боксеры от Brooks Brother из-за статьи.

Опять же, его можно было понять, он только что узнал, что возглавлял компанию в совсем плохое время за всю историю КББ. И Лейн прекрасно его понимал.

Взмахом руки, Лейн предложил пройти к черному входу бизнес-центра, он набрал новый код, и они оба вошли. Включились светильники, как только они очутились внутри, не останавливаясь, направившись в небольшой конференц-зал.

— Я бы предложил вам кофе, — произнес Лейн, как только он опустился на стул. — Но я не умею его делать.

— Я не испытываю жажды.

— И еще немного рановато для виски, который бы я выпил, — Лейн соединил руки и подался вперед. — Итак. Я хотел спросить вас, что вы думаете, но вопрос чисто риторический.

— Было бы неплохо, если бы вы сообщили мне о статье. О существующих вопросах, о финансовом хаосе. Какого черта вы выгнали все высшее руководство!

Лейн пожал плечами.

— Я все еще пытаюсь сам дойти до сути. Поэтому знаю не так много, чтобы что-либо рассказывать.

— В этой проклятой статье было *всего слишком много*.

— Не моя вина. Ни я источник этой статьи, и не мой комментарий был настолько непробиваемым, как кевлар, — репортерша показала ему всего-то ничего из этой статьи. — Могу сказать, что мой друг, инвестиционный банкир, специализирующийся на оценке финансового состояния транснациональных корпораций, приехал из Нью-Йорка, и пытается решить эту проблему.

Стедман, казалось боролся сам с собой, сейчас он походил на мраморную статую, столкнувшуюся с невероятными трудностями, но при этом пытался все же сохранить серьезное выражение лица, хотя это не помогало.

— Лейн, — начал мужчина таким тоном, как Уолтер Кронкайт, пытаясь показать Пи-Ви Германа, — я хочу, чтобы вы поняли, что компания «Брэдфорд бурбон» может и носит вашу фамилию, но это не ларек с лимонадом, который вы можете закрыть или переместить куда-то по своему желанию, просто потому что имеете на это право, как член семьи. Есть корпоративный регламент, нужно соблюдать субординацию, двигаться... *(Уолтер Лиланд Кронкайт-младший — американский тележурналист и телеведущий. Наибольшую известность получил как бессменный ведущий вечернего выпуска новостей CBS на протяжении 19 лет с 1962 по 1981.) (Пи-Ви Герман (комический псевдоним Пола Рубенса — главное лицо в одноимённом телешоу) — взрослый мужчина с незамутненно-детским взглядом на жизнь. Всеобщего любимца внезапно настигает удар судьбы — его чудовелиципед похищен злоумышленниками. Поиски превращаются в гротескное путешествие, по окончании которого Пи-Ви обретёт новых друзей и становится героем настоящего шпионского кино-боевика.)*

— Моя мать является крупнейшим акционером этой компании.

— Это не дает вам право превращать все в диктатуру. Высшее руководство обязано вернуться в это здание. Мы должны созвать попечительский Совет найти нового генерального директора. А пока нужно назначить исполняющего обязанности генерального директора. И, прежде всего, необходимо произвести внутренний аудит всей этой финансовой неразберихи, которую...

— Позвольте мне предельно ясно высказаться на этот счет. Мой предок Илья Брэдфорд основал эту компанию. И я совершенно спокойно могу ее закрыть, если встанет такой вопрос. Или если я захочу это сделать. Я принимаю решения и этого вполне достаточно, и будет гораздо более эффективнее, если вы поймете и перестанете болтаться у меня под ногами. Или я заменю вас.

Представитель «среднего класса», станового хребта американского общества, сузил свои голубые глаза, как у ребенка, в которых загорелась убийственная ярость. Это не особенно изменило его лицо и создавшуюся ситуацию.

— Вы не знаете, с кем имеете дело.

— И вы не представляете, как мало я теряю от этого. Я самолично назначу преемника моего отца, и это не будет ни один из вице-президентов, которые приходили сюда каждое утро, подлизываясь к нему. Я *выясню*, куда делись деньги, и я в одиночку сохраню наш бизнес, если потребуется я сам буду руководить им, — он ткнул пальцем в покрасневшее лицо Стедмана. — Вы работаете на меня. Совет работает на меня. Каждый из десяти тысяч сотрудников получает зарплату и работает на меня, вот такой я сукин сын, который собирается играть по своим правилам.

— И как именно вы предлагаете это сделать? Согласно этой статье, миллионы испарились в неизвестном направлении.

— Наблюдайте за мной.

Стедмен уставился на глянцевый стол.

— Совет будет...

— Пусть не встает на моем пути. Послушайте, каждый из вас получает по сто тысяч долларов, сидя в своих креслах и абсолютно ничего не делая. Я гарантирую, что в этом году каждый из вас получит четверть миллиона долларов. Это прибавка к зарплате на сто пятьдесят процентов.

Он вскинул подбородок.

— Вы пытаетесь меня подкупить? Вернее, нас подкупить?

— Или я могу распустить попечительский совет. Вам выбирать.

— Существует же устав...

— Вы знаете, что мой отец сотворил с моим братом, да? — Лейн еще ближе наклонился к нему. — Вы думаете, у меня нет таких контактов в Штатах, какие были у моего старика? Вы искренне верите, что я не смогу создать вам определенные трудности? Вы же знаете, что процент несчастных случаев дома или автокатастроф очень высок, но требует много мороки. Катера. Самолеты.

В его словах слышался фильм и сцена из «Солянка по-кентуккийски». («*Солянка по-кентуккийски*» (или «*Сборная солянка по-кентуккийски*», англ. *The Kentucky Fried Movie* — дословно «*Кентуккийский жареный фильм*» — игра слов с названием известной франшизы *Kentucky Fried Chicken (KFC)* — комедийный кинофильм. Первый фильм трио Джими Абрахамса и братьев Дэвида и Джерри Цукеров («*Аэроплан!*», «*Голый пистолет*») имел большой успех. Эта пародийная комедия состоит почти целиком из коротких сценок. В фильме собрано больше двух десятков маленьких и больших историй, пародирующих как фильмы разных жанров, так и американское телевидение в целом.)

Но для самого Лейна страшным было то, что он даже не был уверен, блефует сам или нет. Сидя в этом небольшом зале заседаний, где сидел отец, он вдруг ощутил себя вполне способным на убийство.

Внезапно, воспоминания падения с моста, когда он видел перед собой черную воду, с бешеной скоростью приближающуюся к нему, а потом погружение, когда он висел на волоске между жизнью и смертью, вернулись к нему.

— Так что вы выбрали? — проворчал Лейн. — Прибавку или несчастный случай? — Стедман долго смотрел ему в глаза, и Лейн предоставил ему такую возможность.

— Я не уверен, что ты сможешь выполнить свое обещание, сынок.

Лейн пожал плечами.

— Вопрос заключается в том, хотите вы проверить эту теорию на практике или нет, не

так ли?

— Если то, что написано в статье правда, как ты собираешься вернуть деньги?

— Это моя проблема, не ваша, — ответил Лейн. — И я открою вам маленький секрет.

— Какой?

— Мы нашли кольцо моего отца, которое было зарыто перед домом. Этого не было в прессе. Так что не обманывайте себя. Самоубийства не было. Кто-то его убил.

Послышалось легкое покашливание в этот момент. А потом добрый самаритянин Стедман сказал:

— Когда именно мы получим компенсацию?

«Попался», — тут же пронеслась мысль у Лейна.

— Сейчас, именно этот вопрос мы собираемся и решить, — ответил он мужчине.

Джефф ел свой завтрак наверху в спальне деда Лейна, пока все время разговаривал по телефону со своим отцом.

Когда он наконец повесил трубку, опустил в старинное кресло и взглянул на яркую траву в саду. Цветы и на цветущие деревья. Все напоминало декорации Кэррингтонов фильма «Династия» еще восьмидесятых годов. Он взял выпуск газеты *Charlemont Courier Journal*, который забрал внизу на кухне и стал читать репортаж.

Первый раз он быстро пробежал статью в инете.

Когда он спустился вниз за кофе и булочкой, то спросил мисс Аврору, где он мог найти газету. Мама Лейна, как он ее называл, даже не оторвалась от своей готовки, продолжая что-то рубить на разделочной доске. «Убери это отсюда», — единственное, что она сказала.

Джефф уже почти запомнил каждое слово, каждую цифру и все фотографии документов, которые были приложены, когда раздался стук в дверь.

— Да? — сказал он.

Лейн зашел с кружкой кофе, он побрился, но выглядел все равно дерьмово.

— Итак... Оо, да, — произнес его друг. — Ты уже видел это.

— Да, — Джефф отложил проклятую газету на стол. — Это публичная катастрофа. Проблема в том, что ничего не переврали.

— Я даже не собираюсь об этом задумываться.

— А тебе следовало бы.

— Я только что купил Совет директоров.

Джефф отпрянул.

— Прости, что?

— Мне нужно, чтобы ты нашел для меня два с половиной миллиона долларов.

Джефф только покачал головой, и накрыл лицо руками, выругавшись.

— Лейн, я не работаю на Компанию «Брэдфорд бурбон».

— Так я тебе заплачу.

— Чем?

— Возьми любую картину внизу.

— Без обид, но я не люблю музеи и ненавижу изобразительное искусство. Тебе следовало это сделать до наступления кризиса. Это бессмысленно.

— У нас имеются ценности, — Джефф молчал, Лейн пожал плечами. — Хорошо, я дам тебе что-нибудь из ювелирных украшений... моей матери.

— Лейн.

Его сосед по комнате университета не сдвинулся с места.

— Или возьми Phantom с откидным верхом. Я подготовлю тебе письменный документ. У нас такой парк машин. Как тебе мое Порше?

— Ты... свихнулся?

Лейн развел руками кругом.

— Здесь есть деньги. Везде. Хочешь лошадь?

— Господи Иисусе, это напоминает продажи твоего гаража...

— Чего ты хочешь? Это твое. Только помоги мне найти эти деньги. Мне нужно двести пятьдесят штук для каждого из десяти человек.

Джефф начал трясти головой.

— Это не поможет. Ты не можешь забирать средства по своей прихоти...

— Здесь нет прихоти, Джефф. Речь идет о выживании.

— Тебе необходим план, *Лейн*. Продуманный план по снижению расходов, объединению ряда функций, и я все же полагаю при участии федерального расследования... особенно учитывая эту статью.

— Это подводит меня ко второй причине твоего пребывания в этой комнате. Мне необходимо доказать, что все это совершил мой отец.

— Лейн... какого хрена! Ты думаешь, я смогу просто так вытащить это из моей...

— Я не настолько наивен, ты прав. Полиция и федералы явно постучаться в наши двери после этой статьи, и я хочу показать им четкий путь, который приведет к моему отцу.

Джефф выдохнул и хрустнул суставами пальцев. Интересно, как он будет себя чувствовать, если ударит своего друга лбом об стол. Пару сотен раз.

— Ну, по крайней мере, это похоже и ежу понятно.

— В этом и состоит прелесть твоей компании. Я тоже до этого дошел. Мой отец умер, они же не собираются его выкопать и посадить за решетку. И учитывая сколько он украл, я не собираюсь переживать за его доброе имя. Пусть этот ублюдок сгорит в аду за все, что сотворил, а мы будем двигаться вперед вместе с компанией, — он отпил из кружки. — О, я кое-о-чем вспомнил. Я писал тебе, что Ленге выслал мне названия компаний, входящих в *WWB Holdings*. Многих мы уже знаем, но есть такие... в общем достаточно всего.

Джефф уставился на парня.

— Знаешь, не могу понять, то ли ты имеешь неслыханные полномочия, то ли просто доведен до отчаяния, что растерял все свои чертовы мозги.

— И то, и другое. Но могу тебе сказать, что мои мозги имеют больше вещества. И трудно иметь полномочия, когда не можешь ни за что заплатить. А что касается компенсации, я заинтересован ее выплатить, поскольку сейчас именно такая ситуация, которая требует срочной горячей выплаты. Поэтому давай совершим товарообмен, найди эту чертову вещь под этой крышей. Что считаешь нужным, способную окупить твои затраты.

Джефф посмотрел вниз на газету, в которой было хоть и кратко, но говорилось о всей работе, которую он проделал.

— Лейн, я не могу находиться здесь вечно.

Но он находился здесь, и должен был позаботиться о себе сам. Кроме того, новый список насущных дел носил скорее командный характер, плюс еще «прекрасные» идеи Лейна.

— А что насчет высшего руководства? — спросил Джефф. — Ты подкупил их?

— Не всех. Кучу костюмов я отправил в неоплачиваемый административный отпуск на

следующий месяц. Я понял, доказательств достаточно, поэтому это оправдано, попечительский совет отправит им уведомление. Менеджеры среднего звена подхватят эстафету, пока я не найду временного генерального директора.

— С этим как раз будет тяжело, — Джефф постучал пальцем по первой странице. — Не совсем удачное время для нового генерального директора.

Лейн внимательно посмотрел на него, Джефф почувствовал, как будто на него вылили ушат холодной воды. Выставив перед собой обе ладони, он отрицательно покачал головой.

— Нет. Однозначно нет...

— Ты будешь командовать.

— На корабле, напичканном торпедами.

— Ты же можешь делать все.

— Ты говоришь так, словно я собираюсь сделать ремонт в доме, на который сходит лавина с гор.

— Ты получишь долю, как акционер.

Ииииииии послышался резкий визг шин.

— Что ты только что сказал?

Лейн развернулся и направился к двери.

— Ты слышал меня. Я предлагаю тебе долю акционера в одной из старейших компаний Америки, которая производит лучших бурбон. И прежде чем ты скажешь, что я не могу тебе этого предложить и свое бла, бла, бла, позволь напомнить, что попечительский совет сидит у меня в заднем кармане. Я могу делать все, что хочу и все, что необходимо.

— И сколько пройдет времени прежде, чем ты сможешь найти деньги, чтобы заплатить им?

— Вот и подумай об этом, — и ловкий ублюдок оглянулся через плечо. — Ты можешь владеть чем-то конкретным, Джефф. Не просто перемалывать цифры в инвестиционном банке, который платит тебе за то, что ты гениальный калькулятор. А ты можешь стать первым акционером в компании «Бредфорд бурбон» не являющемся членом семьи и помочь определить наше будущее.

Джефф снова уставился на статью.

— Ты бы не предложил мне этого, если бы дела шли хорошо?

— Нет, но всего лишь потому, что тогда бы я не разбирался со всем этим дерьмом и не вкалывал бы за всех.

— И что же будет, когда все это закончится?

— Зависит от того, каков будет «конец», не так ли? Это может изменить твою жизнь, Джефф.

— Да, уже есть предпосылки. Посмотри, что эта компания сделала с тобой. И P.S. в прошлый раз ты угрожал мне, чтобы я остался. А теперь ты пытаешься меня подкупить?

— Но это же сработало, — Джефф не ответил, Лейн открыл входную дверь. — Мне не нравится выкручивать тебе руки. Действительно не нравится. И ты прав. Я метался здесь угрожая, как полный идиот. Но у меня нет выбора, и нет Спасителя, сошедшего с небес, который бы подарил мне чудо и все пришло бы норму.

— Потому что так это не делается.

— Ни хрена. Я не собираюсь мириться с этой ситуацией. У меня нет выбора.

Джефф выругался.

— Не знаю, смогу ли я доверять тебе.

— Если для тебя это главное, то ты сможешь.

— После всего? Не уверен, что могу.

— Тогда вспомни про личный интерес. Представляешь, ты станешь собственником того, что ты сможешь спасти, и уверяю тебя, это огромная часть... вот тебе и стимул, который так необходим. Подумай об этом. Ты бизнесмен. Ты точно знаешь насколько прибыльна наша компания. Я готов дать тебе акции хоть сейчас, и все повернется на 90 градусов. У нас полно среди Брэдфордов кузин и кузенов, которые уже купились на это дерьмо в газетах. Это самый лучший шанс капитализации из восьмизначных цифр... и он за пределами лотереи.

И с этими словами, потому что этот ублюдок точно знал, когда отступить, Лейн вышел, закрыв бесшумно за собой дверь.

— Черт. Меня. Побери, — пробормотал Джефф себе под нос.

Лиззи сняла шорты цвета хаки и бросила их к другой своей рабочей одежде на столешницу в ванной комнате Лейна. Она выпрямилась, посмотрела в зеркало на свое отражение, вроде все тоже, но выглядела она как-то странно: волосы топорщились вверх над ее хвостиком, солнцезащитный крем, который она ранее днем нанесла на кожу, создавал блеск, а под глазами виднелись мешки.

Хотя все было неплохо.

Схватив черное платье, которое лежало перед ней, она стала одевать его через голову подумав: *«Просто, находится здесь уже по себе странно».*

Еще меньше недели назад, она однозначно принадлежала к лагерю обслуживающего персонала Истерли. Сейчас же у нее получился какой-то странный гибрид: с одной стороны, Лейн пригласил ее участвовать в прощании с покойным, как члена семьи, с другой — она по-прежнему получала зарплату, как прислуга, и активно участвовала во всей подготовке поместья к этому событию.

Дернув молнию вниз на платье, она расчесала волосы, но они все равно топорщились, несмотря на то, что она стянула их резинкой, выглядело можно сказать, не очень.

Может, есть время...

Неа. Она бросила взгляд на телефон — 3:43. Ей не хватит времени, чтобы просто запрыгнуть в душ и тут же выпрыгнуть.

В семнадцать минут люди уже начали усаживаться в автобусы, которые должны были повезти их вдоль реки к вершине холма в знаменитое поместье Истерли напрямик к главному входу.

— Ты прекрасно выглядишь.

Оглянувшись на дверь, она улыбнулась Лейну.

— Ты предвзято ко мне относишься.

Лейн был одет в темно-синий костюм и бледно-голубую рубашку с галстуком кораллового цвета. Его волосы были еще мокрыми от душа, от него пахло одеколоном, которым он постоянно пользовался.

Лиззи посмотрела опять в зеркало и приладила простое хлопковое платье. Боже, ей показалось, будто она была одета в чужую одежду, и Господи, именно так и было. Не она ли одолжила это платье у своей двоюродной сестры десять лет назад... тоже на похороны? Платье было настолько застиранным, что уже виднелись нитки на швах, но другого в ее шкафу ничего не было.

— Скорее всего мне придется поработать на этом мероприятии, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты думаешь, Шанталь придет?

— Она не посмеет.

Лиззи была не очень в этом уверена. Без пяти минут бывшей жене Лейна нравилось привлекать к себе повышенное внимание, и это событие было прекрасной для нее возможностью, показать свои права, несмотря на то, что их брак распался.

Лиззи сняла резинку и распушила волосы, сейчас они обрамляли лицо, но все равно продолжали топорщиться в разные стороны.

«К черту, — подумала она. — Пора спускаться вниз».

— Ты готов? — спросила она, подходя к нему. — Ты выглядишь так, словно волнуешься. Я могу тебе чем-то помочь?

— Нет, я в порядке, — он подставил свою согнутую руку. — Ну, давай сделаем это.

Из своей спальни он вывел ее в коридор, проходя мимо люкса его матери, он замедлился и остановился.

— Может ты хочешь войти? — спросила она. — Я подожду тебя внизу.

— Нет, я не буду ее беспокоить.

Они продолжили свой путь к парадной лестнице и начали спуск, она чувствовала себя самозванкой, пока не ощутила, как напряглась его рука, и поймала себя на мысли, что это именно он опирается на нее.

— Я не могу пройти через это без тебя, — прошептал Лейн, когда они, наконец, ступили на последнюю ступеньку.

— Не беспокойся, тебе не придется, — ответила она тихо, сделав шаг на мраморный пол. — Я все время буду рядом.

Внизу официанты в черных галстуках и пиджаках стояли наготове с серебряными подносами, готовые принять любой заказ. Было два бара — один в столовой слева с белым вином и газировкой, другой — перед особым кабинетом справа — с Bradford Family Reserve. Цветы, которые она заказывала и из которых творила букеты, стояли на видном месте в каждой комнате, а в огромном холле стоял античный круглый стол с книгой соболезнований и серебряная тарелка для приема визиток.

Первыми прибыли, спускаясь по лестнице, сохраняя между собой расстояние, как футбольное поле, Джина и Ричард.

— Сестра, — произнес Лейн, поцеловав ее в щеку. — Ричард.

Они оба отправились в глубь комнаты, сделав вид, что совсем не заметили Лиззи, но она подумала про себя, что ей несказанно повезло. Если бы они что-то ей сказали или сделали к ней хотя бы шаг, то явно бы на их лицах было написано снисхождение.

— Это не нормально, — пробормотал Лейн, как только они стали удаляться. — Я поговорю...

— Не стоит, — Лиззи сжала его руку, чтобы привлечь его внимание. — Послушай меня. Мне совершенно все равно, как бы они себя не вели по отношению ко мне. Я знаю, чего я стою, и мне однозначно наплевать — одобряет ли твоя сестра или не одобряет меня? Это ни в малейшей степени не изменит мою родословную.

— Это неуважительно.

— Она ведет себя как школьница-подросток. Я прошла через это пятнадцать лет назад. Кроме того, похоже, что она в печали. Даже если бы с тобой рядом был Иисус Христос, сын Божий, она возненавидела бы его хотя бы за то, что он был в рясе и сандалиях.

Лейн засмеялся и поцеловал ее в висок.

— Ты опять ненароком напомнила мне, почему я с тобой.

— *Постой.* Нужно поправить галстук.

Мак повернулся. В его офисе был душ, раковина и туалет, и он даже не побеспокоился закрыть за собой дверь, когда вошел сюда, чтобы... ну, накинуть себе на шею шелковую удавку.

Бэт положила бумаги на стол и вошла в ванную комнату.

В тесном пространстве стало еще теснее, как только она шагнула к нему, и Господи, запах ее духов, потянулся к его носу, пока она завязывала ему галстук.

— Не думаю, что мой галстук соответствует, — сказал он, стараясь не акцентировать внимание на ее губах. — Рубашке, я имею в виду.

Господи, ее губы выглядели такими мягкими.

— Это не так, — улыбнулась она. — Он подходит. Вы не доверяете своему чувству моды.

На долю секунды он представил себе, как обхватит ее за талию и притянет к себе. А затем он опустит голову и, наконец, узнает какая она на вкус. Может, он подтолкнет ее к краю раковины и...

— Ну? — подсказала она, продевая один конец галстука в узел.

— Что?

— Куда вы так нарядились?

— Прощание с Уильямом Болдвейном в Истерли. Я опаздываю. Все начнется в четыре.

Ему казалось, что она совершает что-то эротичное, пока возится с галстуком у его горла, хотя это точно было не так, но если уж Бет возилась с его одеждой, ему хотелось, чтобы она снимала ее с него.

— Ой. Вау, — он дернулся, а она отступила назад. — Так лучше.

Он наклонился в сторону и осмотрел себя в зеркало. Эта хреновина лежала прямо, как линия магистрали, и узел был прямо под воротником, не было никаких перекосов.

— Очень впечатляет.

Бет вышла, и он увидел в зеркало, как она уходит, прежде чем он пнул свою задницу. Когда он пришел в себя, она была у своего стола, занимаясь бумагами.

Она опять одела красное платье по колено, не слишком длинное, прикрывающее шею, но не на много, с короткими рукавами. Чулки? Нет, он не думал, что она надела чулки, у нее были очень красивые ноги в туфлях на плоской подошве.

— Ну? — снова произнесла она.

Ладно, ему необходимо пресечь это дерьмо сию минуту, прежде чем она обратит внимание на нездоровые вибрации, которые он постоянно испускал в ее присутствии.

— Что прости? — спросил он, выходя из туалета.

— Как вы думаете, могу я присоединиться к вам? Я имею в виду, я не работала с этим человеком, но сейчас я работаю в его компании.

«Это не свидание», — сказал он себе, кивнув. Конечно же не свидание.

— Конечно, — он прокашлялся. — Это открытое мероприятие. Я думаю, там будет много людей из КББ. Скорее всего, нам стоит поехать на твоей машине. Мой пикап — не место для леди.

Бэт улыбнулась.

— Я возьму сумочку. С удовольствием довезу вас.

Мак замешкался на секунду, пока она копалась в своем столе. Он заставлял себя разглядывать все этикетки на стенах, усиленно напоминая своей частичной эрекции, что она — его ассистентка. Да, она была красива, но существовал ряд более важных дел, чем беспокоиться о его несуществующей личной жизни в настоящее время.

«Чем использовать оставшееся время для переписки», — подумал он. В последнее время он был слишком занят работой, и вдруг такое: ужасно отчаявшийся парень, причем очень сильно нуждающийся, встретил достойную женщину, которая молчаливо принялась за эту рутинную работу.

— Мак? — окликнула она.

— Сейчас... — *Остановись.* — Я имею в виду... ох, я...
Ох, ради Христа.

Никто не пришел.

Примерно через час двадцать после начала времени посещения, когда, казалось бы, должна была уже выстроиться очередь из желающих почтить память усопшего перед главным входом и автобусы, как карусель, должны были бесконечно двигаться вверх-вниз по холму, пришло всего лишь несколько человек, и бросив взгляд на отсутствие толпы, быстро ретировались из Истерли.

Они чувствовали себя, словно попали не на ту вечеринку, вроде бы шли на бал, а попали на Хэллоуин.

Или случайно присели за детский столик на празднование день рождения, вместо того чтобы присоединиться к взрослым.

Думаю, он ошибался, что люди лично захотят увидеть падение столь могущественной семьи.

Прошло достаточно времени, Лейн блуждал из комнаты в комнату, засунув руки в карманы и чувствовал себя, словно он напился. Джина и Ричард куда-то исчезли. Амелия не собиралась спускаться вниз. Эдварда можно было считать пропавшем без вести.

Лиззи была рядом с ним.

— Извините, сэр.

Лейн обернулся к человеку в униформе дворецкого.

— Да?

— Что я могу сделать для вас?

Возможно, это был всего лишь английский акцент, но Лейн мог поклясться, что мистер Харрис был даже немного доволен позором. И Лейну очень сильно захотелось протянуть руку и разлохматить политые брилантином волосы, выглядевшие как глазурь на торте.

— Скажите официантам, чтобы упаковали бар, а потом они могут пойти домой. — Нет смысла платить им, если они просто там стоят. — А также отпустите парковщиков и автобусы. Если кто-то захочет прийти, то может оставить свой автомобиль перед домом.

— Конечно, сэр.

Мистер Харрис дематериализовался, Лейн подошел к основанию лестницы и присел на ступеньки. Смотря на переднюю открытую дверь, через которую струился солнечный свет, он вспомнил встречу с председателем совета директоров. Потом сцены с Джеффом и встречу с Джоном Ленге.

Хоть кто-то, но должен был прийти сюда, но кто бы мог подумать!

Джефф был прав. Он использовал силовую тактику, нажимая на людей. И все это он делал под предлогом помощи семье — все это дерьмо, чтобы спасти семью. Но мысль, что он превращается в своего отца, заставила его желудок сжаться.

Самым смешным было то, что когда он пошел к мосту и склонился над краем, он хотел понять этого человека. Лишь теперь он вспомнил поговорку — *«Будь осторожен со своими желаниями»*. На нем было завязано слишком много ниточек — связей, которые напрямую зависели от его поведения.

Что, если он уже превратился в сукиного сына...

— Эй, — Лиззи присела рядом с ним, подобрав юбку с пола. — Как ты? Или подожди, это глупый вопрос, не так ли.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Я в порядке...

— Что я пропустила?

При звуке знакомого голоса, который он не слышал уже очень давно, Лейн напрягся и медленно повернулся назад.

— ... Мама?

На верхней лестничной площадке, впервые за несколько лет, стояла его мать, поддерживаемая сиделкой. Вирджиния Элизабет Брэдфорд Болдвейн, или Маленькая ВЭ как ее называли в семье, была одета в длинное белое платье из шифона, в ушах бриллиантовые серьги, жемчужное ожерелье на шее. Волосы были превосходно уложены, цвет лица прекрасный, хотя наверняка это результат хорошего макияжа, а не здоровья.

— Мама, — повторил он, вскочив на ноги и через две ступеньки рванув вверх по лестнице.

— Эдвард, дорогой, как ты?

Лейн моргнул пару раз. Сиделка предложила ей руку, которую она охотно приняла.

— Хочешь спуститься вниз?

— Думаю, я должна. Но, видно, я опоздала. Я все пропустила.

— Да, гости приходят и уходят. Все в порядке, мама. Давай спускаться.

Рука его матери была, как птица, настолько тонкая, и когда она оперлась на его руку, он фактически не почувствовал ее веса. Они медленно спускались, ему хотелось подхватить ее на руки и отнести, ему казалось, это самый безопасный вариант.

Она споткнулась? Он боялся, что дойдя до последней ступеньки, она рассыпется, превратившись в прах.

— Твой дед был великим человеком, — произнесла она, пока они спускались в фойе, ступив на пол из черно-белого мрамора. — Ой, посмотри, они убирают все напитки.

— Уже пора.

— Мне так нравятся летние дни, они длятся дольше.

— Не хочешь посидеть в гостиной?

— С удовольствием, дорогой, спасибо.

Его мать за последнее время не очень часто выходила, поэтому когда она прошла через арку, и наконец, добралась до шелковых диванов перед камином, Лейн усадил ее на один из них, подальше от входной двери.

— О, какой красивый сад, — улыбнулась она, обратив свой взор к французским дверям. — Он выглядит таким чудесным. Знаешь, сколько работает Лиззи, чтобы сад был в таком состоянии!

Лейн снова скрывал свое удивление, налив себе бурбона из Bradford Family Reserve. Он немного был вне себя, что поддался своему влечению выпить.

— Ты знаешь, Лиззи?

— Она приносит цветы ко мне в комнату... ах, вот ты где. Лиззи, ты знаешь моего сына? Ты должна быть с ним знакома.

Лейн поднял глаза вверх, как раз вовремя — Лиззи делала реверанс, поэтому хорошо себя контролировала.

— Миссис Брэдфорд, как вы? Я так рада увидеть вас снова.

Хотя фамилия его матери была юридически Болдвейн, в поместье ее всегда называли миссис Брэдфорд. Так было испокон века, и это было одной из первых вещей, которую его

отец ненавидел больше всего, по крайней мере, в этом сомневаться не приходилось.

— Ну, спасибо тебе, дорогая. Ты же знаешь Эдварда?

— Да, — улыбаясь ответила Лиззи. — Я встречалась с ним.

— Скажи мне честно, дорогая, ты помогаешь мне с этим мероприятием?

— Да, мэм.

— Почему у меня такое чувство, что я опоздала на него? Мне всегда говорили, что я опоздаю на собственные похороны. Также как я опоздала на похороны своего собственного отца.

Пару официантов подошли к углу, чтобы начать собирать бар, Лейн отрицательно качнул им головой, и они куда-то тут же испарились. Где-то в отдалении, он услышал упаковываемый звон стекла и бутылок, топот ног, приглушенные разговоры нанятого персонала... но Лейн очень надеялся, что его мать решит, что вечеринка прощания с отцом, завершается.

— Как ты выбираешь цветы — это всегда восхитительно, — сказала его мать Лиззи. — Мне так нравятся букеты, которые ты мне приносишь. Я с нетерпением жду дня, когда ты их поменяешь. Всегда новое сочетание цветов, оно никогда не повторяется.

— Спасибо, миссис Брэдфорд. Теперь, если вы меня извините?

— Конечно, дорогая. Я понимаю, что у тебя много работы. Представляю, какая уйма народу здесь побывала. — Мать грациозно махнула рукой, словно махнула перышком в воздухе, ее огромный грушевидный алмаз на шеи поймал блеск солнечного света и замигал, как новогодняя лампочка. — Теперь, скажи мне, Эдвард. Как обстоят дела на Старом складе? Боюсь, что некоторое время я совсем выпала из жизни.

Лиззи сжала руку Лейна, прежде чем оставила их двоих, и Господи, Лейну так хотелось последовать за ней из комнаты. Вместо этого он сел на диван, картина с Ильей Брэдфордом над камином, казалось, он внимательно смотрел на него сверху вниз.

— Все нормально, мама. Просто отлично.

— Ты всегда был отменным бизнесменом. Ты похож на моего отца, знаешь ли?

— Это комплимент.

— Да, в некотором роде.

Ее голубые глаза стали светлее, нежели он помнил, возможно потому, что он не часто смотрел в них. И ее волосы, уложенные как у королевы Елизаветы, не были таким уж густыми, или он уже подзабыл. Кожа казалась настолько тонкой, как лист папиросной бумаги, и была полупрозрачный, словно из тонкого шелка.

Она выглядела на все восемьдесят пять, а не шестьдесят пять.

— Мама? — позвал он.

— Да, дорогой?

— Умер мой отец. Ты же знаешь об этом, правильно? Я говорил тебе.

Ее брови сошлись, но морщины не появились, не потому, что она колола ботокс. Наоборот, она росла еще в ту эпоху, когда молодым дамам не следовало выходить на солнце, не потому, что существовала опасность рака кожи, о которой стало известно впоследствии, и не из-за опасности истончения озонового слоя. А всего лишь потому, что зонтик был стильным аксессуаром для богатых дочерей.

Шестидесятые годы богатых людей Юга, напоминали сороковые.

— Мой муж...

— Да, умер отец, не дедушка.

— Это тяжело, для меня настало... тяжелое время... сейчас, — она улыбнулась с таким выражением лица, что он даже не смог понять — чувствует ли она что-то или нет, поняла ли она его слова. — Но мне стоит к этому привыкнуть. Брэдфорды всегда адаптировались. Ох, Максвелл, дорогой, ты появился!

Она протянула руку вперед и посмотрела вверх, он спросил себя, черт возьми, кого она еще там увидела, может у нее глюки.

Он обернулся и чуть не расплескал свой бурбон.

— Максвелл?

— Да, видишь. Заходи к нам в гостиную.

Лиззи указала официанту собрать неиспользованные бокалы и отнести их на кухню. Затем она вернулась, чтобы упаковать последние нераспечатанные бутылки белого вина в коробку, стоящую на полу. Слава Богу, здесь было что убирать. Если она еще дольше провела бы свое время среди этих пустых комнат, она наверное, бы потеряла рассудок.

Казалось, что Лейна мало заботил тот факт, что никто не пришел, но Господи...

Нагнувшись, она подняла коробку и направилась к столам, накрытых белыми скатертями. Пройдя из столовой через двойные двери, она поставила на пол коробку к трем другим в холле для персонала. Может, мы сможем их вернуть, бутылки же были не открытыми?

— Каждый помогает как может, — пробубнила она себе под нос.

Она решила отправиться к бару на террасе, но остановилась перед дверью, прежде чем открыть ее, она все еще была обслуживающим персоналом, и нужно обойти весь дом вокруг, чтобы попасть на террасу.

В Истерли семье было разрешено приходить и уходить через любые двери и в любое время. Для персонала же была введена строгая дисциплина.

И вот опять...

— Да черт со всем этим.

Она не собиралась прикладывать столько усилий и обходить дом вокруг, несмотря на то, что она была сотрудником, в конце концов, она любила мужчину, у которого выдался самый дерьмовый день и это ее убивало, и она хотела появляться и периодически видеть его, а вдруг понадобится ее помощь, сейчас ее мужчина впервые проходил через такое событие.

Направляясь через заднюю из комнат, она через французские двери библиотеки вышла наружу и остановилась. Она стояла на террасе, откуда открывался вид на реку и дорогу, видневшуюся внизу, здесь все было по старинке — кованая мебель и стеклянные столики, сдвинутые в сторону, чтобы вместить всех людей, которые не пришли.

Бармен, который должен был здесь находиться, видно, уже ушел, поэтому Лиззи обошла барную стойку и увидела сложенные пустые коробки для бокалов, а также для бурбона и вина, она потянулась к одному из них.

Она собиралась уже заняться упаковкой бутылок, когда заметила человека, тихо сидящего перед окном, не отрывая глаз разглядывающего что-то в доме.

— Гари?

Стоило ей окликнуть его, как главный садовник с такой быстротой вскочил на ноги, что металлический стул заскрежетал по плитке.

— О, Господи, прости, — рассмеялась она. — Мне кажется, мы все сегодня немного нервные.

На Гари был чистый комбинезон и его рабочие ботинки тоже были чистые. Свою

старую потертую бейсбольную кепку «Соленые огурчики в горчице и барбекю», он тут же одел на голову.

— Ты не должен уходить, — сказала она, переворачивая стаканы и укладывая их в коробку.

— Я не собирался сюда. Просто, когда увидел...

— Что ни одной машины нет. Ты увидел, что никто не приехал.

— У богатых людей имеется странное чувство приоритета.

— Бог с ними.

— Ну, пожалуй, я вернусь к работе. Если тебе не нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, я сама придумала себе занятие. Но если ты поможешь мне, я закончу быстрее.

— Похоже на то.

— Да, прости.

Он крикнул и направился к ней с дальнего угла террасы, вдоль каменной кладки фундамента, которая удерживала особняк от падения со своего насиженного места.

Позже, гораздо позже, Лиззи удивится сама себе, с чего бы это она решила выйти из-за стойки и отправиться именно на то место, где сидел Гари, наверное, ей было интересно посмотреть, на что он так пристально смотрел. Тогда она так и не смогла себе ответить на свой вопрос. Опять же, она редко видела, чтобы Гари затаив дыхание на что-то смотрел.

Всмотревшись в старое окно... она увидела мать Лейна, сидящую на шелковом диване, словно прекрасную королеву.

Лейн поднялся на ноги и подошел к своему брату Максвеллу. Он хотел обнять его, но понятия не имел стоит ли это делать или нет.

Бледно-серые глаза Макса сузились.

— Привет, брат.

Макс стал еще выше и шире в плечах, по сравнению с ним и Эдвардом, хотя сейчас с Эдвардом не было смысла сравнивать. И у него была борода, закрывающая всю нижнюю часть лица. Джинсы были настолько застиранные, что в некоторых местах продувались, а куртка была, под настоящую кожу, но тоже в большинстве своем была слишком потертой. Рука, которую он протянул для рукопожатия, была мозолистой, а под ногтями виднелась грязь или машинное масло. Лейн заметил татуировку под манжетой рубашки на внутренней стороне запястья.

Формальный жест приветствия был полным атавизмом, но они были научены ему с самого детства.

— Добро пожаловать домой, — услышал Лейн свои слова.

Его глаза ощупывали все тело брата, пытаясь найти хоть единственную подсказку, где он обитал и чем занимался столько лет. Автослесарь? Мусорщик? Дорожный рабочий? То, что он занимался каким-то физическим трудом, было несомненно, учитывая, насколько сильным и огромным он стал.

Рукопожатие продлилось всего лишь мгновение, а затем Макс сделал шаг назад и взглянул на мать.

Она улыбалась ему, ничего не выражающей улыбкой, ее глаза сфокусировались на нем.

— А вы кто такой?

Несмотря на то, что она только что сама узнала этого человека?

— Ах, это Макс, мама, — сказал Лейн, прежде чем смог остановить себя. — Максвелл.

Он положил свою руку на его сильное плечо, как будто был хозяином, который показывал ей тостер, выставленный для продажи, Маленькая ВЭ моргнула пару раз.

— Ах, да, конечно. Как вы, Максвелл? Вы здесь надолго?

Теперь, казалось, она не понимала, что Максвелл был ее сыном... и не только потому, что он ушел из дома, когда растительность еще не появилась у него на лице, а еще и потому, что она даже не акцентировала внимание на его имени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Макс глубоко вдохнул и ответил:

— Я хорошо. Спасибо.

— Может, вам стоит принять душ, а? И побриться. Мы переодеваемся на ужин, здесь в Истерли. Вы близкий друг Эдварда?

— Ах, да, — глухо произнес он. — Да, друг.

— Хороший мальчик.

Макс оглянулся, словно искал спасательный круг, Лейн откашлялся и кивнул в сторону арки.

— Давай я покажу тебе твою комнату.

Хотя парень точно уж не забыл, где находилась его комната.

Лейн кивнул сиделке, которая сидела в уголке, чтобы она приглядела за матерью, а

затем повел Максвелла через фойе.

— Удивлен, что и говорить, брат.

— Я прочитал в газетах.

— Не думал, что мы давали объявление в газетах о твоём розыске.

— Нет, о смерти.

— Ах.

И наступила тишина. Макс оглядывался по сторонам, и Лейн предоставил ему несколько минут, чтобы тот мог все вспомнить, он точно также делал, когда сам вернулся сюда после двух лет отсутствия. Ничего не изменилось в Истерли, и скорее всего именно это и обезоруживало: воспоминания были слишком резкими, так как декорации остались неизменными. И за исключением Эдварда, действующие лица тоже были все те же.

— Так ты останешься? — спросил Лейн.

— Я не знаю, — Макс взглянул на лестницу. Потом на дешёвую спортивную сумку, которую он бросил у открытых входных дверей. — Если и останусь, то только не здесь.

— Я могу предложить тебе отель.

— Это правда, что мы банкроты?

— У нас кончились деньги. Банкротство зависит от того, что произойдет дальше.

— Он, на самом деле, прыгнул с моста?

— Возможно... Существуют некоторые смягчающие обстоятельства.

— О.

Макс снова уставился в гостиную на мать, которая с такой радостью улыбалась сиделке, словно эта женщина принесла ей сельтерской воды.

— Она быстро сдаёт? — спросил Макс.

— Может, это даже и к лучшему.

— И когда же будет все известно?

— Я придерживаю новости, — Лейн разгладил галстук. — Поворот судьбы — это своего рода социальная болезнь, от которой нет прививки. Никто не пришел.

— Жаль...

— Где, черт побери, ты был, Макс, все это время? — Лейн не выдержал. — Мы пытались найти тебя.

Макс развернулся к нему лицом, и было такое чувство, словно он впервые увидел Лейна.

— А, знаешь, ты выглядишь старше.

— Нет, мать твою, Макс. Прошло всего лишь три года.

— Да, но ты выглядишь старше на десять лет.

— Может, потому что я наконец-то повзрослел. Что касается твоей цели прибытия, очевидно, она может превратиться в преграду.

В этот момент какая-то машина подъехала к главному входу особняка, и Лейн был настолько занят, раздумывая куда исчез на все эти годы его брат, что не заметил, кто вышел из машины. Но как только элегантный афроамериканец появился в поле его зрения, Лейну пришлось с трудом улыбнуться.

— Ну и ну, вот и пришло время, — Макс посмотрел на дверь, где заходило солнце. Мгновенно его глаза стали огромными, на самом деле огромными, он отшатнулся, как будто его ударили.

Бежать было некуда.

Преподобный Найс уже увидел мужчину, который разбил на тысячу кусочков сердце его

дочери. Проповедник, скорее всего, был благочестивым человеком, но даже Лейн — незаинтересованная третья сторона, захотел отойти в сторону, как только проповедник увидел дегенерата-бродягу, который вернулся в родные пенаты.

— Я оставлю вас двоих, чтобы вы смогли выяснить отношения, — пробормотал Лейн, направляясь обратно в гостиную.

Эдвард подкатил к особняку, но не к переднему входу. Он опять воспользовался грузовиком Шелби, поэтому припарковался на заднем дворе, куда выходило крыло кухни, как и в тот раз. Выйдя из машины, он заправил футболку в брюки, пригладил волосы и испытал радость, что удосужился побриться. Но его болевшая щиколотка давала о себе знать, он ощущал ее словно железную гирю, привязанную к ноге, и его сердце заходило от этого. Хорошей новостью, правда, было то, что две бутылки джина, прежде чем он покинул Red Black, сравняли его передачу данных, и хотя у него была фляжка, наполненная спиртным, он не испытывал необходимости еще раз приложиться к ней.

Его сердце стало биться медленнее, как только он подошел к черному входу кухни Истерли, дверь скрипнула под его рукой, он почувствовал характерный сладкий/хлебный/пряный запах, который вернул его в детство. Мисс Аврора сидела у кухонного стола, ее ноги в туфлях покоились на нижней перекладине стула, фартук собрался на бедрах. Она выглядела старой и уставшей, и в этот момент он со всей страстью ненавидел ее болезнь.

Бросив взгляд в глубь кухни и пытаясь унять свои эмоции, он увидел одноразовые алюминиевые кастрюли, заполненные всевозможной едой под завязку, и накрытые сверху крышками, по-видимому, приготовленными накормить весь Сент-Винсент де Поль — всех бездомных и жаждущих.

— Многие не пришли? — спросил он спокойно, подойдя и подняв одну из крышек.

Его живот заурчал, почувствовав запах ее блинчиков с мясом ягненка.

— Это так ты здороваешься? — отрезала она. — Где твои манеры, мальчик.

— Извини, — он повернулся и наклонился к ней. — Как ты?

Она всего лишь фыркнула в ответ, Эдвард выпрямился и внимательно на нее посмотрел.

«Да, — подумал он, — она знает, зачем я пришел».

И может он и не был ее любимчиком (это место в ее сердце навеки занял Лейн), но она всегда была одной из немногих, имеющей способность прочесть его как открытую книгу.

— Хочешь чаю? — спросила она. — Он вон там.

Он заковылял в стеклянному чайнику, на который она указала. Чайник был все тот же, он помнил его еще с детства — с квадратным дном, тонким носиком и желто-оранжевыми цветочками из семидесятых, которые за это время поблекли и поистерлись.

— Ты оставила этот стакан для меня? — спросил он и налил себе немного.

— Я не хочу втягивать тебя в свои дела.

— Ты опоздала с этим.

Он добавил лед пластиковыми щипцами из простого ведерка, стоящего рядом с чайником. Сделал глоток и прикрыл глаза.

— По-прежнему такой же.

— А почему он должен быть другим?

Он доковылял до кухонного стола и подсел рядом с ней.

— Где все официанты?

— Твой брат отправил их домой, и сделал все правильно.

Эдвард нахмурился и посмотрел на двери.

— В самом деле, никто не пришел?

— Неа.

Ему следовало рассмеяться.

— Я надеюсь, что мой отец видит это из рая. Или из телескопа в аду.

— У меня нет сил, чтобы сказать тебе, что нельзя говорить плохо о мертвых.

— Сколько времени у тебя осталось? — напрямик спросил он без всяких предисловий. — Обещаю, что не скажу ни слова Лейну.

Глаза мисс Аврора, смотрящие на него, превратились в щелочки. И от ее взгляда, он почувствовал, как сжалась у него задница.

— Поосторожней, Эдвард. У меня до сих пор есть мой половник, и возможно, мой рак сведет меня в могилу, но не так быстро, как ты получишь по заслугам.

— Точно. А теперь ответьте на мой вопрос, и я пойму, если ты солжешь мне.

Мисс Аврора растопырила пальцы своих натруженных рук, упираясь на стол. Ее темная кожа была по-прежнему гладкой, с ровно подстриженными ногтями, кольца не было из-за постоянной готовки.

В последовавшей тишине, он понял, что она пыталась вспомнить, когда солгала ему. Он также понял, что она не будет лгать и выкручиваться сейчас. И также он понял, что она захочет, чтобы кто-то поддержал и подготовил Лейна, и она готова была признать правду: что Эдвард ушел из семьи, по крайней мере, из-за двух причин, которые он не хотел вытаскивать на свет.

— Я прекратила лечение, — наконец произнесла она. — Слишком много побочных эффектов, и оно все равно не помогает. И именно это я имею ввиду, когда говорю, что тебе не стоит ввязываться не в свое дело.

— Время. Сколько осталось?

— Разве это важно?

«Значит, слишком мало, — подумал он. — Нет, думаю, что это не так, на самом деле».

— Я не боюсь, ты знаешь. Мой Спаситель возьмет меня на руки.

— Ты уверена? Даже сейчас?

Мисс Аврора кивнула и поднесла руку к коротким, жестким кудряшкам.

— Особенно сейчас. Я готова к тому, что он придет за мной. Я подготовлена.

Эдвард медленно покачал головой, а потом у него возникла мысль, что если она честно ответила ему на вопрос, то он тоже может быть с ней честным. Голосом, который мало походил на его собственный, он сказал:

— Я, действительно, не хочу снова втягиваться в дела семьи. Это почти убило меня уже однажды.

— Ты свободен в своем выборе.

— Как при выборе пыток в тех джунглях, — он смачно выругался. — Но ты же знаешь... я не могу наблюдать, как мой брат страдает. Ты и я, оба имеем определенную слабость, когда дело доходит до Лейна, только причины у нас разные.

— Нет, причина одна. Любовь — всегда остается любовью. Это ведь так просто.

Наступила тишина, и прошло некоторое время прежде, чем он смог посмотреть на нее.

— Моя жизнь разрушена, ты же знаешь. Все, что я планировал... пошло прахом.

— Ты можешь выбрать новый путь. Как насчет этого? — Она обвела рукой вокруг

себя. — Нельзя спасти то, что не нуждается в спасении.

— Лейн не переживет твою потерю.

— Он сильнее, чем ты думаешь и у него есть Лиззи.

— Любовь хорошей женщины, — Эдвард сделал еще глоток чая. — На первый взгляд это кажется горьким, словно я так думаю, а?

— Тебе нет надобности быть больше героем, Эдвард. Позволь все идти своим чередом и будем надеется, что результат будет предрешен, все будет чин-чинарем. Я ожидаю от тебя, что ты не оставишь своего брата и будешь заботиться о нем, что ты не подведешь меня.

— Мне показалось, или ты сказала, что я могу больше не быть героем?

— Не дерзи мне. Ты знаешь в чем разница.

— Могу лишь ответить, что твоя вера в меня всегда меня поражала.

— Но твоя решимость, всегда хорошо срабатывала, не так ли?

Эдвард, словно прожигал ее своим взглядом.

— Туше.

— Как ты догадался? — через мгновение спросила мисс Аврора. — Откуда ты узнал?

— У меня есть свои источники, мэм. Я может и ослабел, как все говорят, но я не вышел из строя. — Он нахмурился и осмотрелся по сторонам. — Постой-ка, где те старые часы? Которые стояли на холодильнике, пока его не заменили?

— Которые щелкали?

— Помнишь, этот звук? — Они оба рассмеялись. — Я ненавидел его.

— Я тоже. Но именно сейчас я отчетливо вспоминаю его. Они уже давно сломались, но я скучаю по ним. Смешно, жалеть о потере того, что ты фактически ненавидел.

Он выпил чай со льдом до конца, потом произнес:

— С моим отцом это не сработает.

Мисс Аврора разгладила края своего передника.

— Не думаю, что многие скучают по нему. У каждого есть своя причина — не сожалеть о нем.

Эдвард встал и с пустым стаканом подошел к раковине. Поставил его вниз, выглянул в окно. Гаражи виднелись через дорогу, а слева у выхода из дома, виднелось крыло бизнес центра, которое было больше, чем хороших размеров особняк.

— Эдвард, отпусти все. Что будет, то будет.

Наверное, это был хороший совет, но он был не в его характере. Или, по крайней мере, прежде это было не в его характере.

И похоже, все выглядело так, что он был все еще жив, нежели мертв.

Лимузин Саттон подъехал к главным воротам Истерли и остановился, она нахмурилась и наклонилась вперед к водителю.

— Думаешь, нам стоит заехать?

— Да, мэм, думаю, что да. Путь открыт.

Обычно, при официальном посещении, как прощание с Уильямом Болдвейном, в имение Брэдфордов караваном шли автобусы вверх-вниз по холму с приглашенными, оставляющими свои машины на парковке у основания холма. Но никаких парковщиков она не заметила. А также она не заметила автобусов, поднимающихся или спускающихся. Дорога к холму была пустой.

Но, по крайней мере, нигде не было видно журналистов. Несомненно, эти стервятники расположились на ночлег по близости с того момента, как была опубликована история о банкротстве. Однако, они видно испугались заходить на частную собственность семьи, используя их землю, чтобы обосноваться на ночь.

— Я не могу поверить, что никого нет, — пробормотала она.

Ой, подождите, Самюэль Теодор Лодж позади нее ехал в своем кабриолете.

Она открыла окно и высунулась.

— Самюэль Ти?

Он махнул ей рукой.

— Мисс Смайт. Как вы?

Самюэль Ти, как всегда выглядел, словно сошел со страниц журнала моды, в соломенной шляпе с сине-бордовой лентой, авиаторы прикрывали его глаза, на нем был костюм из легкой ткани в полоску, галстук-бабочка, он выглядел так, словно собирался на вечеринку или уже там побывал.

— Рада вас видеть, — ответила она. — Где все? Мы едем вовремя?

— Насколько я знаю, да.

Они уставились друг друга, прокручивая и сами себе отвечая на негласный вопрос.

Затем Самюэль Ти сказал:

— Езжайте вперед, я последую за вами.

Саттон подняла стекло в своем «Мерседесе» и кивнула.

— Двигаемся вперед.

Лимузин мягко поехал, Саттон потерла свои ладони друг о дружку. Они были немного потными, и она поддалась порыву, достала из сумочки зеркальце и проверила помаду, а также прическу.

«Прекрати», — одернула она себя.

Как только они повернули, перед ними во всей красе и величии предстал «Истерли». Смешным было то, что она совсем недавно была на Bradfords' Derby Brunch, оно все равно это поместье всякий раз производило на нее впечатление. Неудивительно, что они за счет продаж своего бурбона, смогли построить такой большой белый дом. Он выглядел так, словно выстроенный для короля Америки, который там, якобы и жил.

— Вы хотите, чтобы я подождал? — спросил водитель.

— Это было бы чудесно. Спасибо... нет, не уезжай. Я, пожалуй, выйду сейчас.

Дон скрючился за рулем, она начала вылезать из машины и улыбнулась Самюэлю Ти.,

который остановил позади нее свой винтажный «Ягуар».

— Хороший у вас автомобиль, адвокат.

Самюэль Ти. выключил двигатель и поставил на тормоз.

— Я люблю ее. Самая последовательная женщина, которую я встречал в своей жизни, за исключением моей дражайшей мамочки.

— Ну, вам лучше поднять верх, — она кивнула на сгущающиеся тучи над головой. — Грядет гроза.

— Мне казалось, что синоптики шутят.

Саттон отрицательно покачала головой.

— Мне так не кажется.

Мужчина вышел и нажал на какие-то кнопки, тканевый верх начал подниматься, он зажал его с каждой стороны лобового стекла. Затем поднял окна и подошел к ней, целуя в щеку.

— Кстати, — произнес он, — вы выглядите прекрасно, мадам президент,... или мне стоит сказать генеральный директор. Поздравляю с повышением.

— Спасибо. Я вхожу в должность. — Она взяла его под руку, как только он ей предложил. — А ты? Как твои дела?

— Процвetaют. Всегда в этом городе найдутся люди, попавшие в беду, что одновременно является хорошей и плохой новостью.

Приближаясь к открытым дверям особняка, она задавалась вопросом — может Эдвард уже внутри? Конечно же, он не пропустит отдать дань уважения своему отцу?

Нет, она не хочет его видеть.

— Преподобный Найс, — произнесла, как только вошла в фойе. — Как вы... Макс! Это ты?

Двое мужчин почти вплотную стояли друг против друга, и Макс с явным облегчением оторвался от напряженного разговора.

— Саттон, рад видеть тебя.

О, Боже, как он изменился. Эта борода. И у него татуировки, которые видны из-за манжет его потрепанной куртки?

Но он всегда был себе на уме, неуправляемым парнем.

Самюэль Ти. протянул руку, они обменялись рукопожатием и любезностями... и преподобный Найс снова посмотрел на Макса.

— Я думаю, что я ясно выразился, не так ли? — для пущего эффекта преподобный Найс сделал паузу. А потом улыбнулся Саттон. — Мы встретимся на следующей неделе.

— Конечно, с нетерпением буду ждать.

Преподобный удалился, а они стали обмениваться репликами Саттон, Самюэль Ти. и Максвелл, и во время разговора она старалась не столь явно рассматривать пустующие комнаты. *«Где все? Посещения предполагались до семи вечера. Дом должен был заполнен до отказа».*

Взглянув через арку в гостиную, она чуть не задохнулась.

— Это миссис Брэдфорд? Сидит на диванчике?

— Или то, что от нее осталось, — грубо произнес Макс.

Саттон извинилась и вошла в прекрасный интерьер комнаты, как только мать Эдварда увидела ее, женщина улыбнулась и протянула к ней руки.

— Саттон, дорогая.

«Она выглядит такой хрупкий, но все еще кажется царственной и элегантной», — подумала Саттон, наклонившись и поцеловав напудренную щеку.

— Иди сюда, посиди, поболтай со мной, — настояла мать Эдварда.

Саттон улыбнулась Лейну и опустилась на шелковые подушки.

— Вы хорошо выглядите, миссис Брэдфорд.

— Спасибо, дорогая. Скажи мне, ты замужем?

Странная волна жара вдруг опалила все ее тело, Саттон взглянула через арку. Эдвард заходил в гостиную из фойе, впившись в нее взглядом и облокотившись на дверь для поддержки.

Саттон прочистила горло и попыталась вспомнить, что ее спросили.

— Нет, мэм. Я не замужем.

— Ах, как такое может быть? Приятная молодая леди, как ты. Ты должна успеть завести детей, пока будет не слишком поздно.

«На самом деле, я немного занята управлением многомиллиардной корпорации в данный момент. Но спасибо за совет».

— А как вы, миссис Брэдфорд?

— О, я очень хорошо, спасибо. Эдвард хорошо обо мне заботится, не так ли?

И миссис Брэдфорд указала рукой с огромным бриллиантом на Лейна, мужчина кивнул и улыбнулся, как бы соглашаясь на какое-то время побыть Эдвардом. Скрывая свое удивление, Саттон снова посмотрела в арку.

Настоящий Эдвард был совершенно не похож на того Эдварда, по крайней мере, того обычного Эдварда, которого миссис Брэдфорд помнила, как своего старшего сына.

По какой-то причине это несоответствие, заставило Саттон сказать:

— Уверена, что он прекрасно о вас заботиться, — ее голос стал хриплым. — Эдвард всегда знает, как со всем справиться.

Дамы должны носить колготки.

Джин сидела на краю бассейна в саду, босыми ногами, проводя ленивые круги по теплой воде, и была рада, что никогда не носила колготок. Или комбинаций. Или перчаток.

Хотя последние две вещи были явно пережитком прошлого. Как, пожалуй, и леггенсы, и утягивающее белье, хотя ее мать, конечно же, не выходила на улицу, не надев чулок.

Однако, она явно не была похожа на свою мать, несмотря на общее имя.

И сегодня было очень жарко, не было даже ветерка в этой части сада, благодаря высокой кирпичной стене, которая окружала со вкусом сделанные в геометрической пропорции цветники и дорожки. Щебетали птицы на цветущих фруктовых деревьях, а сверху, в небе собирались тучи, предвещая грозу, ястреб парил в воздухе, без сомнения, выискивая свой ужин.

Амелия отправилась домой к Честерфилд Маркум... так, по крайней мере, сообщил мистер Харрис до начала официального посещения. И это было отлично. Филд и Амелия были друзьями еще со времен, когда они оба носили памперсы, по крайней мере, Амелия не будет в ближайшие часы маячить в доме, поэтому никому не попадет на глаза. Их отношения — Филда и Амелии носили исключительно дружеский характер, никакой романтики и секса.

Но профессор?! Боже, Джин думала о стихийном исключении своей дочери из элитной школы, находя его вполне правдоподобным, но до конца непостижимым. Но опять же, она не очень хорошо знала свою дочь, поскольку с самого детства так и не смогла установить с

ней контакт. Возможно, сказывалось то, что она сознательно слишком уж часто уклонялась от своих родительских обязанностей: ее собственные родители день ото дня не проявляли особенного интереса к ее жизни, но у нее была, по крайней мере, мисс Аврора.

И только посмотрите, насколько хорошей она выросла.

Почувствовав дурноту, Джин сняла свой короткий жакет, но оставила шарф Hermès на шею. Ей захотелось напрямик в одежде спрыгнуть в бассейн... и раньше, будучи подростком, она бы именно так и поступила. Сейчас же, даже на это у нее не было сил. Да... и зрителей... тоже не было.

— Так это приглашение на свадьбу или на прием?

Джин на минутку прикрыла глаза, услышав слишком знакомый голос.

— Самюэль Ти. я думала, ты не придешь.

Его шаги приближались к ней, он остановился у нее за спиной, но она отказывалась смотреть в его сторону.

— Как я мог не отдать дань уважения твоей семье, — протянул он. — Итак, мы говорили о твоей свадьбе.

Раздался *шшчч*, и она уловила тонкий аромат табака.

— Кубинская сигара, — пробормотала она, разглядывая свои ноги в аквамариновой воде.

— Так что это? То, что ты выслала мне по электронной почте всего лишь полчаса назад? Там две орфографические ошибки. Мне нужно научить тебя пользоваться проверкой орфографии в Outlook?

— Я выхожу за муж, но приема не будет, — она махнула рукой через плечо, указывая на дом. — Ты же видишь, как к нам стало относиться общество. О чем говорить? Как мы низко пали?

— Ах. Уверен, ты найдешь способ, переориентировать финансы. Возможно, на какую-нибудь одежду? Или маленькие безделушки, которые будут соответствовать твоему кольцу... ой, нет, это же работа Ричарда, не так ли, и он, конечно, сделает все правильно. Сколько это алмаз весит? Фунт? Три?

— Пошел ты, Самюэль.

Он не ответил, и она повернула голову. Он по-прежнему стоял на месте, только теперь склонялся над ней, хмурясь, опустив немного авиаторы, внимательно разглядывая ее, держа в одной руке свою соломенную шляпу, а в другой — сигару.

— Что? — спросила она, поскольку он продолжал на нее пялиться.

Он указал сигарой на нее.

— Что это у тебя на руке? — она развернулась обратно к бассейну и отрицательно покачала головой. — Ничего.

— Это явно синяк.

— Нет, не синяк.

— Я же вижу.

Он опустился рядом с ней на корточки и взял ее запястье.

— Отпусти!

— Это синяк. Что, черт возьми, происходит Джин?

Она выдернула свою руку и накинула на себя пиджак.

— Я слишком много выпила и ударилась обо что-то.

— Ударилась? Тогда почему здесь отчетливо видны отпечатки пальцев?

— Тебе кажется, я ударились о дверной проем.

— Дерьмо, — он притянул ее к себе, а потом опустил глаза на ее шею. — Что ты скрываешь под шарфом, Джин.

— Прости?

— Сними шарф, Джин. Или я сделаю это сам.

— Теперь ты не имеешь права снимать с меня одежду, Самюэль Ти., — она встала на ноги. — Ты можешь уйти? Или уйду я. По любому, этот разговор...

— Ты никогда не надевала шарфы, когда была со мной, — он выдохнул дым ей прямо в лицо. — Что происходит, Джин?

— Ничего.

— Я убью его, если он прикладывается к тебе кулаками. Я убью этого ублюдка, — Внезапно, лицо Самюэля Ти. превратилось в маску ярости, и в этот момент, она увидела в нем желание ее защитить. Несмотря на то, что он был похож на человека, сошедшего со страниц модного журнала, в своем сшитом на заказ льняном костюме, и был настолько красив, как Ф. Скотт Фицджеральд... но ни у кого не возникало сомнений, что Самюэль Ти. был способен свести Ричарда Пфорда в могилу или любое другое живое существо.

Но он не хотел на ней жениться. Она уже спрашивала его об этом, и он сказал ей «нет».

Джин скрестила руки на груди.

— Он просто резко попытался меня подхватить, чтобы я не упала.

— Мне показалось, ты сказала, что ударились о дверной проем.

— Я ударились о косяк двери, а затем Ричард подхватил меня, — она закатила глаза. — Ты что, на самом деле, думаешь, что я вышла бы замуж за кого-то, кто грубо со мной обращается?

В ответ Самюэль Ти. очередной раз затянулся своей сигарой, но выдохнул дым в сторону, чтобы он не достиг ее лица.

— Что? — отрезала она. — Я ненавижу, когда ты так на меня смотришь. Просто скажи, что ты думаешь, чтобы это ни было.

Он какое-то время молчал, а потом наконец заговорил, и голос его, казалось, специально был низким и спокойным.

— Джин, ты не в самой отчаянной ситуации, как думаешь. Этот финансовый бардак... все наладится. Люди по-прежнему покупают ваш бурбон, и финансовое положение вашей семьи восстановится. Не делай глупостей.

— Я по карману Ричарду, — она пожала плечами. — И в этом его ценность, несмотря на то, будут ли у моей семьи деньги или нет.

Самюэль Ти. мотнул головой, словно она его ударила.

— По крайней мере, ты даже не пытаешься притворяться, что любишь его.

— Браки строились и на гораздо меньшем. В моей семье существует прекрасная традиция выходить замуж за достойных кандидатов. Не врачей или юристов. А людей, имеющих реальные деньги.

— Мне следовало знать, что рано или поздно ты это скажешь, — выругавшись, он холодно улыбнулся. — Ты никогда не разочаруешь меня. Получай удовольствие трахаясь со своим мужем, думаю, когда ты лежишь на спине, думаешь об Англии. Или Бергдорфе?

Она вскинула подбородок.

— Он относится ко мне прекрасно.

— Ты явно выиграла, выбрав его, — адвокат что-то пробурчал себе под нос. — Ну, я

оставлю тебя. Мои соболезнования по поводу потери отца.

— Для меня это не потеря.

— Похоже ты не испытываешь угрызений совести, да?

— Поаккуратней, Самюэль Ти. твоя стервозность показывает скрытую слабость. Ты уверен, что не ревнуешь меня к мужчине, который выше по статусу тебя?

— Нет, мне его жаль. Самое большое проклятие любить такую женщину, как ты. Этот бедолага еще не знает, что он приобрел.

Он отвернулся от нее и в порыве эмоций она крикнула:

— Самюэль.

Он медленно развернулся к ней назад.

— Да.

«Если бы ты тогда не отказал мне, — подумала она. — Если бы ты был тем, к кому я могла бы обратиться за помощью».

— Не заходи в дом с сигарой. В гостиной сидит моя мать, она не любит, когда курят.

Самюэль Ти. взглянул на тлеющий конец сигары.

— Хорошо, конечно.

И... ушел.

По какой-то причине, ноги Джин подкосились, она еле добралась до одного из кресел Брауна Джордана, выстроившихся вдоль длинной стороны бассейна. Она почти упала в кресло, ей пришлось снова снять свой короткий пиджак.

Она не могла вдохнуть, поэтому сняла этот чертовый шарф. Ее шея болела, особенно с правой стороны, где были ужасные синяки все в кровоподтеках.

Йоговское дыхание... на три... ей всего лишь нужно глубоко вздохнуть...

— Джин?

Она повернула голову и увидела... невесту Лейна... Господи, только не это.

— Да, — хрипло с трудом произнесла она.

— С тобой все в порядке?

— Конечно, я в порядке, — отрезала она. Но не смогла не произнести это с сарказмом. — ...Просто все отлично.

— Хорошо. Но погода меняется, надвигается гроза.

— Да? — Боже, она ощущала, словно свалилась в бассейн и тонула. — Мне казалось, что сегодня солнечный... или.

— Я пойду принесу воды. Оставайся здесь.

Джин собралась спорить, но ее язык распух во рту, и голова не на шутку стала кружиться.

Лиззи вернулась, принесла лимонад в высоком стакане.

— Выпей.

Джин протянула руку, но она так сильно дрожала, что она была не в состоянии скрыть эту дрожь.

— Давай... я помогу тебе.

Лиззи поднесла стакан к ее губам, Джин сделала глоток. Потом другой. Затем третий.

— Не волнуйся, — произнесла невеста Лейна. — Я никому не скажу.

— Спасибо, — промямлила Джин. — Я высоко ценю это.

Эдвард мог бы вот так, просто стоять и смотреть на Саттон и мать, сидящих вместе на шелковом диване. Вопреки остывшим отношениям Лейна с матерью, вернее с женщиной, которая родила их всех, разглядывая, как мать оказывала гостеприимство, Эдварда это развлекало, несмотря на горечь события, его отношения с матерью было более лучшими... в основном, потому что он тесно работал с отцом и вынужден был проявлять свое уважение к маленькой В.Э. перед всеми.

Почему бы не найти облегчения на дне бутылочек с таблетками?

Особенно если тебя обманули, высмеяли перед всеми и стали относиться, как к вазе Тиффани, в своем собственном доме.

А сейчас казалось, что его сестра Джина, попала в такую же ловушку с Пфордом.

Саттон, совсем другая... Саттон никогда не сделает ничего подобного, никогда не пойдет на брак по расчету, чтобы вести определенный образ жизни. По существу, ей даже не нужен мужчина, который смог бы ее обеспечивать. Ее план жизни? Она собирается управлять мульти-национальной корпорацией, стоять во главе...

Словно она почувствовала, что он думал о ней, и ее глаза метнулись в его сторону, а потом посмотрела на его мать.

Но его глаза не оставляли Саттон, задержавшись на ее волосах, спустившись по лицу, а потом перейдя к шее. Он заметил ее серьги — большие жемчужины, обрамленные бриллиантами, и в этот момент задался вопросом, не Дерьмовый ли Дагни купил ей их. Ей очень шел бледно-синий костюм, но эти жемчуга не подходили.

Ей лучше бы пошли рубины.

Его рубины.

И не важно, были на ней надеты драгоценности Востока или из Бирмы, от достойного жениха или плохого бывшего парня, она все еще была впечатляюще красива — новый генеральный директор корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон». И все же она по-прежнему была сама грация и изящество и в ней виделся класс, как она говорила, как держалась, разговаривая с его матерью, бедной потерянной душой. Когда она завершит свой визит, вернется в лимузин в своем костюме, отбрасывающем лунный свет на заснеженные просторы, с подаренными жемчугами, он надеялся, что не губернатором, оперативно проведет совещание со своими топ-менеджерами, руководителями отделов продаж, возможно, японскими инвесторами, чье щедрое предложение по выкупу компании, отвергнет своим очаровательным, но совершенно однозначным, «нет».

Да, он слышал по радио, что она взяла на себя бразды правления семейного бизнеса. Бизнес не мог оказаться в лучших руках...

Эдвард почувствовал, что к нему подошел мужчина, он взглянул на него краем глаза... и, несмотря на запущенную бороду и помятую одежду, признал в нем своего брата Максвелла, которого он узнал бы везде.

— Эдвард, — удивленно произнес парень.

— Макс, ты хорошо выглядишь, как обычно, — сухо ответил Эдвард. — Но ты должен меня извинить, должен идти.

— Передавай от меня привет Мое.

— Конечно.

Обойдя своего брата, он захромал вперед, входя в гостиную. Ему показалось слишком грубым, несмотря на то, что он стал ужасным засранцем, молча уйти, не обмолвившись со своей матерью хотя бы парой слов.

Честно, он понятия не имел, что сказать.

Приближаясь к дивану, первой на него подняла глаза Саттон. Потом мать перевела на него взгляд.

Пока он пытался подыскать нужные слова, маленькая В.Э. улыбнулась ему своей прекрасной улыбкой, как дамы на портрете Томаса Салли.

— Как мило, что сотрудники тоже приходят, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Как твое имя, сынок?

Саттон залилась румянцем, Эдвард склонил голову.

— Эд, мэм. Мое имя.

— Эд? О, у меня сын, его тоже зовут Эдвард, — ее рука качнулась в сторону Лейна, и Господи, Лейн готов был провалиться сквозь землю. — А где ты работаешь в поместье?

— На конюшнях, мэм.

Ее глаза были такими же голубыми, как и у него, и такими же прекрасными, как утреннее небо в июльский солнечный день. Они также были с поволокой, как оконное стекло морозным утром.

— Мой отец любил своих лошадей. Когда он попал в рай, там безусловно окружают его множество чистокровок, устраивая скачки.

— Безусловно. Мои соболезнования, мэм.

Отвернувшись, он начал медленно передвигаться на выход из гостиной, когда услышал ее слова:

— Ой, бедняга такой калека. Мой отец всегда пригревал бедных и несчастных.

Эдварду потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он вышел через главные парадные двери вместо того, чтобы вернуться на кухню и выйти через задний вход, где он оставил грузовик Шелби, но он шел как в тумане.

На самом деле, он остановился, перед тем как спуститься по лестнице Истерли, всматриваясь в удивительно красивый вид на реку внизу, которым он пренебрегал все время, пока жил в особняке — в детстве, в юности, и даже спустя годы, когда возглавлял бизнес.

И несмотря на то, что он всматривался перед собой в открывающийся вид, его не особо поражала красота природы или вдохновляющая широта пейзажа, или грусть, что он не видел ее долгие годы. Нет, его больше заботила его мать, которая полагала, что он был простым конюхом, и она бы не одобрила, что он вышел через главные двери. Сотрудникам разрешалось пользоваться только определенные предписанные выходы и входы, находящиеся в задней части дома.

Он же вышел через главные двери.

Его ноги задрожали, стоило ему сделать шаг вниз по ступенькам. Потом другой. И, наконец, последний, ступив на брусчатку и круговую парковку перед домом.

С трудом передвигая себя вперед, он обходил большой белый особняк, держа направление к задней части, к чужому грузовичку, который ему дали в аренду из-за отзывчивости, как к члену семьи.

Или, по крайней мере, из-за желания помочь члену семьи...

— Эдвард... Эдвард!

«Конечно», — подумал он, продолжая хромать вперед. Естественно, просто так уйти он

не мог.

Саттон легко догнала его. Она схватила его за руку, он все равно хотел двигаться вперед, но ноги сами собой остановились: как всегда, его тело было подвластно ей, исключая его самого. И о, было видно, что она очень расстроена, дыхание было учащенным, хотя она проделала всего лишь короткий путь, а глаза были просто огромными.

— Она не узнала тебя, — сказала Саттон. — Она просто... не узнала тебя.

Боже, она была настолько прекрасной. Ее красные губы. Темные волосы. Высокая, статная. Он знал ее уже очень давно, долго мечтая о ней, и думал, что уже не сможет восхищаться ею, что ее красота больше не будет так на него воздействовать. Но нет, видно это был не тот случай.

Его фантазии о ней заставляли его двигаться вперед. То, что произошло в поместье... он еще долго будет вспоминать об этом.

— Эдвард..., — ее голос дрогнул, он ощутил боль, которую она чувствовала к нему, словно это была его собственная боль. — Эдвард, прости.

Прикрыв глаза, он резко рассмеялся.

— Ты хоть представляешь, как сильно мне нравится, когда ты произносишь мое имя? Мое имя своими губами? На самом деле, это довольно печально.

Когда он вновь открыл глаза, она в шоке смотрела на него.

— Я не в своем уме, — услышал он свои слова. — В данный момент.

Он ощущал себя так, словно у него в голове был темный чердак, с полок которого валялись разные вещи, кувыркаясь и переворачиваясь, ударяясь об пол и рассыпаясь на множество осколков.

— Прости? — прошептала она. — Что?

Взяв ее за руку, он сказал:

— Пойдем со мной.

С колотящимся сердцем, Саттон последовала за Эдвардом, пока он хромя вел ее вперед. Она хотела спросить, куда они идут, но выражение его лица, заставляло ее следовать за ним молча. Да, на самом деле, ее не волновало. Будь то гараж. Поле или берег реки.

Она готова была идти за ним в любое место. Хотя это было безумием.

Его действия не вызывали... сомнений у нее.

Как обычно.

Они подошли к задней части дома, когда он распахнул двойные двери, несколько официантов слонялись по кухне, ослабив свои галстуки, были видны зажженные сигареты, а также составленные друг на друга переносные холодильники со льдом с красной эмблемой U of C, ожидали, когда их погрузят в грузовик Форд.

Эдвард обошел официантов и направился в бизнес-центр.

Перед зданием было пусто, не было всевозможных марок дорогостоящих припаркованных машин перед фасадом. Окна были темными, возможно потому, что шторы задернуты. Но никто не входил и не выходил из бизнес-центра.

И у него не возникло проблем, чтобы попасть внутрь, как только он подошел к двери и нажал код.

Внутри воздух был прохладным и сухим, темнота вокруг, если учесть, что потолки были относительно низкими, Саттон подумала, будто попала в пещеру... очень хорошую пещеру с мягким ковром, картинами на стенах, полностью оборудованной кухней, она слышала об этой кухне, но лично никогда не пробовала то, что на ней готовилось.

— Что мы здесь делаем? — спросила она, двигаясь за его спиной, когда он продолжал прихрамывая, вести ее вперед.

Он ничего не ответил. Ввел ее в конференц-зал... и закрыл дверь.

Запер.

Комната освещалась по углам лишь тусклыми лампочками аварийного освещения, королевские синие шторы плотно задернуты, словно были застегнуты на молнию, отчетливо виднелась глянцевая поверхность стола, на которой в центре стояла какая-то цветочная композиция.

Вокруг этого огромного стола стояло двенадцать кожаных кресел.

Он отодвинул кресло, стоящее во главе стола, в сторону, а затем повернулся к ней. Придвинулся ближе, осматривая ее с головы до ног.

У нее перехватило дыхание, она даже почувствовала, как ее легкие сжались, теперь она точно поняла, зачем он привел ее сюда... и она также поняла, что не собирается ему отказывать.

Наверное, это было бессмысленно. Но она была в отчаянии, так же как и он, и видно иногда отчаяние перевешивает логику и инстинкт самосохранения.

— Я хочу тебя, — произнес он, пока его глаза с жадностью бродили по ее телу. — И я бы сказал, что ты нужна мне, но эти слова слишком сильно пугают меня, чтобы я мог произнести их вслух. Упс.

Она потянулась к нему. Или, возможно, он потянулся к ней, она не могла точно сказать.

И Боже, как он ее поцеловал, голодным и требовательным поцелуем, одной рукой поддерживая ее затылок, другой — обхватив за талию. Он заставил ее немного отклониться назад, подведя к столу, в который она уперлась задницей.

— Можешь сесть на стол? — простонал он ей в рот. — Я не смогу поднять тебя.

Типичный Брэдфорд, все лучшее из лучшего, и хотя у нее был нормальный вес, ее совершенно не волновал стол, на который она уселась.

Эдвард все выше и выше поднимал ее юбку, целуя ее еще сильнее. Он провел руками по ее бедрам, потом его пальцы дотронулись до ее блузки, потянули, снимая пиджак от Armani. Она единственная из всех женщин, которых он знал, не носила шиньон.

Ловко он расстегивал пуговицы на ее блузке, обнажая ее грудь, открыв кружевные чашечки бюстгалтера, приподняв его вверх, он наклонился, опалив ее своим жарким дыханием. Она растекалась под ним, упав на гладкий стол, он последовал за ней, накрыв ее своим телом.

Его руки кружили по ее телу, обхватив ее грудь, бедра терлись о бедра, она чувствовала его эрекцию, не уверенная, снял ли он брюки. Ее юбка была на ней не долго, Эдвард воспользовался, как только она выгнулась и потянулась к его рту, опустив молнию, спуская ее вниз.

Ее чулки последовали за юбкой.

Туда же и ее трусики.

А затем его рот оставил ее грудь... и опустился ниже.

Оргазм был настолько сильным, что она стукнулась головой о стол, но ее это мало волновало. Она попыталась руками вцепиться в полированное дерево, которое скользило под ладонями, пока она выкрикивала его имя.

Никто не слышал ее криков. Никто.

После того, как весь длинный рабочий день она выполняла роль генерального

директора в штаб-квартире, после того, как она решительно спрятала все свое дочернее беспокойство, проявив полную профессиональность, она хотела и нуждалась... после того, как столько времени она отрицала свои чувства к Эдварду... сейчас она не собиралась ничего скрывать.

— О, Боже... смотрю на тебя...

Она подняла голову на его слова. Он смотрел на нее желанными глазами, скрестив руки на груди.

И словно он точно понял, чего она хочет, он с быстрой стал сдергиваться с себя штаны хаки.

Она вцепилась в его рубашку, потянув и теребя...

— Нет, пусть она останется.

Она хотела поспорить с ним. Но почувствовала его головку у своего входа, он не сводил с нее глаз... а затем вошел внутрь.

Саттон вскрикнула, Эдвард склонился над ней, секс был быстрым и каким-то неистовым, ее тело скользило по столу, угрожая сползти вниз. Она обхватила его талию ногами и соединила щиколотки в замок, удерживая их двоих на месте.

Ей совершенно не нравилась рубашка, которую он оставил на себе. Она ненавидела саму причину, почему он ее не снял. Ей хотелось, чтобы он также был свободен, как и она.

Но она была рада тому, что он давал ей. И она не стала просить его о большем.

Вскоре Эдварда накрыл мощный оргазм, его дыхание ей на ухо стало слишком резким, он пару раз выругался, стискивая ее в своих объятиях и бормоча ее имя, помогая ей найти еще одно освобождение.

Казалось, прошла вечность, по крайней мере, достаточно долго, прежде чем он пришел в себя.

И впервые с тех пор, как он взял ее за руку и повел в бизнес-центр, она вспомнила, что он был не так силен, как когда-то.

Он просто рухнул на нее, и она поняла, как он похудел, и его дыхание еще долго не могло прийти в норму.

Расцепив ноги, она обхватила его руками и прижала к себе, закрыв глаза.

И она ощущала сейчас, словно это была самая естественная вещь в мире, словно они, наконец, открыли друг другу свои сердца, несмотря на то, что продолжали держать свои рты на замке: это настолько было хорошо, настолько казалось правильным, а не какой-то тайной ошибкой, но рано или поздно, она оденет на себя свою оборонительную маску вместе со своей одеждой...

Он что-то прошептал ей на ухо, она не расслышала.

— Что? — переспросила она.

— Ничего.

Поцелуем Эдвард остановил ее расспросы. И толкнулся внутри нее, он по-прежнему был твердым, его бедра все еще с силой двигались, он все еще нуждался в ней.

Не понятно почему, но у нее на глазах навернулись слезы.

— Почему это выглядит так, будто ты прощаешься со мной?

— Шшшш..., — сказал он, целуя ее.

— Моя машина никогда не глохла. Никогда не ломалась, — сказала Бет.

Начался дождь, и крупные капли упали Маку на спину пиджака, когда он открыл капот, чтобы взглянуть на шипящий двигатель.

— Все в порядке, — ответил он. — Такие вещи случаются. Сделай мой день лучше и скажи, что у тебя есть бутылка с водой.

— Думаю, да... сейчас.

Махая руками, он попытался развеять облако горячего дыма с запахом масла, и в этот момент послышался раскат грома, который прокатился по небу, как мяч для боулинга.

— Вот, — произнесла Бет, протягивая ему бутылку.

Сняв пиджак, он прикрыл свою руку рукавом и нагнулся к радиатору.

— Отойди подальше.

— Нет, стой! Ты испортишь свой...

Стоило ему повернуть крышку, давление возросло, и пар, как острое бритвы, обжег ему руку.

— Черт!

— Мак, ты с ума сошел?

Пытаясь оставаться мужчиной, несмотря на свою глупость, он отбросил свой чертовый пиджак и замахал рукой.

— Дай мне воды, — сжав зубы, проскрипел он, у него двоилось в глазах от боли.

Вспышка молнии осветила двигатель под капотом, грянул гром, последовавший в ту же секунду, что возвещало о надвигающейся грозе.

— Садись в машину.

— А что с твоей рукой?

— Мы посмотрим, когда боль утихнет, не ожог ли это. Давай.

Поток дождя прервал ее, Бет обежала вокруг машины и опять села за руль. Порыв ветра с мокрым дождем нес холод, который омывал и охлаждал двигатель. И знаешь, это было самое лучшее охлаждение радиатора, самая лучшая из катастроф, поэтому он закрыл капот и направился обратно в машину.

— Ну, это было весело, — он дернул дверь со своей стороны и залез внутрь, откинув мокрые волосы назад. — Не хочешь проверить зажигание?

— Как твоя рука?

— По-прежнему при мне. Давай посмотрим, сможем ли мы поехать.

Бэт что-то бормоча себе под нос и качая головой, повернула ключ.

— Я ничего не знаю о машинах, и после случившегося, я реально понимаю, что совсем не разбираюсь в машинах.

Но двигатель заурчал как чемпион, она оглянулась на него с улыбкой, Мак почти забыл про боль в руке.

— Не слишком впечатляет, — выпятив грудь, произнес он. — Все мужчины с именами Мак или Джо узаконено обязаны исправлять такие ситуации.

К сожалению, работающий двигатель не решал проблемы. Поскольку дождь барабанил по лобовому стеклу, молнии устроили дискотеку на небе, боль от ожога вернулась, и он выругался, боясь взглянуть на повреждение.

Стиснув зубы, он начал стягивать с себя галстук, чувствуя подкатывающую тошноту.

— Мне кажется, нам следует поехать в травпункт, — сказала она. — Давай, я посмотрю насколько все плохо.

Единственное, что он мог сделать, это попытаться стянуть с себя галстук, Бэт оттолкнула его руки.

— Я помогу тебе.

Узел галстука ослаб под ее ловкими пальцами, а потом он отклонил голову назад, чтобы она смогла расстегнуть верхнюю пуговицу у воротника.

Со своего места он видел ее в зеркало заднего вида — ее брови были сведены, губы приоткрыты.

Он стал жестким.

Он не хотел этого. Не хотел. Он был адски уверен, что сейчас не собирался решать проблему ниже пояса. Но именно в данную минуту он выглядел, как подросток средней школы, не в состоянии решить эту кошмарную математическую задачу.

Парень, поездка становится все лучше, и один из нас долбится от миллиона джоулей пробудившегося желания.

Рывком он опустил руку вниз, убедившись, что его пиджак прикрывал колени, а Бет тем временем работала над его рубашкой, вытаскивая концы. Что означало, что он предстанет перед ней в натуральном виде.

Ну, по крайней мере, он знал одно — его нельзя было сравнить с Фредди Крюгером.

— Я сам, — хрипло произнес он.

— Ты не сможешь со своей рукой. Наклонись ко мне.

Мак медленно переместился с заднего сиденья, приближаясь к ней. Она что-то говорила, Бог его знает что, как будто ничего особенного не происходило... пока снимала с него рубашку, оголяя грудь и плечи.

— ...масло, знаешь? Прямо из холодильника. Если бы я этого не сделала, то ожог у меня на шеи был бы обязательно, но я чувствовала запах, словно вылила на себя духи, и пошла на танцы. Мальчики были без ума от меня.

«Смейся, идиот», — приказал он себе.

— Забавно, — сказал он.

— О... Мак.

Она посмотрела вниз и покачала головой, он решил, что она заметила его эрекцию, но нет, его мокрый пиджак все еще лежал у него на коленях.

На самом деле, ей удалось полностью снять рубашку, открыв место ожога, и сейчас она увидела то, что он называл «все нормально». Выглядело ужасно, и это уже было не смешно.

— Тебе необходим врач, — сказала она, рассматривая ужасный красный ожог у него на коже.

— Все нормально.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет артериального кровотечения, поэтому не стоит ехать в больницу, не так ли?

И она подняла на него глаза.

И замерла... словно точно поняла, где витали его мысли... и конечно же, они не думали об ожоге, а тем более о враче.

Она изображала медсестру, при этом ее пациент наполовину голым сидел напротив.

Черт побери, он был настоящей свиньей.

— Со мной все в порядке, — снова произнес он, сосредоточившись на ее губах, которые он так хотел попробовать на вкус.

Ее глаза медленно опустились ему на грудь, он был рад, что никогда не увиливал от физического труда. Кроме этого, он играл в баскетбольной лиги, дважды в неделю, тренировки были изматывающими. И он мог до сих пор отжиматься, взяв свой двойной вес, причем легко.

Она прочистила горло и отодвинулась.

— Ах... что насчет больницы?

— Я в порядке, — его голос был настолько низким, что напоминал шорох гравия на дорожках. Куда делись все его слова? — Не беспокойся об этом.

Она положила руки на руль и уставилась в лобовое стекло, как будто не могла вспомнить, почему они здесь. Или, как они оказались вместе в машине и что здесь делали.

— Нет, — произнесла, заведя двигатель. — Я отвезу тебя в травмпункт. Напиши, если считаешь нужным, но мы не поедem в поместье.

— Ты можешь остановиться в одном из коттеджей.

Сказал Лейн Макс, снимая галстук и запихивая его в боковой карман пиджака. Холл был пуст, как собственно и в течение всего дня.

Когда брат не ответил, Лейн воспринял это как «иди на х*й!»

— Давай, что ты надумал? Я слышал от Лиззи, что второй коттедж от конца открыт. Ключ под ковриком у входной двери.

Он не был уверен, услышал ли его Макс или нет. Парень заворуженно смотрел через арку в гостиную на портрет Ильи Брэдфорда.

Раздался треск, сверкнула молния, прокатился гром по небу через открытую входную дверь, и казалось, словно это стихийное бедствие готово было ворваться внутрь. Хотя в этом доме уже в течение нескольких недель итак гремел гром и летали молнии.

— Макс? — произнес Лейн.

— Прости. Да, я останусь в коттедже, — он взглянул на брата. — Эдвард...

— Да.

— Я читал в газетах... но в статьях почти не было его фотографий.

— Он стал совсем другим.

— Я еще не привык к нему.

Телефон Лейна в нагрудном кармане завибрировал, он достал его и совсем не удивился пришедшей смс-ки — самолету Джона Ленге не дали посадку из-за плохой погоды. Вот и отлично. Лейн чувствовал себя истощенным и совершенно не был готов к эпической игре в покер в данный момент.

Прежде чем он успел его засунуть обратно в карман, пришла еще одна смс-ка, но, экран моргнул, выключился и стал перезагружаться, словно гроза ударила в вышку сотовой связи. Мак написал, что не может доехать из-за проблемы с машиной.

«Ты не много потерял», — подумал Лейн о своем давнем приятеле.

— Ты хочешь есть? — спросил он Макса.

— Я поел прежде, чем прийти сюда.

— Сколько ты собираешься пробыть?

— Не знаю. Сколько смогу выдержать.

— В таком случае, мы можем попрощаться сейчас, — сухо произнес Лейн.

Забавно, его брат, выглядевший в данный момент как бурильщик с нефтяной вышки, за

плечами имел Йельский университет. Это еще раз служило доказательством того, что не стоит судить по обложке и все в таком же духе... хотя может парень употребил такое количество наркоты, что все высшее образование выветрилось из его головы, а серое вещество просто покрылось ржавчиной.

— Знаешь..., — Макс откашлялся. — Я не могу сказать, почему я вернулся.

— Ну, тогда тебе мой совет. Выяснить это, прежде чем уехать. Это будет более эффективно. Да и загляни к мисс Авроре, ладно? Она захочет тебя увидеть.

— Хорошо. Я знаю, что она больна.

На долю секунды, был поднят флаг примирения, и Лейн выпустил из внимания предупреждающие знаки или инстинкты, или что там еще это было. Вспышка чего-то серебряного попала ему на глаза через открытые главные входные двери. Это была Саттон Смайт, шагающая под дождем, ее прическа была испорчена, костюм превратился в мокрую тряпку, а ее дорогие туфли на высоких каблуках шлепали по лужам. Но она шла очень медленно, словно не знала пути, и двигалась на ощупь в сумерках летней ночи.

— Саттон! — прокричал Лэйн, бросившись к выходу. — Дать тебе зонтик?

Дебильный вопрос. Она уже вся промокла.

Она испуганно дернулась и повернулась к нему, и ему показалось, что только сейчас поняла, где находится.

— Ах, нет, спасибо. Благодарю тебе. Мои соболезнования.

Как только ее увидел шофер в СБЗ, он выскочил из машины, бросившись к ней. Потом вернулся и достал зонтик.

— Мисс Смайт!

— Со мной все хорошо, — произнесла она, как только он подбежал к ней. — Все в порядке.

Она проскользнула на заднее сиденье автомобиля, «Мерседес» рванул вниз с холма Истерли, а Лейн стоял у входа в особняк и провожал его взглядом, пока дыхание грозы ударяло в него своими мокрыми поцелуями. Когда он, наконец, вошел в холл, Макс ушел, забрав с собой свою странную потертую сумку.

Без сомнения, он направился на кухню.

Засунув руки в карманы брюк, Лейн оглядел пустые комнаты. Официанты убрали бар, вернув мебель на место. Его мать ушла к себе наверх, и он задался вопросом, когда в следующий раз, если такое вообще произойдет, она спустится вниз. Лиззи тоже куда-то пропала, скорее всего, занимается упаковкой и отправкой арендованных скатертей, салфеток, бокалов и что еще там...

Эдвард? Он должно быть тоже ушел.

Вокруг него в особняке было тихо, только завывал ветер и бился о самую высокую точку Чарлмонта, сверкали смертоносные молнии, а гром раскатывался над крышей, словно сыпя проклятия.

Он вспомнил Саттон, шедшую под дождем, и вышел за дверь, подняв лицо, разверзшейся на небе ярости. Капли дождя были холодными, они обжигали ему кожу, особенно больно ударял град. Порывы ветра бились в его тело. Мощь стихийного бедствия набирала силу, гроза перерастала в очень быстро надвигающийся шторм.

Его одежда промокла, стала тяжелой, потянув его как бы вниз, и он вспомнил свое падение с моста. Жалящая боль в глазах заставила его моргнуть, и чувство, что он падает вниз в реку, которая сейчас казалась так близко, достаточно было протянуть руку.

Но он отчетливо понял, что удерживало его в вертикальном положении, мощь, которая давала ему силы, исходившая изнутри.

Истерли выдержит этот натиск... значит и он тоже.

Когда Эдвард вернулся в конюшни Red & Black, он припарковал грузовик Шелби перед сторожкой, выключил двигатель и вытащил ключи из замка зажигания. Но он не стал выходить, и не из-за того, что за окном был настоящий ураган.

Капли дождя барабанили по лобовому стеклу, словно Бог разгневался на него, но он не мог выбросить образ Саттон, лежащей на столе, ее восхитительное обнаженное тело, ее ахи и стоны, все эти образы проплывали перед ним, он фактически не замечал урагана, свирепствующего за окном.

Всматриваясь через ливень в коттедж, он знал, что Шелби ждет его там. С ужином. И бутылкой водки. Когда он выпьет и поест, они отправятся в спальню и лягут бок о бок в постель, погружаясь в темноту, он заснет, она же... ну, он не знал, спала ли она или нет.

Он никогда не спрашивал.

Положив ключ под козырек от солнца, он вышел из машины, с усилием толкнув себя вперед ветру с сильным дождем. Взмахнув широко рукой, ему не хотелось заходить внутрь коттеджа. Но оставаться здесь...

Моментально он забыл обо всем.

В конюшне В явно был какой-то переполох, поскольку в сарае горела вся иллюминация, во-первых, это было большой редкостью. Но больше всего его тревожила внутри толпа, которую он разглядел через открытые двери.

Оттолкнувшись от грузовика, Эдвард заковылял в сторону конюшни и фактически тотчас же услышал ржание лошади.

Вернее, одного конкретного жеребца.

Когда он добрался до ближайшей двери, еще быстрее заковыляв внутрь, насколько только мог, минуя складское помещение, где лежал овес и все возможная упряжь, толкая себя вперед в собравшуюся толпу и пробираясь вперед, как только остановился, готовый заорать что есть мочи...

— *Какого черта ты делаешь?* — крикнул он, пытаясь перекрыть крики и вопли окружающих.

Небеканзер был чем-то напуган, поэтому брыкался и дергался, выбивая задними копытами, пытаясь открыть нижнюю дверцу своего стойла. Шелби (словно полностью сошла с ума) сидела сверху на решетке, которая до сих пор была еще на месте, и пыталась поймать его за уздечку.

Конюхи, а также Мое и Джоуи находились рядом, но их разделяла решетка, и, о Боже, она наклонилась к жеребцу, скрежещему зубами и брыкающемуся головой, он мог легко в таком положении опрокинуть ее на землю, и она ударилась бы головой, которая треснула бы как арбуз, стукнувшись о цементный пол, если бы Шелби передвинулась в одну сторону... или он затоптал бы ее копытами, если бы она передвинулась в другую.

Эдвард заковылял вперед, не осознавая, что делает, но решение появилось само собой, хотя Джоуи был ближе, сильнее и моложе, чем он. Но когда он вплотную подошел к решетке, то...

Шелби удалось ухватиться за уздечку жеребца.

И пока она внимательно смотрела на коня, установив зрительный контакт, ей также удавалось сохранять равновесие, сидя наверху, сжав бедра и удерживаясь ногами, хотя она и

согнулась вниз, дую жеребцу на ноздри. Это дало возможность конюхам открыть полуразрушенную дверь в стойло и медленно войти во внутрь, чтобы деревянные щепки не поранили Неба, заменив их на прочные нейлоновые тросы. В тот же миг Шелби протянула руку и один из мужчин вложил упряжь для лошади в нее.

Ей понадобилось доля секунды, чтобы это хитроумное устройство водрузить ему на морду, опустив кожаные ремни под глазами Неба и закрепив под шеей.

Она не переставая дула в возбужденные ноздри жеребца, пытаясь его успокоить, его родовитые взбудораженные бока начали судорожно сокращаться, частично соединенные с брюхом, прокачивая кровь туда-сюда... и даже его сильные подкованные копыта стали медленнее перебирать по опилкам.

Шелби с грацией гимнастки спустилась вниз. Нырнув в стойло.

И Эдвард поймал себя на мысли, что впервые с тех пор, как он был похищен, он пребывал в полном ужасе сейчас.

Одно из немногих правил, которое он сказал неукоснительно выполнять дочери Джеба Лэндиса, когда она только начала на него работать здесь, было таким же, как и для всех, кто работал в конюшнях Red & Black — никто не должен и близко подходить к Небу, только Эдвард.

В данный момент она находилась именно рядом с Небом, весом сто пятьдесят пять футов, в замкнутом пространстве с этим убийцей.

Эдвард попятился, замороженно наблюдая, как она гладила жеребца по шею, разговаривая с ним. Она явно не была тупой. Она медленно протянула руку и открыла ближайшую к ней защелку на решетке. Если Неб снова встанет на дыбы, она сможет в мгновение ока выскользнуть.

Словно почувствовав его мысли, Шелби взглянула на Эдварда. Ее взгляд был чистым и открытым, вины в нем не было и в помине. А также не было и хвастовства.

Если честно, она спасла коня, который мог тяжело пораниться или даже погибнуть, в первом случае, убив себя для профессиональной карьеры и участия в бегах, Шелби подвергла себя риску. Неб мог напороться артерией на торчащие острые щепки двери, и это было бы для него ужасно больно.

Сейчас она и Неб вместе выглядели прекрасно, также, что она проделала.

И Эдвард был не единственным, кто обратил на это внимание.

Джоуи, сын Мое, стоял немного в отделении, не спуская с Шелби глаз, с таким выражением, словно регрессировал из двадцатилетнего назад в шестнадцатилетнего парня... Шелби, однозначно, сейчас была «королевой бала», с которой он очень хотел станцевать.

И это являлось доказательством того, что мы не всегда чувствуем тот возраст, в котором находимся в данный момент.

А Эдвард не особо ценил любой свой возраст. Он нахмурился, поскольку был поражен почти непреодолимым желанием встать между Джоуи и Шелби, загородив ее от него. Он захотел стать рекламным щитом «РУКИ ПРОЧЬ!». Живым, дышащим ленточным ограждением, предупредительным сигналом сирены.

Но его защитный инстинкт, уходил корнями в заботу большого, старшего брата, присматривающим за своей младшей сестрой.

Саттон еще раз доказала ему самым естественным способом, что она навсегда останется единственной для него женщиной.

На верхнем этаже особняка в спальне чертового предка Брэдфордов, Джефф нажимал

кнопку «Печать» и протянул руку к Brother machine. Картридж издавал ритмичное жужжание и спустя несколько мгновений на странице появились идеальные строчки чисел. Потом еще одна страница. И, наконец, заключительная.

На трех страницах слов было достаточно мало, в основном цифры, объясняющие исследования, которые он печатал на ноутбуке последние два часа.

Самым важным на листе был титул:

Краткий отчет ОПЕРАЦИОННОГО ДЕФИЦИТА КОМПАНИИ «БРЭДФОРД БУРБОН»

Джефф положил документ на стол, прямо на клавиатуру открытого ноутбука. Затем он посмотрел на разбросанные скомканные кучи бумажек, справок, отчетов, таблиц и диаграмм, заполонивших весь антикварный стол.

Да, он сделал свою работу.

Закончил.

По крайней мере ту часть, в которой он смог проследить, куда уходили дебиторские платежи и оборотный капитал.

На секунду он задумался, что... взял в руки отчет, и ввел пароль в ноут. А потом сменил его, выбрав свой. И на всю свою проделанную работу тоже поставил пароль, заблокировав ее от посторонних. А также отправил на свой личный электронный ящик копии документов своего отчета.

Вытащив флэшку, он засунул ее в карман брюк. Затем он сел в ногах разобранной постели. Он еще раз оглядел письменный стол и подумал... «Ага, все также, как и в его офисе на Манхеттене».

Но там он работал на крупные корпорации. Вместе с тысячами других «калькуляторов», Лейн правильно о нем тогда сказал.

Его упакованные чемоданы уже стояли у двери номера. Он пытался выловить необходимую для него информацию, на которую хотел получить ответы и фактически работал без остановок.

И эти чертовые ответы со стороны выглядели так, как будто они были смертельно ранены и истекали кровью на его одежду и туалетные принадлежности.

Раздался стук в дверь, он сказал:

— Войдите.

Типфании вошла, на ней были плотно облегающие джинсы, словно вторая кожа, топ... больше напоминал бикини. Волосы спадали вниз, она сделала макияж и выглядела молодой, сексуальной, радостной, в меру озорной, всем своим видом показывая, что была счастлива увидеть его.

— Поздравляю, — сказала она, закрыв и повернув замок входной двери. — И я рада, что ты написал мне, чтобы мы вместе отпраздновали это событие.

— Я рад, что ты здесь. — Он вернулся на кровать и кивнул на доклад. — Я работал в режиме нон-стоп. Странно ощущать, что как будто гора с плеч.

— Я прокралась по черной лестнице, — сказала она, поставив свою сумку на пол.

— Это что новый Луи? — протянул он, кивая на ее сумку.

— Это? — Она перевернула свою сумку задней стороной. — Да, на самом деле. У тебя хороший вкус. Я люблю городских мужчин.

— Город — это мой дом.

Типфании надула губки.

— Означает ли это, что ты скоро уедешь?

— Ты будешь скучать по мне?

Она подошла и растянулась на боку на кровати рядом с ним, отчего отчетливо показалась ее грудь. Без бюстгалтера. И было ясно, что она уже готова.

— Да, я буду по тебе скучать, — ответила она. — Но может, ты сможешь забрать меня с собой, чтобы я смогла там с тобой видеться?

— Возможно.

Джефф начал ее целовать и остановился только, когда она оказалась голой... потом стал раздеваться сам. Они действовали именно так сейчас, потому что он понял, что ей это нравилось. Он точно знал, что ему следует сделать, чтобы быстро возбудить ее. Тем более, что он сам уже был возбужден. Трудно было не быть. Хотя он реально смотрел на вещи, прекрасно понимая, почему она здесь и чего хочет получить от него, и как собирается его использовать... он был хорош с валютными операциями на бирже и всемоу знал свою цену.

Все-таки он был банкиром.

А что будет после того, как они проведут ночь? После того, как она пораньше с утра сбежит от него, чтобы успеть переодеться в униформу и сделать вид, что не была вчера с ним в постели? После этого он собирался сесть с Лейном и поговорить, предоставив ему полный отчет. Потому что перво-наперво ему стоило позаботиться о деле.

И пока он вбивался в Типфании, а она мурлыкала ему на ухо, он так и не принял решение, стоит ли принимать предложение Лейна или нет. Хотя Лейн казалось говорил вполне серьезно, и Джефф, на самом деле, уже знал компанию изнутри. Но имелся определенный риск. Может начаться федеральное расследование. А он никогда раньше не участвовал ни в одном расследовании и никогда не управлял подобной компанией.

Это был конфликт интересов, по правде говоря.

Следовало ли мне остаться или лучше уехать...

На следующее утро в девять часов появился детектив по расследованию убийств муниципальной полиции. Лейн спустился вниз, услышав звон латунного молотка, не обнаружив мистера Харриса, чтобы открыть дверь, он решил сделать это сам.

— Детектив Мерримак. Чем могу быть вам полезен?

— Мистер Болдвейн. У вас есть минутка?

Мерримак был одет в ту же форму, что и ранее: темные слаксы, белое поло с нашивкой эмблемы полиции и профессиональная улыбка. Его коротко подстриженные волосы были тщательно уложены и от него пахло хорошим одеколоном. Еле уловимый запах.

Лейн шагнул в сторону и предложил войти.

— Я хотел выпить кофе. Не хотите присоединиться ко мне?

— Я на работе.

— Мне казалось, что вам нельзя употреблять алкоголь, а не кофеин на работе?

Улыбка.

— Итак, куда мы можем пройти?

— Поговорим здесь. Учитывая, что вы отказались от утреннего кофе из «Старбакс» у меня на кухне. Что вам нужно? Если моя сестра Джин то, она не ранняя пташка, если хотите поговорить с ней, вам лучше прийти сюда после полудня.

Мерримак улыбнулся. Снова.

— На самом деле, меня интересуют ваши камеры наблюдения. — Он кивнул на еле выделяющиеся глазки на потолочной лепнине. — У вас же их много, насколько я знаю.

— Да, это большой дом.

— И они как снаружи, так и внутри вашего дома, верно?

— Да. — Лейн положил руки в карманы брюк, чтобы не очень был виден его Piaget или его манжеты с баттен-даун. — Вы ищете что-то конкретное?

Понятное дело.

— Что происходит с отснятым материалом? Куда он перезаписывается и где хранится?

— Вы имеете ввиду, можно ли его просмотреть?

— Вы угадали. — Улыбка. — Да я хотел бы.

Лейн не сразу ответил, улыбка детектива расплылась еще больше.

— Послушайте, мистер Болдвейн, я знаю, что вы хотите быть полезным следствию. Вы и ваша семья в ходе этого расследования все время готовы нам помочь, мои коллеги и я очень ценим это.

Лейн нахмурился.

— На самом деле, я не знаю, где хранится информация.

— Разве такое возможно? Вы что здесь не живете?

— И я вам больше скажу, даже не представляю, как можно добраться до пульта, на который стекается запись, я просто даже не знаю, где он находится.

— Покажите мне, где находятся ваши компьютеры, и я сам со всем справлюсь. — Последовала еще одна пауза. — Мистер Болдвейн? У вас есть какая-то особенная причина, почему вы не хотите мне показывать запись с камер безопасности, находящихся в вашем поместье?

— Я думаю, что для начала мне следует поговорить с моим адвокатом.

— Вас не подозревают. Вы не заинтересованный человек в смерти отца, мистер Болдвейн. Когда он был убит, вы находились в полицейском участке. — Мерримак пожал плечами. — Поэтому вам нечего скрывать.

— Я поговорю с вами позже. — Лейн вернулся к двери и настежь распахнул ее. — Теперь, если вы не возражаете, я отправлюсь завтракать.

Мерримак медленно направился к выходу.

— Я отправляюсь за ордером. И тогда я смогу просмотреть записи с ваших камер.

— И тогда для вас это не будет проблемой, если вы так сделаете.

Детектив шагнул за порог.

— Кого вы защищаете, мистер Болдвейн?

И когда Мерримак взглянул в лицо Лейна, он точно понял, кто беспокоил Лейна больше всего.

— Сегодня прекрасный день, — ответил Лейн, закрывая за полицейским с понимающей улыбкой дверь поместья Истерли.

Джин осмотрела свою шею в зеркало гардеробной и решила, что синяки стали не такими заметными, а если их немного замазать, то вообще никто не заметит.

— Марль. — Она села на мягкий стул, который использовала, чтобы начать накладывать макияж. — Где Тэмми? Я жду ее.

Ее апартаменты были оформлены в оттенках белого. Белые шелковые портьеры, украшенные белой лентой, свисали на старинных окнах. Белые стены переходили в такой же белый толстый ковер, как глазурь на торте, в спальню и в белый мрамор с золотыми прожилками в ванной комнате. Здесь была совершенно белая кровать, на которой было спать, как на облаке, и гардеробная с личным помещением, в которое нужно было пройти по белому ковровому покрытию, чтобы увидеть все ее наряды в гардеробной, а также здесь имелось зеркало. Освещение было за счет хрустальной люстры и таких же бра, которые висели, как серьги Гарри Уинстона, на ключевых точках... на новых, а не старых креплениях, искажая своим светом хрусталь бакара, находившийся ниже и в других местах.

Дальше имелись восточные предметы и ковры, никчемные, как и картины маслом, которые скорее напоминали темные пятна на стенах, чем произведения искусства.

— Мерль!

Это личное помещение было связующим между ее ванной комнатой и местом, где была развешена вся ее одежда, и она уже давно не пользовалась им, несмотря на то, что в его реконструкцию вложили четверть миллиона долларов. Здесь был реальный профессиональный парикмахерский салон, где можно было стричь, красить и мыть волосы, а также делать профессиональный макияж, способный конкурировать с бутиком «Шанель» в «Саксе» на Манхэттене, и множеством флаконов духов, лосьонов и еще чего-то, способного затмить даже goor.com.

И еще здесь же было длинное окно с видом на сад, позади дома, в случае, если ей вдруг захочется понаблюдать за садом днем. Или взглянуть на цветы, да все что угодно.

Постукивая ухоженными пальцами по хромированному подлокотнику, Джин крутилась на стуле, создавая направление своими босыми ногами.

— Мерль! Мы уезжаем через полчаса. Давай! Позвони ей!

— Да, мэм, — ее горничная засуетилась.

Тэмми была художник-гример в городе, и она всегда обслуживала Джин в первую очередь, по сравнению с другими клиентами по нескольким причинам: первая, Джин всегда

давала хорошие чаевые; во-вторых, Тэмми могла похвастаться, что делала макияж самой Джин; и третья причина, Джин передавала приглашения ей на всевозможные вечеринки, а также приглашала на приемы в Истерли, как гостью.

Пока Джин ждала, она осматривала свою коллекцию для макияжа, разложенную веером в профессионально установленном стенде — полный набор теней для век от МАС, румяна, словно детская площадка, всевозможных оттенков, стул и стол на роликах, позволяющий крутить и вертеть клиентку для выполнения косметических процедур, и щетки в таком количестве, что явно стоило иметь докторскую степень, чтобы работать ими. Перед ней было зеркало с двойным набором гримерных прожекторов по обе стороны, а сверху была линия еще одного освещения, которое меняло свой оттенок, в зависимости от того, что хотелось увидеть — красное, желтое или синие, или определенные оттенки цвета волос, или макияжа.

А прямо за ее спиной на хромированной вешалке висело ее «свадебное платье», выглядя при этом ужасно простым. Платье от Армани с асимметричным воротником, да оно было белое, потому что, черт побери, она все же была сегодня невестой.

А под ним выстроились в линию открытые босоножки от Стюарта Вайцмана.

А на выдвижной полке, на темно-синем бархате лежала коробочки от Тиффани с массивными четырьмя заколками арт деко по углам, которые ее бабушка получила в подарок, вступая в брак с Картиниусом Брэдфордом в 1926 году.

И сейчас Джин не могла решить, взять ли ей две заколки и поместить их, как у Бетти Дэвис, или она соединит их вместе с одной стороны, сделав эффектно выглядевший воротник.

— Мерль...

Она увидела в зеркало свою горничную, появившуюся в дверях, заметив, как дрожит ее рука с мобильным телефоном, и вся она дергалась, как мышь, словно попала в машиловку.

— Она не придет.

Джин медленно развернулась к ней.

— Прошу прощения.

Мерль протянула трубку телефона, словно это было доказательство.

— Я говорила с ней. Она сказала... не придет.

— Она сказала почему? — холодно спросила Джин, хотя и так уже знала ответ. — И по какой причине?

— Она не сказала.

Маленькая стерва.

— Хорошо, я сделаю этот чертовый макияж сама. Ты можешь идти.

Джин профессионально занялась макияжем, мысленно ведя разговор с Тэмми, раздражаясь все больше и больше, особенно, когда она представила, как говорит... что это за слово?... нерадивой, безответственной шлюхе, которая от нее не видела ничего, кроме хорошего за все эти годы... за все свои приезды к ней Тэмми была вознаграждена... черт побери круизом по Средиземному морю в прошлом году и ей пришлось поселить ее в роскошную бл*дь каюту, хотя эта сучка единственное, что умела делать накладывать тушь Джин на ресницы каждый день... ой, а горнолыжный курорт в Аспене? А теперь эта женщина решила не прийти...

После тридцатиминутного внутреннего монолога, раздражаясь все больше и больше, Джин была готова — с макияжем, в платье, с приколотой булавкой, ее волосы ниспадали на

плечи, босоножки придавали еще немного роста. Стол для макияжа выглядел не так прекрасно, как она. Щетки, тюбик с тушью и накладные ресницы были разбросаны повсюду. Палочки для теней превратились в полный бардак, как и карандаши для глаз. И ей удалось сломать компактную пудру телесного цвета, которая треснула и рассыпалась по всему столику на роликах.

Мерль все уберет.

Джин вышла в спальню, подхватила со своего бюро светлую стеганную сумку от Шанель, повесила на плечо и открыла дверь в коридор.

Ричард уже был там.

— Ты опоздала на шесть минут.

— Приятно, что ты следишь за временем. Поздравляю.

Она вскинула подбородок и подошла к нему и совсем не удивилась, когда он схватил ее за руку и дернул к себе.

— Не заставляй меня ждать.

— Знаешь, я слышала, что есть эффективные методы терапевтического лечения синдрома навязчивых состояний. Ты мог бы попробовать цианистый калий, например. Или болиголов... мне кажется, он есть у нас где-то в доме? Розалинда разгадала эту тайну за нас довольно легко...

Лиззи вышла из люкса Лейна, находившегося через две двери от люкса Джин. На ней была ее рабочая одежда — шорты цвета хаки и черное поло с эмблемой герба Истерли. Ее волосы были стянуты резинкой на затылке, макияж тоже отсутствовал, она с завистью взглянула на молодых.

— Доброе утро, — произнесла она приближаясь.

Она смотрела прямо перед собой, словно шла по улицам Нью-Йорка, решив не связываться в проблемы и не искать их на свою голову.

— Ты все еще на зарплате, — сказал Ричард, — или он урезал выплату по твоим чекам, поскольку ты не только приносишь цветы к нему в спальню?

Лиззи никак не отреагировала на его замечание.

— Джин, ты прекрасна, как всегда.

И она продолжила идти вперед, мимо них.

Когда Лиззи прошла, Джин прищурилась на Ричарда.

— Не разговаривай с ней подобным образом.

— Почему? Она не член семьи. И учитывая вашу ситуацию с деньгами, сокращение затрат — это очень мудрый ход.

— Ее не стоит обсуждать и критиковать. Оставь ее в покое. Итак, давай покончим с этим.

Лиззи подошла к главной лестнице и удивленно покачала головой. Джин... защищала ее. Кто бы мог подумать, что это когда-нибудь произойдет?

И нет, она не собиралась нестись в торговый центр, чтобы прикупить браслеты для них как пары, с надписью типа «Лучший друг на веки вечные любовницы». Отнюдь не нежная поддержка была намного проще в обращении, нежели совсем не нежные снисходительные насмешки ранее.

Через холл она направилась в сторону помещений для обслуживающего персонала. Пришло время сделать свежие букеты с поздними весенними цветами, тут не обойдешься без флориста, способного создавать что-то красивое, и это занятие заставляло ее почувствовать себя, что хотя бы таким образом она пыталась как-то улучшить положение семьи.

Даже, если она была единственной, кто замечал эти букеты.

Войдя в холл обслуживающего персонала, она направилась в сторону кабинета Розалинды и номера мистера Харриса...

Но она так и не дошла до кухни.

Возле двери дворецкого стояли чемоданы. Какие-то фотографии и книги лежали в коробке. На стойке висела куча костюмов в полиэтиленовых мешках.

Просунув голову в открытую дверь, она нахмурилась.

— Мистер Харрис?

Дворецкий показался из спальни. Даже в разгар сбора вещей на нем был одет один из его костюмов, волосы тщательно уложены, лицо гладко выбрито, и выглядело так, словно он нанес на него легкий слой тональной пудры.

— Добрый день, — произнес он.

— Вы куда-то собираетесь?

— Я принял другое предложение о работе.

— Что?

— Я уезжаю. Примерно через двадцать минут должно прийти такси.

— Постойте, вы не уведомили об этом работодателя?

— Мой чек сегодня утром банк не принял к оплате. Твой парень или кто он для вас, или его семья должны мне две тысячи девятьсот восемьдесят семь долларов и двадцать два цента. Я решил, что отказ в обналичивании чека для меня является основанием не соблюдать пункт в моем контракте, требующем уведомить своего работодателя.

Лиззи покачала головой.

— Вы не можете просто вот так взять и уйти.

— Почему не могу? Я хотел бы предложить вам последовать моему примеру, но вы, кажется, склонны остаться с этой семьей. По крайней мере, могу лишь догадываться, что эмоционально вы укоренились на должном уровне. В противном случае, ваша самоликвидация будет просто смехотворной.

Лиззи отвернулась, и мистер Харрис сказал:

— Передайте Лейну, что я оставил свое заявление на увольнение на своем рабочем столе. И пусть он попытается не входить в ярость, благодаря вам.

Лиззи улыбнулась ему, подхватив коробку с вещами.

— Ой, я не думаю, что он впадет в ярость... или как вы это называете. Я помогу вам

собрать вещи. И, если честно, я с радостью передам ему, где можно найти ваше заявление об уходе. Я надеюсь, что там есть ваш новый адрес или, по крайней мере, номер телефона. Вы ведь по-прежнему находитесь в списке на допрос муниципальной полиции Чарлмонта.

«Хорошо, ты не хочешь приезжать ко мне, так я сам приеду к тебе», — так думал Лейн, вписываясь в ворота на своем Porsche фермы Самюэля Ти.

Лейн последовал по аллее деревьев, посаженных семьдесят пять лет назад еще прапрадедом Самюэля Ти. Толстые, шероховатые, с содранной корой стволы поддерживали широкие ветви с красивыми зелеными листьями, отбрасывая тень на бледные маленькие камешки на дороге. Невдалеке в центре, среди полей стоял великолепный фермерский дом Лоджев, он совсем не был похож на деревенский дом. Элегантный с идеальными пропорциями, почти такой же старый, как и Истерли, обитый вагонкой, имеющий четырехскатную крышу, а также террасу по периметру с крыльцом.

Лейн припарковался рядом со старинным «Ягуаром», вышел из машины и направился к входной двери, которая была распахнута настежь. Пару раз стукнув по дверному экрану, он окликнул:

— Самюэль Ти?

В доме было темно, когда он вошел внутрь, ему нравился этот запах — лимона и старого дерева. Похожее на что-то сладкое, как свежие булочки с корицей, которые делались у него дома.

— Самюэль Ти.?

Шорох в библиотеки привлек его внимание, и он направился туда...

— О, черт!

Сделав шаг в комнату, Лейн моментально отвернулся, увидев полностью обнаженную женщину, восседающую на Самюэле Ти. на кожаном диване.

— Я стучался, — крикнул Лейн.

— Все нормально, старик.

Самюэля Ти совершенно не смутился, и похоже блондинка тоже: Лейн краем глаза обратил внимание, что она даже не удосужилась одеться. Хотя, возможно, ее одежда находилась в другой части дома. На лужайке. Или висела на деревьях.

— Подожди меня наверху, — приказал Самюэль Ти.

Женщина что-то пробормотала, раздалось чмокание в виде поцелуя. И модель (она была такой красивой и такой высокой) натянула одну из деловых рубашек Самюэля Ти.

— Привет, — сказала она, ее голос напоминал виски, мягкий, пьянящий для многих парней.

— Ага, до свидания, — ответил Лейн, проигнорировав ее, направляясь к своему другу.

Самюэль Ти. натянул черный шелковый халат и завязал его спереди, опустил в кресло, какое-то время даже не в состоянии сфокусироваться на Лейне. Он прошелся рукой по взлохмаченным волосам, зевнул и взглянул в окно.

— Так уже утро, как я погляжу. Как быстро прошла ночь!

— По шкале от одного до десяти, где один — это посещение церкви в воскресенье, десять — это последняя студенческая вечеринка, насколько ты пьян сейчас?

— На самом деле, я как правило хочу пьяным в церковь по воскресеньям. Но я бы сказал, что шесть, в данный момент. Но если мне придется проходить тест на трезвость, тогда семь с половиной.

Лейн присел на корточки и подобрал пустую бутылку Bradford Family Reserve,

валяющуюся на полу.

— По крайней мере, ты пьешь хорошее спиртное и остаешься ему верен.

— Всегда. Итак, чем я могу быть полезен тебе? И имей в виду, я превысил законный предел спиртного в крови, поэтому, пожалуйста, не слишком сложный составляй запрос.

Перекатывая взад-вперед пустую бутылку в руках, Лейн опустил в кресло.

— Первым делом, сегодня утром меня посетил детектив Мерримак. Я тут же позвонил тебе.

— Сожалею, — Самюэль Ти. уставился в потолок. — Думаю, что немного был занят с сестрой в это время.

Лейн закатил глаза, но не собирался его осуждать. Этот этап мужчины-шлюхи он прошел, и хотя некоторые воспоминания вызывали удовольствие тогда... сейчас он ни за что бы не променял то удовольствие на свою Лиззи.

— Он хочет получить доступ к камерам безопасности поместья.

— Не удивительно. — Самюэль Ти. потер щетину на подбородке. — Ты разрешил? Кстати, где у тебя находится комната охраны?

— У нас их две. Одна в коридоре обслуживающего персонала в Истерли, а реальная крутая комната службы безопасности в бизнес-центре. И нет, я не разрешил ему посмотреть записи. Сказал, чтобы он получал ордер.

Внезапно, Самюэль Ти. словно протрезвел.

— Есть какая-то особая причина? Я хочу напомнить тебе, что я — твой адвокат. Фактически, который занимается твоим разводом, но если ты активно планируешь совершить преступление, меня не могут вызвать в суд для дачи показаний против тебя, поэтому ты можешь говорить со мной совершенно откровенно.

Лэйн вперил взгляд в этикетку на бутылке бурбона — скетч Истерли с раздольным поместьем.

— Лейн, что может быть на видео?

— Я не знаю.

— Тогда за кого ты боишься?

— За своего брата. А возможно кого-то другого, кто мог убить моего отца.

Самюэль Ти. один раз моргнул. И показалось, что это был своеобразный знак, что он подумал тоже самое. Или, может быть, сказывался уровень алкоголя у него в крови.

— Ты разговаривал с Эдвардом на эту тему?

— Нет. — Лейн отрицательно покачал головой. — В настоящее время я притворяюсь, словно всего лишь параноик.

— И как это на тебе отражается?

— Неплохо, — Лейн выругался. — Таким способом я смогу что-нибудь предпринять и удержать полицию подальше от него.

— Они все равно вернуться к тебе с ордером, — пожал плечами Самюэль Ти. — У них есть на то причина, когда ты нашел улику в земле под деревом. Если бы ты хотел удержать их как можно дальше от своей семьи, мой совет был бы — не звонить им тогда.

— Это трактуется, как воспрепятствование осуществлению правосудия, не так ли, адвокат? Поверь мне, не думай, что я не хотел это утаить. Ох, закончить тихо и мирно это дело. Но вскрытие показало, что у моего отца был рак легких. Он в любом случае умер бы и тогда бы без этой улики, можно было бы поддерживать версию о самоубийстве. Но только при условии, если теперь все забудут про его палец, который был зарыт под окном люкса

моей матери.

Раздался топот ног, которые остановились в коридоре, перед дверью в библиотеку стояли голые сексуальные ноги.

Самюэль Ти отрицательно помотал головой, глядя на еще одну женщину.

— Я еще не закончил.

— Боже мой! — воскликнула она, — это же...

— Мой друг? Да, именно он. Теперь, прошу тебя, извини нас.

Дама исчезла, Лейн спросил:

— Сколько их у тебя в доме?

— Пять. Может шесть. Была конвенция черлидеров в Кентукки центре. Не волнуйся, все они тренеры.

— Как и ты в своей области, Самюэль Ти.

— Не правда. У тебя тоже были такие моменты... раньше.

— Да?! И как проходит твоё самолечение в этой области? Это отвлекает тебя от мысли, что моя сестра в данный момент выходит замуж?

Адвокат тут же перевел взгляд в окно, причем быстро.

Наступила пауза, тишина давила, Лейн выругался.

— Я не хотел выглядеть мудаком, клянусь. У меня вырвалось.

— Я знаю, — он повернул к нему голову. — Она, на самом деле, готова выйти за него замуж? Постой-ка, это же похоже на песню? Она, действительно, выйдет за него...

— Да, они уже отправились в мэрию.

— Все уже происходит, — рассеянно произнес Самюэль Ти..

— Хотя ты же знаешь, Джин. Ее версия брака больше напоминает «вертушку», не потому, что она собирается во всю ходить по магазинам. Хотя с Ричардом и его деньгами она будет ходить по магазинам, конечно.

Самюэль Ти. кивнул.

— Да. Тоже верно.

— Но, чувак, они все время ругаются и спорят.

— Прости?

— Они оба так орут, что их можно услышать сквозь стены, а Истерли строился давно, если ты понимаешь к чему я веду.

Самюэль Ти нахмурился, а потом спросил:

— Ты знаешь реальную проблему своей сестры?

— У нее их предостаточно. Не хочешь мне подсказать направление на какой сфере ее жизни мне стоит сфокусироваться?

— Проблема с твоей сестрой... — Самюэль Ти. постучал по виску. — Такой же порочный, как и она, но никто не сравнится с ней.

«Тоже самое я чувствую и к своей Лиззи» — мелькнула мысль у Лейна.

Ну, кроме того, что его Лиззи не имела таких недостатков, какие были у его сестры.

— Самюэль, — с грустью прошептал он.

— О, я слышу жалость в твоём голосе.

— С Джин всегда было очень тяжело.

— Как и со мной, мой дорогой друг. Как и со мной. — Адвокат выпрямился в кресле. — Иииии мы спишем этот маленький обмен любезностями, — Самюэль Ти. жестом указал на них двоих, — что я серьезно пьян, просто в жопу. Если ты когда-нибудь напомнишь мне об

этом, я все буду отрицать. Я сделаю вид, что не помню, о чем мы вообще говорили. И для меня это будет благословением.

— Вау, ты крепкий орешек, если учесть твое опьянение по шкале равное шести.

— Возможно, я не совсем правильно оцениваю некоторые вещи. — На этой ноте, Самюэль Ти. потянулся к столику и налил себе еще бурбона в хрустальный массивный стакан. — Вернемся к твоей проблеме камер безопасности. Они получают ордер и просмотрят отснятый материал, и более того, они тут же заметят, если что-то было подправлено или отсутствует на пленке. Я советую тебе даже не пытаться что-либо предпринимать в этом направлении.

— И все же ты предложил мне умолчать о том, что я нашел на грядке под ивой?

— Разница заключается в том, что если бы ты не вызвал их тогда, они бы никогда об этом не узнали. Если же ты попытаешься что-то вырезать и смонтировать по новой отснятый материал, они увидят это. Одно дело делать вид, будто ты ничего не нашел. И совершенно другое попытаться обмануть, тебе профану в этом вопросе, их ИТ-отдел, с командой идиотов, которые являются членами Anonymous в свое свободное время. (*Anonymous — анонимные программисты, которые могут найти все и всех, шарясь по интернету тайком, со скрытым IP-адресом*).

Лейн поднялся и подошел к окну. Стекла в окнах были такие же, как и в Истерли, красивые сельхозугодия бугрились вдали разноцветными пятнами, благодаря пузырькам в антикварных стеклянных квадратах.

— Знаешь, — сказал он, — что я чувствовал, когда Эдвард был в Южной Америке в руках этих ублюдков? Я не спал в течение недели. Все то время, когда появилось требование о выкупе, и когда, наконец, его спасли и привезли в Штаты. — Воспоминания прошлого были похожи на это старое стекло, скрывая то, что находилось прямо перед ним. — Когда мы росли, Эдвард всегда защищал нас от отца. Эдвард всегда был главным. Он всегда знал, что нужно сделать. Если бы меня похитили? Он бы пришел и спас меня, если бы мы поменялись ролями. Он бы полетел в джунгли и взял бы в руки мачете, чтобы проложить свой собственный путь ко мне.

— Твой брат был... прости меня... твой брат человек высшего качества.

— Я не мог спать тогда, потому что не мог его спасти. И эта мысль съедала меня живьем.

Наступила тишина, потом Самюэль Ти. заговорил:

— Ты не сможешь спасти его в данной ситуации, Лейн. Если он сделал то, что ты думаешь... и на видео есть доказательства... Ты просто будешь не в состоянии спасти его.

Лейн обернулся через плечо и выругался.

— Мой отец заслужил это, ясно. Мой отец заслужил все это. Ему следовало уже много лет назад прыгнуть или кому-нибудь скинуть с этого дьявольского моста.

Самюэль Ти. поднял руки ладонями к нему.

— Не думай, что я оправдываю твоего отца. У твоего брата были все оправдания в мире... как в игре «Престолов». Хотя закон Кентукки не оправдывает убийство, но он может попробовать выиграть в этой ситуации. Самооборона засчитывается, как оправдание, если к горлу приставлен нож или пистолет к голове.

— Господи, зачем только нашли этот дьявольский палец. Мне хотелось бы закапать его обратно в землю.

Но он не мог подставить Лиззи и Грету под удар. Особенно с Ричардом Пфордом,

который вместе с Джин вышел из дома. Этот ублюдок мог продать даже свою мать, если она у него вообще была.

— Знаешь... — лицо Самюэля Ти. приобрело задумчивое, философское выражение. — Что следовало сделать твоему брату — пригласить отца в конюшни Red & Black. А потом пристрелить, как только он переступил бы порог.

— Что прости?

— Только таким способом можно совершить убийство в Кентукки. У нас существует закон частной собственности, который гласит, если кто-то незаконно, даже не угрожая вам оружием, вторгся на твою территорию, ты имеешь право защищать свою частную собственность... если они, конечно, не получили твоего разрешения. Достаточно сказать всего лишь два раза, чтобы они покинули твои владения. И все. Ты имеешь полное право в них выстрелить. Но при одном условии, они не должны в этот момент двигаться к выходу. — Самюэль Ти. погрозил указательным пальцем. — Но это могло бы сработать. При условии, что никто бы не знал, что Эдвард попросил бы отца встретиться с ним в конюшнях? Эдварду бы это точно сошло с рук.

Лейн уставился на своего адвоката, Самюэль Ти. махнул рукой, как будто утверждал свои слова.

— Но, ты же понимаешь, я не пропагандирую тебе. И я пьян, ты это тоже знаешь.

Через мгновение Лейн пробормотал:

— Напомни мне, никогда не приезжать сюда без письменного приглашения, адвокат.

Джин сидела рядом со своим будущим мужем и смотрела в окно на заднем сидении Phantom с откидным верхом, который был закрыт в знак уважения к ее прическе. Река была мутной и беспокойной после урагана, вода поднялась, что казалось готова была затопить часть Индианы.

Впереди показался город, с небоскребами, сверкающими в лучах солнца, с ожерельем асфальтированных полос шоссе, опоясывающих эту могучую сталь и стекло. Шофер ее отца время от времени ударял по тормозам, но остановки были кратковременными.

Подъехав к большой пятерке мостов, она увидела пять арочных пролетов с тросами, удерживающими асфальтированное шоссе над водой... и невольно вспомнила, как она ругалась с отцом, желающем выдать ее замуж за Ричарда. Тогда она отказалась... и обнаружила, что он лишил ее всех средств к существованию, словно отправив на необитаемый остров самостоятельности.

И тогда она отступила.

Сейчас же она находилась в этой машине.

Прикрыв глаза, она вспомнила Самюэля Ти., который пришел к ней, когда она сидела возле бассейна во время прощания с ее отцом, тогда мало пришло гостей, чтобы почтить его память.

— Подпиши это.

Открыв глаза, она взглянула на кремовые кожаные сиденья. У Ричарда в руках было около двадцати страниц, которые он протягивал ей вместе со своей черной с золотой монограммой ручкой Montblanc.

— Прошу прощения.

— Это брачный договор. — Он кинул документы на сиденье. — Подпиши.

Джин засмеялась и бросила взгляд на шофера. Похоже, этот человек в форме со смешной фуражкой будет свидетелем чертового шоу.

— Я не собираюсь делать ничего подобного.

— Собираешься, — сказал Ричард.

Глядя в окно, она пожала плечами.

— Тогда можешь разворачивать автомобиль назад. Отмени все. Делай все, что считаешь нужным, но я не откажусь от своих прав, как твоя жена.

— Позволь мне напомнить тебе, что я предлагаю помощь в распространении бурбона вашей компании. Учитывая, что вы еле держитесь на плаву, вам просто необходимы мои выгодные контракты. И они могут быстро испариться, если я только захочу.

— Учитывая, что мы еле держимся на плаву, в следующем году может уже не быть компании «Бредфорд бурбон». Поэтому я предпочитаю сделать ставку на твое личное состояние, это намного лучше для меня.

Он отшатнулся, его тонкая шея изогнулась, отчего он напомнил ей лошадь, которую морили голодом.

— И тебе не стыдно?

— Неа.

— Вирджиния Элизабет...

— Даже мой отец никогда не называл меня так. — Porsche мчался по обочине мимо

машин, стоящих в пробке, она поняла, что это был ее брат. — Хотя мне не кажется это разумным, но не удивлюсь, что это он, — пробормотала она.

— Это стандартный договор. И если ты не знакома с этим термином то, на самом деле, он означает, что все очень просто. Ты вступаешь в брак со своим имуществом. Я вступаю со своим. И наши состояния никогда не станут общим и никогда не сольются.

— Стандартный договор, правда? Поэтому он написан на двадцати страницах, словно книга «Война и мир»? — Она взглянула на него. — И если это обычный шаблон, почему ты не предоставил мне его заранее, чтобы я могла показать его своими адвокату?

Например, Самюэлю Ти. Хотя она уже догадалась, как будет происходить это обсуждение.

— Тебе не стоит утруждать себя юридической терминологией.

— Не стоит? Возможно, тебе будет интересно, что я уже изучила закон о разводе, не хочешь узнать, что я выяснила?

— Джин, серьезно...

— Я узнала, что должна быть и буду очень преданной тебе. — Он снова отшатнулся от нее, она произнесла: — Знаешь, на самом деле, я должна обидеться, что ты удивлен. И прежде чем ты начнешь волноваться, говоря, что я не проявляю к тебе должного уважения, я выяснила, что в Кентукки развод по вине неверности может послужить для урезания алиментов от супруга. Поэтому те два летчика, которых я трахала прошлой ночью, моя последняя вылазка для измены. Я буду порядочной женой тебе, и я также надеюсь, что буду следовать всюду за тобой, и результатом тому будут фотографии. Может возникнуть неувязочка с моей спальней, машиной, гардеробом и нижнем бельем, что они будут более низкого качества, но в другом я не предоставлю тебе возможности придраться ко мне.

Она всем телом подалась к нему.

— Как это звучит на юридическом языке? Ведь у тебя даже в мыслях нет, вернуть этот автомобиль назад в поместье, ты прекрасно знаешь, что я не подпишу никакой брачный договор, и мы все равно поженимся. За всю свою жизнь, ты не создал ничего. Ты ничего не создал лично сам. Общество уважает тебя не за твои личные заслуги, или уважает ли тебя общество, это еще вопрос, выказывает уважение, я бы сказала, только за твое наследство. Ты желаешь жениться на мне, потому что сможешь высоко держать голову на коктейльных вечеринках и гала-концертах. В конце концов, ты остался таким же, как и в начальной школе, которого никто не хотел брать в свою команду, но сейчас ты можешь оказаться тем, кто приручил великую Джин Болдвейн. И это вполне разумная цена для твоего эго, чем все то, что я могу снять с твоего банковского счета. — Она сладко улыбнулась. — Так что ты преспокойно можешь взять свои двадцать листков стандартного договора и засунуть себе их в жопу, дорогой.

В его глазах вспыхнуло желание убить, но она отвернулась к окну, наблюдая за рекой Огайо. Она чертовски хорошо знала, что случится с ней, когда он вернется поздно вечером домой после работы, но у нее был непреодолимый зуд бороться с ним.

И она знала, что была права.

— И советую тебе еще обратить внимание на следующий пункт в законе, — пробормотала она, услышав, как он убирает в свой портфель брачный договор. — Насилие в семье также не котируется в бракоразводном процессе, оно еще больше не приемлемо, если сравнивать его с изменой. Знаешь, учитывая все эти обстоятельства, просто удивительно, что мы не можем жить в дружбе.

Лейн мчался вперед, обходя машины, стоящие в пробке, направляясь в город на развилку. В какой-то момент он заметил краем глаза ролл-ройс отца.

Без сомнения, Джина и Ричард двигались в город для заключения брака.

Она совсем свихнулась, если собиралась выйти замуж за этого дурака, но разубедить ее не удалось бы никому. Он прекрасно знал свою сестру, и критика с его стороны, была бы самой худшей идеей, если она что-то решила, то обязательно сделает. Кроме того, как обычно за последнее время, у него были совершенно другие причины для беспокойства.

На крытой стоянке на углу улицы Мухаммед Али и Второй, он бросил свой 911 на первом свободном, попавшемся месте, подальше от идиотов на внедорожниках, которые не могли припарковаться прямо.

Странно, обычно он так тщательно не выбирал место для парковки, потому что ему было в принципе наплевать. А сейчас? Ему не хотелось оплачивать ремонт за сколы краски и вмятины.

Или прибегать к страховке, которая не смогла бы покрыть ущерб.

И, кстати, говоря о страховании...

Ночью, когда очередной раз он не мог заснуть, отправился в бизнес-центр и порылся в архиве. Там он просмотрел все трудовые договора высшего руководства, все, что выгашил из ящика... и оригиналы корпоративных документов, он прочитал все, даже последующие изменения к договорам и корпоративным документам, а также секретные досье отдела кадров, содержащие описание шокирующих моментов некоторых сотрудников... и там он нашел медицинский полис на имя своего отца.

После того, как он прочитал его три раза, он позвонил в офис, выдавший этот полис и договорился о встречи с руководством.

Некоторые вопросы стоит спрашивать в лицо, один на один.

The Englishman, Battle & Castelson — страховая компания располагалась на тридцать втором этаже старинного городского здания Чарлмонта, и выйдя из лифта, Лейн обнаружил, что совершенно по-новому воспринял открывшуюся панораму города.

Если учесть, что он сам прыгнул с моста, открывающийся вид ему очень понравился.

Десять минут спустя он все еще ждал, держа в руке бокал с шампанским...

— Я сожалею, что заставил вас ждать, — произнес Роберт Инглишмент, фамилия, которого красовалась на логотипе компании, входя с блокнотом и профессиональной улыбкой на лице. — Просто сумасшедшее утро.

«Ну, давай расскажи мне об этом, а то я не знаю!» — подумал Лейн.

Они пожали друг другу руки, потом он выразил свои соболезнования, потом последовали какие-то несущественные фразы. Лейн не очень хорошо был знаком с Инглишменом, они были одного возраста, и Лейну всегда он нравился, когда ненароком их пути пересекались в социуме. Роберт был из тех парней, которые всегда надевали для гольфа шорты знатока, сшитые точно по нему, высшего качества костюм для Дерби в полоску и отлично сидящий темно-синий костюм «Брук Бразерс» с клубным галстуком на работу, и не столь важно, что на нем было надето, всегда казалось, что он готов прокатиться в «Хакер Крафт» тридцатых годов. В то время, где был еще Хемингуэй. И Фицджеральд пьянствовал в углу с Зельдой. (*«Хакер Крафт» — мотолодки из красного дерева мирового класса*)

Инглишмен напоминал встречу двух школ — старой и новой, англосакс с отсутствием снисходительности и предубеждений, красивый как Поло Ральф Лорен, преимущественно не витающий в облаках, как в ситкомах, где главный герой готов отправиться в «Хакер Крафт».

Когда обмен любезностями закончился, Лейн отодвинул бокал шампанского в сторону и вытащил сложенный документ из нагрудного кармана льняного пиджака.

— Я подумал, что могу прийти сюда и поговорить с тобой об этом.

Роберт взял страницы.

— Кому принадлежит этот полис?

— Моему отцу, ранее возглавлявшему компанию «Брэдфорд Бурбон». Я выступаю бенефициаром вместе с братом и сестрой.

Нахмурившись, мужчина начал просматривать условия.

— Вопреки сообщениям СМИ, Лейн, мы полагаем, что он был убит. Я знаю, что есть пункт — исключение выплат в случае самоубийства страхователя, и в моем понимании, мы в праве отказать любым бенефициарам в получении...

— Мне очень жаль, Лейн. — Роберт закрыл документ и положил на него руки. — Но этот полис был аннулирован за неуплату около шести месяцев назад. Мы неоднократно пытались связаться с твоим отцом, но он не отвечал на наши звонки, а также не отвечал на наши письменные запросы. Произошло обоюдное расторжение, хотя это был ключевой полис страхования жизни этого человека. Мы действовали с беспристрастностью.

У Лейна зазвонил телефон, и он подумал, что семьдесят пять миллионов пошли коту под хвост.

— Можем мы еще чем-то помочь вам?

— Были ли какие-то другие полисы? Может личного характера? Я нашел только этот документ в корпоративных файлах. Мой отец был довольно немногословен о своих делах.

Личных и профессиональных.

— Было два личных полиса. Один был на пожизненный срок, гораздо меньший по сумме, чем этот. — Роберт снова постучал по документу. — Но он не стал его продлевать, когда пришел срок, пару месяцев назад.

«Конечно, — подумал Лейн. — Он не прошел бы медосмотр по своему здоровью, он знал это наверняка».

— А другой? — подсказал он.

Роберт откашлялся.

— Ну, другой был в пользу третьего лица. И эта третья сторона объявилась. Боюсь, не могу раскрыть тебе эту личности или дать еще какую-либо информацию о полисе, поскольку он инициирован не на тебя.

Телефон Лейна снова зазвонил. И на долю секунды ему захотелось швырнуть его через стол напрямиком в огромное окно.

— Я абсолютно вас понимаю, — сказал он, забирая документ, сворачивая и убирая назад во внутренний карман пиджака. — Спасибо, что уделите мне время.

— Я хотел бы быть более полезным вам. — Роберт поднялся со стула. — Клянусь, я пытался уговорить твоего отца продолжить страхование, но он не захотел. Хотя он понимал, что это пошло бы на благо вашей семьи.

В этом и заключается вся история жизни этого парня... не думать о благе семьи.

«О, отец, — подумал Лейн. — Если бы ты не был уже мертв...»

Пока Лэйн был в деловом центре города, выясняя вопрос о страховом полисе отца, пытаясь придумать, как найти хоть какие-то деньги, Джефф ожидал его перед Истерли, полный счастливого триумфа, солнце пригревало ему лицо и каменные ступеньки, на которых он сидел, словно на обогревателе. Как только он начал подумывать воспользоваться защитным лосьоном для загара, услышал урчание двигателя Porsche внизу холма. Спустя буквально несколько минут, Лейн остановил машину перед ним и вышел.

Джефф ничего не стал спрашивать, он все прочел по его лицу.

— Это не помогло?

— Ничего.

— Черт побери. — Джефф поднялся на ноги и смахнул пыль с задницы.

— Послушай, нам нужно поговорить.

— Можешь дать мне одну минутку? — Джефф кивнул, парень сказал: — Жди здесь. Я скоро вернусь.

Буквально через несколько секунд, Лейн вышел из особняка.

— Пойдем со мной.

Джефф нахмурился.

— Ты взял молоток?

— Ага, и гвозди.

— Ты собираешься что-то починить? Без обид, но ты совсем не похож на человека, способного что-то чинить. Мне нужно знать. Я тоже не способен, а я прожил с тобой... сколько я с тобой прожил вместе?

Лейн вернулся к своей машине, наклонился к пассажирской двери, открыл бардачок и вытащил...

— Постой-ка, это что, пистолет? — воскликнул Джефф.

— Ага. Парень, ты наблюдателен, как никогда. Пошли.

— Куда мы собираемся? Я что должен сам пойти к своему собственному концу?

Лейн направился через двор, но не к постройкам, а в совершенно другую сторону. В лес. Явно собираясь пристрелить своего давнего соседа студента.

— Лейн, я задал тебе вопрос. — Но Джефф все равно последовал за ним, не получив ответа. — Лейн.

— Конечно, ты должен пройтись.

— На самом деле, я не заинтересован становиться твоей Большой Киской.

— Для этого нужно желание двоих.

Лейн продолжил свой путь, углубляясь в клены и дубы, Джефф следовал за ним, ему хотелось узнать, какого хрена тот делает.

Они прошли еще пятьдесят ярдов или около того, наконец, Лейн остановился и осмотрелся вокруг.

— Здесь.

— Надеюсь, ты не попросишь меня вырыть своими же собственными руками могилу? На этом наши отношения действительно закончатся.

Но Лейн подошел к совершенно мертвому дереву, его ветви без листьев и частично голый ствол выделялись на фоне остальной зелени. Положив пистолет в наружный карман

льняного пиджака, он достал бумаги... и прибил их к гниющей коре.

Затем направился к тому месту, где стоял Джефф, сунул два пальца в рот и свистнул с такой силой, пронзительно, что похоже даже в третьем поколении бабушка Джеффа услышала из своей могилы. Слышно было в самом Нью-Джерси.

— Вперед! — крикнул он во всю глотку.

— Разве так не кричат в гольфе...

Аплодисменты! Рукоплескание! Хлооооооооок!

Лейн был отличным стрелком, пули кромсали документ, разрывая на куски бумагу, которая опадала на затхлые листья в ярко-зеленую траву.

Когда обойма пистолета опустела, Джефф посмотрел на своего давнего друга.

— Парень, ты сумасшедший южанин со своим уровнем надежности. Просто из любопытства, что это было?

— У моего отца был ключевой полис страхования жизни на семьдесят пять миллионов долларов, как главы компании «Брэдфорд бурбон». Оказывается, последние месяцы он перестал выплачивать взносы, поэтому он превратился всего лишь в бумажку.

— Понятно. Такие вещи лучше знать. К твоему сведению, большинство людей всего лишь выкинуло бы эту бумажку. Это я так, к сведению.

— Да, но сейчас выпустив всю обойму в этот листок, я получил несказанное удовольствие, видно, слишком устал от плохих новостей. — Лейн повернулся к нему лицом. — Что ты хотел мне сказать?

— У тебя остались еще пули в этой штуковине?

— Неа. Я разрядил всю обойму.

Лейн вытянул руку с пистолетом и нажал на курок, выстрела не последовало. Лейн хотел, чтобы Джефф уверился наверняка, что пуль нет, но Джефф, похоже, до конца не понял его маневр.

— Итак? — подтолкнул его Лейн.

— Я решил принять твое маленькое предложение по поводу работы, Джон Уэйн.

Как только его давний приятель по университету произнес волшебные слова, смысл, которых понимал только Лейн, облегчение его было настолько велико, что он закрыл глаза и произнес:

— Спасибо тебе, Господи...

— И я нашел две тебя два с половиной миллиона долларов...

Лейн потянулся и рывком схватил своего друга в крепкие объятия. Затем он оттолкнул парня от себя.

— Я знал, что если выжду, должны появиться хоть какие-то хорошие новости. Я так и знал.

— Хорошо, не волнуйся так. — Джефф отступил назад. — Есть условия.

— Говори. Какими бы они ни были.

— Первое, я опроверг ту утечку информации.

Лейн моргнул.

— Что?

— Завтра утром ты прочитаешь в газете, что денежные средства компании, которые были вложены в другие проекты, санкционировались самим генеральным директором, членом правления Уильямом Болдвейном. Да, проекты потерпели неудачу, но неправильные бизнес решения не являются незаконными в частной корпорации.

Лейн взад-вперед прокручивал услышанные слова, пытаясь понять, что он все понял правильно.

— Как ты со всем этим управляешься?

Джефф посмотрел на часы.

— Если ты действительно хочешь узнать организуй мне машину на пять часов. И не нужно пафосную машину... обычную. Я все покажу тебе.

— Будет сделано. Ничего себе.

— И я решил, что хочу инвестировать в твою компанию «Брэдфорд бурбон». — Парень пожал плечами.

— Даже несмотря на то, что может быть федеральное расследование и начнется шквал негативных отзывов в прессе. Упадет сбыт и появятся множество третейских судей в эпоху Фейсбуков и Твиттеров, критикующих всех и вся. И единственное, что мне нужно — время, поскольку я собираюсь возглавить корпорацию. Доходы от продаж бурбона дают мне время. Расследование отнимет его у меня. И ты прав. Твоя семья является единственными акционерами. Спросишь, находится ли компания в долгах и стоит ли ее объявить банкротом? Чушь. Твой отец отымел всех до единого.

— Я так рад, что ты смог разобраться. Но что насчет двух с половиной миллионов для членов правления?

Джефф засунул руку в карман и вытащил небольшой, сложенный чек.

— Вот.

Лейн открыл его и поднял глаза на своего друга.

— Но это с твоего счета.

— Я же сказал тебе, что хочу инвестировать в твой бизнес. Это реальные деньги, и я перевел их на твой счет, поэтому ты можешь не проводить их через бухгалтерию, а использовать как стимул... В частном порядке.

— Я не знаю, как благодарить тебя за это.

— Готовься. Теперь главное. Я закончил свой анализ, и если учесть кредиты и деньги, которые ушли из вашего трастового фонда доверия всех ваших домочадцев, то общая сумма долга составляет сто семьдесят три миллиона восемьсот семьдесят девять тысяч пятьсот одиннадцать долларов. И восемьдесят два цента. Восемьдесят два цента — это конечно же смешно при такой сумме.

Дерьмо. И это было в дополнение к ста миллионам, снятым из трастового фонда матери.

Масштабность была настолько велика, что Лейн почувствовал, словно удар под дых, хотя саму потерю он больше ощущал в психологическом плане. По крайней мере, точно было видно дно, наконец, найдено, вернее сосчитано.

— Я так и думал... ну, что-то типа этого.

— Я готов приступить к работе на временной основе и во всем разобраться. Я хочу избавиться от твоего высшего руководства, все они...

— Я прочитал их трудовые соглашения прошлой ночью. У каждого из них стоит пункт — использование служебного положения с целью обмана корпорации. Поэтому мы можем их уволить за неправильное разбазаривание средств, что собственно и является причиной, несмотря на то, что в газетах могут сообщать нечто другое, они ни коим образом не смогут нас опровергнуть. Нет, если они только не захотят получить с нашей стороны огромные взыскания, но думаю, что они не захотят. Эти ублюдки будут подыскивать себе новую

работу, и никто из них не захочет ввязываться в скандал.

— Они могут разболтать суть дела.

— Уверяю тебя, я узнаю кто это будет.

Джефф коротко кивнул.

— Вопрос снят. Моя цель состоит в том, чтобы взять управление локомотивом на время, сохранить поступающие деньги от продаж и придать устойчивость корпорации. Потому что в данный момент, вы можете подвергнуться агрессивному поглощению, поэтому очень важен боевой дух. И у нас нет времени ни для маневра, задержки с поставками, оплатой счетов и оформлением заказов на товар. Сотрудников необходимо промотивировать.

— Аминь.

Лейн развернулся и пошел через лес к дому.

— Куда ты идешь? — спросил его Джефф.

— Обратно к своей машине. — Лейн превратился в настоящего параноика, боясь, что Джефф одумается и изменит свое решение, этим несказанно заставлял его нервничать. — Ты и я идем в штаб-квартиру в данный момент...

— А взамен я хочу получить годовой оклад в размере двух с половиной миллионов долларов... и один процент от активов компании.

Джефф произнес свою речь, словно собирался сбросить на Лейна бомбу, но он все также продолжал идти вперед, всего лишь вздохнув.

— Согласен, — ответил Лейн, кинув через плечо.

Джефф поймал его за руку и повернул к себе лицом.

— Ты слышал, что я сказал? Один процент от активов компании.

— А ты слышал, что я ответил? Согласен.

Джефф покачал головой и поднял повыше очки на нос.

— Лейн. Твоя компания, даже в самом плачевном состоянии, скорее всего стоит от трех до четырех миллиардов долларов, если бы кто-то захотел ее приобрести на сегодняшний день. Я прошу от тридцати до сорока миллионов, в зависимости от состояния и оценки. При этом сделав первоначальный объем инвестиций в твою компанию два с половиной.

— Джефф. — Он резко выдохнул. — Твои деньги все, что у меня есть в этой клоаке долгов, и я понятия не имею, как управлять такой компанией. Ты хочешь один процент и быть временным генеральным директором? Прекрасно. Парень. Давай, черт побери, начинай.

Лейн развернулся и продолжил свой путь, Джефф отстал на шаг.

— Знаешь, если бы я знал, что ты так легко согласишься, я бы попросил три процента.

— Я бы заплатил тебе пять.

— Тебе не кажется, что мы разыгрываем сцену из «Красотки»?

— Я не хотел бы так думать, если ты не возражаешь. Нездоровая рабочая обстановка. Ты мог бы подать на меня в суд. Да, и есть еще кое-что, что говорит в твою пользу. — Они вышли из леса на ухоженные газоны. — Совет назначил меня председателем правления. Таким образом, нам двоим будет легче проделать эту работу.

— Мне нравится твой стиль, Бредфорд. — Джефф кивнул на пистолет. — Но я думаю, что мы должны оставить его в бардачке. Как ваш новый генеральный директор, я хотел бы перейти на примирительный тон, если ты не возражаешь. Отлично, что ты теперь глава, и все же есть некоторые основные методы руководства, которые я хотел бы осуществить в первую очередь.

— Без проблем, босс. Вообще никаких проблем.

С облегчением выдохнув, Лиззи плеснула прохладной водой на разгоряченное лицо. Она была так рада, что скрылась от солнца в комнате Лейна, где было прохладно и кондиционный воздух обдувал ее разгоряченное тело. День был слишком долгим из-за работы в саду, ей пришлось вместе с Гретой заняться грядками возле бассейна, которые находились очень близко друг к другу, но в конечном итоге, ее работа на сегодня состояла в пропалывании сорняков. Они оба не договорились о встрече, поскольку ни один из них не мог сказать точно, во сколько освободится.

Грета по-прежнему с подозрением относилась к Лейну, и это изменить было фактически невозможно, только время.

Не глядя потянувшись за полотенцем, она убрала мягкие локоны, прикрывшие лоб, щеки и подбородок, подняла глаза к зеркалу и увидела у себя за спиной Лейна.

Парень выглядел просто шикарно в своем льняном пиджаке, с открытым воротом рубашки, авиаторами, засунутыми в нагрудный карман, с растрепанными волосами, которые говорили, что он ездил с опущенным верхом машины. И с его запахом одеколona. Настоящей вкуснятины.

— Ты просто загляденье, — произнес он с улыбкой. — Иди сюда.

— От меня воняет.

— Никогда.

Отложив полотенце в сторону, она двинулась в его объятия.

— Ты выглядишь счастливым.

— У меня имеются хорошие новости. Но также я хочу тебе предложить поучаствовать в одной авантюре.

— Давай, рассказывай быстрее...

— Ты не хотела бы прокатиться со мной и Джеффом, и немного пошпионить?

Лиззи рассмеялась и отступила назад.

— Отлично, это совсем не то, что я ожидала услышать. Но, черт возьми, да. Мне хочется пошпионить.

Лейн сбросил свой пиджак и направился к шкафу, зарывшись внутри. Когда он вернулся, то принес кепку для гольфа с эмблемой U и S и лыжную шапку-ушанку.

— Я возьму кепку для гольфа, — сказала она, надевая ее себе на голову.

Лейн же напялил себе Богом забытую лыжную шапку.

— Нам нужно воспользоваться твоим пикапом.

— Без проблем. Если я не буду выглядеть как снежный человек.

— Что совсем плохо? — спросил он.

— Просто ужасно.

Лейн подбоченился, водрузив одну руку на бедро, другой взмахнув в воздухе.

— Может, я смогу позаимствовать одну из шляп для Дерби у своей сестры?

— Отлично, мне кажется ты не будешь слишком уж выделяться.

Она направилась в кладовку и вскоре вернулась.

— Там есть и другие шляпы «Орлов».

— Да, но мне хотелось, чтобы ты считала меня милым.

Лиззи обняла его за шею и приподнялась на цыпочках.

— Я всегда считаю тебя милым. И сексуальным.

Стоило его рукам переместиться ей на талию, он зарычал.

— Сейчас нет для этого времени. Нет времени...

— Что?

Он крепко и глубоко поцеловал ее, удерживая напротив себя, несмотря на шапку и шляпу в руках. А затем выругался и отступил назад.

— Нас поджидает Джефф.

— Тогда пошли! Давай.

И в этот момент он почувствовал себя настолько счастливым, что даже засмеялся, чувствуя себя свободным впервые за эти длинные недели, будто вся тяжесть мира куда-то исчезла с его плеч. И, возможно, сейчас он был сексуально не удовлетворен, но даже это было для него радостным событием.

— Что происходит? — спросила она, когда они вышли в коридор.

— Я только что вернулся из штаб-квартиры, и...

Пока они шли по коридору, Лиззи открыв рот слушала его.

— Значит, ты добился некоторых успехов. Ты теперь председатель правления?

— Да, ты идешь рядом с человеком, у которого, на самом деле, есть работа. Впервые за всю мою жизнь.

Он поднял вверх свою пять, и она звонко ударила по ней.

— Ты же знаешь, я влюбилась в тебя, когда ты был игроком в покер.

— Правильнее сказать, картежником. И да, я понимаю, что эта работа не принесет мне денег, — он поднял вверх палец, — но мне все равно придется много работать. У меня даже есть офис в центре города или здесь. Или где угодно.

— И теперь ты решил поиграть в шпиона.

— Вдвойне, поскольку Болдвейн. — Они подошли к его бывшему соседу по комнате, который поджидал у входных дверей. — А вот и Джефф, ищайка криминала. Или скорее не криминала, а финансовых преступлений.

Лиззи позволила Джеффу быстро себя обнять.

— Итак, что же мы собираемся делать, парни?

Через несколько минут они забились на переднее сиденье ее пикапа Toyota, и она вырулила на дорогу для персонала, ведущую вниз с холма Истерли, прикрывая свои лица различными шляпами и кепками. Она была за рулем, а Лейн возвышался по середине на выступе колеса, его голова чуть ли не задевала потолок салона.

— Давай вниз и припаркуйся за последней теплицей, там переждем, — сказал Лейн. — И побыстрее, уже без четверти пять.

— Кого мы ждем?

Ответил Джефф, сидя у противоположной двери.

— Если я прав, то горничную, обслуживающую хозяйские люксы. Типфании.

— Что? — Лиззи аж подпрыгнула на сиденье. — Вы предполагаете, что она крадет туалетные принадлежности «Шармин» или что-то в этом роде?

— Даже близко нет.

— Пойдите, это же ее машина! — Лиззи посмотрела в зеркало заднего вида. — Позади нас.

— Что-то она рано собралась, — произнес Лейн выругавшись. — Я могу вычестить у нее четырнадцать минут из зарплаты.

— Человек, который знает ваше финансовое положение, — Джефф кивнул. — Да, тебе, действительно, стоит.

Лиззи покачала головой.

— Давайте-ка вы расскажете мне все сию минуту. Вы нагнали столько туману, только чтобы посмотреть, работает ли она до пяти?

— Езжай, — ответил Лейн. — Мы должны видеть, куда она свернет. Нам стоит последовать за ней.

— У тебя есть какие-нибудь идеи, куда она может направляться? — спросила Лиззи, сворачивая на дорогу River Road. — Подождите, я знаю, что нужно сделать.

Взяв вправо, она с удовольствием нажала на ускорение, что было совсем непросто для ее Toyota, если учесть четыреста лишних фунтов, находящихся в кабине.

Лиззи пробубнила себе под нос:

— Отлично, она едет влево! Держитесь, господа.

Мальчики подобрались, она мчалась так быстро, насколько могла на своем грузовичке, сбиваясь в грязь улицы с односторонним движением, развернувшись на сто восемьдесят градусов и вывернув свой грузовичок из заноса, хотя она успела ударить по тормозам и вывернуть руль. Кого-то она зажала, кого подрезала, ей в след неслись проклятья, но она была слишком занята, возвращаясь на River Road, поэтому не стала обращать внимание, у нее в лидерах была только одна машина — маленький «Сатурн» Типфании.

Ее от Типфании разделало всего лишь две машины, когда они остановились на светофоре у заправки «Шелл» на Дорн-Авеню. Типфании повернула налево и направилась к четырех-полосной автостраде... а потом пересекла переулок Бродсборо, выехав на Хиллтоп — дорогу Хэллоуина, на которой дома уже подготавливали к празднику октября. Пройдя железнодорожный переезд, взяла левее на Франклин, улицу, где было полно всевозможных магазинчиков и кафе.

Когда Типфании припарковалась через четыре многоквартирных дома, Лиззи на той же скорости проехала вперед три дома, не отводя взгляда от ветрового стекла, не снижая скорость... и все надвинули пониже шапки, кто сидел в машине.

Со стороны они выглядели, как трое китайских болванчиков, только постоянно не покачивали головой.

На следующем светофоре, она резко подала влево на оранжевый сигнал и двинулась вниз по аллее, скрываясь за ресторанами и магазинами. Когда она окончательно решила, что проехала достаточно далеко, она ударила по тормозам и решила найти место для парковки.

— Итак, давайте сделаем это, — произнесла она, поставив на сигнализацию машину и выскочив за дверь. — И будьте готовы поздороваться с собаками.

— Что? — спросил Джефф, ступая на тротуар. — Собаками?

Лейн, как только вышел, довольно заулыбался и отсалютовал Лиззи.

— Именно это мы и собираемся сделать, то, что она говорит.

Лиззи пошла назад через переулок, который по шире едва вмещал ее. Добравшись до конца, она остановилась, воскликнув:

— О Боже, вон она.

Пересекая Франклин Авеню, Типфании, наконец, выбралась из своей машины-развалюхи и действуя локтями попыталась пересечь плотный трафик стоящих машин. Лиззи немного подалась вперед, по-прежнему находясь в тени, чтобы различить, куда направлялась эта женщина.

— Я знаю это место. Она направляется в «Блю Догс». Пошли.

Лиззи ступила на пешеходный переход, лавируя сквозь толпу и через пятнадцать шагов, уже склонялась над английским бульдогом, которого узнала по бирке на «воротничке», и звали его Бикс. Тем временем Типфании вошла в кафе, остановившись прямо напротив окна, где они стояли.

Она пожалала руку высокой женщине афро-американке.

— Это репортерша, с которой я встречался, — сказал Лейн, сгруппировавшись вокруг Бикса вместе с Джеффом. Все трое помахали в ответ появившемуся хозяину Бикса, который улыбался и кивал в ответ, находясь внутри своего комиссионного магазина, дверью рядом.

— Смотрите, она что-то ей передает. Какие-то бумаги.

Джефф кивнул.

— Бинго.

— Какие-то документы? — спросила Лиззи.

Джефф вполголоса произнес, не забывая при этом гладить собаку по имени Джолин.

— Это фиктивный отчет, который я оставил специально для нее прошлой ночью. В кабинете на втором этаже есть ксерокс. Ей необходимо было улизнуть из комнаты ночью, сделать ксерокопии и вернуть документы назад, на то место, откуда она их взяла. Все заняло две минуты.

— Простой ночью? — спросила Лиззи. — Она была с тобой?

— Ах...

Лиззи рассмеялась.

— Я просто интересуюсь, поскольку мы здесь проводим расследование, а не потому, что я осуждаю.

Парень покраснел, и это наполнило ей, насколько он ей нравился.

— Ладно, да, она была со мной, — сказал он, поправив очки. — Таков был план. И нам необходима эта информация, чтобы перекрыть кислород прессе, поэтому при много благодарен.

Лейн наклонился и поцеловал ее.

— Мы сделали хорошую работу, теперь, если вы извините меня, я на минутку.

— Куда ты собрался?

— Я собираюсь поприветствовать эту репортершу. ЛаКиша стала моим давнишним другом, особенно после того, как она допрашивала меня в течение двух часов. И послушав ее, у нее не было несправедных мыслей. Как она мне сообщила, это не ее вина, что «источник» вышел на нее и выложил всю информацию, которую где-то нашел... что может быть лучше дальнейшего развития наших отношений, если я расскажу ей о всех наших перемещениях и поощрениях. Джефф, я собираюсь договориться о встрече вас двоих, где-то в районе семи часов вечера. И мне не хотелось бы, чтобы ее первое впечатление о тебе было, что ты выглядишь как бродяга. Тебе надо побриться, освежиться и надеть костюм, прежде чем ты будешь представлять мою компанию прессе. Ох, и пришло время уволить Типфании с двумя «и» на конце. Только не на глазах моей хорошей «подруги» репортера.

— Позволь мне позаботиться об этом, — сказала Лиззи.

— Это будет огромной помощью.

Он снова поцеловал ее, потом выпрямился во весь рост и вошел в кафе.

Через большое окно Лиззи увидела, как две женщины уставились на него, а Типфании тут же отступила назад. Но Лейн продолжал улыбаться, что-то говорить и пожимать руки.

Репортерша прищурившись, пристально пялилась на него... Лейн повернулся к молодой женщине.

Он полностью контролировал себя, Лиззи могла только представить, какой интонацией он попросил ее оставить их.

«Он сделал это», — с гордостью подумала Лиззи.

Ее будущий муж был... вернее, стал лидером. Главой семьи. Мужчиной, а не плейбоем.

Тут же Типфании вышла на улицу, но она не успела далеко уйти, потому что Джефф преградил ей путь. Лиззи подумывала предоставить им личное пространство, но бульдог Бикс и Джолин не сводили с них глаз, и она поняла, черт возьми, что тоже не может.

— Ах... — девушка стала красная, как помидор. — Джефф. Это не то, что ты думаешь...

— Да, ладно. — Парень отрицательно покачал головой. — Хватит. Я больше буду уважать тебя, если ты не будешь врать.

— Мне жаль, Типфании, — произнесла Лиззи, — но в ваших услугах Истерли больше не нуждается. Я прекращаю твой контракт с этого момента, и если ты обладаешь умом, то просто тихо уйдешь.

Лицо женщины тут же изменилось, превратившись в уродливую маску.

— Мне многое известно. И не только о финансах. Я знаю многое, что на самом деле происходит в поместье. Сейчас семья совсем не нуждается во враге в моем лице.

— В твоём контракте есть пункт о неразглашении, — сорвалась Лиззи. — Я точно знаю это, потому что такой же пункт есть и у меня.

— Ты думаешь, меня это волнует? — спросила Типфании, поправив очень дорогую сумку на плече. — Вы еще услышите обо мне.

И она направилась в сторону машин, Лиззи недоуменно покачала головой.

— Пронесло.

— Может, она попадет под машину, пока переходит... неаа, и тогда достигнет своей цели. Жаль. — Лиззи стрельнула в него взглядом, Джефф выставил ладони вперед. — Я из Нью-Йорка. Что ты хочешь от меня?

Спустя полчаса Лейн чувствовал себя чертовски хорошо вместе с Лиззи и Джеффом, направляясь обратно на ее пикапе в Истерли. ЛаКиша просто умирала, как хотела встретиться с новым генеральным директором, и то, что Лиззи обработала Типфании, было просто фантастическим.

Блаженство, хотя и не до конца. Лейн испытывал настоящее блаженство, когда они поднялись на холм и подъехали к главным дверям особняка, напротив которых стояла полицейская машина без опознавательных знаков и внедорожник, государственной военной полиции.

Лиззи еще не успела остановить свой грузовик, как Мерримак вышел из машины и направился к ним.

— Дерьмо, — пробормотал Лейн. — Но я должен справиться и с этим.

— Я люблю тебя, — произнесла Лиззи, как только Джефф выбрался наружу.

— Я тоже тебя люблю. — Он откинулся на спинку сидения. — Надеюсь, мы сможем сегодня вечером поехать в Индиану.

— Мне одинаково приятно быть здесь и там, где находится мне все равно.

Пару секунд он внимательно смотрел ей в глаза, черпая силы от ее поддержки, потом поцеловал, открыл дверь и приподнял брюки, чтобы ступить на асфальт.

Словно каменная маска опустилась на его лицо, когда он снова развернулся к ней.

— Я счастлив снова вас увидеть, детектив.

Мерримак улыбнулся своей коронной улыбкой, направляясь в его сторону с протянутой рукой.

— Вы?

— Вы прибыли на ужин? А кто ваш друг?

Парень в штатском, у которого на лице было написано, что он зубрила, еле прошаркал ногами к ним.

— Пит Чайльд. Я — следователь.

— И у меня имеются для вас кое-какие бумаги, мистер Болдвейн, — сказал Мерримак.

— Вы знакомы со Джеффом Стерном, — решил представить Лейн своего товарища. — Теперь, давайте взглянем на ваши бумаги. Вы не забываете про свои обязанности, работу, которая дает вам хлеб насущный, да, детектив?

Джефф направился в дом, Лейн прошелся взглядом по ордеру, хотя на самом деле он не знал, как должен выглядеть настоящий ордер. Но да ладно, это был бланк, который юридически разрешал проникновение на чужую территорию и на нем стояли печати и подписи.

А также черном по белому был написан лимит необходимых записей с камер безопасности за период — день до и день после смерти отца.

— Я не уверен были ли вы в курсе, — сказал Мерримак, когда Лейн добрался до последней страницы. — Но ваша парадная дверь была открыта настежь. Я долго стучал. В конце концов, появилась горничная. Я также звонил вам несколько раз.

— Мой телефон в машине, — Лейн направился к Porsche и взял мобильник с консоли. — Так, давайте покончим с этим, о'кей?

— Показывайте дорогу.

Лейн повел детектива и Пита за угол особняка, и ему показалось, что это была самая длинная дорога за всю его жизнь. Несмотря на свое непроницаемое лицо и кажущееся душевное равновесие, внутри он вопил, стоя на перепутье, словно видел машины на черном льду, напротив друг друга, рьяно ревушие, и не важно, как громко он кричал, водители не смогли или не захотели обратить внимание на его предупреждение.

Но в глубине своего сознания, как только он отправил Мерримака за ордером, он понимал, что расплата вот-вот наступит.

На черном входе в бизнес-центр он набрал код и ввел их внутрь.

— Система безопасности по всему поместью находится здесь. — Он прошел налево по коридору к служебным помещениям. — Там, наверное, есть материнская плата, или как вы это называете?

Остановившись перед стальной дверью без указателей, он ввел другой код, раздался скрежет, дверь медленно открылась, он помог ей своей рукой.

Над головой тут же зажегся свет, он хотел что-то сказать, хотел что-то предпринять. Но его словно закоротило.

— Мистер Болдвейн?

Он встряхнулся и взглянул на детектива.

— Простите, что?

— Что-то не так?

— Ах, нет. — Он шагнул в сторону, указывая на рабочие станции мониторов, клавиатур и стульев на колесиках. — Приступайте.

Пит, как капитан Кирк, готовый решить любую задачу, уселся перед техникой, всем своим видом показывая, что он знал, что нужно делать.

— Мне необходим доступ к записям. Вы можете мне его дать?

Лейн отрицательно покачал головой, пытаясь ее прочистить.

— Что простите?

— Мне нужен логин и пароль к этой сети.

— Я не знаю их.

Мерримак улыбнулся, как будто ожидал такого ответа.

— С вашей стороны было бы лучше нам их предоставить. Сейчас же.

— Дайте мне минутку, хорошо?

Отступив в коридор, он прошел подальше и вытащил телефон. Смотря на сверкающий экран, он растерянно покачал головой.

Поскольку он понял, чем занимался его брат в тот момент, когда пришел проститься с отцом. Вот черт.

Глубоко вздохнув, Лэйн набрал Red & Black коттеджа сторожа. Один гудок... второй... третий...

— Да?

Как только Лейн услышал голос Эдварда, он закрыл глаза.

— Эдвард.

— Братишка, как ты?

— Бывало и лучше. Здесь со мной находится полиция в бизнес-центре. У них есть ордер на просмотр пленки с камер слежения, — на том конце трубки установилась тишина, поэтому Лейн пробормотал:

— Ты слышал, что я сказал?

— Да. И?

Микросекунду ему захотелось сказать Эдварду, чтобы он взял все деньги, сколько сможет, нашел бы какую-нибудь машину и убрался бы из города. Он хотел закричать от своего бессилия. Он хотел выругаться.

Но также он хотел узнать правду.

И при всем этом ему была необходима ложь, что все хорошо, и его брат, буквально выражаясь, не торговался с тюрьмой во имя отпущения.

Пит откашлялся.

— Эти пароли необходимы, чтобы попасть в сеть и скопировать файлы.

— Дай им мои пароли для передачи.

«Какого хрена ты делаешь, Эдвард? Эдвард, они же собираются выяснить, не ты ли попытался фальсифицировать...»

— Как успехи, мистер Болдвейн?

Мерримак высунул голову из комнаты охраны, пока Лейн говорил по телефону.

— Пришли их мне в смс, ладно?

— Ты звонил мне на телефон с дисковым набором, помнишь? — Голос Эдварда звучал как всегда спокойно, разъясняя детали. — Ты понял, о чем я?

— Да.

— Они знают, где меня найти, если у них возникнут вопросы. Я так понимаю, с тобой находится Мерримак? Он нанес мне визит на следующий день.

— Да, он детектив.

Последовала короткая пауза.

— Все будет хорошо, младший брат. Перестань беспокоиться.

И Эдвард повесил трубку.

Лейн опустил свой телефон.

— У меня есть пароли.

Мерримак снова улыбнулся своей коронной улыбкой.

— Я так и знал, что вы будите способствовать закону. Вы разговаривали со своим братом Эдвардом?

— Да.

Мерримак кивнул.

— Хороший парень. Очень жалко видеть его в таком состоянии. Он сообщил вам, что я уже встречался с ним?

— Да.

— Вы знаете, он совсем не похож на вас.

Лейн обогнул детектива и вошел в комнату мониторинга безопасности.

— Он уже привык к этому.

В конюшнях Red & Black округа Огден, Эдвард повесил трубку телефона, висящего на стене на кухне, когда Шелби вошла в его коттедж. По-видимому, она была только что из душа, потому что влажные волосы разметались по ее плечам, на ней были надеты другие чистые джинсы, а рубашка с коротким рукавом была в сине-белую клетку.

— Что? — спросила она, увидев его лицо.

— Извини?

— Почему ты смотришь на меня так?

Он покачал головой.

— Я не смотрю. Послушай, я хочу, куда-нибудь выйти поужинать. И мне хотелось бы, чтобы ты пошла со мной.

Она молча моргнула, глядя на него, на что он закатил глаза.

— Хорошо. Я постараюсь быть более вежливым. Пожалуйста, сходи со мной поужинать. Я был бы очень признателен тебе, если бы ты составила мне компанию.

— Нет, это невозможно. — Она провела ладонями по своей рубашке. — Я не одета для такого особенного события.

— Я тоже не одет, но я в настроении поесть отличную курицу. Поэтому нам следует отправиться в Joella.

Прохромав к двери, он широко распахнул ее.

— Ты готова? Кусочки мяса шесть раз посыпаются различными специями, и каждый имеет вкус небес... и я не кощунствую.

— Вы не хотите предложить Мое пойти с вами?

— Нет, я хочу пойти с тобой. Всего лишь пойти поесть.

Он вышел за дверь, на свежий воздух и возникла пауза... Шелби тоже, наконец, вышла. Он вздохнул глубоко полной грудью, как только она прошла мимо него, и едва улыбнулся. Она пахла старомодным Prell шампунем, он задался вопросом, где она смогла его отыскать. Разве он еще не снят с производства? Может он хранился у ее отца, или, возможно, остался от предыдущего жильца квартиры, которую он ей предоставил.

Прежде чем последовать за ней, Эдвард схватил деньги, оставленные на бюро в ночь, когда к нему приходила Саттон, а он принял ее за...

Он закрыл дверь коттеджа, находясь под впечатлением, нахлынувших воспоминаний той ночи, и взглянул на небо. Эдвард замер, любуясь широким простором и различными цветами, начиная от светящегося уголька заката на западе и бархатной синевы надвигающейся ночи с востока. Вдохнув еще раз полной грудью, он почувствовал чистый запах душистой травы, земли и запах дыма отдаленного костра, как если бы Мое и Джоуи готовили на гриле гамбургеры за сараем.

Почувствовав дуновение воздуха на коже было своего рода благословением.

Странно, что он не ценил этого раньше. И это было правдой, особенно когда он жил в социуме.

Но тогда он был слишком сосредоточен на работе, на компании, на конкуренции.

А потом он слишком погряз в боли и в горечи.

Столько упущенных возможностей.

— Эдвард? — позвала Шелби.

— Пойдем.

Подойдя к ее грузовику, он открыл перед ней дверцу, и хотя она, казалось, была не совсем знакома с таким обхождением, она мечтала руководить всем сама, но забралась на пассажирское сиденье. Он захромал, обходя спереди машину, садясь за руль.

Запустив двигатель, он тихо двинулся, направляясь в сторону города. Сначала на автостраде периодически показывался разнокалиберный транспорт, ему даже пришлось объезжать трактор, который сталкивал их на обочину. Но вскоре появились привычные автомобили и светофоры.

Очутившись на окраине города, он осматривался, замечая изменения в витринах. Кварталах. Он заметил новые модели машин. Билборды. Разделительную линию, превратившуюся в зеленые насаждения и...

— О Боже, они ликвидировали White Castle.

— О чем вы говорите?

Он указал на новое здание, в котором размещался банк.

— Здесь находился White Castle. Всегда, сколько я себя помню. Я гонял сюда на своем велосипеде, когда был еще ребенком. Мне приходилось копить деньги, чтобы купить вафельное мороженое для братьев. Я должен был тихо, чтобы меня никто не видел, назад проникнуть в дом, потому что не хотел, чтобы мисс Аврора заметила и подумала, будто нам не нравится ее еда. Нам нравилось, как она готовила. Но мне также нравилось приносить моим братьям то, что могло сделать их счастливыми. Джин никогда не ела с нами вафельное мороженое. С трех лет она начала беспокоиться о своем весе, боясь растолстеть.

Эдвард умолчал о том, что как правило, после таких вылазок, отец использовал свой ремень на нем. В девяти случаях из десяти, и Макс был единственный, как правило, кто заваривал всю кашу, будь то взрыв фейерверка на крыше гаража или галопом на лошади въезжая в главные двери Истерли, или позаимствовав у отца один из его роллс-ройсов, оставив его в чистом поле внизу холма.

Он слегка улыбнулся самому себе. Конечно, в других семьях возможно не все так ужасно. Роллс-ройсы, однако, были превосходными автомобилями во всех отношениях, с моделированными таким образом, чтобы ездить исключительно в оперу или в клубы. Но никак уж не в конце августа по полю в период сбора урожая кукурузы.

Боже, у него до сих пор стояла перед глазами картинка — последняя самая совершенная модель Corniche 1995 IV, с низко посаженным бампером, была забита початками кукурузы, шелухой и стеблями. Уильяма Болдвена совершенно не позабавил этот вид, когда он обнаружил свою новую игрушку испорченной, после чего Макс не мог сидеть неделю.

Чтобы перестать вспоминать, Эдвард сказал:

— Прошлой ночью я был несказанно впечатлен тем, что ты совершила.

Шелби оглянулась на него и тут же отвернулась.

— Наб не такой уж и плохой. Он хочет стать более ответственным, и он сможет это вам доказать. Вам лучше работать с ним, и не всегда позволять ему делать то, что ему хочется.

Эдвард рассмеялся... и Шелби резко повернулась к нему. Она пялилась на него во все глаза, поэтому он спросил:

— Что?

— Я никогда не слышала, что вы... ну.

— Смеюсь? Да, наверное, ты права. Но сегодня все по-другому, словно у меня тяжесть свалилась с плеч.

— Потому что с Набом все хорошо? Он всего лишь немного порезался, и с его передними ногами все будет в порядке. Могло быть и хуже.

— Благодарю тебя.

— Не за что.

— Ты знаешь... я люблю этого жеребца. Я помню тот день, когда купил его. Я только вышел из реабилитационного центра, испытывая адскую боль тогда. — Эдвард остановился на светофоре у большой белой церкви с медным шпилем. — Когда я пытался перенести вес на правую ногу, у меня все время было такое чувство, будто опять ее сломал. И я сидел исключительно на опиатах, мой пищеварительный тракт разучился принимать что-либо другое и работать. — Как только включился зеленый, он нажал на газ и оглянулся. — В общем много всего объяснять, если коротко, то опиаты способствуют застою желудочного

тракта, что почти так же плохо, когда ты принимаешь наркотики. Боже, я никогда раньше не ценил обычных основных функций организма. Наверное, это никто не ценит. Мы бесконечно обсуждаем со всех сторон наше тело, мешок плоти, которое является средством, давать питание серому веществу, и принимаем обычную работу нашего тела как должное, если все отлично по жизни, постоянно жалуясь на его работу и как тяжело, или...

Эдварду пришлось пару раз взглянуть на свою пассажирку: Шелби по-прежнему сидела, повернувшись к нему в пол оборота, таращась на него, и да поможет ей Бог, с отвисшей челюстью.

Она выглядела не менее удивленной, нежели, когда занималась с жеребцом.

— Что? — спросил он.

— Ты пьян? И сел за руль?

— Нет. Последний раз я пил... прошлой ночью. Или позавчера. Я сбился со счета. Почему ты спрашиваешь?

— Как правило, ты немногословен.

— Ты хочешь, чтобы я перестал?

— Нет, вовсе нет. Это... хороший знак.

Эдвард подъехал к перекрестку. И ему пришлось напрячь память, чтобы вспомнить в какую сторону двигаться.

— Я думаю, что налево.

Они проезжали мимо торговых магазинчиков с ювелирными украшениями, салонов красоты, студии пилатес и бутика, продающего светильники. Потом мимо многоквартирных домов в три этажа, из кирпича, с припаркованными машинами.

«Сколько жизни, — подумал он. — Сосредоточено на земле».

Смешно, но раньше его единственное отношение к миру было связано с его статусом благородной семьи Брэдфордов, он игнорировал всех этих людей, занятых своей жизнью. Не потому, что он брезговал общаться с ними или не уважал, а потому, что он, безусловно, чувствовал себя гораздо более значимым, благодаря тому количеству нулей, которые лежало у него на счете, до десятичной точки.

Боль и проблемы со здоровьем, похоже вылечили его от этого высокомерия.

— Вот он, — с триумфом произнес Эдвард. — Я помнил, что он находится здесь.

Припарковавшись перед уютным маленьким ресторанчиком напротив, через улицу, он попытался обойти машину, чтобы открыть перед Шелби дверь, но его лодыжка и нога не могли двигаться так быстро, как хотелось бы, и она не стала дожидаться его, открыла дверь и вышла. Вместе, они перешли проезжую часть, он придержал перед ней дверь, когда они входили внутрь.

Эдвард глубоко вдохнул запах специй и жареного цыпленка, его желудок заурчал.

— Я узнал об этом месте, — сказал он, оглядывая переполненный зал, — от Мое. Он пару лет назад говорил мне что-то про этот ресторанчик и, наконец, как-то привез отсюда еду. Это было еще до... до Южной Америки.

Их проводили к столику в глубине зала, который ему как раз очень подходил. Поскольку он отличался от посетителей, был не из этого района, и ему совершенно не хотелось внимания на свой счет. Сегодня вечером? Он хотел быть таким же, как и эти посетители: обычным человеком не лучше, не хуже, не богаче, не беднее.

Открыв меню, он выбрал пару блюд.

— А как долго вы знаете Мое? — спросила Шелби, осматриваясь кругом.

— Годы. Он начал работать в Red & Black, когда ему было четырнадцать или пятнадцать, развозил сено и убирал в стойлах. Он умный парень.

— Он отзывается о вас с большим уважением.

Эдвард отодвинул от себя меню.

— Это взаимно. Мое для меня как брат во многом. А Джоуи, его сын? Я его знаю еще с пеленок.

Фактически, Джоуи и являлся причиной, почему они были здесь.

Эдвард вспомнил выражение лица парня, когда он наблюдал за Шелби, пытающейся укротить Наба.

Обычно, Эдвард никогда не вмешивался в чужие дела, тем более такого характера. Но почему-то ему захотелось, прямо спросить у Шелби.

Прежде чем все изменится.

Подождал официантка, они сделали заказ, повивая воду, он спросил:

— По поводу Джоуи.

— Да? — Шелби подняла на него открытый и бесхитростный взгляд. — Что?

Эдвард крутил в руке вилку.

— Что ты о нем думаешь?

— Я думаю, что он очень хорош с лошадьми. Он никогда не теряет самообладание. У него все отлично получается.

— Ты думаешь, что он...

— Вы же не уволите его за то, что произошло прошлой ночью, не так ли? Это не его вина. На самом деле никто не виноват и...

— Что? Боже, конечно же, нет. — Эдвард отрицательно покачал головой. — Джоуи хороший мальчик. Мне просто интересно, что ты о нем думаешь, ... ну, ты понимаешь?

Шелби пожала плечами.

— Он хороший человек. Но если вы спрашиваете меня, намереваюсь ли я иметь с ним какие-то отношения, ответ будет отрицательный.

Она замолчала, Эдвард подумал... «Конечно же, ты не заинтересована в нем, поскольку он не отмороженный саморазрушающийся ублюдок, как я».

— Шелби, мне нужно признаться тебе кое в чем.

— В чем?

Он сделал глубокий вдох.

— Ты права. Я кое в кого влюблен.

Пресвитерианская духовная семинария Чарлмонта занимала около сорока ухоженных акров рядом с одним из великолепных городских парков — Олмстед. Это было известное кирпичное здание, окруженное фонарными столбами, которые светили оранжевым в сгущающихся сумерках. Джин представляла себе кампус, местом, где никто не пил, вопрос секса вообще не стоял, потому что все были девственницами, и единственные вечеринки, которые устраивались здесь, проходили в скучном шахматном клубе, где иногда позволялся «Ред Булл».

Поэтому с одной стороны, было немного смешным и в то же время ироничным, что она остановилась перед входом... учитывая, с кем она пришла встретиться.

Стояло лето, студентов, конечно, не было, все спешили найти стоящие стажировки на эти теплые месяцы, которые могли сослужить в дальнейшем им хорошую службу. Кроме того, здесь также не было прогуливающихся администраторов и академиков. Красивые, извилистые тропинки, которые невольно напомнили ей кладбище, на самом деле, вели к общежитиям и классным комнатам, которые в настоящий момент пустовали.

Заглушив мотор, она вышла, почувствовав запах свежескошенной травы. Закрывает тяжелую дверь и взглянула на себя в затемненное окно. Включила сигнализацию и перевела взгляд на Дух Экстаза, плавно опускающийся в маленькое убежище на капоте машины. (*Дух Экстаза — фигура крылатой девушки, украшающей автомобиля Rolls-Royce, прим пер.*)

Сад семинарии был хорошо освещен в прессе, также как и сам институт Чарлмонта, который был довольно-таки известен, хотя сад не совсем был открыт для общественности, но в то же время он не был и частным. С воротами с каждой из четырех сторон, это было центральное место, где начиналась и заканчивалась жизнь университета, где собирались первокурсники, а также вручались дипломы, созывалось духовенство, строилась сцена, иногда женились, а иногда люди просто приходили сюда... чтобы поразмышлять и побыть в тишине.

У нее вспотели ладошки, когда она направилась к воротам с круглым верхом, повернула старинную щеколду, толкнув решетку, вошла внутрь, почувствовав легкое головокружение.

На пару секунд красота вокруг и тишина ее настолько ослепили, что она глубоко вдохнула. Повсюду, насколько хватало глаз, были цветущие цветы, вокруг колыхалась зеленая листва, вымощенные кирпичом дорожки вели к ухоженным газонам посередине. Фонтаны стояли у стен, увитых плющом, издавая настоящую симфонию спокойствия, последний отблеск дня сливался с темным небом, и уличные высокие кованые фонари, разливали вокруг персиковый свет, вся красота вокруг напоминала Викторианский Лондон.

Без Джека Потрошителя.

— Сюда.

Она взглянула вправо, на звук мужского голоса.

Самюэль Ти сидел на каменной лавочке и смотрел на газон перед собой, поставив локти на колени, его лицо было серьезным, она никогда не видела его таким.

Она аккуратно пошла на своих шпильках по дорожке, выложенной кирпичом, боясь попасть в выямку каблуком, ободрать его... или, что еще хуже, споткнуться и растянуться перед ним, тем самым, поставив себя в глупое положение.

Как только она приблизилась, он поднялся на ноги, прежде всего он был

джентльменом, и для него было немислимо, не выказать уважения леди.

Быстро, крепко пожав руку, он указал на свободное место рядом с собой.

— Прощу.

— Так официально.

Но в ее голосе не слышался обычный яд, когда она произнесла эти слова. И опустившись на прохладный камень, она была вынуждена потянуть юбку на колени и сесть правильно, выпрямившись, поджав под себя ноги, а не положив ногу на ногу.

Какое-то время они молчали.

Наблюдая за призрачными тенями от цветов. Ветер еле-еле ласкал их головки и аромат разливался в воздухе.

— Ты это сделала? — спросил он, не глядя на нее. — Ты вышла за него замуж?

— Да.

— Поздравляю.

При любых других обстоятельствах, она огрызнулась бы в ответ, но в данный момент тон его голоса был настолько серьезен, что она не захотела вступить с ним в перепалку.

В последовавшей тишине, Джин крутила обручальное кольцо на пальце и тонкое из платины, которое появилось только сегодня.

— Боже мой, зачем ты это сделала, Джин? — Самюэль Ти. потер лицо. — Ты же не любишь его.

Хотя у нее возникло чувство, словно он говорил сам с собой, она прошептала:

— Если любовь — это требование для вступления в брак, то человеческий род никогда бы не женился.

Последовала еще одна долгая пауза, а потом он пробормотал:

— Мне есть, что тебе сказать.

— Да, я понимаю, — нараспев ответила она.

— И я не жду от тебя понимания.

— Зачем об этом заморачиваться.

— Потому что ты, моя дорогая, как ядовитый плющ для меня. Хотя я знаю, что все будет еще намного хуже, я не могу не дотронуться, чтобы потом не чесаться.

— О, это комплимент. — Она грустно улыбнулась. — Вы как всегда полны жизнерадостности.

Когда он очередной раз замолчал, она перевела на него взгляд, изучая его профиль. Он действительно был красивым мужчиной, с отточенными чертами лица, его полные губы, выпирающий подбородок, не делали его угловатым. Волосы были густыми, зачесанными набок. С авиаторами, висевшими на открытом воротнике рубашки ручной работы, с двойными пуговицами, он выглядел как игрок в поло, яхтсмен, со старой душой в молодом теле.

— Ты никогда не был таким тихим, — произнесла она, начиная беспокоиться о том, что он собирался ей сообщить. — Так долго не молчал.

— Вот ведь... черт, я не знаю, Джин. Я не знаю, что я здесь делаю.

Она не знала, что заставило ее так поступить (нет, как всегда она обманывала себя), когда протянула руку и положила ему на плечо, тем самым она признавала, что они оба страдают. И ей надоело быть такой гордой. Они оба устали от боевых действий, в которых никто из них не выиграл. Устала... от всего.

И вместо того, чтобы оттолкнуть ее, сказав пару язвительных фраз, Самюэль Ти.

развернулся... и она обняла его, он придвинулся ближе, свернувшись, чуть ли не улегся у нее на коленях.

И это было настолько правильным, когда она вычерчивала небольшие круги у него на спине, чувствуя себя комфортно, оттого, что она успокаивала его и ему было хорошо с ней. И да, его тело, которое она изучила вдоль и поперек, с которым она была во многих разных местах и во многих отношениях, было таким же мускулистым и подтянутым.

А сейчас казалось, словно они предназначены друг для друга.

— Что тебя так расстроило? — пробормотала она. — Скажи мне.

Наконец, он выпрямился, проведя ладонями по глазам, отчего она занервничала.

— Самюэль, что происходит?

Он выпятил грудь и выдохнул, сказав:

— Мне необходимо, чтобы ты просто позволила мне это сделать, ладно? Хоть раз в жизни... я не собираюсь сейчас спорить ни о чем... хоть раз в жизни, прошу тебя, просто выслушай. Не перебивай меня и ничего не говори. На самом деле, если ты ничего не скажешь, даже, наверное, будет лучше. Я просто... мне необходимо, чтобы ты выслушала меня, хорошо?

Он взглянул на нее.

— Джин, хорошо?

Внезапно, она осознала, что ее сердце забилось как сумасшедшее, и у нее на спине выступил пот.

— Джин?

— Хорошо. — Она обхватила руками себя за живот. — Ладно.

Он кивнул и поднял ладони кверху.

— Я думаю, что Ричард тебя бьет. — Он остановил ее рукой. — Не отвечай, помнишь. Я догадался, что он тебя бьет, и ты знаешь меня лучше, чем кто-либо. Как ты часто говорила мне, если я что-то решил, то только закон, принятый Конгрессом, способен изменить мое мнение на этот счет, поэтому ты не в состоянии этого сделать.

Джин сосредоточилась на красивых цветах... пытаюсь игнорировать тот факт, что ей не хватало воздуха.

— Я думаю, что ты стала носить шарфы, чтобы прикрыть синяки, которые он на тебе оставляет. — Его грудь поднималась и опускалась. — И хотя я могу вполне уверенно сказать, что ты множество раз доводила меня до безумия, но мне ни разу не приходило в голову поднять на тебя руку. Или на любую другую женщину.

Она на секунду закрыла глаза. А потом услышала, как невесело сказала:

— Ты больше мужчина, чем он.

— Дело в том, что я просто... мне необходимо тебе сказать, что мысль о ком-то, мне насрать, кто, бл*дь ударяет, дергает или с размаху налетает на тебя или... о, Боже, я не могу придумать, что еще может быть...

Она никогда не слышала, чтобы он внезапно умолкал, словно сглатывал слезы. Никогда не видела, чтобы этот самоуверенный, сводящий с ума мужчина, казался таким полностью разгромленным.

Самюэль Ти. откашлялся.

— Я знаю, что ты вышла за него замуж, потому что решила, что у твоей семьи нет больше денег и это испугало тебя. В конце концов, кроме богатства в своей жизни, ты ничего и не знала. Ты ничего не умеешь делать. Ты чуть не бросила школу из-за своего

ребенка. Ты всю жизнь порхала. Так что да, сама мысль, что ты не можешь сама себя обеспечивать, не подстраховавшись крутым состоянием, кажется очень страшной, я бы сказал может довести до точки, ну ты это не поймешь.

Она было открыла рот.

А потом закрыла.

— На самом деле, я хочу сказать тебе две вещи, — продолжил он. — Первая, я хочу, чтобы ты поняла, что ты достойна лучшего, не потому, что ты Брэдфорд. По правде говоря, неважно, что происходит с деньгами твоей семьи, ты сильная, умная, способная женщина, Джин... до сих пор ты использовала свои способности не в очень выгодном для себя свете, но откровенно говоря, перед тобой и не возникало никаких реальных проблем. Ты была воином без поля боя, Джин. Бойцом без врага, и ты кидалась на все и всех вокруг на протяжении многих лет, пытаясь выплеснуть свою энергию. — Его голос опустился, стал хриплым. — Ну, я хочу направить твою энергию в другое русло. Я хочу, чтобы ты была такой же сильной. Хочу, чтобы ты позаботилась о себе. Защищала себя. У тебя есть люди, которые... у тебя есть друзья, которые тебя любят, которые готовы тебе помочь. Но ты должна сделать первый шаг.

Он замолчал, а Джин почувствовала, как глаза стали пощипывать от слез, и у нее саднило горло, пока она пыталась сглатывать, чтобы не всхлипнуть.

— Ты можешь мне позвонить, — просипел он. — В любое время. Я знаю, что между нами полная неразбериха, но... Мы не можем друг с другом ладить, и доставили много разочарований и боли, но ты можешь позвать меня. В любое время дня и ночи. Независимо от того, где ты будешь находиться, я приеду за тобой. Я не буду спрашивать никаких объяснений. Не буду кричать или ругаться. Я не буду осуждать, и если ты будешь против, я даже не скажу Лейну или кому-нибудь еще.

Самюэль Ти достал свой сотовый телефон из кармана брюк.

— Отныне я буду вместе с ним спать. Никаких вопросов, никаких объяснений, никаких разговоров во время твоего звонка или после. Позвони мне или напиши, если ты позовешь меня даже в разгар вечеринки, я приеду к тебе. Все ясно?

Слеза сбегала у нее по щеке, он смахнул ее пальцем, и его голос дрогнул:

— Ты намного лучше, чем он. Ты заслуживаешь лучшего, чем это чмо. Славное прошлое вашей семьи не стоит мужчины, который тебя бьет только потому, что ты боишься остаться без денег. Ты сама по себе бесценна, Джин, независимо, сколько лежит на твоём банковском счете.

Теперь он поднял ее на ноги и прижал к своей груди.

Она слышала, как у ее уха стучало его сердце, отчего она еще больше зарыдала.

— Береги себя, Джин. Сделай все, что необходимо, чтобы обезопасить себя...

Он повторял эти слова снова и снова и говорил еще что-то о ее безопасности, надеясь, что наконец достучался до нее.

Когда она наконец немного успокоилась и села на скамейку, он вынул из кармана платок и стал вытирать ее щеки. Он смотрел на нее с грустью, от его взгляда ей было трудно поверить, после всего, что они пережили вместе, сейчас он был рядом с ней, готовый в любой момент помочь.

И возможно, этим они все и выяснили.

— А второе, что ты хотел сказать, — пробормотала она, глядя на свои туфли.

Он не ответил, она подняла на него взгляд... и отшатнулась.

Его глаза были какими-то отстраненными, да и тело напряглось, быстрая перемена произошла с ним.

— Второе... — Самюэль Ти. пробормотал выругавшись, откинув назад голову. — Нет, думаю, я оставлю это при себе. Это не поможет в данной ситуации.

Но она догадалась, что он хотел ей сказать.

— Я тоже люблю тебя, Самюэль.

— Думай о том, что ты сильная. Прошу тебя, Джин.

Через секунду он дотронулся до огромного бриллианта, а потом до платинового кольца, которое он загоразживал. Затем взял ее за запястья и прижался поцелуем к тыльной стороне ее ладони.

— Помни, что я тебе сказал.

Поднявшись, он показал ей свой телефон.

— Всегда на связи. Без вопросов.

И бросив на нее последний взгляд, засунул руки в карманы и пошел на выход, высокая фигура удалялась в сумерках, попадая в золотистый свет от фонарных столбов.

И он скрылся из вида.

Джин еще долго сидела на каменной лавочке, пока ночной воздух не стал настолько прохладным, что у нее на руках появились мурашки.

Но пока она не хотела идти домой.

Как только Эдвард произнес эти слова, находясь в переполненном ресторане, он поразился тому, что почувствовал легкость. Хотя слова были простыми, состоящие из слогов, в них не было ничего особенного, но при этом они несли в себе огромное значение.

Я кое в кого влюблен.

И на самом деле, он признался Саттон в своей любви. В бизнес-центре после того, как они занимались любовью. Но он так тихо произнес эти слова, что она не расслышала.

Шелби оглянулась на других посетителей. Официантов за стойкой бара и поваров в глубине кухни, готовивших блюда.

— Она — причина, по которой вы не знаете... что со мной делать?

— Да, — хотя он вспомнил те ночи, которые они провели бок о бок в его постели. — Но существует и другая причина.

— Какая?

— Я знаю, почему ты заботаешься обо мне. Твой отец был таким же, как я. Иногда мы делаем одни и те же вещи, понимаешь? Когда нам кажется, что с первого раза у нас не получилось.

Черт возьми, он поймал себя на мысли, что фактически рассказывал о себе — о себе, своих братьях и своем отце. Эдвард был предельно честен с самим собой, и ему всегда хотелось защитить своих братьев от человека, который третировал их, но ущерб им был все равно уже нанесен. Их отец был очень властным, несмотря на временные отсутствия, он все равно продолжал контролировать своих детей.

И его жестокость была еще страшнее, потому что он не выражал никаких эмоций, типа вспышек гнева или, когда человек начинает кричать и бросаться различными предметами.

— Я делаю то же самое, — тихо признался он. — На самом деле, я даже продолжаю поступать в этом духе... это значит, что мы с тобой похожи, на самом деле. Мы оба выискиваем какую-нибудь причину, чтобы спасти кого-то.

Шелби молчала, причем долго, у него даже появилась мысль, что она захочет встать и уйти, или выкинуть что-нибудь другое.

Но вдруг она заговорила:

— Я заботилась о своем отце не потому, что любила его, а потому, что если бы он убил себя выпивкой, чтобы я тогда делала? Матери у меня не было. Мне некуда было идти. Жить с пьяницей было намного легче, чем мыкаться по улицам в двенадцать или тринадцать лет.

Эдвард вздрогнул, попытавшись представить маленькую девочку, которая никого не интересовала, наоборот, это она заботилась, с отчаянием пытаясь вразумить взрослого пьяницу, чтобы каким-то образом выжить самой.

— Я сожалею, — ляпнул Эдвард.

— За что? У вас нет ничего общего с моим отцом пьяницей.

— Возможно, но ты столько за свою жизнь нагляделась на пьяниц, хотя бы в моем лице. И получается со мной ты все время оказывалась в положении, которое ты и так слишком хорошо...

— С вами я не оказывалась...

— Прости, че...

— ...не упоминай имя Господа всуе.

— ...хорошо.

Возникла пауза. А потом они оба рассмеялись.

Шелби снова стала серьезной.

— Я не знаю, что еще с вами делать. И я так ненавижу страдания.

— Это потому, что ты хороший человек. Ты, действительно, ЧВ (*черт возьми*) хороший человек.

Она улыбнулась.

— Вы сами себя подловили.

— Я учусь.

Прибыли их блюда — курица в бaskетах, уложенная на красную и белую бумагу, с тонкой и горячей картошкой фри, официантка, принеся заказ, поинтересовалась не хотят ли они еще содовой.

— Я голоден, — заметил Эдвард, когда официантка удалилась.

— Я тоже.

Они приступили к еде и замолчали, от еды ощущая себя просто прекрасно. И он поймал себя на мысли, причем радостной мысли, что у него не было с Шелби секса.

— Ты сказал ей? — поинтересовалась она.

Эдвард вытер рот салфеткой.

— Что? О... да. Нет. Она ведет совершенно другую жизнь, чем я. Она ведет ту жизнь которой я жил раньше, и я не собираюсь к ней возвращаться.

И для этого было достаточно причин.

— Вероятно, стоит ей сказать, — произнесла Шелби, откусывая курицу. — Если бы вы были влюблены в меня... я хотела бы об этом узнать.

Задумчиво произнесла она, но ее глаза не затуманились от мечтаний и не стали грустными от его потери. И как только она произнесла эти слова, он подумал, что она настолько же открыта к людям, как и лошадям, за которыми ухаживает.

— Я хочу тебе кое-что сказать. — Эдвард стукнул по доньшку бутылки с кетчупом на свою картошку фри. — И хочу попросить тебя кое о чем, чтобы ты сделала.

— Вы имеете в виду, что мне скажите первой и больше никто не будет об этом знать?

— Точно.

— Что это? Если речь идет о Набе, я собираюсь завтра вызвать ветеринара, чтобы он его осмотрел.

Он рассмеялся.

— Ты читаешь мои мысли. Но нет, речь не о нем. — Он снова вытер рот салфеткой. — Я хочу, чтобы ты сходила с Джоуи на свидание.

Она резко подняла голову, он тут же остановил ее от поспешных выводов, накрыв ее руку своей ладонью.

— Всего лишь на ужин. Ничего особенного. И предваряя твой вопрос, он не просил меня об этом, и, честно говоря, если бы узнал, что я веду с тобой такие беседы, он бы поколотил меня, и я бы захромал еще больше. Но мне кажется, тебе стоит дать этому парню шанс. Он сильно в тебя влюблен.

Шелби смотрела на него в полной растерянности.

— Он...?

— Ой, да ладно. Ты великолепно обходишься с лошадьми, и ты чертовски привлекательная женщина. — Эдвард поднял указательный палец. — Я не упоминаю

Господа все.

— Я просто не заметила от него ничего такого, кроме как вопросов по работе.

— Ну, тебе следует приглядеться.

Она откинулась на спинку стула и покачала головой.

— Вы знаете... я не могу в это поверить.

— Поверить, что кто-то может, на самом деле, увлечься тобой? Нормальный человек, который не пытается засосать тебя в свою собственную черную дыру саморазрушения, так что ли?

— Ну, и это тоже. Я просто никогда не могла предположить, что вы способны замечать нечто подобное.

Он взял колу, рассматривая банку с газированным напитком.

— Полагаю трезвость действует на меня как алкоголь на большинство людей. Я становлюсь более болтливым.

— Это шутка...

— Что?! И более честным.

— Очень мило. — Ее голос стал более мягким, и она отвела взгляд. — Это очень хорошо.

Эдвард откашлялся.

— Чудеса случаются.

— И я никогда не видела, чтобы вы столько ели.

— Много времени утекло с тех пор.

— Вам не нравится моя стряпня?

Он засмеялся и отодвинул от себя картошку фри. Если он съест еще хотя бы кусочек, то лопнет. И в прекрасном настроении он поднялся из-за стола, сказав:

— В данный момент я хочу мороженое. Пошли.

— Я не заметила, чтобы официантка принесла нам счет.

Эдвард наклонился и выудил из кармана тысячу долларов. Отсчитав две купюры по сто, он сказал:

— Этого должно хватить.

Шелби смотрела на него, выпучив глаза от удивления, он протянул ей руку.

— Вставай. Я объелся так, что мне необходимо закусить мороженым.

— Полная бессмыслица.

— О, в этом и весь смысл. — Он захромал на выход, обходя столики с другими посетителями. — Холодное и сладкое хорошо успокаивает желудок. Так всегда говорила моя мама, мисс Аврора, а она всегда права. И нет, я не ненавижу твою стряпню. Ты очень хорошо готовишь.

Выйдя на улицу, он опять воспользовался моментом, чтобы еще раз вдохнуть полной грудью ночной воздух и почувствовал себя очень хорошо, в груди разлилось легко ликование, кому-то другому оно могло придать несущественный оптимизм, но для него было настоящим облегчением.

— Если ты слишком объелась и не можешь вместить еще мороженое, — сообщил он ей, идя в перед и оглядываясь по сторонам, не едут ли машины, чтобы перейти улицу. — Возьми что-нибудь легкое. Например, ванильное мороженое. С шоколадной крошкой, но не бери с орехами и слишком сладкое. «Грэтер» лучше всего подойдет.

Они двигались через две полосы к ее грузовику, Шелби шла рядом с ним, сократив свой

шаг, приспособившись к его медленной походке.

— Сэр! О, сэр?

Эдвард оглянулся, когда они добрались на противоположную сторону дороги. Обслуживающая их официантка вышла из ресторана с деньгами в руке.

— Только двадцать четыре доллара за счет, остальное лишнее, — сказала женщина. — Это слишком много.

— Оставьте себе. — Он улыбнулся, когда она удивленными глазами посмотрела на деньги в руках, не веря своим глазам. — Я готов держать пари на свои ноги, что за день такой работы, к вечеру у вас начинает адски болеть спина. Я знаю, каково это. Побалуйте себя вечером чем-нибудь.

Она прищурившись внимательно его разглядывала... потом нахмурилась.

— Пойдите-ка... вы...

— Никто. Я никто. — Он помахал ей на прощанье рукой и повернулся к грузовику. — Просто еще один клиент.

— Ну, спасибо! — крикнула она. — Это самые огромные чаевые, который я когда-либо получала!

— Вы это заслужили, — ответил он через плечо.

Обойдя спереди грузовик, он открыл дверь и помог Шелби забраться внутрь, хотя она и не нуждалась в его помощи.

— Отлично, что вы дали ей столько чаевых, — сказала она.

— Ну, это лучшая еда, которую я ел, так что... без обид.

— Никто и не обиделся. — Она накрыла его руку своей, прежде чем он захлопнул ее дверцу. — Что вы хотели мне сказать, то, чего еще никто не знает?

Эдвард прислонился к двери, перенеся вес тела на другую ногу, потому что щиколотка начинала болеть.

— У тебя всегда будет постоянная работа в Red & Black. Столько, сколько захочешь, у тебя всегда здесь будет работа и квартира. Черт возьми, я даже вижу тебя и Мое, работающими вместе... и не вопрос пойдешь ли ты с его сыном на свидание, независимо от того, понравится ли тебе Джоуи или нет.

Шелби посмотрела в сторону, ему показалось, что он уловил кое-какие эмоции на ее лице. И пока Эдвард изучал ее лицо, он подумал: *«Да, наверное, именно так и происходит в нормальных семьях, когда у тебя есть младшая сестра».*

В их семье Джин была словно банши.

Или торнадо.

Несмотря на то, что он любил ее, никогда не чувствовал особенную близость. Он был не уверен, что Джин вообще была с кем-нибудь близка из братьев.

И сейчас, ему приятно было ощущать себя защитником, не собственником, а защитником, как старший брат к младшей сестре. Приятно сделать что-то хорошее, раз или два. Приятно послать в мир нечто иное, чем гнев кислоты.

Внезапно, она внимательно посмотрела на него.

— Почему у меня такое чувство, будто вы собираетесь уехать? — угрюмо поинтересовалась она.

В конце концов, Джин вернулась в Истерли, потому что идти ей было больше некуда. Поставив ролл-ройс с откидным верхом на определенное место в гараже, она подошла к входу на кухню и вошла, открыв дверь-сетку, и очутившись внутри самой кухни.

Как обычно на кухне был полный порядок, не было грязных кастрюль, заполняющих раковину, тихо работала посудомоечная машина, а столешницы блестели. В воздухе висел аромат чего-то сладкого, видно мисс Аврора опять мыла своим старомодным мылом.

Сердце Джина забилось быстрее, как только она направилась к двери в личные покои женщины. Поднеся кулак к деревянной двери, она остановилась на секунду, готовая постучать.

— Входи, девочка, — послышалось с противоположной стороны. — Не стой там.

Джин опустила голову, ей не хотелось, чтобы мисс Аврора увидела слезы в ее глазах, и открыла дверь.

— Как ты узнала, что это я?

— По твоим духам. Я ждала тебя. Я видела, как ты загнала машину в гараж.

Место, где проживала мисс Аврора было таким же, как и всегда — два больших пухлых кресла стояли у длинного окна, полки с фотографиями детей и уже повзрослевших были все там же, мини-кухня, была настолько маленькой и безупречно сияла чистотой, несмотря на то, что женщина была известным профессиональным шеф-поваром. Джин никогда не была в ее спальне и ванной комнате, у нее ни разу не возникало мысли попросить разрешения увидеть их.

В конце концов, Джин подняла на нее глаза. Мисс Аврора сидела в своем кресле, так же как и всегда, указывая ей на свободное, напротив нее.

— Присядь.

Джин молча подошла к креслу и присела, она не смела ослушаться. Она тут же пригладила юбку на коленях, вспомнив, как сделала тоже самое, когда встречалась с Самюэлем Ти. в саду.

— Аннулируй брак, — резко произнесла мисс Аврора. — И ты должна сделать это немедленно. Я христианка, но скажу тебе прямо, что ты вышла замуж за плохого человека. Опять ты сначала делаешь, потом думаешь. Ты не непослушная и не плохая, даже когда совершаешь ошибки, и твоя версия свободы — не выход с помощью бунта из-под чьего-либо контроля, твой выбор не в этом.

Джин должна была рассмеяться.

— Ты знаешь, за сегодняшний вечер ты уже второй человек, который говорит мне аннулировать брак, тем самым разрывая меня на части.

— Ну, скорее всего это потому, что Господь хочет, чтобы ты дважды услышала его послание.

Джин размышляла над ее словами, по поводу своего бунтарства и то, что она теряет контроль. Вспоминая бои с Ричардом у себя в спальне буквально прошлой ночью, когда она собиралась запустить в него лампой из японского фарфора «Имари».

— Мое настроение меняется очень быстро за последнее время.

— Это потому, что ты увязаешь ногами в песке. Ты не догадываешься, чего стоишь, и от чего кружиться у тебя голова.

Опустив подбородок на руки, она покачала головой.

— Не знаю, сколько еще я смогу вытерпеть.

Во время поездки из семинарии, она колебалась между сильными эмоциями, которые были настолько ясные в результате разговора с Самюэлем Ти... и сильным желанием опять вернуться к своей мании высчитывать и рассчитывать, старому способу решать все проблемы, как она привыкла делать всю свою жизнь.

— Нет ничего, что нельзя аннулировать и изменить, — сказала мисс Аврора. — И твоя настоящая семья не оставит тебя, даже несмотря на то, что в данный момент нет денег.

Джин подумала о поместье, в котором они сейчас находились.

— Из меня так и не получилось нормальной матери.

— А ты и не пробовала.

— Слишком поздно уже что-то начинать.

— Если бы я так рассуждала, когда появилась в этот доме и познакомилась с вами четверьмя, где бы вы все были сейчас?

Джин вспомнила те вечера, когда они впятером, все вместе ужинали на этой кухне. Несмотря на армию нянь, которая прошла через них, в основном потому, что они не сдавались няням, устраивая всякие козни и пытки, она и братья не складывали свое оружие, мисс Аврора была единственным человеком, кто добился их расположения, ее и братьев.

Джин пробежала глазами по фотографиям, стоявших на полках, и ее глаза снова увлажнились, как только она увидела свои... она указала на фотографию, где была еще маленькой с косичками.

— Это было по дороге в летний лагерь.

— Тебе было десять.

— Я ненавидела тамошнюю еду.

— Знаю. Мне пришлось откармливать тебя целый месяц, когда ты вернулась... а тебя не было дома всего две недели.

— А это Амелия, не так ли?

Мисс Аврора крикнула, разворачиваясь в своем кресле.

— Которая? В розовом?

— Да.

— Да, ей тогда было семь с половиной.

— Ты и о ней заботилась.

— Да. Она для меня как родная внучка, потому что ты для меня как настоящая дочь.

Джин смахнула слезы с глаз.

— Я рада, что у нее есть ты. Ее выгнали из «Хотчкисса», знаешь ли?

— Она мне сообщила кое-что.

— Я так рада, что она заходит к тебе поговорить...

— Ты же понимаешь, что я не буду здесь вечно, так ведь? — Джин посмотрела на нее, темные глаза мисс Авроры спокойно выдержали ее взгляд. — Когда я уйду, ты должна продолжить мою эстафету. Никто этого не сделает, только ты, сейчас девочка стоит на пороге взросления. Это тяжелое и нестабильное время. Ты должна сделать шаг вперед, Вирджиния Элизабет, или я клянусь, буду преследовать тебя из могилы. Ты слышишь меня, дочка? Я обернусь твоей совестью и не дам тебе покоя.

И впервые Джин внимательно пригляделась к мисс Авроре. Она выглядела похудевшей в своем халате, лицо осунулось и под глазами появились мешки.

— Ты не должна умирать, — еле слышно произнесла Джин. — Ты не можешь.

Мисс Аврора засмеялась.

— Это зависит от Бога, а не от нас с тобой.

Лейн не мог покинуть бизнес-центр, пока детективы не закончат свою работу. В результате, он шлялся по офису, убивая время, пока в конце концов, не очутился в святой святых, кабинете своего отца, опустившись в кресло, в котором всегда восседал его дорогой папа.

И это был момент от которого захватывало дух — ух ты!

Восседая на кожаном троне, он удивленно покачал головой, почему его не осенило это раньше.

Позади стола находились полки, заполненные стандартного образца в кожаном переплете книгами и дипломами в рамках за выдающиеся моменты прожитой жизни, своей славой производя впечатление на других людей с деньгами: трофеи парусного спорта, фотографии лошадей, бутылки бурбона, которые были чем-то особенными и необычными. Но Лейна заинтересовали не эти награды.

Он вдруг заметил встроенный, ручной работой, деревянный шкаф с выдвижными ящичками и особенно выделялся нижний.

Наклонившись, он подергал за ручки все, но они были заперты... и внимательно разглядывая их деревянную резную поверхность, он обратил внимание, что они не открывались ключом, а также не было видно панели, на которой можно было ввести шифр...

Открылись французские двери с террасы, и вошла Лиззи со стаканами сладкого чая в руках, длинная коробка Fig Newtons торчала из ее кармана шорт.

— Я проголодалась, — сказала она. — И почувствовала, что мне пора разделить с тобой эту вкусноту.

Она подошла к нему и оставила поцелуй на его губах, он усадил ее на колени и помог вынуть печенье.

— Как по мне, так отлично.

— Как обстоят там дела?

— Понятия не имею. Мне постоянно кажется, что они говорят, что все переписали и закончили, но еще по-видимому нет.

— Они там уже довольно долго. — Она открыла пластиковую упаковку и предложила ему. Он отрицательно покачал головой, она положила печенье себе в рот. — Больше они тебя ни о чем не спрашивали?

— Нет. — Сделав глоток чая, он вздохнул. — О, да. То, что нужно.

— Угадай, что?

— Говори.

— Я сама себя повышаю. — Он засмеялся, она утвердительно кивнула. — Я назначаю себя управляющей помещьем.

Как только она произнесла эти слова, он подумал, слава Богу. Потому что, счета копились, кто-то должен руководить обслуживающим персоналом, и возникало множество вопросов по хозяйству, требующих внимания, несмотря на то, что счета были заморожены. Но...

— Постой, у тебя итак полно работы. Сад и...

— Дело в том, что мистер Харрис уволился.

Лейн покачал головой.

— Знаешь, я чувствую от этого настоящее облегчение.

— Я тоже. Я даже помогла ему погрузить вещи. Я не хочу особенно вдаваться в подробности о нем, он столько всего наговорил. Но его чек не приняли к оплате, и это заставило меня задуматься, что происходит со счетом по домашнему хозяйству... содержание поместья обходится дорого, здесь постоянно нужны средства. Я имею в виду, мы должны заплатить всем официантам. Мы не можем оставить их выплату в подвешенном состоянии. За этим же следит управляющий, чтобы все оплачивалось вовремя, а также доставлялись необходимые продукты, единственное я не знаю, когда мы сможем произвести выплаты? Если не хватило средств для мистера Харриса? Значит для других их тоже нет.

— Черт, я даже не думал об этом.

— Я знаю, что ты заботаешься обо всех, чтобы всем было хорошо. Но мы должны добыть деньги, вложить их на счет хозяйственных расходов и сделать новую штатную ведомость. Если мы хотим сократить штат, то нам следует заранее заранее известить об этом персонал. Мы не можем поступить нечестно по отношению к ним, поскольку они добросовестно работали в поместье.

— Согласен. — Он снова поцеловал ее. — На все сто процентов.

— Я все выясню. Я все изучу и дам тебе знать, каково положение вещей. Но ума не приложу, где мы сможем найти деньги...

— На самом деле, я знаю. Я позабочусь об этом первым делом с утра, прежде чем прилетит Ленге.

— Ленге?

— Да. Завтра вечером я буду играть в покер с высокими ставками. И прежде чем ты скажешь, что это безумие, я тебе напомню, что я должен зарабатывать так, как могу, как умею... и это не много.

— Кто такой Ленге?

— Ленге... эээ. Мы называем его Богом зерна, его прозвище говорит само за себя. На самом деле, он тебе понравится. Он добрая душа и любит землю. Также хочу тебе напомнить, что я начал играть в покер со студенческих лет. Это единственное, что я умею делать хорошо. Она обняла его за шею.

— Я думаю, что у тебя найдется еще парочка других...

— Я не помешаю?

Лейн повернулся в кресле к двери, и подумал, совсем чертовски не уместно, что Мерримак выбрал именно этот момент появиться.

— Ребята, вы закончили?

Иииии улыбка.

— Мы получили то, зачем пришли. Мэм, приятно видеть вас снова.

Лиззи поднялась с его колен, но осталась стоять рядом с Лейном.

— Взаимно.

— Ну, я подумал, что вы захотите узнать, что я снял печать с двери кабинета главного бухгалтера. — Мерримак улыбнулся. — Все, что нам нужно мы забрали отсюда.

— Хорошо, — сказал Лейн.

— Нам как раз было интересно, когда это произойдет, — пробормотала Лиззи.

— Вам? Какое совпадение. — Детектив достал блокнотик. — Сейчас, мне нужен список людей, которые имеют доступ к безопасности компьютерной сети. Вы можете сказать, кто обладает такой информацией?

— Понятия не имею. — Лейн пожал плечами. — Я с радостью спрошу ИТ-отдел корпорации. Может, они знают.

— Или, может знает ваш брат Эдвард.

— Возможно.

— Скажите мне, он имеет отношение к установке программного обеспечения по безопасности?

— Не знаю. — Ладно, это была ложь. — Зачем ему это?

— Вы не знаете, устанавливал ли он или нет?

— До недавнего времени я не очень часто общался с семьей, и был не в курсе бизнеса.

Так что не могу ничего сказать.

— Ладно. — Детектив хлопнул ладонью по блокноту. — Думаю, мне стоит позвонить вашему брату и напрямую спросить его об этом.

— У него нет мобильного. Но я могу ему передать, чтобы он вам перезвонил.

— Нет необходимости. Я знаю, где он живет. — Детектив осмотрелся. — Конечно, обстановка здесь впечатляет.

— Есть такое.

— Вы, наверное, тоскуете по вашему отцу.

У Лейна тут же мелькнула мысль: «Может кто-то и купится на этого детектива, играющего роль а'ля Коломбо идиота, погрязшего в рутине расследования, но точно не я».

— О, конечно. Я безумно по нему тоскую.

— Отец и сын. Это всегда особая связь.

— Да.

Возникла пауза, Лейн не стал продолжать эту тему, поэтому Мерримак как всегда снова улыбнулся.

— Я слышал, что ваш брат Макс вернулся в родные пенаты? Это своего рода сюрприз для всех нас. Сколько лет, сколько зим прошло с тех пор, как он был в Истерли, не так ли?

— Да.

— Но он несколько дней пробыл в Чарлмонте. — Лейн нахмурился, детектив вопросительно приподнял брови, глядя на него. — Вы не знали об этом? Правда? У меня имеется парочка свидетелей, которые готовы присягнуть, что Макс встречался с Эдвардом. Причем днем, в тот же день, когда умер ваш отец. Вы знали, что они встречались?

Лейн почувствовал готовое вырваться проклятье, но он сдержался, благодаря силе воли.

— Вы ставите меня в неловкое положение, вы понимаете это?

— Неужели?! Это всего лишь простой вопрос.

— Не обижайтесь, но вы ведете расследование убийства, поэтому от вас не могут поступать простые вопросы, — ответил Лейн.

— До тех пор, пока вы говорите правду, не пытаясь кого-то прикрыть. Вы защищаете кого-то, мистер Болдвейн? Или вы что-то скрываете от меня? Потому что мы получили сейчас огромное количество информации, которое несказанно поможет в расследовании. Я настоятельно вам рекомендую быть максимально открытым и честным, если для вас такое возможно.

— Вы меня подозреваете?

— Если бы вы были подозреваемым, я бы вел с вами беседы в управлении полиции. Но мы же находимся не там, поэтому нет. — Улыбка. — Мне просто стало интересно, знали ли вы, что ваши два брата встречались.

Лейн глубоко вздохнул животом, пытаясь подавить искушение вскочить и побежать к коттеджу, где остановился Макс, и выбить все дерьмо из парня, пока не узнает, какого черта здесь творится.

Детектив снова улыбнулся.

— Думаю, мне теперь очевидно, что вы не знали об этом. Свидетели показали, что видели каждого из них на стороне реки Индианы. Ниже водопада. Именно в том месте, где было найдено тело вашего отца.

Лейн улыбнулся в ответ.

— Возможно, они решили полюбоваться видом на реку.

— Или обсудить, что может произойти с телом, если оно упадет с «большой пятерки» мостов. — Мерримак пожал плечами. — Или, возможно, они любовались видом реки. И вы оказались правы.

— Где ты была?

Джин вошла в свою спальню и совсем не удивилась, увидев Ричарда, сидевшего в белом обитом шелком кресле, с искаженным яростью лицом, его худосочные длинные руки и ноги подергивались, как если бы ее отсутствие поздним вечером, являлось личным оскорблением для него.

Было такое впечатление, словно кто-то адски его разозлил, словно разрисовал граффити весь его кабинет и поджог Библию прямо перед ним.

Закрыв за собой дверь, она остановилась, выжидая, когда в ее крови закипит огонь протеста, и ее мания борьбы поднимет свою голову. Она внутренне собралась, приготовившись к высокооктановым волнам сумасшествия, готовых начать бороться и помочь ей пережить эту ситуацию. Она была готова к оскорблениям, которые ни откуда возникали в ее голове и хитрой, стервозной улыбке на своем лице.

Но ничего этого не произошло.

Вместо этого, она испытывала сокрушительную тяжесть во всем теле, причем до такой степени, что даже когда он рванул из кресла к ней по белому ковру, она так и продолжала стоять на месте. И ее заторможенность была похожа не на ту, что она испугалась его... нет, она была совсем другой. Она превратилась в оцепеневшую статую... из которой вышел дух, паря над ее неподвижным оцепеневшем, превратившись в камень, телом.

Она смотрела на себя сверху, и наблюдала, как он, приблизившись почти вплотную, ругался и нес полный бред, потом дернул ее за руку, потянув за собой, и бросил на кровать.

Паря над собой, она отчетливо видела, что последовало за этим, ничего не чувствуя и не предпринимая никаких попыток остановить его... сверля взглядом его затылок, как двигались его худосочные плечи и ноги, пока он срывал с нее одежду, сдергивая ее вниз.

Одеяло из египетского хлопка скомкалось под ней, пока он потел, вдалбливаясь в нее, возвышаясь над ней.

Паря высоко Джин сосредоточилась на своем собственном лице, которое было довольно-таки красивым. Хотя глаза настоящей Джин были совершенно пустыми, при всем ее внутреннем свете и желании жить, сейчас они напоминали пару мертвых булыжников. «Мое хладнокровие достойно восхищения», — подумала она, наблюдая за собой лежавшей на спине и вспоминающей Англию или что-то другое.

«Что сказал Самюэль Ти? Мне стоит думать о Бергфорде?!»

Ричард кончил, его тело обмякло, затем он отстранился. Тело настоящей Джин так и осталось лежать совершенно неподвижно, пока он что-то ей говорил. Затем он встал,

развернулся на каблуках и вышел с гордо поднятым подбородком, как маленький мальчик, которому удалось успешно защитить свою песочницу от детей постарше, а сейчас он намерен оставить свою собственность, поскольку уже успел заявить своим права на нее.

Через какое-то время парящая Джин опустилась на кровать и присела рядом с настоящей Джин. Ей не хотелось возвращаться в свое тело. Лучше быть подальше от всего этого. Так проще...

Потом у нее возникла мысль, что ей следует прикрыть реальную Джин, поэтому она потянула одеяло, прикрывая ее нижнюю часть тела.

И в безмолвии реальная Джин подумала, что возможно она заслужила все это, все, что получала сейчас. Она не пропустила никого, кто когда-то был рядом с ней, намеренно высмеивая и умышленно громко критикуя, причем сознательно жестоко, а не шутки ради, каждого, в свое время возглавляя в классе клуб самых дрянных девчонок, в лагере и в школе... и что теперь, школа и оценки были позади, теперь же она была у всех на глазах, и все думали о ней, как об ужасной развратной женщине, ведущая праздный образ жизни.

Ну, как минимум, на то были свои обстоятельства.

Если учесть, что фактически пришли единицы, чтобы выразить свое соболезнование семье по поводу кончины отца. И того факта, что Тэмми больше тоже не собиралась приходить. Она явно бала понижена в своем статусе в глазах общественности, ее переместили на задний план.

Возможно это и была карма.

Возможно такое происходит, когда ты выбрасываешь в мир слишком много отрицательных, дурных эмоций. И цунами этих выбросов вернулось к ней с полной силой, со всем тем, что она сделала другим за все годы.

А с другой стороны... возможно, она просто вышла замуж за мудака по надуманным причинам, и Ричард был садистом-насильником, и жертва, в ее лице, была ни в чем не виновата... и не просто так это случилось с ней, может ей стоит на все взглянуть ясными глазами и набраться сил и мужества, чтобы покончить с этим раз и навсегда, а не дожидаться, когда он ее убьет.

Потому что именно этим все и закончится, она видела желание убивать в безумном, взбудораженном взгляде Ричарда, почуявшего азарт охотника. Со временем он уже перестал бы довольствоваться избиением и физическим насилием, она чувствовала это. Он собирался продолжить ее наказывать, причинять ей боль, потому что получал наслаждение, полностью подчиняя ее себе, но только если эта адская боль, идущая на надрыве, когда он бесится от злобы.

Его можно назвать мастером своего дела в издевательствах и насилии. И он ни на чем не остановится, потому что так и продолжит ее запугивать и издеваться.

Может, ей следует убить его первым?

Это была ее последняя мысль, когда сон накрыл ее, тело и душу, окутывая облаком бессознательности, и единственная мысль крутилась в голове: «Да, возможно выход из этого положения — избавиться от него».

А не в аннулировании брака.

На следующее утро Лейн принял душ и оделся, оставив Лиззи, спящей в своей большой кровати в Истерли. Прежде чем уйти, он целую минуту смотрел на нее сверху-вниз и думал, что наконец-то выбрал правильную женщину.

А потом он вышел из люкса, прошел коридор, спустился по парадной лестнице и вышел через главные двери поместья.

Porsche встрепенулось от поворота ключа, и он помчался вниз к подножию холма, потом свернул налево к АЗС «Шелл». Позже он выпил большой стакан кофе и съел завтрак в виде сэндвича в картонной упаковке, и направился в местный филиал банка, объезжая велосипедистов, застряв позади школьного автобуса, матерясь на минивэн, заполненный детьми, в общем дорога почти вымотала его полностью.

Хотя возможно он чувствовал себя измотанным по другой причине. Он не выспался, а кофе еще не начало действовать.

Какого черта, двое его братьев делали на том берегу? И почему об этом дерьме никто из них не обмолвился?

Значит, они хотели что-то скрыть. Понятное дело!

Как только детектив Мерримак и этот придурок Пит наконец-то покинули бизнес-центр, Лейн имел сильное желание отправиться в Red & Black, но он не был уверен, не отправится ли эта команда из полицейского управления сию же минуту туда самолично. Ведь Эдвард редко отвечал на телефон, а детектив явно способен довести дело до логического конца, идя как ищейка по запаху.

Лэйн не хотел напрямую вступать в конфронтацию с полицейскими, поскольку был чертовски уверен, что в данный момент готов применить к своим братьям парочку горячих действий.

Вчера на ночь он и Лиззи остались в имении, занимаясь любовью в домике у бассейна, а потом перебрались в ванну в его люксе, заснув в кровати.

Занятия секса и расслабленная ванна помогла снять стресс. Несмотря на то, что проблемы остались прежними.

Подъехав к стоянке банка, он обнаружил пустое место и поймал себя на мысли, что это именно то место, на котором он останавливался раньше, когда впервые узнал о существующих проблемах.

Он дал задний ход, пытаясь отыскать какое-нибудь другое свободное местечко.

Но кругом все места были заняты, выбора не было, он вышел из машины и опустил верх, на небе собирались тяжелые дождевые тучи, синоптики сегодня обещали ураган. Это и было Кентукки. Здесь не существовало сезонной погоды: можно было выйти утром в шортах и футболке, в полдень попасть под проливной дождь, а вечером надеть куртку и зимние сапоги.

Лейн достал из кармана льняного пиджака, который он надевал вчера, за звонивший телефон. Бросив взгляд на экран, он почти уже был готов отправить абонента на голосовую почту.

Выругавшись, он поднес трубку к уху и произнес:

— Я принесу тебе деньги.

Хотя он понятия не имел, где он их найдет.

Похоже Рикардо Монтеверди от страха обоссался, десять миллионов долларов наличными, разовое вливание, которое он ему предоставил, только благодаря Саттон, тем самым купив себе несколько дней отсрочки, кончались слишком быстро, нежели Лейн рассчитывал. Мужчина в очередной раз затянул свою песню, что у Лейна не осталось времени, чтобы спасти его задницу-иначе-он-разрушит семейное дело, гудел Монтеверди, на что Лэйн поднял глаза к небу.

Реактивный самолет с Ленге должен был прибыть через сорок пять минут... звонок Монтеверди был не то что не вовремя, а совсем не кстати, поскольку Лейн в течение последующих часов будет занят.

— Мне надо идти, — ответил Лейн. — Я буду на связи.

Повесив трубку, он переждал, когда проедет внедорожник, чтобы перейти на другую сторону улицы, направляясь к двойным дверям. Местное отделение PNC банковской корпорации было стандартным одноэтажным зданием, со стеклянным фасадом, как только он вошел внутрь привлекательная блондинка менеджер вышла вперед, приветствуя его.

— Мистер Болдвейн, как приятно вас снова видеть.

Он пожал ей руку и улыбнулся.

— Не возражаете, если мы немного побеседуем?

— Конечно. Пойдемте в мой кабинет.

Он пошел в кабинет и сел в кресло для клиентов.

— У меня умер отец.

— Я знаю, — сказала она, занимая место по другую сторону стола. — Мои соболезнования.

— Я не собираюсь тратить ваше... спасибо. Во всяком случае, я не собираюсь тратить ваше время, пытаюсь ввести новых подписантов по счету на хозяйственные расходы нашего имения. Я хочу открыть новый счет и перевести триста тысяч долларов как можно быстрее. Мы хотим автоматически перевести на этот счет выплату заработной платы всех сотрудников Истерли, и мне нужен список всего штатного расписания, кто получал по ведомости со старого счета и теперь перешел на этот. Сейчас в наших делах происходит большой бардак, но я хочу сегодня позаботиться обо всем обслуживающем персонале, возможно переведенные средства не останутся в полной сумме до понедельника.

Лиззи хотела сегодня утром поработать с Гретой над штатным расписанием, и он надеялся, что они смогут в нем разобраться и многих сократят. Чем быстрее они смогут сократить сотрудников, тем меньше станут их расходы.

— Конечно, мистер Болдвейн. — Менеджер начала печатать. — Мне нужно ваше удостоверение личности и понять откуда следует перечислить средства?

Из ниоткуда, и тут он услышал голос Джеффа у себя в голове: «Я инвестирую в твою маленькую компанию».

Черт, если бы его друг мог выписать ему чек на сумму, которая позарез была ему необходима. И если бы у него было бы больше средств, которые он мог бы использовать, благодаря трастовому фонду, но, этого не было, поэтому довольно-таки скоро он собирался начать распродавать свои акции, как только покончит с этим. Но главным для него в данный момент было — первое, сохранить крышу Истерли над головой своей матери, второе, сократить обслуживающий персонал, и третье, быть уверенным, что кладовая пополняется съестными запасами, и счета за электричество и воду оплачены.

Ох, а также ипотечные платежи Саттон Смайт, которые тоже стоит оплатить.

А потом? Все остальное было не столь существенным, пока они могли с этим справиться.

Он протянул свои водительские права и произнес номер своего счета в J.P.Morgan, она улыбнулась в ответ.

— Очень хорошо, мистер Болдвейн. Я буду счастлива перевести ваши деньги сию же минуту.

Двадцать минут спустя Лейн покинул банк. Он подписал все документы, которые ему протягивала менеджер, осуществив перевод штатного расписания на новый счет и позвонил Лиззи, объявив новости. Выплата заработной платы через прямой депозит была существенной вещью, Лиззи пройдет по штатному расписанию и управляющий банком тут же узнает, кто останется на должности в поместье, а кто будет уволен...

Лейн остановился посреди стоянки, заметив парня с горным велосипедом, стоявшим рядом с его машиной, тот показался ему слишком знакомым... сын Розалинды Фриланд.

Лиззи закончила говорить с Лейном по телефону и опустилась в первое попавшееся кресло в офисе бывшего главного бухгалтера. Она положила руки на мягкие подлокотники и откинулась на спинку кресла... и в этот момент поняла, что именно в этом кресле Розалинда Фриланд была найдена мертвой.

Подпрыгнув, вскочив на ноги, она отряхнула задницу шорт, хотя чехол с кресла чистили и выстирали после известных событий.

— Что ты думаешь? — спросила она Грету.

Немка подняла глаза над ноутбуком Розалинды, стоявшем на ее столе. Как и остальная часть кабинета, стол был таким же чистым, фактически освобожденным от всего, кроме настольной лампы, держателя для множества синих ручек «Бикс», и только в лотке для бумаг лежала бухгалтерская книга.

Кроме того, здесь не было никаких личных вещей Розалинды, которые ей захотелось бы убрать. Их просто не было все эти годы, а не потому, что женщина решила очистить свое место перед трагедией.

— Она очень хорошо вела бухгалтерскую ведомость выплат заработной платы, *ja*. — Ее бледно-голубые глаза были внимательными и сосредоточенными, смотря через яркорозовую, круглую, как пузыри, оправу очков для чтения. — Не хочешь взглянуть? На все. Здесь записаны все.

Лиззи обошла стол и выглянула поверх плеча своей партнерши. На экране ноутбука отображался график фамилий, контактная информация, почасовые ставки и премии. Прокрутив мышкой влево, Грета показала все, что было когда-либо выплачено за предыдущие пять лет, месяц в месяц.

— Очень хорошо. Это очень хорошо. — Грета сняла очки и откинулась на спинку кресла. — Я буду называть фамилии, а ты будешь говорить оставляем или нет.

— Всего сколько человек?

Грета потянулась к мышке и стала вертеть колесико. Прокручивая и прокручивая страницу.

Иииииии прокручивая.

Пока не дошла до конца ведомости.

— Семьдесят три. Нет. Семьдесят два.

— Вау. Ладно, давай пройдемся по каждому. — Лиззи схватила белый блокнот, с эмблемой Истерли сверху, а затем подцепила ручку «Бикс». — Я буду делать пометки.

Грета подняла руку.

— Я приостанавливаю получение своей зарплаты. Можешь записать меня первой в своем списке на выбывание.

— Грета, послушай...

— Нет, для нас, Джека и меня нет необходимости работать. Мои дети давно выросли и разъехались кто-куда, они живут сами по себе. Мне платят здесь зарплату, потому что я ее заслужила, благодаря своей работе. Но в данный момент? — Грета указала на экран. — В этом списке есть люди, которые больше нуждаются в деньгах, чем я. Я по-прежнему буду здесь работать с тобой... Что еще я могу сделать?

Лиззи глубоко вздохнула. Она тоже решила не получать больше зарплаты, хотя бы потому, что погасила свою ипотеку по ферме, но у нее была и еще другая причина.

Теперь Брэдфорды стали почти ее семьей.

— Мы заплатим, — произнесла она, — когда сможем.

— Если от этого ты почувствуешь себя лучше.

Лиззи протянула руку, собираясь пожать Грете руку.

— Только так я могу согласиться.

Грета подалась вперед, и ее огромный бриллиант в кольце полыхнул, на что Лиззи покачала головой. Ее напарница, наверное, была единственным садоводом в стране, почти такой же богатой, как поместье, в котором она работала. Но эта женщина органически была не способна сидеть без дела.

Грета также, помимо Лейна, для Лиззи служила своеобразным источником в своих логических рассуждениях.

— Не могу точно сказать, сколько потребуется времени, — произнесла Лиззи, они снова пожали друг другу руки. — Может быть...

— Где ваш дворецкий?

Услышав знакомый женский голос, Лиззи обернулась.

И мысленно выдав тираду проклятий, увидела в дверном проеме бывшую жену Лейна. Ну, почти бывшую жену.

Шанталь Болдвейн была в точности такой же, когда Лейн выгнал ее из дома, и выглядела она точно также, блондинка, привлекающая к себе внимание своим отменным вкусом. На ней по-прежнему был все тот же нежный загар, идеальный маникюр и ее наряд просто кричал, что она Богата, Молода и занимает высшую ступень в Социальном Обществе.

Например, сегодня она была в персиково-розовом, легком, как ветерок платье, точно подогнанным по ее фигуре. Оно не так плотно сидело вокруг ее живота, показывая, что она беременна.

— Могу я вам чем-то помочь? — спокойно спросила Лиззи.

Одновременно, положив и сжав рукой плечо своей подруги, поскольку женщина попыталась выбраться из кресла, но невозможно было сказать, то ли она собиралась оставить Лиззи и Шанталь наедине... либо просто перегрызть второй горло.

— Где Лейн? — огрызнулась Шанталь. — Я дважды ему звонила. Мой адвокат неоднократно просила его разрешить мне пройти в свою спальню, но он игнорировал звонки. Так что теперь я здесь, чтобы забрать свои вещи.

Лиззи взглядом приказала Грете оставаться на месте, подойдя к Шанталь.

— Я была бы счастлива сопроводить вас наверх, но не могу оставить вас там без присмотра.

— Значит, ты теперь работаешь еще и охранником? Да, уж слишком много у тебя работы! Я слышала, что никто так и не пришел выразить соболезнования по поводу кончины мистера Болдвейна. Какой позор!

Лиззи обошла ее, и Шанталь ничего не оставалось сделать, как последовать за ней.

— Вы привезли с собой грузчиков? Коробки? И у вас есть грузовик, куда вы собираетесь все это погрузить?

Шанталь остановилась посреди коридора для персонала.

— О чем ты говоришь?

— Вы сказали, что собираетесь забрать свои вещи. Как вы намерены их вынести?

Отлиииично. Сейчас Шанталь выглядела так, словно первоклассница, которой предложили сделать уроки по продвинутой физике.

— Мистер Харрис все организует, — наконец выдавила она.

— Он здесь больше не работает. Итак, что вы собираетесь делать?

Пустой взгляд калькулятора без батареек вернулся на ее красивое лицо, Лиззи испытала искушение оставить эту женщину здесь, в коридоре для персонала на все последующие двенадцать часов, пока та не найдет ответ, на казалось бы простой вопрос, при этом с удовольствием наслаждаясь судорожно работающими извилинами Шанталь и эмоциями, появляющимися у нее на лице от такой трудоемкой работы. Но похоже это отняло у Лиззи слишком много времени, и, честно говоря, присутствие Шанталь в доме ее напрягало.

— На какой машине вы сюда прибыли? — поинтересовалась Лиззи.

— Лимузине. — Конечно, на чем-то другом было бы просто не мыслимо!

— Грета, — позвала Лиззи. — Ты не могла бы принести несколько...

Немка тут же вышла и направилась вниз в подвал.

— В неисчерпаемых закромах прислуги. Да. Найдется все.

Очевидно, она подслушивала их разговор, и она бросила на Шанталь настолько убийственный взгляд, что та не может решить такую легкую проблему. Что если бы было настоящее ружье...

— Пойдем, — позвала Лиззи Шанталь. — Я отведу вас наверх. Мы что-нибудь придумаем.

Она уже помогла упаковать вещи болтуну мистеру Харрису. Поэтому решила продолжить в том же духе, похоже упаковка и перенос коробок должен был стать основной ее деятельностью на ближайшее время.

— Рэндольф. — Лейн направился к своей машине... и своему сводному брату. — Как ты?

— Дэмион, на самом деле. — Парень попытался запахнуть свой расстегнутый пиджак, но учитывая его долговязую фигуру и тот факт, что застегки не было, пиджак не очень его обтягивал. — Я не выслеживал ваш автомобиль. Я не преследую вас... ну, я просто шел в школу.

— В какой школе ты учишься? — Хотя, учитывая брюки цвета хаки, белую рубашку и сине-зеленый галстук, Лейн итак уже знал ответ.

— Чарлмонт Кантри Дей.

Лейн нахмурился.

— Разве это по пути?

Парень тут же отвел взгляд в сторону, потом перевел его назад.

— Я решил пойти обходным путем, потому что мне захотелось... я хотел... увидеть, что

из себя представляет... Знаете, дом..., где он живет. Жил.

— Понятно.

Дэмион уставился на асфальт.

— Я подумал, что ты разозлишься на меня или что-то типа этого.

— Почему? Это не твоя вина. Из-за того, что я не хочу иметь дело с некоторыми личностями, с которыми был связан мой отец, не значит, что я должен на тебя злиться.

— Моя бабушка говорит, что вы все меня возненавидите.

— Я ее не знаю и не собираюсь оскорблять ее чувства, но этого не произойдет. Я отвечаю за свои слова. Ты можешь приходить в любое время... я бы с удовольствием отвез тебя сию минуту, но в данный момент мне нужно встретить одного человека в аэропорту.

Дэмион еще раз взглянул на холм с Истерли, и Лейн поймал себя на мысли, что ему будет не просто привезти в свой дом при живой матери, лежащей наверху, внебрачного сына своего отца. Но поскольку мать даже перестала уже узнавать своих собственных детей, и в последнее время она фактически не покидала свою спальню, то такое было вполне возможно.

— Сейчас я опаздываю на школьное собрание.

После неловкой паузы, Лейн произнес:

— Скоро будут похороны. Мы хотели сделать это сегодня, но из-за погоды и по другим причинам отложили. Как я могу связаться с тобой? Я дам тебе знать, и ты можешь привести бабушку.

— У меня нет телефона. И я не знаю. Не думаю, что захочу прийти. Это слишком странно. Знаете... я не часто его видел. На самом деле, он фактически не приходил.

Иииии вот опять. Еще один сын страдал от этого человека.

Лейн выругался про себя.

— Мне жаль. Он был... очень сложным человеком.

Можно считать — на половину мудаком.

— Может позднее я захочу прийти на его могилу.

— Хорошо, тогда, — Лейн наклонился к машине и взял коробку из-под сэндвича. — У тебя есть ручка?

— Да. — Парень снял рюкзак и вытащил ручку с надписью Чарлмонт Кантри Дей. — Вот.

Лейн написал свой номер.

— Позвони мне, когда будешь готов. И я скажу тебе точно, где он будет похоронен. Также, дай мне знать, когда захочешь прийти в наше поместье.

Да, Истерли перешло в наследство его матери, но Уильям Болдвейн проживал в нем десятилетия и еще десятилетия. Если бы Лейн был подростком, как этот парень, и едва знал своего отца, он бы захотел посмотреть, где его отец работал и жил, несмотря на то, что тот умер.

— Хорошо. — Дэмион посмотрел на коробку с телефоном, убрав к себе в рюкзак. — Я сожалею.

Лейн снова нахмурился.

— О чем?

— Наверное, потому что твоя мать жива... А моя... и он...

— Хочешь совет, который на самом деле ничего не стоит. — Лейн сжал плечо парню. — Не пытайся чужие проблемы или недостатки взвалить на себя. Это совсем не

подходящая долгосрочная стратегия.

Дэмион кивнул.

— Я позвоню вам.

— Обязательно позвони.

Лейн наблюдал, как подросток поставил ногу на педаль своего горного велосипеда. И почему-то, когда Лейн заметил, что у парня на голове нет шлема, ему захотелось позаботиться о Дэмионе и самолично отвезти его в школу.

Но, возможно, Лейну бы тоже не помешало, чтобы кто-нибудь дал ему совет. У Дэмиона был опекун, и гипотетически он наследовал десять миллионов долларов, в зависимости от того, как все обернется с наследством. С другой стороны, у Лейн хватало других дел, и если честно, он находился уже на грани, как хрупкий фарфор, концентрируя свое внимание на своих возможностях.

Опустившись за руль, он завел двигатель и умчался с Дорн по дороге с твердым покрытием в аэропорт, всеми средствами избегая трудных транспортных развязок. Когда он, наконец, проехал ворота к частному аэродрому и увидел самолет, по трапу которого сходил Джон Ленге. Лейн выдохнул. Вау. Шорты для гольфа в этот раз были с рисунком травы. Ярко-зеленая трава на черном фоне, тысячи зеленых травинок.

Оторвать взгляд от такого буйства красок было просто невозможно.

Мужчина махнул рукой в знак приветствия, в другой неся потертый видавший виды чемодан.

— Подумал, что могу застрять здесь, — сказал он, подойдя к Porsche и кинув взгляд на свой багаж. — Лучше взять зубную щетку с учетом погоды.

— У нас имеется много спален. И моя мама готовит лучшую полезную еду. Вам нравится здоровая пища?

Ленге положил свой чемодан на шестидюймовое заднее сиденье.

— Господь Иисусе мой и Спаситель?

— Мне нравится ваш стиль.

Ленге сел и взглянул на льняной пиджак и слаксы Лейна.

— Правда? Ты уверен, сынок?

Лейн включил передачу и нажал на газ.

— Я не говорю, что мне подходит ваш стиль. Но на вас? Он смотрится отлично.

— Ты всегда обходишь острые углы, не так ли? — Ленге подмигнул. — Ты хорошо отдохнул? Готов играть в покер?

— Всегда, старина, всегда.

Ленге засмеялся, а Лейн свернул, направляясь к Истерли, разговор был на удивление вялотекущим. Пока они ожидали, когда внизу холма откроются ворота, Ленге подался вперед, чтобы взглянуть на настоящее раздолье Истерли.

— Мне нравится эта картинка на этикетках. — Покачал он головой. — Я должен дать вам кредит. Здесь огромные просторы на сколько хватает взгляд.

«Хорошо бы, чтобы мы могли сохранить эти просторы в семье», — подумал Лейн, усмехнувшись про себя.

Как только они поднялись на вершину, начался дождь, но Лейн тут же забыл о погоде, увидев длинный черный лимузин, припаркованный напротив парадного входа в дом.

— Кто это? — спросил он вслух.

Джон вышел из машины и достал свой багаж, Лейн опустил верх и подошел к лимузину.

Шофер опустил окно, Лейн не узнал его.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Здравствуйте, сэр. Я привез сюда Шанталь Болдвейн, чтобы забирать ее вещи.

Вот сучка.

— Нет, я не буду перекладывать вещи тонкой шелковой бумагой.

Лиззи открывала ящик за ящиком с одеждой, подумав про себя, что она не только не собирается использовать тонкую шелковую бумагу, перекладывая ею вещи, но Шанталь еще несказанно повезло, что она не открыла окно и не начала бросать все подряд на крышу ее лимузина.

— Но от этого вещи мнутся.

Лиззи повернула голову в сторону Шанталь.

— Пусть это будет самая меньшая ваша проблема. А теперь давайте, приступайте к работе. Я не собираюсь паковать все одна.

Шанталь выглядела обиженной среди пяти пустых коробок из неисчерпаемой кладовки персонала, которые принесла Грета.

— Обычно я не пакую свои вещи.

— Скажите на милость!

Открыв один из ящиков, Лиззи начала охапками хватать сложенную одежду — брюки, джинсы, штаны для йоги — без разбора укладывая их в коробку. Затем она перешла к следующему шкафу — нижнее белье. Господи, она вспомнила, что пережила тогда, когда тайком пробралась в гардеробную Шанталь, чтобы найти верх к трусикам, которые обнаружила под кроватью Уильяма Болдвейна, явно принадлежащие Шанталь.

Исподтишка, она взглянула на столик для макияжа.

Крови на зеркале не было, но само зеркало было по-прежнему разбито.

Она могла представить какая борьба шла между Уильямом и Шанталь. Но это было не ее ума дело. Тогда, что же касалось лично ее? Как можно дальше отправить эту женщину от Лейна и Истерли, насколько она могла, поэтому быстро складывала в коробки ее вещи.

«Это напоминает прополку клумбы под плющом, — решила она. — Выбросить сорняки, сохранив растения».

— Начать надо с вещей на вешалке, — приказала Шанталь. — Или я сниму их с самой штангой, на которой висит сотни тысяч долларов.

Шанталь ухоженными руками открыла стеклянные двери и медленно, аккуратно сняла первую вещь за вешалку с плечиками. По крайней мере, в такой манере она взяла несколько вещей и понесла их из комнаты.

Лиззи уже заполняла третью коробку, когда в гардеробную вошел Лейн.

Шанталь повернулась, посмотрела на него и тут же прикрыла руками живот.

«Да, да, мы все в курсе, что ты беременна, милая, — подумала про себя Лиззи. — Разве про такое возможно забыть?»

— Это мои вещи, — произнесла Шанталь со значимостью. — И я хочу их забрать.

Сейчас она была похожа на Мэгги-долбанную-Смит...

«Отличнично, хороший ход! Может ей стоит вручить сникерс? — подумала Лиззи. — И это не будет наградой для королевы красоты».

После всего, что сделала эта стерва, с ней никто не хотел связываться. Это не улучшило бы никак ситуацию, и Господь знал, что под этой крышей произошло уже всего слишком много. Пора сделать передых!

— Ага, — произнес Лейн, входя. — Тебе действительно стоит забрать свои вещи из

моего дома.

Он подошел к одному из застекленных шкафов, резко открыл двери и взвалил на себя скопом всю висевшую одежду, накрыв себя ею чуть ли не с головой. Когда он вновь появился, то захватил своими сильными руками огромное количество разноцветных слоев дорогого шелка, тафты и органзы.

— Джон! — позвал он. — Нам потребуется здесь лишняя пара рук!

— Что ты делаешь! — бросилась к нему Шанталь. — Что ты...

Коренастый пожилой мужчина вошел в гардеробную... Вау, в совершенно потрясающих шортах для гольфа. Кто знал, что одежда с травяным принтом будет пользоваться таким успехом?

— Привет, — произнес мужчина с мягким среднезападным акцентом и широкой открытой улыбкой. — Чем я могу помочь?

— Вытаскивай и спускай вниз к лимузину.

— Конечно, сынок.

— Ты не можешь! Вы не будете! Я не могу...

— О, а это моя невеста, Лиззи. — Лейн улыбнулся в ее сторону. — Мне кажется, вы не знакомы.

— *Невеста!* — Шанталь топнула ногой на шпильке. — *Невеста?!* — взвизгнула она.

Она снова топнула ногой, и Лиззи подумала, что переезд всегда напоминал ей эпизод из «Друзей».

— Это мой друг Джон, — сказал Лейн Лиззи. — Помнишь, Бог зерна?

— Привет. — Она махнула ему рукой. — Спасибо за помощь.

— Я фермер, мэ, поэтому работы не боюсь!

Парень посмотрел на Шанталь, которая была готова взорваться как петарда, затем подошел к ней, открыл рядом двери шкафа-купе и сгреб в охапку около двух десятков длинных платьев.

Словно обнимая радуго.

Двое мужчин двинулись на выход из гардеробной и люкса, Шанталь же последовала за ними, спотыкаясь об упавшие мягкие плечики, пока они несли ее одежду и за ними тянулся след, словно хлебные крошки.

Лиззи улыбнулась про себя и вернулась к упаковке коробки.

Мужчина чувствовал себя при этом очень хорошо, желая очистить свой дом.

Джин, находясь в своей спальне, слышала какую-то суету в коридоре.

Она была слишком занята, пытаясь отыскать свой мобильник, чтобы интересоваться, что там происходит. В прошлый раз она пользовалась им... пилоты. Она звонила по нему, когда находилась на частном реактивном самолете Ричарда. Может там она его и оставила?

Она обыскала всю кровать, но его не было. Под кроватью тоже. На декоративном бюро она тоже не обнаружила свой телефон.

Его не было и в ее сумочке.

Смутно осознавая подступающую панику, она направилась в гардеробную и близлежащую комнату. Беспорядок, который она устроила вчера на передвижном столике для макияжа, исчез, все было прибрано, и на мгновение она перестала думать о мобильнике, а поймала себя на мысли, что, возможно, пришлось убираться не одной горничной, а несколькими. Вчера она рассыпала румяна и тени для век, испачкала подводкой для век саму столешницу, перемешала губные помады, устроив настоящий беспорядок. Все, что возможно

было использовать вернулось на свои места, Маргели, должно быть, пришлось убирать все полотенцами для чистки стекол или чем-то еще, бумажными полотенцами... кто знал, чем.

Даже ковер превратился в белый чистый перевозданный ковер, словно на него никогда ничего не просыпали.

— Спасибо, — прошептала она, хотя находилась одна в комнате.

И подойдя к открытым полкам, на которых хранилась коллекция сумок Гуччи, Луи Виттона, Прада, она попыталась вспомнить с какой сумкой была последний...

Но раздавшийся телефонный звонок заставил ее дернуться.

Двигаясь исключительно на мелодию колокольчиков в глубь комнаты, мимо вешалок и открытых стеллажей с вещами, она открыла дверцы шкафа, за которыми... и вытащила розово-белый с кремовым шелковый плащ Акрис.

Она порылась в кармане и извлекла телефон, приложила его к уху, хотя номер ей был неизвестен.

Может, ей решил позвонить сам Господь Бог, чтобы сказать, что делать дальше.

Ведь вполне возможно, мисс Аврора может попросить его об этом.

— Алло?

— Миссис Болдвейн? — спросил женский голос.

— Да?

— Здравствуйте, я Джул Энтле. Я куратор общежития вашей дочери.

— Ой. Да. Да, конечно. — Это объясняло код 860. — Вы разыскиваете меня, чтобы мы забрали вещи Амелии?

Черт, мистер Харрис покинул нас. Кто может это сделать...

— Простите? Забрать ее вещи?

— Да, я должна немедленно послать кого-то, чтобы забрать ее вещи. В каком общежитии она живет на сей раз?

— Но семестр еще не закончился.

— Вы предпочитаете, чтобы мы подождали, пока разъедутся все студенты?

— Я... пожалуйста, простите меня, но я не в курсе. Я позвонила вам, чтобы узнать, когда она вернется. Я взяла на себя смелость поговорить с ее преподавателями, и если ей необходимо сдать экзамены из дома, они не против.

Джин нахмурилась.

— Экзамены?

Мисс Антле или Джул, или миссис куратор общежития, стала говорить более медленнее, словно решив, что Джин имеет трудности в понимании.

— Да, экзамены перед летними каникулами. Они начнутся в ближайшее время.

— Но зачем ей... простите, но насколько я понимаю, Амелию попросили покинуть школу.

— Амелию? Нет. С чего ей покидать школу? На самом деле, она одна из наших фавориток. Я даже вижу ее, когда она станет старшеклассницей, возглавляющей студенческое сообщество. Она всегда всем помогает, всегда готова все объяснить и ведет репетиторские занятия. Вероятно, поэтому ее избрали президентом класса.

Джин моргнула и увидела свое отражение в одном из зеркал, сидя в парикмахерском кресле. Господи, она выглядела просто ужасно. Вчера она не смыла косметику, хотя ее волосы за ночь спутались не очень сильно, но ее лицо... ее лицо выглядело как маска злобного клоуна с расплывшейся тушью и тенями на глазах.

Довольно иронично, что в ее жизни происходит полный бардак, а в жизни ее дочери все хорошо.

— Алло? — произнесла мисс Англе или Англете, или как там было ее имя. — Миссис Болдвейн?

У этой женщины, явно не было причин ей лгать.

— Мне очень жаль. Но здесь столько всего произошло.

— Я знаю, и мы соболезнуем вам. Когда Амелия узнала, что ее дедушка умер, она захотела вернуться домой на похороны. И мы понимаем, что она также захотела остаться и побыть с семьей, понимаем и готовы пойти ей на встречу. Но нам нужно узнать, как она собирается сдавать экзамены.

— Я поговорю с ней, — Джин, словно со стороны услышала свои слова. — И тотчас же вам перезвоню.

— Было бы здорово. Мы вспоминаем ее. Вы вырастили прекрасную молодую девушку, которая много хорошего принесет в этот мир.

Джин повесила трубку, продолжая смотреть на свое отражение. Потом она направилась к столику на колесиках с косметикой и села напротив в кресло.

Как она желала бы, чтобы у нее появился гуру, который смог бы решить за нее все проблемы и привести в порядок ее жизнь. Можно попробовать различные стили: заботливая мать, харизматичный профессионал, знойная женщина, но не морально разложившаяся тридцати трехлетняя.

Не было у Шанель такого стиля в одежде, который она смогла бы надеть на себя и стать совершенно другой, и это ее, действительно, беспокоило.

И, да, она должна, и она сможет сделать хотя бы первый шаг в этом направлении, во-первых, выяснить, почему Амелия решила, что вранье, будто ее выгнали из школы, будет отличной идеей, заставив членов семьи переживать и страдать, и строить планы, как ее вернуть назад в «Хотчкисс», чтобы она смогла закончить этот семестр... но внезапно акция спасения не потребовалась.

Господи, она даже не знала, где на самом деле находилась эта школа, только код региона.

Она вообще ничего не знала о своей дочери.

Пролистав контакты в телефоне, она нашла номер Амелии. На том конце трубки ее отправили к голосовому сообщению, она отключилась, ничего не сказав.

Где сейчас находилась ее дочь?

Поднявшись на ноги, она так и заснула в чулках, Джин вернулась в спальню и выглянула в главный коридор. Суэта, до этого разыгравшаяся в коридоре, затихла или перешла в другое место, Джин была одна, поэтому двинулась к комнате Амелии, постучав в дверь.

Когда ответа не последовало, она приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Девушка лежала в своей постели и крепко спала... или, по крайней мере, притворялась, что спала... и она была.... На ней была одета футболка «Хотчкисс», Джин рассматривала ее, дочь лежала к ней лицом, и ее ресницы, которые были такими же длинными, как у Самюэля Ти., бросали тень на щеки.

Амелия нахмурилась, повела бровями и перевернулась на спину. А потом на другой бок. Глубоко вздохнув, она, казалось, погрузилась в свой спокойный сон.

Джин закрыла дверь ее спальни.

Наверное, лучше привести себя в порядок, прежде чем она на кого-нибудь натолкнется в

коридоре.

Войдя в свою комнату, она напрямик направилась в ванную, снимая платье, в котором спала. Она резко отбросила его в сторону и залезла под душ.

Когда она проводила мочалкой с монограммой по руке, гигантский бриллиант на ее пальце сверкнул в электрическом освещении.

Не понятно откуда, она услышала голос Самюэля Ти. в своей голове: *«Ты должна позаботиться о себе»*.

— Вы помолвлены? — напирала на Лейна Шанталь, как только он закрыл багажник ее лимузина.

— Да, — ответил Лейн. *Разве не в сотый раз она спрашивает?*

Пока он упаковывал ее вещи, она бесконечно повторяла этот вопрос, хотя сама была плодовой мухой из ада, больше летала, чем помогала упаковывать макияж, бижутерию, короче все, что могло поместиться в большой удлиненный кузов лимузина. В данный момент она осталась наедине с Лейном, не считая водителя, который находился внутри машины с закрытыми дверями, зарывшись в своем сотовом телефоне. Похоже, что он не хотел, чтобы от их разговора в него попала шрапнель.

«Это потрясающая удача, что я выволок и избавился от всех ее вещей», — подумал Лейн.

— На самом деле, Лейн? — спросила Шанталь, и снова стали падать капли дождя. — Ты не мог подождать, пока высохнут чернила на нашем договоре о расторжении...

— Я готов был жениться на ней еще тогда, — отрезал Лейн. — И ты не в том положении, чтобы возмущаться по этому поводу.

Он бросил многозначительный взгляд на ее живот, Шанталь довольно улыбнулась, словно направляя в него девятимиллиметровый пистолет. — Когда об этом прочитаю?

— Что он от моего отца?

— Не понтифика же. Конечно твоего чертова отца!

— Так это уже есть в договоре. «Не предусмотрено» ни для тебя, ни для твоего ребенка. Если ты захочешь оспаривать данное положение, пожалуйста, но оно будет примерно так же прибыльным, как твоя профессиональная карьера... ой, подожди-ка. У тебя же нет не единой специальности. Официально, во всяком случае.

Она ткнула пальцем прямо ему в лицо.

— Я оставляю ребенка.

— В отличие от моего, да? — Он проигнорировал свою боль в груди. — Или ты все же поедешь в клинику Цинти, как только поймешь, что у тебя не будет на него денег.

— Может, на самом деле, я хотела ребенка *от твоего отца*.

— Возможно. На самом деле, я даже не сомневаюсь, что это так оно и есть. — Он открыл заднюю дверцу лимузина. — Исполнитель завещания моего отца Бэбкок Джефферсон. Свяжись с ним, запишись к нему на прием... и можешь судиться по поводу имущества. Делай все, что считаешь нужным.

Как только она уселась на заднее сидение, то произнесла:

— Ты будешь разговаривать со мной только через моего адвоката.

— Подруга, слова, которые слетели с твоего языка, разве не доказательство? И я с нетерпением жду звонка твоего адвоката... если он сможет подальше держать тебя от моего дома и собственности. Пока.

Он закрыл дверцу, прежде чем она успела ответить, махнул водителю, предлагая двигаться. Затем Лейн вернулся в особняк. Закрывая тяжелые двери главного входа Истерли, он понятия не имел сколько прошло времени.

Он ощущал, будто сейчас было около часа дня.

Направившись в глубь комнат, он нашел Джона Ленге в шортах с принтом травы в

игровой комнате. Но парень не сидел за покерным столом и не разминал пальцы над двумя колодами карт над сукном. Также он не вбивал шары на антикварном бильярдном столе. И не играл в шахматы сам с собою раритетными мраморными фигурками, а также он не сидел напротив доски с нардами.

Ленге стоял у дальней стены, рассматривая картины, развешанные на дубовых панелях.

С подсветкой сверху, изображение Иисуса Христа было выполнено в темно-коричневых и слоновой кости тонах, опущенные глаза Спасителя настолько были реалистичными, что практически можно было почувствовать Божественную жертву, которую он собирался принести.

— Не плохо, да? — приглушенно спросил Лейн.

Ленге развернулся, схватившись за сердце.

— Мне очень жаль. Я не хотел тут шастать. Но не смог удержаться, полагая что тебя и леди стоит оставить наедине.

Лейн вошел в комнату, остановившись у бильярдного стола. Шары лежали в «стрейт пуле» готовые начать игру, но он не мог вспомнить последний раз, когда кто-нибудь дотрагивался до них кием.

— Я ценю, что вы оставили нас двоих, — сказал он. — И вашу помощь. Вы сократили время ее разгрома в половину.

— Ну, думаю, я не проявил неуважение к той даме, потому что могу понять, почему ты решил построить семейный очаг в другом месте.

Лейн засмеялся.

— Вы со среднего запада быстро ставите всех на место.

— Я могу спросить тебя кое о чем? — поинтересовался Ленге, поворачиваясь спиной к картине. — Здесь на табличке... написано...

— Да, это Рембрандт. И мы проверяли его настоящую подлинность через несколько организаций. Документы, что это не копия, хранятся здесь где-то в доме. На самом деле, в прошлом году частный коллекционер, который приехал на Derby Brunch предложил моему отцу сорок пять миллионов... по крайней мере, я слышал об этом.

Ленге засунул руки в карманы, как будто боялся, что готов был дотронуться до настоящего шедевра, написанного кистью гения.

— Почему ты такую вещь скрываешь здесь? — Мужчина кинул взгляд через плечо. — Не в главной зале или где-нибудь еще? Я не совсем понимаю, почему такой шедевр находится здесь, а не в главной гостиной?

— О, для этого имеется свое объяснение. Моя бабушка, старшая ВЭ. как ее звали, совершенно не одобряла азартные игры, а также спиртное и курение. За границей она приобрела эту картину еще в тысяча девятьсот пятидесятом году и повесила ее здесь, чтобы мой дед и его «хорошие мальчики», страстно желающие погрешить, всегда видели этот шедевр перед глазами, понимая, кого они подводят, на самом деле.

Ленге рассмеялся.

— Какая умная женщина!

— Она вместе с дедом собирала картины старых мастеров живописи. Они развешаны по всему дому... но эта, пожалуй, наиболее ценна, хотя видеть ее может не каждый.

— Я хочу, чтобы моя жена увидела ее. Я бы с удовольствием сфотографировал ее на телефон, но по фотке о ней судить невозможно. Перед этой картиной нужно стоять и рассматривать ее. Воочию, ты понимаешь, о чем я?

— Вашей жене здесь всегда рады.

— Моя жена не любит путешествовать. Это совершенно не касается того, что она боится летать или что-то в этом духе, нет. Она ненавидит оставлять своих коров и цыплят. Она не может доверять их никому, также как и собак. Я больше тебе скажу, даже мне не может доверять. Для нее эти животные, как дети, знаешь ли?

Ленге повернулся с задумчивым выражением к шедевру, Лейн нахмурился, навалившись бедром на бильярдный стол.

— Вам действительно настолько нравится эта картина, не так ли? — поинтересовался Лейн.

— О, да.

Лейн взял с сукна белый шар и подбросил пару раз его в воздух, раздумывая.

— Знаете, — произнес он, — с прошлой нашей встречи у нас произошли некоторые изменения в компании «Брэдфорд Бурбон».

Ленге оглянулся через плечо.

— Я прочел о них в газете. Новый временный генеральный директор, аутсайдер. Мальчик, это умный ход... ты получил первоклассного управляющего, если собираешься контролировать свои финансы. И я готов поздравить тебя прямо сейчас, как председателя правления.

Лейн склонил голову.

— Спасибо. Мы разрабатываем план, оптимизирующий денежные потоки. Мне кажется, теперь я вижу выход из нашей черной дыры, благодаря Джеффу.

Гром прогремел за французскими дверями, Ленге кивнул.

— Я верю в тебя, сынок.

— Я думаю, что если вы дадите нам зерна на два месяца, мы выплавим. Конечно, мы предоставим вам самые выгодные условия. Но, то что предлагает сделать Джефф, мы продержимся и поднимемся.

— Ты говоришь так, словно не желаешь со мной переброситься картами, сынок?

— Не совсем. — Лейн прищурился. — На самом деле, у меня есть еще кое-что, что могло бы вас заинтересовать перекинуться картами.

* * *

Благодаря грозе с ливнем и градом, пузырившемся на равнинах штата и дрейфующей над сердцем Индианы и Кентукки, умопомрачительная дневная жара милосердно отступила.

И это означало, что Эдвард наслаждался работой, которую он совершал в Red & Black.

На этот раз на конце палки не было метлы. Не в этот раз.

Как только снова с фиолетово-серого неба пошел ливень, и молнии с большей силой затрещали вокруг, он опустил руку с молотком и вытер пот со лба свободной рукой. Сколько лет прошло... с тех пор, как он строил ограждение, хотя он уже чувствовал, судя по боли в плечах, что заплатит за свою глупость в последующие дни. Но когда он посмотрел на пять секций забора, выкрашенных коричневой краской, которые разделяли пастбище, и посчитал количество гвоздей, которое он добавил в хлипкие доски, закрепив их более надежно, он даже покраснел от простой гордости, поднявшейся у него внутри.

Да, он потратил всего лишь час на эту работу, но уже был готов бросить. На самом деле, настоящие мужчины работали на полях в течение восьми или десяти часов.

Но для него это было только началом.

Прямо перед концом.

Он захромал обратно к пикапу Red & Black с сумкой инструментов и вспомнил о водке, которую привез с собой, но оставил в кабине.

Ему понадобится немного больше. Но немного.

Сев за руль, он закрыл дверь и достал фляжку. Один глоток. Второй. Потом он запил Gatorade (*разновидность энергетического напитка компании PepsiCo*), словно это было лекарство. Похоже, у него имелось еще два дня, учитывая, когда детективы изъяли пленку, и вероятно, все будет не так уж плохо. Он не знал, как будут разворачиваться события, однако, решил держаться до конца.

Запуская двигатель, Эдвард направился в сторону коттеджа, трясясь на ухабах и срезая мятлик, своим грохотом спугнув ястреба, скрывающегося в ветвях деревьев, у впадины, наполненной водой, к которой тянулась из гнезда пара воробьев с низко расположенных веток.

Эдвард внимательно всматривался во все, стараясь запомнить, начиная с простирающейся холмистой местности... и изгороди, которую он починил, отгораживающей прекрасный зеленый душистый луг... и показавшиеся недалеко величавые конюшни с крышами из красно-серого шифера, которые заставили его вспомнить своего деда. Струйка пота скатывалась у него между лопатками, он до сих пор не установил кондиционер в кабине. Все, кто занимался физическим трудом отлично знали, что после разгоряченной работы, ты весь потный. И кратковременное облегчение в грузовике с кондиционером, не помогло бы тебе, а сделало бы только хуже, понизив температуру тела перед тем, как ты возвратишься в жару.

Плюс, он подумал, что для него потеть было бы даже полезно.

Он припарковал пикап с тылу и вышел с сумкой гвоздей и молотком, направившись к конюшне В. Ему показалось, что вес сумки с инструментами увеличился на пятьдесят фунтов, когда он взял ее впервые, направляясь к изгороди. Черт, а ему то казалось, что он оставил сумку с инструментами в кабине, пока ехал сюда.

Войдя через задний отсек, он услышал голоса, мужской и женский, поэтому замер на месте.

Шелби и Джоуи стояли перед стойлом Наба. Шелби говорила о жеребце... скорее всего, как его стоит успокаивать его во время надвигающейся грозы. Джоуи соглашался с ней, по-видимому, она предлагала опять надеть жеребцу капюшон на голову.

Умный ход. Именно так бы сделал и сам Эдвард.

Джоуи что-то еще сказал. Она быстро ответила.

Потом Шелби взглянула на Джоуи. Отвернулась.

Джоуи посмотрел на Шелби. И тоже отвел взгляд в сторону.

Прислонившись к толстым перекладинам двери конюшни, Эдвард опустил вниз сумку с инструментами, скрестил руки на груди... и улыбнулся.

Потом резко распрямился.

Пока он наблюдал за ними двумя... а он прекрасно их видел и весь отсек передней части конюшни.

— Постой. Что ты сказал?

Вернемся в игровую комнату Истерли, Джон Ленге отвернулся от Рембрандта, и судя по выражению его лица, Лейн мог спокойно бросить дымовую шашку в центр стола, но парень

с Запада все равно бы не заметил.

Лейн кивнул на картину своей бабушки.

— Давайте играть на нее.

— Ты говоришь это не серьезно.

— С чего бы? Потому что она стоит минимум сорок пять миллионов, и слишком многое поставлено на кон.

— Не в этом суть. Почему ты вдруг захотел с ней расстаться?

Точно, только миллиардер может спросить об этом с совершенно каменным лицом. Я имею в виду каждое слово, которое он произнес.

«Вам, наоборот, стоит радоваться, что я согласился», — мелькнула мысль у Лейна.

— Вы же заинтересовались. — Он поднял ладони. — С одним условием — я предоставляю вам возможность ознакомиться со всей документацией и страховым полисом, и конечно обсудить это с женой. И да, я знаю, что вы хотите посоветоваться с ней, но имейте в виду, если вы выиграете у меня, то получите возможность привезти картину к себе домой.

Ленге потер свой волевой подбородок, его огромные бицепсы на руках медленно перекачивались.

— Давай-ка все уточним. Я кладу на кон сорок пять миллионов. Ты выставяешь картину?

— Должно лежать на кону сорок пять миллионов плюс налог на увеличение рыночной стоимости, который мне придется заплатить. Мне нужно сорок пять миллионов, но я могу сию минуту позвонить человеку, который выдаст точную цифру налога. И эта картина, хочу вас заверить, не относится к имуществу моего отца. Это капитал, принадлежащий моей матери, подаренный ей ее матерью, когда старшая ВЭ переехала, и моя мать стала хозяйкой Истерли. Поэтому эта картина не обременена правом собственности.

— А твоя мать...

— Она никогда не была ее фанаткой. Она млеет от Максфилда Пэрриша. По ее мнению, у ее матери, т. е. моей бабушки, был слишком своеобразный вкус.

Да, возможно по материнской линии возникнут проблемы, но на самом деле, проблем не должно было быть. Ему понадобится доверенность, оформленная задним числом от матери в пользу Лейна, которую ему сможет сделать Самюэль Ти... и его давний друг сделает ее не раздумывая.

Лейн еще раз решил все уточнить, чтобы все стало окончательно ясно.

— Сорок пять миллионов плюс налог на увеличение рыночной стоимости по этой картине. Пять карт — «Техасский холдем». Одинаковое количество фишек. Мы играем один на один, пока один из нас не проиграет. Я предоставляю вам все документы, которые у нас есть на эту картину... и если по какой-то причине вас не устраивает стоимость, которую я заявляю, я выставяю другие картины, которые у нас тут имеются, чтобы покрыть разницу. — Лейн указал на картину. — Я еще не закончил. Куратор из музея изящных искусств по мастерам «золотого века» в прошлом году присутствовал на Derby Brunch. И отец поинтересовался у него, стоит ли ему продавать эту картину за сорок пять миллионов, ответ был нет, потому что она стоит около шестидесяти.

Джон снова повернулся к картине.

— Ее стоимость никогда не уменьшится, — сказал Лейн. — Ваши деньги будут всегда находится в самом безопасном месте. Кроме того, таком красивом. Если вы у меня выиграете.

Прошли пара минут, прежде чем Бог зерна оторвался от картины и повернулся к Лейну. Непреклонным голосом, как будто он желал, ответить что-то совершенно другое, Ленге произнес:

— Я лучше позвоню жене. А тебе лучше принести мне документы на картину.

У Саттон одно совещание сменялось другим.

Не переставая.

И сейчас она ехала на другое совещание из штаб-квартиры корпорации «Ликеро-водочные заводы Саттон» делового центра Чарлмонта в округ Огден.

Ее «Мерседес», словно по своей собственной воле, совершил левый поворот, выезжая на идеально асфальтированную полосу, которая напрямую вела к конюшням Red & Black. Седан двигался через поля, мимо прекрасно обустроенных амбаров... маленького коттеджа сторожа, в котором жил Эдвард.

Она припарковалась на небольшом пяточке, на том, что и раньше, и вышла с намерением... ну, черт, так далеко она не загадывала. Подойдя к его двери, она постучала, и не получив ответа после нескольких попыток, толкнула дверь.

Она предполагала увидеть Эдварда чуть ли не полумертвого все в том же кресле, как и в тот раз, измученного от травм, алкоголя и горечи, именно такого она предполагала его увидеть.

Но кресло было пустым.

Чувствуя, будто спасение, что она не выставила себя полной дурой, она закрыла дверь и подумывала вернуться к своей машине, нажать на газ и умчаться отсюда, поскольку у нее было еще время заняться финансовыми должниками перед тем, как она отправится на ланч с Ричардом Пфордом по поводу новых дистрибьюторских контрактов на продукцию Саттон, ланч, которую она ждала без особой радости. Мужчина был примерно таким же харизматичным, как счеты, но на кону стояли миллионы долларов, и с ее стороны должны были присутствовать не менее четырех юристов и трех членов из высшего руководства.

Так что, да, изучение финансовых задолженностей — это именно то, что ей было необходимо.... Чтобы разогреться.

Но краем глаза она увидела припаркованный грузовик Red & Black за ближайшей конюшней. И она заметила Эдварда, выбирающегося из кабины, направляющегося внутрь, он не увидел ее, поэтому все ее намерения по поводу финансовой задолженности были разорваны тут же в клочья.

В конце концов, она направилась к переднему входу в ту же конюшню, несмотря на дождь.

Внутри было светло, и она увидела женщину, стоящую у стойла посередине, беседующую с кем-то... и Эдвард тоже остановился и с противоположного конца смотрел на нее, сложив руки на груди и прислонившись к открытым дверям.

Выражение на его лице...

Саттон раньше никогда не видела такого выражения у него на лице. Воодушевленное. Заботливое. Слегка грустное.

И глядя на него, она более внимательно стала всматриваться в девушку. Она была небольшого роста, поджарой, ее бедра утягивали джинсы, на ногах сапоги, светлые волосы собраны на затылке в практичный хвост. Трудно было судить о ее облике, видя всего лишь профиль, но кожа у нее была поцелована солнцем, и всем своим видом она излучала молодость и здоровье, а также профессионализм, чем занималась.

Время от времени, она поворачивалась к мужчине, стоящем рядом с ней.

Она не видела Эдварда.

А Эдвард не замечал Саттон...

Как будто он прочитал ее мысли, он перевел взгляд и выпрямился. И в тот же момент, женщина и мужчина увидели ее, поняли, что не одни, поэтому все встрепенулись.

Саттон тут же выскочила в открытую дверь, едва не потеряв равновесие благодаря своим шпилькам... которые напомнили ей о том, что женщина, стоящая напротив, была в своей стихии, в джинсах и сапогах, Саттон явно была здесь не к месту, поскольку в костюме от Chanel она не может ездить на лошади и передвигаться по конюшне в своих Лабутенах.

Для Эдварда это была новая жизнь. Он всегда интересовался лошадьми, но сейчас он разводил жеребцов и выставлял их на скачках, продавал, он серьезно относился к своей работе.

И эта женщина, естественно, красивая, в хорошей физической форме, идеально подходила для такой работы на конеферме. Идеально подходила ему новому.

Саттон свернула к своему «Мерседесу», думая о своей новой должности и корпоративной стратегии, все это было и в его старой жизни.

Ей не следовало сюда приезжать.

— Саттон!

Как только он окликнул ее, она порывалась быстро впорхнуть в автомобиль побыстрее уехать отсюда, но побоялась, что он попытается ее догнать и тем самым причинит себе только вред.

Остановившись под дождем, она готова была развернуться на девяносто градусов: она думала о нем не переставая, вспоминая, как они были вместе, а между тем, он находился здесь с этой женщиной... и даже если в данный момент он был не с ней? Пойти, посмотреть ему в глаза? Собирался ли он быть с ней или...?

Расправив плечи, Саттон развернулась на своих шпильках на мокрой траве. И на мгновение опешила.

Эдвард выглядел намного лучше, даже покраснелся, его кожа не была уже такого сероватого оттенка...

Ну, возможно, ему стыдно, что он попался. Он, конечно, не сделал ничего плохого, но... Она всего лишь засекла его, но ведь они и не были в отношениях.

— Прости, — произнесла она. — Мне не следовало приезжать.

Он остановился перед ней.

— Идет дождь.

— Что? — Он странно на нее посмотрел, она махнула рукой. — Я имею в виду, конечно. Да.

— Пойдем внутрь.

Он взял ее за локоть, она отрицательно покачала головой.

— Нет, честно, все нормально...

— Я знаю. Но пойдем внутрь. Молния...

Вспышка и послышался жесткий раскат грома! Сверкнувшая молния, ударившая откуда-то из-за леса, заставила ее почувствовать себя так, будто Бог решил преподать ей урок за всю ее жизнь, хотя, она не могла вспомнить за что именно.

О, кто она такая, чтобы так шутить. Она хотела, чтобы вся история с Эдвардом закончилась. Ей необходимо было переварить увиденное.

— Пошли, — сказал он. — Прежде чем нас здесь убьет.

Направляясь к коттеджу, она вспомнила губернатора штата, предлагавшего ей пойти на свидание, и которому она тогда отказала, а сейчас ей показалось это была не такая уж плохая идея.

Оказавшись внутри, Эдвард включил свет, и стена с серебряными трофеями засверкала.

— Давай я принесу тебе полотенце.

— Я в порядке. — Правда? Ты действительно в порядке? — Честно говоря, мне не стоило приезжать.

Она твердила эти слова постоянно, как припев.

Игнорируя ее протесты, он передал ей полотенце цвета малины. Вероятно, его стирали раз сто. Махровая ткань стала такой мягкой и прозрачной, как замша, она промокнула лицо, стараясь не испортить макияж, а про себя подумала, что ее дорогие полотенца Matouk не были так хороши.

Она также решила, что его маленькая подружка, переместиться из конюшни к нему в коттедж, и вот-вот войдет. И ей не потребуется обсыхать, как Саттон, поскольку она почти не вымокла.

Ей всего двадцать. Ну, двадцать два максимум. А Саттон в свои тридцать восемь, чувствовала себя столетней.

— Я подумывал тебе позвонить, — сказал Эдвард, направляясь в кухню.

Он открывал и закрывал шкафчики, но этот звук показался ей настолько громким, как взлет реактивного самолета.

— Я не хочу ничего пить...

Он вернулся и протянул стакан, она нахмурилась, почувствовав предательский запах...

— Это мой лимонад?

— Да. Или, по крайней мере, должен быть близок к нему. — Он доковылял до своего кресла и смачно выругался, опускаясь. — Я вспомнил рецепт твоей бабушки.

Она сделала маленький глоток.

— О, у тебя несомненно получилось.

— Отжим лимонов лишило меня полностью сил.

— Они должны быть свежими.

— В том-то и весь смысл. — Он окинул ее внимательным взглядом, выделяя все особенности ее фигуры. — Ты выглядишь... очень хорошо.

— Если не считать, что у меня мокрые волосы, и я...

— Нет, ты прекрасна, как всегда.

Саттон опустила взгляд на свой стакан с лимонадом, но она чувствовала, что он продолжал наблюдать за ней.

— Почему ты смотришь на меня так?

— Я хочу запомнить тебя такой.

— Зачем?

— Мне нужны эти воспоминания, согревающие в ночное время.

Она тут же подумала о той женщине в конюшнях и почти уже готова была спросила, почему они поругались. Но у нее не было на это права. Или... вероятнее всего, она не хотела знать правду.

— Саттон, на самом деле, я...

— Что?

Он негромко выругался.

— Я хотел бы дать тебе то, что ты заслуживаешь. Я, на самом деле, считаю, что ты заслуживаешь лучшего. Ты... самый удивительный человек, которого я когда-либо встречал. И мне стоило сказать тебе об этом раньше. Я хотел. Я хотел... много чего сделать в той, своей прошлой жизни. Но для меня... жизнь изменилась, ты знаешь. Я уже никогда не буду тем, кем, когда-то был. Я не смогу заниматься тем, что делал раньше, я не смогу общаться с людьми, с которыми раньше встречался, пока я был на руководящем посту в компании, в которой я... черт, побери работал. Это никогда не повторится и никогда не вернется.

Саттон прикрыла глаза. И в тишине, которая только усиливалась, он ждал, когда она ответит на его слова, но единственное, что она могла сделать, это кивнуть: она боялась, что если заговорит, то рыдания вырвутся наружу.

— Тебе необходимо иметь рядом определенного мужчину, я же не могу предоставить тебе ничего. Я совсем не подхожу для твоего статуса в обществе...

— Меня совершенно не волнует, что будут думать о нас люди.

— А тебе стоит об этом задуматься. Ты являешься руководителем компании. Ты возглавляешь корпорацию «Ликеро-водочные заводы Саттон». Я хочу сказать, что возможно, все будет не настолько плохо, если ты продашь свое имя, в обмен на помощь мужчины, который сможет привнести в твой бизнес что-то новое. И тебе необходима стабильность в жизни. Ты заслуживаешь мужчину, которой будет любить тебя по ночам и удерживать в своих объятиях, и на общественных мероприятиях он всегда будет стоять рядом с тобой, выполняя вполне обыденные вещи. Не обманывай себя, Саттон. Ты же прекрасно знаешь, что я прав.

Она сделала еще один глоток лимонада.

— Тогда почему ты занимался со мной любовью позавчера?

— Потому что я бесхребетный мудака. И иногда мы все совершаем поступки, заранее зная, что они не правильные, но мы все равно их совершаем, потому что они для нас необходимы.

— Ах.

— Я никогда не смогу тебя забыть, Саттон. Никогда.

— Ты говоришь так, словно округ Огден находится на другой стороне мира.

Видно, не географическое расстояние было проблемой.

— Если ты возненавидишь меня, — грубо произнес он, — я не буду тебя винить.

— Я не собираюсь тебя ненавидеть. — Она сделала несколько шагов вперед к стене с трофеями, ей не хотелось, чтобы он видел ее глаза. — Скажи мне что-нибудь.

— Что?

— Когда я смогу увидеть тебя снова и о...

— Ты больше не увидишь меня.

Внезапно, она представила, как он собирается избегать ее на скачках Derby, как будет прятаться за дальнюю колонну или же в ванной комнате.

— Ты не увидишь меня, Саттон, — повторил он.

— Значит, ты на самом деле будешь блокировать любую встречу со мной, да? — Она обернулась и указала на свой стакан. — Не возражаешь, если я поставлю его куда-нибудь? Я не очень хочу пить.

— Я возьму его.

С высоко поднятым подбородком, она подошла к нему и передала свой стакан ему. И ей показалось, что в этот момент было бы вполне уместно, если бы гром сотряс сам коттедж,

поэтому она отступила на шаг назад.

— Сделай мне одолжение, — хрипло произнесла она.

— Какое?

— Не пытайся проводить меня к моей машине или задержать здесь на минуту дольше.

Позволь мне уйти хотя бы с какой-то гордостью, хорошо?

Его глаза, эти чертовы его глаза смотрели на нее с таким желанием и силой, что она чувствовала себя так, словно он снимает ее на фото длинным объективом.

Но он всего лишь кивнул в ответ.

С трудом сдерживая слезы и моргая, она прошептала:

— Прощай, Эдвард.

— Прощай, Саттон.

И вышла из коттеджа в грозу.

Дождь был таким холодным, она подняла лицо к небу, направляясь к «Мерседесу», понимая, что уже в третий чертовый раз под дождем выходит от него. Оказавшись в салоне машины и захлопнув дверцу, она сжала руль с такой силой, что побелели костяшки на пальцах, и в этот момент по лобовому стеклу и металлу заколотил град, словно крошечная армия бесчисленных маленьких сапог.

В отличие от того первого раза сейчас она не находилась в С63, она была в своей машине и знала, как работают дворники. Все, больше она не будет выискивать возможность встретится с ним... проститутки, похожую на нее, за которую ей пришлось в тот раз себя выдавать.

Она завела мотор и двинулась по сельским полям, направляясь обратно туда, где было ее место, много раз глубоко вздыхая, коря себя за то, что такая легкомысленная дурочка.

Черт возьми, она до сих пор чувствовала вкус его лимонада на губах.

Эдвард медленно выдохнул, как только услышал шум двигателя «Мерседеса», удаляющего от его коттеджа. Затем он опустил глаза вниз и уставился на два стакана в своих руках.

Перелив из своего стакана в ее, он опустил свой на пол и стал пить из ее стакана лимонад, который учила делать ее бабушка в жаркие дни Кентукки, из одного десятка лимонов. Разрезать их пополам на деревянной доске острым ножом. Добавить родниковой Кентукской воды, поцелованной известняком.

Сахар. Из сахарного тростника. Но не слишком много.

Добавить лед в бокалы, а не в кувшин. Сам кувшин держать в холодильнике, накрыв плотно фольгой, чтобы он не начал бродить от жары.

И потом ты будешь пить его с теми, кого любишь.

Закрыв глаза, он увидел ее, когда ей было двенадцать, и он погнался за ней в День рождение города Чарлмонт, потому что она была одной из первых девочек в классе, на которую он обратил внимание. А когда ей было шестнадцать, и он защищал ее перед тем мудаком на выпускном вечере... он ударил его прямо перед ней, рыдающей. И еще позже, в двадцать один год, когда она закончила университет и вернулась на лето, он впервые увидел, что она превратилась в прекрасную женщину.

И тогда он вспомнил рассказы бабушки Саттон, о себе, женщина не была из известного рода. На самом деле, дед Саттон отправился на Запад, как молодой искатель-самец... из благородной, утонченной семьи, простым перегонщиком крупного рогатого скота... и там он встретил прекрасную молодую женщину, которая сидела в седле лучше, чем он, стреляла

лучше опять же, чем он и пререкалась с ним лучше, чем он.

Когда он привез ее домой, она совершила невозможное, но его семья согласилась с его волей. Потому что для него другого пути не было. И Саттон всегда говорила, что роман ее бабушки и деда был несказанно грандиозным до скончания века.

Любовь бабушки осталась жить в ее рецепте лимонада, который он пил сейчас. Когда дверь коттеджа открылась, он понял, что это не Саттон. Она не вернется сейчас, а вернее никогда, и хотя от этого у него ужасно болело сердце, это был правильный выбор в их отношениях.

Шелби закрыла тяжелую дверь и провела пальцами по влажным завиткам волос, убирая их с лица.

Он откашлялся.

— С Набом все хорошо?

— Да, с ним все будет в порядке. Джоуи сейчас с ним.

— Спасибо, что зашла мне об этом сообщить.

— Я пришла не из-за этого. — Возникла пауза. — Это та... ваша женщина, да? — Когда он не ответил, Шелби негромко присвистнула. — Она такая красивая! Я хочу сказать, что она в своей красоте, почти нереальна. Я не часто вижу таких красивых людей. Ну, наверное, в журналах, если только.

— О, она настоящая.

— А куда она делась?

— Поехала домой.

— Почему? Почему вы отпустили ее?

Эдвард отхлебнул из стакана Саттон.

— Потому что, так будет лучше.

— Вы пьете лимонад, на который потратили все утро, чтобы сделать его? Вы сделали это для нее?

— Нет, я не знал, что она придет. — Он посмотрел на Шелби. — Я сделал это, потому что мне захотелось его выпить.

В последний раз.

— Ты позволишь Джоуи пригласить тебя на свидание? — спросил он, даже не взглянув на нее. Возникла пауза.

— Да.

Эдвард улыбнулся.

— Я даже слышу, как ты покраснела.

— Я не покраснела.

— Дерьмо.

Она начала раздражаться, открыв рот, чтобы очередной раз высказать Эдварду, но он ей подмигнул.

— Да ладно, я хотел просто убедиться, что ты внимательно меня слушаешь. И заметь, я не упоминал Господа всеу.

Шелби пару минут внимательно смотрела на него. Потом начала улыбаться.

— Ах, но Господь повсюду. И знаете, что?

— Что?!

— Я рада, что он привел меня к вам.

Эдвард покачал головой.

— Разве это был не твой отец, вспомни?

— Может быть, это был отец с большой буквы «О»

— Ты говоришь помидор, я говорю то-мать-твою-маты.

— Ну... — она огляделась вокруг. — Я пойду к себе. Вам ничего больше не нужно? Я

поставила в холодильник, что осталось от обеда, вы сможете поужинать.

— Спасибо. И я в порядке. Поэтому опять же, спасибо.

Взявшись за ручку двери, Шелби оглянулась через плечо.

— Вы будите здесь завтра утром?

— Конечно буду. — Он запрокинул голову назад, и еще раз постарался ее запомнить именно такой. — Где же мне еще быть?

Она внимательно изучала выражение его лица, считывая язык его тела, оценивая его намерения... по всей видимости он выдержал ее тест, потому что она кивнула и вышла в проливной дождь.

К Джоуи.

«Это хорошо находиться с тем, к кому тебя тянет», — думал Эдвард, осматривая все свои кубки. — И лучше сделать то, с чем ты сможешь потом жить».

Даже если это убьет тебя в скором времени.

Ювелирный магазин Беркли Седжвика был третьим по счету среди самых старейших ювелирных магазинов во всех Соединенных Штатах. Расположенный в районе, где жилые дома перемешались с коммерческими зданиями, он находился в очаровательном старинном Викторианском доме, с решетками на окнах, с камерами слежения на всех карнизах и бывшим армейским рейнджером, охранявшем все помещение.

Джин была постоянным клиентом уже долгие годы... и она также любила пококотничать с этим конкретным мужчиной в форме.

Кроме того, шансов у нее не было.

Но все эти развлечения и игры показались ей развлечениями из прошлого, когда она припарковала автомобили у заднего входа в здание. Было восемь часов, поэтому стоянка была полностью свободна за исключением огромного черного при черном внедорожника, который казался таким трагичным с номерами Кентуккийского Университета на бампере.

Именно из-за этого ей не нравился Райан Беркли, владелец этого магазина.

Магазин был закрыт для обслуживания постоянных клиентов, но это было не впервые, когда она приходила сюда в нерабочее время, и прежде чем она стукнула в дверь, задняя металлическая дверь открылась и перед ней возник Райан.

— Я так рад, что вы мне позвонили, — сказал он, когда она вошла внутрь.

Райан был потомком ювелиров по прямой линии, с одной стороны, но также испокон веков он принимал участие в распределении доходов и расходов ее собственной семьи, поэтому она всегда чувствовала с ним родство. В этом и заключалась степень их принадлежности к высшему обществу, несмотря на то, что изредка она покупала у него украшения: и это при том, что Райан до сих пор был высоким, мускулистым, выглядел пышущий здоровьем, словно он до сих пор играл в баскетбольной команде университета... Университета Кентукки, хотя было жаль... несмотря на то, что у него красивое лицо, классная стрижка и голубые глаза, которые были такого же цвета, как форма университета, между ними за все это время ничего не было.

Райан был очень порядочным мужчиной, женатым на бывшей Мисс Кентукки, и его интересовали только его жена, четверо детей и магазин.

— Разве я могу довериться кому-то еще, — сказала Джин, входя в магазин с заднего входа.

После запираания дверей, Райан повел ее по служебным и складским помещениям, с таким лицом, словно ненавидел, когда какой-либо клиент мог застать его в более не официальной части его заведения. Интерьер его магазина был в королевском синем, кругом лежал толстый ковер и тяжелые портьеры на окнах, скрывающие частную жизнь его клиентов. Стеклянные длинные, не широкие витрины стояли с обеих сторон с высокими потолками пространстве, старинные люстры и точечные светильники с ненавязчивым освещением заставляли сверкать невероятно драгоценные камни, привлекая к ним внимание.

Райан всплеснул огромными руками.

— Скажите мне, что я могу для вас сделать?

— У вас есть шампанское?

— Для вас? Всегда. «Дом Периньон» розовое?

— Ты помнишь, какое мне нравится.

Он снова исчез в задней части магазина, она прошла вперед, разглядывая появившиеся новые вещицы. Миллионы долларов были выставлены на продажу в форме тутти-фрутти браслетов Картье, булавок Тиффани, дизайнерских колец, которые в центре имели потрясающие камни.

Она даже заметила особенно выделяющееся великолепное ожерелье Шлюмберже с розовыми и желтыми сапфирами с бирюзой и бриллиантами. Наверное, конца шестидесятых, скорее всего.

— Вы всегда выбираете лучше, — сказал Райан, появляясь перед с ней с бокалом. — Я только что его получил.

— Эта одна из вещиц, которая продавалась на аукционе Кристис в прошлом месяце?

— Да.

— Ты заплатили девятьсот восемьдесят тысяч плюс премию покупателя. Какая была наценка? Мне кажется ты переплатил за него.

Он рассмеялся.

— Знаете, если вам когда-нибудь наскучит быть светской львицей, вы всегда можете прийти консультантом ко мне.

— Это всего лишь мое хобби.

Хотя он оказался прав, она была одержима ювелирными украшениями, и в течение года проштудировала все каталоги аукционов Кристис и Сотбис в Нью-Йорке, Женеве и Гонконге. Частенько в прошлом, она была покупателем на этих же аукционах.

Но сейчас уже нет.

Джин взглянула на него.

— Мне необходимо, чтобы вы кое-что сделали лично для меня, никому ничего не афишируя.

— Всегда готов. — Он указал на пару кресел, которые стояли тут же, если клиент вдруг устанет и будет долго раздумывать, выбирая бриллианты. — Садитесь и расскажите, что вам нужно.

Следуя за ним, она присела на краешек кресла и поставила бокал на стекло витрины. Она сняла свое обручальное кольцо и внимательно на него посмотрела.

— Я хочу, чтобы вы заменили этот камень цирконием.

Райан забрал кольцо, но даже на него не взглянул.

— Почему мы не можем сделать более дешевый дубликат для ваших путешествий? Я смогу предоставить вам его завтра к десяти часам утра...

— Я хочу, чтобы вы купили у меня этот камень. Сегодня вечером. За золото.

Райан откинулся на спинку кресла, передвинув кольцо на кончик указательного пальца. Но он также не смотрел на него.

— Джин, вы всегда были моим клиентом, но я не уверен...

— Я считаю, что по цвету он соответствует H. (*H — это пятый о шкале оценки чистоты GIA Diamond Color Scale, что соответствует почти чистый. — прим. пер.*) А по чистоте бриллианта VVS2 (*VVS1-VVS2 Очень незначительные включения (второго класса) Даже обученному геммологу очень трудно обнаружить эти дефекты при 10-кратном увеличении, — прим. пер.*) Стоит клеймо Гарри Уинстона, и я думаю, что это из его новой коллекции. Вес в каратах должно быть высокий, но ниже двадцати. Стоимость составляет около полутора миллионов в розницу, и миллион на аукционе. Я прошу пятьсот тысяч — это

чуть выше, я знаю, чем оптовая цена, но я постоянная лояльная ваша клиентка номер один и номер два, судя по газетам. Я могу в какой-то момент что-то продать вам из коллекции своей матери, и если вы не хотите, чтобы я выставила это кольцо в Нью-Йорке на аукционе, вы должны помочь мне в этом деле.

Но он опять даже не посмотрел на кольцо, а продолжал смотреть ей в глаза.

— Вы же знаете, Джин, я хочу вам помочь, но это не так просто, как вы предполагаете. Существует такое понятие, как налоговое обложение...

— Для меня, но не для вас. Кольцо мое. Оно было дано мне на помолвку, я вышла замуж за Ричарда Пфорда вчера. Даже если мы завтра разведемся, оно останется у меня на законных основаниях.

— Вы предлагаете мне быть замешанным в мошенничестве со страховкой. Оно явно должно быть застраховано... я не поверю, что его нет в списке.

— Опять же, это моя проблема, а не ваша. И чтобы все было проще между нами, я скажу вам прямо сейчас, что оно не значится не в каких списках на страхование. У вас нет причин предполагать и сомневаться в моих действиях, но также вы не можете узнать правда это или нет, только поверив мне на слово.

Наконец, он опустил глаза на кольцо, рассматривая его со всех сторон.

— Это хорошая сделка для нас обоих, — произнесла она.

Райан поднялся на ноги.

— Не возражаете, если я взгляну на него под микроскопом. Но я должен вытащить камень.

— Делайте все, что считаете нужным.

Оставив свой бокал с шампанским на стекле витрины, она последовала за ним в холл, который Райан использовал для частных консультаций, как правило, для мужчин, покупающих бриллианты своим подругам.

«Ричард, ты, дешевый ублюдок, — подумала она. — Лучше бы, чтобы этот камень был настоящим».

Вернемся в Истерли, Лейн вошел на кухню и услышал как равномерно постукивает нож, пока мисс Аврора быстро строгала морковь, сокращая ее длину на идеально нарезанные в четверть дюйма толщиной оранжевые кружочки.

— Итак, — сказал он, — на ужин будут ты, Лиззи, я, Джон и Джефф. Не думаю, что придет Макс, и не имею понятия, где находится Джин и Амелия.

Чтобы убить время, пока Ленге просматривал документы на Рембрандта, Лейн спустился к коттедгам, надеясь поговорить с Максом. Когда он вошел к парню, тот крепко спал, Лейн попытался дозвониться Эдварду, но тот так и не ответил... и Лейн не знал, когда получит ответ от своего потенциального соперника в покер, поэтому он не рискнул поехать в конюшни, ему не хотелось покидать поместье.

— Ужин будет вовремя, — произнесла мисс Аврора, потянувшись за очередной морковкой из сетки. — Я сделала нам ростбиф с картофельным пюре и тушеными бобами. Для Гари. Мое пюре — это единственное, что он съест, он также присоединится к нам на ужин.

— У тебя еще остался пирог?

— Сделала новый. Поняла, парни, что вы голодные.

Положив ладони в гранитную столешницу, Лейн не мог оторвать глаз от лезвия ножа, которым орудовала мисс Аврора, как метроном на пианино, всегда с одинаковым ритмом.

Он откашлялся.

— Лиззи и Грета составили список сотрудников, которым придется покинуть поместье.

— И?

— По существу увольняют многих.

— Кто останется?

— Ты, Лиззи, Реджинальд, Грета и Гари. Гари хотел бы, чтобы остался и Тимбо, наверное, в этом есть смысл. Все остальные уйдут. Оказывается, Грете нравится бумажная работа... она хотя бы на время может стать нашим новым главным бухгалтером и вести все счета по поместью. Лиззи сказала, что возьмет на себя уборку дома и будет помогать Гари и Тимбо в саду.

— Умница. — Мисс Аврора замолчала, перестала рубить и посмотрела вверх. — И это хорошая команда. Мы сможем справиться.

Лейн выдохнул с облегчением.

— Вот что я подумал. Сиделки, конечно останутся с матерью.

— Я бы не стала слишком уж нервничать по поводу нее. Оставь все, как есть.

— Мы сэкономим... почти сто тысяч долларов в каждый месяц. Но мне плохо от того, что приходится увольнять народ, понимаешь? Я собираюсь поговорить с каждым лично.

— Ты скоро вернешь их назад. Не волнуйся.

— Не уверен, мисс Аврора.

— Вот увидишь.

Она возобновила свою работу ножом, измельчая морковь, потом нахмурилась и покрутила плечом, как будто ей что-то вступило. Мисс Аврора замолчала, отложив нож, казалось, она пыталась остаться в вертикальном положении, положив руки на столешницу.

— Мисс Аврора? Ты в порядке...

— Со мной все хорошо, мальчик. Просто отлично.

Покачав головой, будто прочищая ее, она взяла нож и глубоко вздохнула.

— Теперь позови своего приезжего друга. Жаркое готово уже в духовке, и мне не хотелось бы, чтобы еда была пережаренной.

Лейн внимательно всматривался в ее лицо. Боже, ему показалось, что каждый раз, когда он видел ее снова, она еще больше худела.

— Мисс Аврора...

— Приезжий уже здесь, — произнес Ленге, входя на кухню. — И он голоден... и готов играть в покер.

Обернувшись на голос, Лейн сделал пометку в уме, приглядывать за мисс Авророй. Может, ей нужна помощь на кухне?

— Итак, — сказал Лейн, хлопнув в ладоши. — Мы собираемся играть?

— Документы более чем впечатляющие, — ответил Ленге, занимая место за столешницей, поприветствовав мисс Аврору «мэм». — И ценные.

— Я также спросил у своего парня по поводу налоговых выплат. — Джефф позвонил своему знакомому в Нью-Йорке. — По самой высокой ставке, учитывая долгосрочный прирост капитала на коллекционное издание, составит двадцать восемь процентов. Моя бабушка, как вы знаете из документов, заплатила миллион долларов за эту картину. Соответственно, налоговики заставят меня выплатить десять миллионов девятьсот двадцать тысяч.

— Итак, пятьдесят миллионов, девятьсот двадцать — это магическое число.

— Похоже на то.

Ленге протянул руку.

— Ты выставляешь картину, я готов перевести сумму на твой счет в понедельник утром, если проиграю. Или, если ты предпочитаешь чувствовать себя более комфортно, обращусь в банк за рубежом, где еще открыты банки, и прямо сейчас тебе переведут деньги.

Лейн пожал широкую мужскую руку.

— Сделка. Не надо сейчас, я вам доверяю.

Они пожимали друг другу руки, Ленге кинул взгляд на мисс Аврору.

— Вы наш свидетель, мэ.м.

— Да. — Затем она кивнула Лейну. — И поскольку я получаю удовольствие видеть вас сегодня у себя на кухне, здесь в Истерли, надеюсь, вы понимаете, что пока вы будите играть, я буду молиться за моего мальчика.

Ленге склонил голову.

— Я и не ожидал ничего другого.

— Мойте руки к ужину, — приказала она, положив нож и повернувшись к плите. — Я подам сегодня в семейной малой столовой.

Лейн направился к раковине, Ленге не отставал от него ни на шаг. Включив воду, он намылил руки, и передал кусок мыла Богу зерна, и невольно улыбнулся. Мисс Аврора и глазом не моргнула по поводу игры в покер с более чем пятьдесят миллионов на кону... и миллиардер в возрасте так же беспечно мыл руки перед тем, как сесть за *ее стол*.

На самом деле, было видно, что ему понравилась мааамочка Лейна.

Райану Беркли потребовалось время, чтобы изучить камень под микроскопом, поэтому Джин вернулась в помещение магазина за своим бокалом «Дом Периньон». Время от времени она поглядывала на отдельную витрину для особо частных клиентов, где были выставлены бриллианты гораздо больше, чем для обычных покупателей. Тем не менее, они все равно были меньше, по сравнению с тем, что подарил ей Ричард.

Если учесть, что ее камень не был подделкой — фианитом.

Райан, наконец, оторвался от микроскопа, она спросила:

— Ну?

— Ты права. VVS1. Н... или, может, при светло-голубом флуоресцентном цвете могут быть видны еле заметные мелкие вкрапления.

Он передвинулся на стуле на колесиках к другому микроскопу, вспыхнул инфракрасный свет, он кивнул.

— Нет, это точно Н. Но и глаз, черт побери, у тебя, Джин.

— Спасибо.

Райан глубоко вздохнул.

— Хорошо. Договорились.

Она сделала еще один маленький глоток шампанского, чтобы скрыть свое облегчение.

— Отлично.

— Ты же понимаешь, что пятьсот тысяч золотом будет весить чуть более двадцати пяти фунтов?

— Два мешка. Двенадцать с половиной в каждом. Я смогу вынести их по отдельности. — Ювелир нахмурился.

— Это очень большая сумма, и ты собираешься ее просто вынести? Ты уверена, что справишься сама? Куда ты собираешься их вложить?

— Я позабочусь об этом, не волнуйся.

Райан склонил голову.

— Тогда хорошо. Я выдам ее тебе золотыми слитками и монетами. Я не могу выдать всю сумму чем-то одним. И по данным АРМЕХ, текущая цена за килограмм составляет сорок тысяч сто восемьдесят восемь долларов и сорок центов. Хочешь посмотреть отчет АРМЕХ?*(АРМЕХ Inc. — штаб-квартира расположена в Оклахома-Сити, штат Оклахома самый крупный мировой ритейл розничной интернет торговли драгоценных металлов, с миллиардными оборотами. Компания предлагает более чем 10 000 монет, закрепок бриллиантов между металлами, слитков из золота, серебра, платины и палладия всевозможных монетных дворов мира, и другую нумизматику. — прим. пер.)*

— Нет. И я не собираюсь пересчитывать после тебя.

— Вопрос снят.

Ему потребовалось сорок пять минут, чтобы все подготовить, а потом он повел ее в подвал, где стал производить взвешивание на длинном столе и измерять перед ней золото. Слитки весили чуть больше двух килограмм, и Джин нравилось ощущать в руке их вес. На каждом стоял наверху штамп EMIRATES GOLD и выгравировано посередине 1 KILO, GOLD а также серийный номер, тонкий слиток был размером, как ее iPhone, он отложил для нее семь.

Остальную часть стоимости он предлагал отдать южноафриканскими крюгеррандами, которые представляли из себя одну тройскую унцию на двадцати двух каратное золото, хотя, Райан сказал ей, что они весят немного больше, поскольку в них присутствует почти три грамма медного сплава, поэтому монеты тяжелее, но и более долговечны.

Монет было много. Пиратские трофеи.

Мешки были из специального нейлона, способного выдерживать большой вес, и в электрическом свете над столом, куча золота постепенно уменьшалась, как только оно пропадало в мешках.

Когда он положил последнюю партию, она подписала документы и встала, собираясь уйти.

— Подожди, — сказал он. — Мы должны вставить другой камень в кольцо.

Джина прикрыла глаза, представляя реакцию Ричарда, если он увидит свое кольцо пустым.

— Конечно.

Райан быстро нашел подходящий по изумрудной огранке «бриллиант» и закрепил его в платиновые зажимы. Потом отполировал и вернул ей.

Она надела кольцо на палец поверх своего обручального, потом посмотрела на него со стороны, выставив перед собой руку.

— Идеально.

— Тебе не следует мыть в нем руки, поскольку крем или мыло, моментально сделают его тусклым, если ты, конечно, хочешь, чтобы он выглядело реальным.

Она кивнула и взяла мешки. С ворчанием, она подняла их.

— Тяжелые...

— Прошу тебя, давай я отнесу их к тебе в машину?

— Думаю, было бы не плохо. Спасибо.

Они поднялись из подвала наверх в роскошный магазин. И почти уже дошли до задней двери.

Но вдруг Райан остановился.

— Я не могу... Джин, на самом деле, это не безопасно. Я знаю, что район St. Michael's фактически спокойный и безопасный, но, пожалуйста, позволь я отвезу тебя с этим домой. Или вызову охрану, которая будет тебя сопровождать. Прошу тебя.

— Я не собираюсь ехать домой.

Его голубые глаза смотрели на нее очень серьезно.

— В мою лицензию входит и доставка товара. У меня постоянно есть пистолет с собой и еще два находятся в моей машине. Позволь мне довезти тебя до места назначения, куда ты собираешься... я никогда не прошу себя, если с тобой что-то случится.

Она бросила взгляд на два мешка в его руках и подумала, что они очень были важны для нее.

На самом деле это даже смешно, всю свою жизнь она провела среди огромных денег... но они были в основном в виде цифр на банковских счетах, платежных картах, которые лежали у нее в кошельке или же несущественных наличных, которые не шли ни в какое сравнение с полумиллионами долларов. Для нее сейчас произведения искусства, антиквариат и стерлинговое серебро, находившееся в доме, а также драгоценности в сейфе, богатый стиль и декор большой гостиной, не стоили ничего, по сравнению с этими двумя мешками.

Для нее в этих мешках с золотом было всё.

— Я могу отвезти тебя на своей машине, — продолжил Райан, продолжая гнуть свою линию по поводу ее безопасности. — А потом ты сможешь вернуться сюда за своей машиной.

— Уверен?

Он закатил глаза.

— Я преданный католик, мой отец просто перевернется в могиле, если я позволю тебе уйти из своего магазина одной. Так что да, уверен.

— Хорошо. Спасибо. Большое спасибо.

Через несколько минут он подогнал свой внедорожник к задней двери, помог ей сесть в салон... и положил ей два мешка на колени.

— Мы поедем в банк, — сказала она ему, как только он тронулся с места.

— Спасибо, тебе Господи, — пробормотал он.

Местное отделение PNC было недалеко, дальше по дороге, как только они подъехали, менеджер, привлекательная блондинка женщина, открыла заднюю дверь.

Она была в одежде для йоги, волосы собраны сзади в хвост, и выглядела она гораздо моложе, чем в своих деловых костюмах.

— Привет, — сказала она, когда они вместе вышли из машины. — Райан, какой приятный сюрприз. Я оставила твою Стейси на занятие по йоге двадцать минут назад.

— Не могу даже тебе передать, как я счастлив тебя видеть, — произнес он, слегка целуя в щеку женщину.

— Приятно слышать.

После того, как они вошли в небольшое, тускло освещенное помещение, куда обычно клиенты не попадали, женщина закрыла двери, несколько раз повернув круглое колесо, пока не раздался лязг железа. Они двинулись вглубь, по направлению к обычным кабинетам банка, свет был приглушен, кругом стояла тишина.

— Документы здесь.

Джин чувствовала себя словно в оцепенении, подписывая какие-то бумаги, лежащие на стойке. Ручка, которой ей предложили подписать, была прикреплена к подставке, и тянулась, благодаря небольшому пластиковому шнуру, состоящему из крошечных серебряных звеньев. И этот шнур почему-то шипел, как змея, пока она подписывала здесь... здесь... и... здесь.

— Вот ваш ключ, — произнесла женщина. — И я отведу вас к вашей ячейке.

Райан спросил:

— Вы хотите пойти одна, Джин?

— Нет, если вы сможете это отнести.

— Конечно.

Они втроем вошли в хранилище, открытое специально для нее, и она в сопровождении подошла к сейфовой ячейке, которая, казалось, размером была с кухонный маленький контейнер для мусора. Забрав у нее ключ, управляющая вставила его в гнездо, потом вставила свой собственный, люк открылся.

Женщина извлекла квадратный металлический контейнер из отсека.

— Эта ячейка нашего самого большого размера.

— Пожалуйста, не пораньтесь. — Джин повернулась к Райану. — Может я сама?

Она хотела самостоятельно поместить золото в контейнер... и как только она положила

мешки, выдохнула и посмотрела на них.

— Я хочу, чтобы вы стали моими свидетелями. Это для моей дочери. В случае, если что-то со мной случится, она сможет этим воспользоваться. Я передам ключ Амелии.

Джин достала запечатанный конверт из сумочки.

— Я положу к золоту и это письмо. Оно касается Амелии.

В письме она не только написала про золото, которое собиралась ей передать, но также и про Самюэля Ти.

Он, несомненно, будет для нее фантастическим отцом. Когда он переживет первый шок... и очередной всплеск ненависти к Джин, он будет...

Она положила письмо сверху на мешки из нейлона и почувствовала, что эти двое смотрели на нее с подозрением, и она не могла винить их за это. Учитывая, что ее отец покончил жизнь самоубийством... или, может, не сам покончил жизнь, кто знал.

И, наверное, они задавались вопросом, не хотела ли быть она следующей.

— И если я умру, я хочу, чтобы вы знали, что к этому приложил руку Ричард Пффорд. — Она посмотрела им в глаза, игнорируя их тревогу, которая появилась в их взгляде. — Это тоже написано в письме. Если я буду найдена убитой, то это он убил меня.

У Лиззи не лез кусок в горло.

Совсем не из-за того, что за столом сидела плохая компания, нет. И совсем не потому, что они сидели в небольшой семейной столовой, а перед ними стояли тарелки из коллекционного сервиза японского фарфора «Имари», а на стенах красовались кремовые шелковые обои, обюссинский ковер лежал на полу, и кругом витал дух элегантности и роскоши. И, конечно же еда, поданная мисс Авророй, была просто превосходной.

Больше всего она переживала, поэтому и не могла есть, ее мужчине предстояло играть в покер и на кону будет стоять сумма свыше пятидесяти тысяч долларов...

«Миллионов, — поправила она себя. — *Пятьдесят миллионов долларов*».

Боже, она даже не могла себе представить, как может выглядеть такая куча денег.

— ...хорошая идея в тоже время, — Лейн сидел рядом с ней, вытирая рот салфеткой. — Вода поднялась в реке до верхней отметки, и да, Land Rover крепкие и сильные машины, считай вездеходы, но мне хотелось бросить вызов, поэтому я взял свою Ernie...

— Постой, — произнесла она, прерывая его. — Кто такая Ernie?

Лейн наклонился и поцеловал ее в губы.

— Мой первый автомобиль. Ernie.

Джефф заговорил, сидя напротив.

— Почему мне кажется, что для Ernie все закончилось не столь хорошо?

— Не правда. — Лейн сделал глоток имбирного сидра. — Во всяком случае, я спустился к реке по дороге, прорвался через полицейское ограждение...

Мисс Аврора покачала головой, пытаясь скрыть свою улыбку.

— Я так рада, что не узнала об этом тогда, иначе бы сказала тебе пару слов, молодой человек.

— Вы до сих пор можете воспользоваться и сделать это сейчас, — со смехом ответил Джон, потянувшись за колой. — У нас впереди вся ночь.

— В любом случае, — отозвался Лейн, — я понял одну вещь, пока ты продолжаешь двигаться, все отлично. Но вода затопила всю дорогу, и уже стала над капотом.

— У тебя имелся шнорхель? — спросила Лиззи. — Или нет?

— Нет, не было. И это была не самая главная проблема. Видите ли, под водой было

дерево, на которое я и напоролся.

— О, Боже, — пробормотала Лиззи.

— ...и оно зацепилось за решетку. Моя скорость замедлилась... и да, Ernie окончательно заглох. Он застрял в реке, вышедшей из берегов, пришлось ждать, пока не сойдет вода, оставив за собой всякий хлам. Внутри машина выглядела тогда так, словно она провела две недели в пустыне во время песчаной бури.

Все за столом засмеялись, Лиззи спросила:

— Подождите, а что произошло потом? Что ты сказал своему отцу?

Лейн стал серьезным, улыбка тут же покинула его лицо.

— Ой, ну, знаете... появился Эдвард и спас меня и мою машину. У него была куча денег, которые он инвестировал... это не семейные деньги, он откладывал их за летние подработки и когда ему дарили на день рождения. Он купил мне подержанный автомобиль, который выглядел так же, как Ernie, такой же внутри, как и снаружи. Только на спидометре было немного больше миль, но отец не думаю, что захотел бы проверить спидометр. Без Эдварда... друзья мои, хорошо бы все не кончилось.

— За старших братьев, — произнес Джон, поднимая свой бокал.

— За старших братьев, — вторили ему все.

— И так, — пробормотал Лейн, как только все поставили бокалы на стол. — Ты готов?

Джон поднялся на ноги и взял свою пустую тарелку.

— Как только мы поможем отнести посуду на кухню. Я не могу дождаться, когда мы начнем. Я чувствую, что мне улыбнется удача, сынок. Мне повезет!

Джефф и мисс Аврора тоже поднялись из-за стола, только Лиззи осталась сидеть, и Лейн, словно почувствовав ее настроение, не спешил на выход вместе со всеми.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — шепотом спросила она, взяв его руки в свои. — Не то, чтобы я не доверяю тебе. Просто... это очень много денег.

— Если я выиграю, то вопрос с Рикардо Монтеверди и кредитом, который висит на фонде доверия, будет более или менее решен... и у нас появится шанс, потому что Джефф собирается оживить компанию. Боже, ты бы видела его в штаб-квартире нашей корпорации. Он... удивительный. Просто невероятный. Вероятно, несколько месяцев нам придется затянуть пояса, но к концу года... Мы постепенно станем платежеспособными, и Маку не придется беспокоиться о том, где найти зерно для своего сусла на все это время.

— Я не могу поверить, что ты так спокойно об этом говоришь, — рассмеялась она, или выругалась, трудно было понять звук, вырвавшийся у нее из груди. — Я так нервничаю, что нахожусь уже на грани.

— Я знаю, что я делаю. Единственное, что меня беспокоит, это удача... которую нельзя контролировать. Ты можешь просто играть, поскольку знаешь это дело. А этого у меня в избытке.

Она потянулась к его лицу.

— Я так горжусь тобой.

— Я еще не выиграл.

— Меня мало интересует результат... ну, я имею в виду. Я просто... хочу сказать, что ты держишь свое слово и всегда делаешь то, что говоришь. Ты спасаешь свою семью. Ты заботишься о своем бизнесе. Ты... ты, на самом деле, удивительный, знаешь ли?

Она подалась к нему вперед, чтобы поцеловать, он засмеялся глубоким смехом, звучащим откуда-то из глубины груди.

— Не строптивых плейбой, да? Видишь, что может сделать любовь хорошей женщины с парнем?

Они быстро поцеловались, и он притянул ее к себе на колени. Обхватив руками его за шею, она улыбалась, глядя на него.

— Точно. — Лиззи гладила волосы у него сзади на шею. — И угадай, что?

— Что?

Лиззи зашептала ему на ухо:

— Выиграешь ли ты или проиграешь... тебе сегодня ночью несказанно повезет.

Лейн издал рычание, его руки крепче обхватили ее за талию, и он двинул своими бедрами под ее ягодицами. Он снова ее поцеловал, но она остановила его.

— Нам лучше направится в игровую комнату, прежде чем твое внимание окончательно рассеется, и ты будешь делать ставку.

— Уже, — сухо ответил он. — Доверься мне.

— Просто помни, — пробормотала она, слезая с его колен. — Чем быстрее ты закончишь..., тем скорее мы сможем пойти...

Лейн вскочил с кресла, чуть ли не опрокинув его. Схватив ее за руку, он стал выводить ее из комнаты, переходя на бег.

— Не будем терять времени, женщина! — сказал он, когда она негромко засмеялась. — Господи, угораздило же меня играть в покер...!

Примерно через полчаса Лейн сидел за круглым покерным столом в игровой комнате через три стула от Ленге. Зрители, по взаимному согласию игроков, расположились на стульях в ряд с противоположной стороны, со стороны, где на столе лежала колода карт, поэтому никто из них не мог заглянуть через плечо игрокам. Лиззи и мисс Аврора сидели вместе с Джеффом, Гари, главный садовник тоже присел рядом к ним.

Ни для кого не было секретом, что история повторяется, сейчас наступил именно один из тех моментов, который неизбежно войдет в историю семьи Брэдфордов, также, как и те, когда один из главных предков Лейна ссужал деньгами Авраама Линкольна или, когда другому предку пришлось бороться с пожаром на Старом складе, туша его из месторождения подводных вод, или, когда лошади Брэдфордов пришли первой, второй и третий на Derby в 1956 году.

Эта тройка лошадей выиграла такое количество денег для их деда, что он смог построить несколько огромных конюшен в Red&Black...

— Неужели мы опоздали?

Лейн посмотрел на дверной проем.

— Мак, ты пришел?

— Как я мог такое пропустить?

Мастер-Дистиллятор вошел в комнату с очень красивой молодой женщиной... «Ой, ассистенткой, — подумал Лейн. — Точно».

— Мистер Ленге, — произнес Мак, направляясь к нему. — Рад снова вас видеть.

— Ну, как я рад снова увидеть моего любимого дистиллятора.

Они оба хлопнули в ладони, потом Мак произнес:

— Это моя подруга и моя ассистентка Бет Льюис.

Последовали приветствия со всех сторон, и Лейн ничего не мог поделать, когда смотрел на парня за спиной Бет, которая показывала ему средний палец в ответ.

— Кто-нибудь еще придет? — спросил Джон, когда все расселись.

— Все, — сказал Лейн.

— Орел или решка?

— Ты гость, тебе выбирать.

— Орел.

Джон бросил монетку в центр стола.

— Орел. Я впервые раздаю карты. Большой блайнд — сто, маленькая слепая — пятьдесят. *(Большой блайнд — вторая ставка вслепую в «Техасском Холдеме», в два раза превышающая малый блайнд. — прим. пер.)*

Лейн кивнул и посмотрел на парня, тасующего карты. Они взаимно согласились на произвольные значения для стопки красных, синих и желтых фишек, и оба имели одинаковое их количество. Здесь не подразумевалось никаких бай-инов, когда у тебя заканчивались деньги, и ты хотел бы прикупить еще или не мог сделать блинд (слепую ставку), которая необходима.

Лейн выставил красную фишку, как большой блайнд, Джон синюю, а затем Джон выдал им по две карты. В обычной игре торговля ставками шла по кругу, пока каждый рассматривал свои карты на руках, а потом дилер доставал «сожженую» карту, отложив ее в

сторону и выкладывал рядом рубашкой вверх другие карты. Делались еще ставки. Еще снималась «сожженная» карта, а потом карты лицом вверх. Опять делались ставки и все продолжалось, пока не появлялась линейка из пяти карт, которую каждый из них мог последовательно использовать, учитывая то, что они держали на руках.

Старшая карта бьет «фруктовый салат», если ни у кого ничего нет. Две пары бьют одну пару. Тройка карт одинакового достоинства бьет две пары. Флеш, пять карт одной масти, бьет напрямую пять карт по порядку, независимо от масти. Фулл-хаус, комбинация из трех карт одного достоинства и двух карт другого достоинства, бьют флеш. И стрит-флеш, пять карт по порядку одной масти, бьет каре, которое может побить фулл-хаус.

Флеш-рояль, туз, король, дама, валет и десятка одной масти, бьют все.

И, скорее всего у мисс Авроры напрямую налажен контакт с Богом.

При условии, что Лейн вытащит эти карты, а не Ленге.

Интересно, а если Джон вытащит нечто подобное? Ну, тогда он точно мог сказать, что его жена в Канзасе молится гораздо усерднее, чем мисс Аврора здесь в Кентукки.

Лейн взял свои первые карты. Шестерка бубен. Двойка треф.

Короче... ничего.

Совсем недостаточно, чтобы даже вступить в игру.

Флоп, первые три открытые карты на столе, были его единственной надеждой.

Сидя напротив, Джон внимательно изучал свою пару карт, его брови сошлись вместе, плечи напряглись, скривившись, словно он подготовился к борьбе. Он закусил губу. Потер кончик носа. Поерзал в кресле.

Он более настроился на игру, чем нервничал, хотя... у них впереди было полно времени, они еще не сделали ни одну крупную ставку, и пять карт еще были впереди, поэтому слишком рано парень начал проявлять свое беспокойство.

С другой стороны, Лейн был совершенно спокоен, его больше интересовал соперник напротив за столом, нежели карты, которые были у него в руках.

Ключ успеха в игре заключался в понимании мимики и жестов своего оппонента. Некоторые из них не доходили до финала, поскольку раздражались и злились во время игры, а некоторые сразу же чувствовали себя в своей тарелке. Он всего лишь видел одного или двоих, способных сохранять самообладание за все время игры, ... борясь, хотя и не показывая своих эмоций.

Возможно, в дальнейшем он увидит что-то еще.

Но Лейн уже давно понял, существует всего лишь три вещи, которые имеют значение, если вы сели за игровой стол, и они намного важнее, нежели сколько денег вы или ваш оппонент готовы поставить на кон: счет карт в игре, которая идет один на один, будет трудно применить, учитывая специфику игры, поскольку других игроков не было, делающих ставки; здесь есть только те карты, которые находятся у тебя на руках и на флопе: нужно следить только за мимикой оппонента, его телесной реакцией, с учетом тех ставок, которые он делает.

Джону вполне может повезти.

Нужно будет посмотреть, правильные ли его умозаключения.

* * *

Через десять минут после того, как Райан Беркли подбросил Джин к своему магазину с

заднего входа, она вывела свой автомобиль с открывающимся верхом из гаража и взглянула на часы.

Идеальное время. Девять тридцать вечера.

Ричард сказал, что у него очень важная деловая встреча, поэтому он придет поздно, и это означало, что она будет дома, прежде чем он что-либо узнает.

Огибая дом с другой стороны, она прошла мимо окна игровой комнаты, которая последнее время использовалась не часто. Но через наполовину открытые шторы, она увидела своего брата и пожилого, седого мужчину, с которым была не знакома, за покерным столом, с картами в руках и разноцветными фишками на зеленом сукне.

А также она заметила людей с серьезными лицами, наблюдающими за ними и сидящих напротив на стульях. Ей показалось, что у ее брата было больше фишек, чем у мужчины, но потом... нет, выглядело все так, словно противник Лейна выиграл, он открыл свои карты и перетасил кучу фишек с центра стола к себе.

Джин продолжила свой путь, обойдя парадный вход и подняла глаза вверх на второй этаж.

В комнате Амелии было темно.

Войдя внутрь дома, Джин прошла в гостиную и села на диван, чтобы видеть фойе через арку.

Она ждала.

И ждала.

И подождала еще немного.

Отзвуки игры в покер тихо разливались по пустым комнатам Истерли. Оттуда доносились голоса, подбадривания и проклятия. Смех звучал как-то странно, хотя бы только потому, что казалось, будто бы дом был пустым.

Смутно, она задавалась вопросом, с кем играет Лэйн в покер.

Но она не могла туда пойти... она должна быть сидеть здесь и ждать.

Наконец, Амелия появилась в арке, когда прошло уже Бог знает сколько времени. На ней были синие обтягивающие джинсы, объемная блуза Стеллы МакКартни, с буйством цвета спереди в виде квадратов и прямоугольников, и хэштегами на спине.

Она прошла по черно-белому мраморному полу, направляясь к лестнице, когда Джин окрикнула ее:

— На минуточку, если ты не возражаешь.

Амелия замерла, подняв ногу на нижнюю ступеньку.

— Что?

— Я ждала тебя. Пожалуйста, подойти сюда.

— Я иду спать...

— Я разговаривала с твоим преподавателем.

Ее слова привлекли внимание девушки, она обернулась.

— Что?!

— Твоим куратором, мисс Антле.

— Она для меня «мать» в общежитии, мисс Антле. А куратор — это старший консультант в жилых помещениях. Ты бы знала об этом, если бы хоть раз была у меня в школе.

— Почему ты солгала мне, что тебя выгнали? — Джин подняла ладонь и лениво заметила, что фальшивый бриллиант был красив. — И я не собираюсь ругать тебя на этот

счет. Уверена у тебя имеются причины, и мне любопытно узнать какие.

Амелия вошла в гостиную, явно готовясь к бою.

— Я не вернусь туда.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Я не обязана тебе ничего объяснять.

— Согласна. — Ее ответ, казалось, удивил девушку. — Но я хотела бы знать, почему?

— Прекрасно. — Амелия скрестила руки на груди и вздернула подбородок. — Никто мне не позвонил и не сказал, что мой дед умер. Я прочитала об этом в Интернете, и мне пришлось вернуться домой... и я не собираюсь возвращаться в ту школу. Я отказываюсь. Я подумала, что, если я попрошу у тебя разрешения уйти из той школы, ты заставляешь меня вернуться, а если ты поймешь, что меня выгнали, то позволишь мне остаться здесь.

— Тебе было так плохо в «Хотчкисс»?

Амелия нахмурилась.

— Нет.

— У тебя конфликт с преподавателем? В общежитии? С одноклассниками?

— Нет.

— Может ты хочешь в другую школу?

— Да.

— В какую...

— Что с тобой такое? — перебила ее Амелия... и в голосе не слышалось враждебности. Скорее ей было любопытно, потому она не была похожа на ее настоящую мать, кто успел ее подменить на такую копию. — Что происходит?

Джин попыталась что-либо увидеть в глазах дочери, но это было трудно.

— Я была тебе плохой матерью. И я сожалею об этом. Я очень... сожалею об этом. Я была так молода, когда у меня ты появилась, и хотя ты уже почти стала взрослой... не могу сказать то же самое про себя. И честно говоря, когда мне позвонила твоя «мать» из общежития, моей первой мыслью было пойти к Лейну и попросить его поговорить с тобой. Но дело в том... мой отец умер. Мама тоже вот-вот... Эдвард отошел от дел полностью. Лейн занят, пытаюсь разрешить весь этот бардак. Мисс Аврора чувствует... ну, в конце концов, получается, что у нас с тобой остались только ты и я. Не к кому больше обратиться.

— А что насчет твоего нового мужа? — с горечью спросила Амелия. — Как с ним?

— Он — моя проблема, не твоя. На самом деле, он лучший пример того, что я всегда все делала неправильно, и мне нужно с ним разобраться самой.

Джин оглянулась на знакомый, элегантный интерьер, а потом повернулась к дочери.

— Буквально у нас нет никого, кроме друг друга. И ты можешь ненавидеть меня за все, что я тебе сделала... я это заслужила. Я готова это принять. Я не буду злиться в ответ. Это все эмоции, хотя и... однако, оправданные с твоей стороны... но они не изменяют факт, если ты не хочешь возвращаться в «Хотчкисс», ты и я — единственные, кто сможет решить эту проблему. Может ты передумаешь и захочешь остаться там? Тогда я отвезу тебя назад, в общежитие. Но если ты хочешь бросить... ну, я не позволю тебе этого сделать. Несмотря на то, что ты меня совсем не уважаешь, ты все же несовершеннолетняя, и я — твоя мать в глазах закона. Ты, по крайней мере, получишь свой диплом об окончании средней школы. А потом? Тебе придется потерпеть еще два года. И у меня не будет прав что-либо указывать тебе, как только ты получишь свой диплом.

Амелия моргнула пару раз.

И это было смешно; она словно помолодела на глазах у Джин, хотя особенно в ней ничего не изменилось, в основном, если не считать какую-то смутную регрессию в результате чувств или мыслей... Джин не понимала.

— Поговори со мной, — через мгновение попросила Джин. — Скажи мне, что ты думаешь.

— Я боюсь, что если я..., — девушка отвернулась. — Я боюсь, что если я уеду, все исчезнет и мне некуда будет возвращаться. Я имею в виду, я знаю про бардак, который творится с деньгами. Останется ли у нас Истерли? А что насчет компании? Похоже, там произойдет смена власти?

— Честно? Я не знаю. И мне совсем не нравится, что я не могу тебе ответить на твои вопросы. Но я обещаю, что для тебя все будет хорошо.

— Как?

Джин опустила руку в сумочку и достала ключ от сейфовой ячейки.

— Я отдам тебе вот это. Ты не должна открывать ее, пока я жива, если я умру, ты должна пойти к своему дяде Лейну и показать ему этот ключ, который я тебе дала. Он исполнитель моей воли, я подписала сегодня днем бумаги. Этот ключ от сейфовой ячейки в отделении банка PNC на Тейлор Драгсторе. Я не скажу тебе, что там лежит, и ты не сможешь им воспользоваться, пока я не умру. Но то, что находится внутри обезопасит твою жизнь, твое будущее, независимо, что будет здесь происходить.

Амелия не шелохнулась, Джин протянула ей ключ, подойдя ближе.

— Возьми его. Положи куда хочешь, но не потеряй. Ну, же.

Амелия осторожно подошла к ней, и Джин смахнула слезы с глаз. В свой халатности и эгоизме, она не видела тех страданий, которые причиняла своего невинному ребенку... и настороженность, с которой Амелия подошла к ней, была болезненной расплатой для нее, Джин даже не могла вздохнуть.

— Прости, — тихо произнесла она, передавая ключ из рук в руки. — Мне нет прощения, и я не виню тебя, что ты мне не доверяешь. Но давай... в течение следующих двух лет попробуем все как-то исправить. Теперь скажи мне, в какую школу ты хочешь пойти?

Амелия долго смотрела на ключ.

— Чарлмонт Кантри Дей. Там есть специальность, которая мне нравится. Я знаю многих ребят оттуда. Мне там нравится.

— Хорошо. Вот, что я хочу предложить. Думаю, твой дядя Лейн завтра будет хоронить деда или послезавтра. Мисс Антле сказала, что ты можешь сдать экзамены здесь или вернуться в школу. Что ты хочешь сделать?

— Ммм...

— Если ты решишь, что ты хочешь сдавать их в школе, я отвезу тебя после похорон или можем полететь. Если хочешь остаться дома и сдавать их здесь, я заберу оттуда твои вещи.

Амелия закатила глаза.

— Ты не представляешь, как нужно паковать вещи.

— В коробки и пакеты. Насколько тяжело это может быть?

— Ты хочешь сказать, что готова паковать вещи? Ты проедешь веееесь путь в Коннектикут и привезешь мои вещи?

— Да.

— С дядей Лэйном, конечно...

— Нет, я сделаю все сама. Я разберусь. Так что ты решила?

Амелия подошла и опустилась на другой диван. Поджав под себя ноги, она смотрела на ключ.

— Что в сейфе?

— Я не собираюсь тебе говорить. Ты все узнаешь, когда придет время.

— Думаю, я хочу вернуться, чтобы сдать там экзамены. Это будет проще. И я смогу попроситься с людьми, с которыми подружилась.

— Хорошо. После похорон мы вместе поедем туда. Как долго ты думаешь продлится твои экзамены?

— О Боже, дней десять, наверное.

— Хорошо. Я вернусь сюда, а затем приеду тебя забрать, вместе с вещами. После этого мы подадим документы в школу Чарлмонт Кантри Дей на осенний семестр.

Амелии прищурилась, опустив голову, потом, наконец, снова подняла на свою мать глаза.

— В чем подвох?

— Ни в чем. Выгоды нет ни в чем. И я не питаю особых надежд по поводу наших отношений. Для меня главное понять, что ты продолжаешь обучение.

Девушка сделала глубокий вдох... и засунула странный ключ в карман джинсов.

— Хорошо. Все правильно. Это... наш план.

Джина от облегчения прикрыла глаза..., в холле опять просочились восклицания людей из игровой комнаты.

— Хорошо, — прошептала она дочери. — Все хорошо.

Это была самая дорогая игра на грани, в которой Лейн когда-либо участвовал.

Джон был чертовски хорошим игроком в покер, изумительно слаженным, особенно когда он раздумывал над ходами. Он был умен, решителен, держал эмоции под контролем... сто процентов соблюдал все правила.

Он воплощал собой все то, являясь настолько успешным бизнесменом.

В конце концов, после часа игры, они шли плечо к плечу. Лейн не делал никаких ошибок, но также их не делал и Джон. Они прошли стриты и флеш, тройку карт одинакового достоинства, две пары, фулл-хаус... и двигались в одном направлении, корректируя свои карты на руках с помощью других из колоды, меняя курс.

Лиззи была измождена от переживаний. Мисс Аврора даже ухватила Лиззи за предплечье, когда игра перевешивала в ту или другую сторону.

Но конец наступил... и, казалось бы, из ниоткуда.

— Моя очередь сдавать, — сказал Бог зерна, собирая карты своего последнего выигрыша. — Ты готов?

— Всегда.

Джон раздал карты, Лейн взглянул на то, что получил.

У него была... двойка червей. И... пиковый туз.

Ладно, из этого может выйти флеш. По крайней мере, у него была высокая карта.

Он положил свой большой блаинд. Джон сделал то же самое, малым. А потом Джон сделал ход. Лейн напрягся и хорошо отбил.

Первой на стол упала десятка бубен.

Вторая восьмерка бубен.

Бл*дь.

Потом бубновый туз упал на стол — это была хорошая новость.

И да, Джону нравилась эта карта, или, по крайней мере, показалось, судя по его кивку.

— Хорошо. Я собираюсь...

Сердце Лейна забилося сильнее. И он понял, прежде чем парень произнес последние слова.

— ... сыграть на все.

Итак у него явно флеш, который бьется каждый день недели парой тузов и дважды в воскресенье. Также бьется тремя картами одного вида. Единственный шанс Лейна был фулл-хаус.

Собравшиеся в комнате ахнули, Лейн даже не заметил, как вошли Джин и Амелия и сели на свободные места. Они обе, казалось, были удивлены, перешептываясь, когда им быстро рассказывали в чем дело... и они обе выглядели прямо, нужно сказать, слегка шокированными, услышав всю историю.

— Отвечаю, — сказал Лейн, выдвигая свои фишки вперед. — Давайте повернем игру и пусть Бог решит.

— Аминь.

Джон положил две свои карты на стол, и ага, король и двойка бубен были мощной парочкой. В ответ Лейн покрыл их своим тузом и двойкой бубен.

— Не плохо, — пробормотал Джон.

— Явно ты выигрываешь, — подмигнув, ответил Лэйн.

Следующая карта...

Туз трэф.

— О, посмотрим-посмотрим. — Джон откинулся на спинку кресла, положив руку вниз на стол с картами. — Это конец.

— Главное, какая карта последняя, да, сэр?

Лейн почувствовал, как его сердце зашло в груди. У него не было причин скрывать свою реакцию, потому что ставки были сделаны и исход предопределен на данный момент: должна была последовать «сожженная» карта и та, что будет за ней должна оказаться решающей. Конец истории, нет необходимости, пробовать сохранять «покер фейс».

И все же он не хотел, чтобы страх или волнения отразились у него на лице, он был суеверным, пока сидел за столом, как будто проявление эмоции может спугнуть удачу.

Взглянув на Лиззи, он увидел, что она, не отрывая глаз смотрела на него, а не на карты... как будто ждала, что он посмотрит в ее сторону. И она произнесла одними губами «Я люблю тебя», единственное, что он смог сделать улыбнуться ей и удивиться про себя. Человек, выросший в огромном богатстве... женщина, которую он выбрал, была именно той, кто напоминала ему снова и снова, что деньги не столько важны в жизни. Богатство — это не вещи. Не машина, на которой едешь, не дом, где живешь, не одежда, которую носишь... это совсем другое, не набор слов. В этих словах не было истинной связи, которая имела значение, не было отношений, которые были самым главным.

Он вспомнил, когда упал с моста. Иронично, он был готов к жесткому падению в воду, подготавливая себя выдержать, выжить, всплыть, хотя думал, что вода его убьет.

В реальности, настоящим падением было то, что было действительно опасным для самой личности. И это никак не относилось к реке.

Река его спасла.

«Я тоже люблю тебя», — произнес он одними губами.

И тогда он услышал свои собственные слова:

— Следующая.

Бог зерна отложил «сожженую» карту...

А потом все ахнули.

Туз червей.

— Мать... — Ленге не закончил проклятие.

А Лейн? Он посмотрел на мисс Аврору, которая совершенно не следила за игрой. Ее глаза были закрыты, а голова запрокинута назад, только губы шевелились.

И позже, гораздо позднее... эта картинка часто всплывала у него в памяти, мисс Аврора обеими руками сжимала Лиззи, все ее тело было напряжено, как бы тянулось в молитве, к ее вере в своего Бога и Спасителя и она настолько была сильной, Лейн мог поклясться, что она была в состоянии вызвать чудо прямо с небес.

Он взглянул на Рембрандта. И тот факт, что Иисус Христос, смотрел на его маму, ему показался таким правильным.

— Думаю, ты останешься в семье, — пробормотал он, обращаясь к картине.

Разразилось всеобщее ликование, и Ленге был джентльменом во всем, он подошел к Лейну, который протянул ему руку для рукопожатия, но парень сгреб его в свои сильные объятия. Лейн смутно осознавал, как Мак и Джефф бросились к нему и стали трясти его, пока у Лейна не стали стучать зубы, Лиззи от радости прыгала вверх-вниз, и даже Джин и

Амелия поймали общий кайф и тоже радовались.

Ленге явно был немного шокирован. Но если учесть, что вы вдруг должны кому-то пятьдесят миллионов долларов? Мир, действительно, может немного пошатнуться.

Лейн это точно знал, можно сказать испытал на собственной шкуре.

— Знаешь, — сказал Ленге Лейну, — если бы я не видел это собственными...

— Я тоже.

— И ты должен знать, ты хороший парень. Ты боец и у тебя все получится. У тебя все будет очень хорошо, сынок.

Ленге улыбнулся ему такой честной и открытой улыбкой, что Лейн не знал, что ему делать.

— Шампанское, — объявил Бог зерна толпе. — Вам Брэдфордам есть что отпраздновать!

Раздался еще один раунд аплодисментов, мужчина покачал головой.

— Мне же предстоит очень жесткий телефонный разговор. Парень, я похоже буду спать на диване... месяцы после этого.

Лейн засмеялся, а Лиззи обняла его, и они поцеловались.

— Я позвоню Монтеверди прямо сейчас, — сказал Лейн. — А потом мы выпьем шампанское.

Она нагнулась поближе к нему.

— А затем...?

— Я почувствую себя таким уставшим, что мне необходимо будет пойти спать, — сказал он и поцеловал ее. — С любовью всей моей жизни.

— Я не могу дождаться, — прошептала она ему в губы.

На следующее утро до завтрака Лейн повез Джона Ленге обратно в аэропорт на своем Porsche. Он сбавил скорость при въезде через контрольный пункт и помахал охраннику, Ленге глянул на него.

— Знаешь, это была адская игра.

Лейн снова нажал на газ и повез их мимо здания консьерж.

— Да, именно так. Действительно адски трудная игра.

— Я до сих пор не могу поверить в это. Ну, удача отвернулась, и никто с этим не поспорит.

Опять снизив скорость, Лейн въехал через открытые ворота в ограждении, остановившись на взлетной полосе у самолета Ленге, поджидающего его.

— Честно говоря, я до сих пор не могу прийти в себя. Я вообще не спал этой ночью.

— Я тоже, только по другой причине, — рассмеялся Ленге. — Но, по крайней мере, жена до сих пор со мной разговаривает. Она расстроена, но любит меня больше, чем все эти игры.

Лейн остановил свой спортивный автомобиль за пару ярдов от трапа, который как блестящий металлический язык спускался вниз.

— Она, на самом деле, отправит вас спать на диван?

— Неее. — Ленге выбрался из машины и потянулся к своему маленькому чемодану, лежащем на мизерном заднем сиденье. — У нее мерзнут ноги, и ей необходимо, чтобы я согревал ее по ночам.

Лейн поставил машину на ручной тормоз и вылез наружу. Ленге направился к лестнице, но потом остановился, Лейн сказал:

— Я никогда не забуду это.

Ленге опустил свою тяжелую огромную руку на плечо Лейна.

— То, что я сказал прошлой ночью, сынок, правда. У тебя все получится. Я не говорю, что будет легко и тебе не придется бороться, но ты правильным курсом ведешь свой корабль. Я горжусь тобой.

Лейн на мгновение прикрыл глаза.

— Вы даже не представляете себе..., — он откашлялся и смущенно усмехнулась. — Вы знаете, я хотел бы хоть один раз услышать эти слова от своего отца.

Ленге естественно и непринужденно рассмеялся.

— Почему ты думаешь, что я удосужился сказать тебе это? Из-за того, что он никогда не говорил тебе такого, не значит, что это не правда.

Хлопнув Лейна по плечу, Бог зерна отвернулся.

— Увидимся вскоре, сынок. Ты всегда можешь мне позвонить...

— Пойдите, — окрикнул его Лейн. — У меня тут кое-что для вас есть. Ну, эта вещь будет напоминать вам об игре.

Ленге смеясь повернулся назад.

— Если это те четыре туза в рамке? Ты можешь сохранить их себе.

Лейн улыбнулся и нырнул под приборную панель со стороны водителя.

— Нет, эта вещь моя собственная.

Как только капот на Porsche открылся, Лейн подошел к нему и снял с панели,

прикрепленный квадрат, завернутый в коричневую бумагу, около трех футов в длину и двух с половиной в ширину. Он едва поместился там.

С ворчанием, он вытащил предмет.

— Вот.

Джон поставил свой чемодан на лестницу.

— Что это...

Но он не договорил, он понял, что это такое, как только взял в руки картину.

Ленге ошарашенно молчал, Лейн положил ладонь ему на плечо.

— Отвезите ее домой к своей жене. Пусть она повесит, где захочет, и каждый раз, когда вы будете смотреть на нее, помните... вы картину человек, которого я воспринимаю для себя, как отца, которого хотел бы иметь всю свою жизнь, ладно? И прежде чем вы напомните мне сколько проиграли, давайте просто посмотрим на это с другой стороны, как будто вы купили своей жене отличный подарок за очень разумную цену... пока мы вдвоем играли в дурацкие игры в карты.

Ленге молчал, долго. Затем откашлялся.

— Хорошо. Да.

— Документация там же, прикреплена к задней стенке картины. Не спереди.

Ленге снова откашлялся и посмотрел куда-то вдаль. Через мгновение, он сказал:

— Твой отец говорил тебе?

— О чем? Если честно, мы не так много разговаривали.

— Обо мне, ах... мы с женой так и не смогли завести детей. — Он опять откашлялся. —

Итак. Ты будешь мне как сын.

«Думаю, это своего рода идеально», — подумал Лейн. У мужчины не было сыновей, а у него фактически не было родителей.

Не задумываясь, Лейн крепко обнял Бога зерна за сильные плечи.

Когда он отстранился, лицо Джона Ленге было красным от эмоций, словно он сильно обгорел, скашивая сено на своих акрах.

— Вы должны приехать на Запад и остановиться у нас в Канзасе, — объявил Джон. — С твоей милой девушкой. Думаю, моя жена лично захочет поблагодарить вас, и она обязательно приготовит потрясающую еду. Так что приходите голодными.

— Считайте, будет сделано.

Они обменялись заключительным рукопожатием, Бог зерна засунул Рембрандта под мышку, и взял свой чемодан в другую руку. Затем он поднялся по лестнице и скрылся в самолете.

Лейн прислонился к Porsche и через иллюминаторы он увидел, как парень сел в кресло и приложил сотовый к уху.

Он обратил внимание на его прощальный взмах рукой и большую довольную, как у кота, объевшегося сметаной, улыбку, что означало, что жена была на седьмом небе от счастья, его самолет тем временем стал выруливать по взлетной полосе.

И посматривая на ранние солнечные лучи, играющие бликами на фюзеляже, Лейн подумал о предстоящих сегодня похоронах своего отца, у него зазвонил телефон. Он ответил, не глядя на экран.

— Алло?

— Лейн, это Митч Рэмси. Приезжай в Red&Black. Они собираются арестовать твоего брата за убийство. Быстрее... поспеши!

* * *

Лиззи вернулась на кухню, уже одетая в рабочую одежду, услышав мурлыканье Porsche Лейна, отъезжающего от особняка. Какая ночь! Какое чудо!

А главное то, что Лейн решил сделать.

Она отыскала рулон оберточной бумаги и помогла ему осторожно снять картину со стены, а потом завернуть. Потом они вместе пытались ее укрепить в крайне ограниченном пространстве под капотом Porsche. В конце концов, как и в покере им сопутствовала удача, она могла только воображать, насколько приятно будет этому мужчине привезти шедевр к жене домой.

Боже, она хотела бы познакомиться с миссис Ленге когда-нибудь. И Лиззи готова была побиться об заклад, но видно, эта женщина была простой, поскольку любила землю, и в то же время была миллиардершей.

Теперь же настало время вернуться к работе.

Ее план на утро состоял — сначала съесть всю «живительную» еду мисс Авроры, которую она приготовит, а потом отправится на проверку, совершив тур по территории и посмотреть, что можно уже косить: это будет круто ехать на John Deere на свежем воздухе, сама идея ей показалась, словно она попадет в рай. (*John Deere — компания, поставляющая сельскохозяйственную технику. — прим. пер.*)

На сегодня также были запланированы похороны Уильяма Болдвейна, и Лейну нужно немного отдохнуть, поскольку день будет не из легких.

Войдя на кухню, она окликнула:

— Мисс Аврора, ты уже все пригото...

Но никого у плиты не было. А также никто не сварил кофе. Не было фруктов на столешнице в вазе. Не пахло корицей и свежеспеченным хлебом.

— Мисс Аврора?

Лиззи прошла дальше, заглянув в прихожую и кладовку. Даже заглянула за дверь черного входа, чтобы посмотреть стоит ли ее красный «Мерседес», который ей подарил Лейн, но он был на месте.

Да, вчера все поздно разошлись, правда, их гость из другого города уехал рано утром, но в доме еще оставались люди, которых нужно было кормить, и если учесть, что четвертого июля мисс Аврора вообще работала на кухне до часа ночи, на следующий день она все равно всем приготовила завтрак... в восемь утра она уже всегда была у плиты.

Сейчас для нее совсем позднее время.

Подойдя к личной комнате мисс Авроры, Лиззи постучала.

— Вы здесь, мисс Аврора?

Ответа не последовало, и Лиззи почувствовала страх, свернувшийся внизу живота.

Она постучала еще раз, но только громче, позвав:

— Мисс Аврора...? Мисс Аврора, если ты не ответишь, я войду.

Лиззи еще подождала, надеясь получить ответ, но стояла все та же тишина, поэтому она повернула ручку и толкнула дверь.

— Эй?

Сделав пару шагов, она остановилась, поскольку мисс Авроры здесь не было. Все было...

— Мисс Аврора!

Вбежав в спальню, она присела на корточки перед женщиной, которая растянулась на полу, словно упала в обморок.

— Мисс Аврора!

Лейн в рекордные сроки домчался до Red&Black, затормозив возле трех полицейских машин, припаркованных у коттеджа, подняв облако пыли и гравия.

Он даже не понял выключил ли двигатель, это мало его волновало.

Перемахнув через пологие ступеньки, со всего маха выбив дверь кулаком, он влетел внутрь, и перед ним предстала картина, которую он никогда не забудет — трое в полицейских мундирах стояли спиной у стены с трофеями, в то время как шериф Ремзи маячил в противоположном углу, выглядя так, словно хотел кого-то ударить.

В центре комнаты стоял детектив Мерримак над Эдвардом, сидевшем в своем кресле.

— ...за убийство Уильяма Болдвейна. Все, что вы скажете может использоваться против вас.

— Эдвард! — Лейн бросился вперед, но Ремси поймал его за руку, удерживая. — Эдвард, что, черт возьми, происходит!

Хотя он знал. Черт побери, *он знал*.

— Вы можете не зачитывать мне права Миранды, — нетерпеливо перебил его Эдвард. — Я сделал это. Я убил его. Готов дать показания, внесите это в досье и не беспокойтесь по поводу адвокатов. Я признаю себя виновным. *(права Миранды — в Соединённых Штатах Америки юридическая норма, согласно которой перед допросом подозреваемого в совершении преступления он должен быть уведомлен о своих правах. Названо по фамилии преступника-рецидивиста, сыгравшего важную роль в становлении этого правила; согласно правилу Миранды, права должны быть зачитаны перед допросом. — прим. пер.)*

Ииии у него было такое впечатление, словно выключили звук, буквально Лейн оглох, Мерримак что-то еще говорил Эдварду, тот отвечал, разговор продолжался...

Вдруг в коттедж вошла блондинка, на ее лице отразилась паника.

Но в отличие от него, никому не пришлось оттащить ее, потому что она остановилась, окинув всех взглядом, скрестила на груди руки и молча стала слушать.

— Эдвард... — Лейн даже не понимал, что говорил. — Эдвард, нет.

— Я расскажу вам, как я это проделал, — сказал его брат, посмотрев на него. — Так что ты сможешь сделать выводы. Но после того, как я закончу свой рассказ... Лейн, ты не будешь навещать меня в тюрьме. Ты продолжишь двигаться вперед по жизни. Ты женишься на хорошей женщине, будешь заботиться о семье. Ты не будешь оглядываться на меня.

Мерримак открыл рот, Эдвард повернулся к нему.

— А ты заткнись, ладно? Доставай свой блокнот и делай пометки. Или ты подождешь, когда я в сотый раз буду рассказывать это в участке, мне все равно. Но мой брат заслуживает того, чтобы услышать мою историю.

Эдвард сосредоточился на Лейне.

— Я действовал в одиночку. Они пытаются, чтобы я признался, что мне кто-то помогал. Нет, я сделал все один. Вы знаете, что мой отец сделал со мной. Вы знаете, что он похитил и пытал. — Эдвард показал на свое тело. — Эти шрамы... эта постоянная боль... все из-за него. Он организовал мое похищение, а потом отказался заплатить выкуп, чтобы в глазах общественности выглядеть жертвой. Я ненавидел его всю свою жизнь... и когда он искалечил меня полностью... скажем так, у меня было достаточно времени, чтобы

разработать план убийства, когда я лежал в агонии, не в состоянии ни есть, ни спать, поскольку уже был на половину мертв.

— Эдвард, — прошептал Лейн.

— Я сорвался той ночью, когда убил его. Я отправился к нам домой, чтобы жестко с ним поговорить, потому что больше не в силах был это терпеть. Я припарковался у черного входа бизнес-центра, и стал ждать, зная, что он работает допоздна. Тогда я еще не думал, что собираюсь его убить, но когда я вышел из машины ему навстречу, он покачнулся и упал на землю, и странно перекатился на спину. — Лицо Эдварда приняло отсутствующее выражение. — Я подошел и остановился над ним. Я знаком с симптомами инсульта, похоже у него произошло именно это дерьмо. Его лицо перекосило, и он показывал на голову... левая сторона, похоже, у него не работала, рука и нога бессвязно болтались, словно он не мог ими пошевелить.

— Вскрытие не показало признаков инсульта, — тут же произнес детектив. — Опухоль мозга, да.

Эдвард кивнул.

— Я видел, как он страдает. У меня нет сотового телефона, я подумал зайти в дом и вызвать девять-один-один, но знаете что? Я решил ничего этого не делать. Было забавно... наблюдать за ним с перекошенным лицом, когда он корчился передо мной на асфальте. — Эдвард махнул рукой. — Его действия напомнили мою реакцию, когда боль уже зашкаливает, а обезболивающие еще не действуют... теперь он явно чувствовал, каково мне. Честно и справедливо. Не могу сказать, когда именно я решил его убить... думаю, когда понял, что он не собирался умирать в данную минуту.

Эдвард пожал плечами.

— Я подошел к грузовику Red&Black, на котором приехал, сейчас он стоит за конюшней В. Ключи торчат в замке, думаю, вы, парни, захотите забрать грузовик, как вещественное доказательство. Так что... да, я подошел к грузовику. К наружной части кабины на нем прикреплена лебедка. Я нашел веревку, крепко перевязал его, поддел на крюк и втащил на грузовую платформу, я недостаточно силен, чтобы пытаться поднять его самому. А потом я направился к реке Огайо. Это была самая сложная часть. Я с трудом вытащил его из грузовика, мне пришлось волочить его по земле. Я тогда серьезно подвернул ногу, и пару дней спустя, она, — Эдвард указал на блондинку, — она вызвала доктора Колби, который осматривал меня, он может подтвердить.

Лейн нахмурился, потому что блондинка отшатнулась, и он перевел взгляд на своего брата.

— Но подожди, — произнес Лейн. — Он упал с моста.

— Нет, — сказал Мерримак. — Он не упал. По крайней мере, нет пленки, указывающей, что он сам упал с моста или ему помогли упасть. Камеры, которые должны нормально работать той ночью оказались не совсем исправными, но это обнаружилось уже после случившегося. Так что у нас нет видеозаписи... учитывая плохое состояние организма, продолжительное время в реке, с учетом степени повреждения конечностей и туловища...

Эдвард кивнул.

— Поэтому я поволок его к берегу. За это время прошло слишком много дождей, течение было сильным, вода поднялась. Мне бросилась на глаза большая палка, и я начал толкать его в воду... потом я вернулся к грузовику, достал охотничий нож и отрезал ему палец. Я хотел вернуть кольцо. Он так завыл, когда я это сделал, он явно был еще жив, но не

мог двигаться, поэтому не мог мне противостоять. Потом я затолкал его окончательно в воду палкой и он... Туда же в воду я выбросил нож, а потом поехал назад в поместье. Я зарыл его под окнами маминой спальни, потому что всю свою жизнь он относился к ней без особого уважения, за все время их брака... мы знаем о его одном внебрачном ребенке, но он на этом не остановился, и решил потрахаться с бывшей женой Лейна, которая забеременела от него! Я просто... да, я зарыл его в клумбе под плющом, а потом вернулся сюда. Я живу один, поэтому никто даже не заподозрил, что я мог отлучиться, и никто меня не видел, пока я его поджидал у бизнес-центра.

— А когда нашли палец? — спросил Мерримак.

— Я понял, что должен что-то предпринять. Я специально пришел в часы посещения, предназначенных для прощения с отцом и улизнул в бизнес-центр. Я проник в комнату охраны, вошел в систему, стер видеозапись того вечера, и просто стал ждать, обнаружит ли это кто-нибудь.

— И мы это обнаружили. — Мерримак посмотрел на других офицеров и кивнул. — Мы вас забираем.

— Давайте, берите меня и покончим с этим.

Наступила тишина, и Лейн не мог поверить, но ему показалось, что он услышал, как телефон звонит в машине... нет, постойте, он звонил в его кармане. Он не стал обращать внимание, поскольку не мог отвести глаз от брата.

— Пошли, — с нетерпением произнес Эдвард. — Давайте, шевелитесь.

Все сразу зашевелились, офицеры двинулись к нему, Эдвард поставили на ноги. Мерримак настоял на наручниках, которые выглядели смешно на Эдварде, которого вели к двери.

Он остановился перед Лейном.

— Пусть будет так, Лейн. Не борись с моим решением. Ты знаешь, кем он был. Он получил по заслугам, и я не жалею об этом ни в малейшей степени. Ты должен заботиться о Джин, Амелии, мисс Авроре и маме, слышишь меня? Не подведи.

— Зачем ты это сделал? — хрипло спросил Лейн. — Ты не мог...

— У меня своя собственная причина. Она всегда была. Моя жизнь закончилась, ты прекрасно это знаешь. У меня ничего не осталось, он все у меня забрал... все. Я люблю тебя, маленький брат. Я всегда любил и всегда буду.

Они медленно вели Эдварда по траве к одной из патрульных машин. Ему помогли сесть на заднее сиденье, учитывая его плохую координацию, да еще с руками в наручниках за спиной, Мерримак сел за руль и завел двигатель.

Они отъехали, но Лейн ошалело стоял и смотрел на поднимающуюся пыль от колес.

Его телефон снова начал звонить, он бросил взгляд на белокурую женщину.

— Как ты сказала тебя зовут?

Хотя она не говорила.

— Шелби Лэндис. Я работаю здесь в конюшнях.

— Приятно с тобой познакомиться. Я его брат Лейн. Мне кажется, я уже видел тебя здесь раньше?

— Да. Мы встречались.

Он посмотрел на Рэмси.

— Что нам теперь делать?

Высокий мужчина провел рукой по лицу.

— Это было самое адское признание, которое я слышал, но оно соответствует правде. Вся эта хрень... логична. И так продумана. Думаю, что твоему брату грозит пожизненный срок.

Лейн оглянулся на открытую дверь.

Его телефон опять начал звонить, уже в третий раз, он вынул его и готов был бросить его со злостью на землю.

Но потом увидел, кто ему названивал.

— Лиззи, послушай, я...

Лиззи пришлось помолчать, чтобы пропустить оглушающие сирены скорой помощи.

— Мисс Аврору везут в деловой центр города в University Hospital. Я обнаруживала ее пятнадцать минут назад, она видно упала в обморок, и она едва дышит. Господи, Лейн, я не думаю, что она выживет. Ты должен приехать в больницу. Я еду в скорой с ней сейчас... где ты?

Он закрыл глаза и почувствовал, словно снова падает с моста.

— Я встречу с тобой там.

Это был самый длинный день в его жизни.

Подумал Лейн, когда он и Лиззи наконец припарковались у дверей кухни Истерли около семи часов вечера, такое случалось не часто — его брата арестован за убийство отца, а его мама впала в кому.

И да, в очередной раз, они воспользовались черным входом, чтобы войти в дом, потому что у главного входа было слишком много репортеров.

— Я голоден, но не хочу есть, — сказал он, хотя жаловаться на все эти события было не справедливо.

Лиззи пришлось пережить столько же, сколько и ему. Если учесть, что она сама нашла мисс Аврору.

— Я устала, — сказала Лиззи, — но не думаю, что я смогу ... заснуть.

Они двигались к кухне, но потом оба остановились как вкопанные.

Они почувствовали совершенно удивительный запах готовящейся еды, и хотя запах был незнакомым, если бы Лейн самолично не видел мисс Аврору, лежащей в реанимации с различными трубочками, подведенными к ее телу, он бы подумал, что она была здесь, в Истерли, как всегда на ногах у плиты.

Но нет. Человек, стоявший перед плитой, был...

— Джефф? — изумленно воскликнул он.

Парень повернулся к нему.

— О, спасибо, бл*ть. Не думал, что вы собираетесь вовремя прийти на ужин.

— За что? — Лейн взял за руку Лиззи и вдруг ошарашенно осмотрел присутствующих, — Джин? Постой-ка, ты готовишь? Амелия? Что происходит?

Первой заговорила Амелия.

— Это Seudah Shlishit.

— Это третья трапеза Шаббата, — объяснил Джефф. — Я готовлю ее, даже в воскресенье, потому что я благоговею перед своей верой и этот путь, который я выбрал, чтобы выразить свою веру. Мы как раз собирались сесть за стол... вы вовремя.

— Моя соседка по «Хочкисс» относится к ортодоксам, — объявила Амелия. — Поэтому я уже готовила это блюдо раньше.

— Она мне очень помогла.

— И я тоже учусь, — произнесла Джин. — Медленно, но верно. Кстати, Джефф, я накрыла стол... в столовой...

— Ты накрыла стол? — выпучив глаза на сестру, переспросил Лейн.

Хорошо, что не только он был шокирован, Лиззи стояла рядом с открытым ртом.

Его сестра пожала плечами, словно ничего не было в этом особенно, скорее всего пришельцы захватили ее ум и тело, но по сравнению с событиями сегодняшнего дня, это было не так уж страшно.

— Как я уже сказала, я учусь. Ох, Гарри сказал мне, что он собирается совершить еще одну вылазку с ружьем к репортерам, столпившимся у наших парадных дверей. Я убрала от него дробовик подальше. Достаточно одного обвиненного в убийстве, давайте не будем добавлять еще одного. — Все посмотрели на нее, она закатила глаза. — Ну, давайте же, нам лучше посмеяться над черным юмором самим, нежели это сделать группа, стоящая у

наших...

Максвелл вошел в дверь из передней части дома с салфетками в руке.

— Аминь, сестра. Аминь.

Джефф начал переносить тарелки в столовую.

— По традиции это должна быть легкая еда, но мы немного нарушим правила. За весь день фактически никто толком ничего и ни ел, и давайте посмотрим правде в глаза, твоей мамы здесь нет. На самом деле, это было страшно...

Это оказалось именно то, в чем Лейн нуждался сегодня.

Они все сели в столовой за стол, который Джин каким-то чудом в совершенстве накрыла, это было за традициями его семье, за традициями, к которым привык Лейн, но сейчас за столом было что-то другое, он чувствовал теплоту, которая была настолько реальной: сейчас это место напоминало убежище, у которого не было крыши, пропитания, которое не имело никакой стоимости, а только атмосфера, воздух, наполняющий его легкие.

Именно это ему было необходимо. Сердце его саднило от боли, дух упал, его оптимизм тоже закончился. Он воспарил к небесам, наполненный надежд... в аэропорту, а потом тут же бултыхнулся глубоко в омут под тяжестью бремени.

Но оглядев стол, он протянул руку к Лиззи и взял ее за руку, он увидел свою сестру и ее дочь, которые спокойно общались, а не орали друг на друга, он посмотрел на своего давнего друга, который до сих пор был с ним, а потом перевел взгляд на своего давно отсутствующего брата... он понял, что съест все, что они готовили с такой любовью эти еврейские блюда, а потом он провалится в сон наверху со своей любимой женщиной...

А завтра утром он проснется...

И опять начнет бороться за свою мать, которая должна поправиться. За своего брата, чтобы тот получил справедливое обращение в тюрьме. Бороться, пытаюсь удержать компанию на плаву. И бороться за сохранение дома и земли своих предков.

А также он будет бороться за свою семью.

Он стал воином.

Он знал, что это будет трудный путь.

Он заслужил звание воина, потому что шел трудным путем.

Лейн взял буханку хлеба и оторвал кусок, вспомнив Эдварда и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не разорвать буханку пополам. Эдвард принес решающую жертву, которая была слишком велика, чтобы принять, слишком трагична, чтобы просто смотреть на нее и слишком ужасна, чтобы игнорировать, фактически он подготовил почву для многих событий.

Если бы Уильям Болдвейн был жив?

Ничего этого не случилось бы.

Но трудно было не быть благодарным. Даже когда это чудо свершилось и пришлось заплатить слишком высокую цену, а под час идти на компромисс с моралью, почти загрязняя свою любовь.

Почти.

Но в конце этого ужасного дня, правда состояла в том, что раковая опухоль, которая поглотила эту семью, пропала, да, они становились лучше, чище. Но, Боже, как такое случилось.

Лейн знал, что лично он в результате всех событий очень изменился, и, в конечном счете, с трудом ему удавалось все разрешить, но он стал лучше. Неважно сколько

сложностей его ждало впереди и сколько он уже прошел, сколько трагедий и боли ему предстояло испытать, он знал одно, что стал лучше, как человек, брат, муж... и если Бог даст возможность стать ему отцом детям Лиззи, они получат от него этот бесценный дар.

Сама природа старения жестока, хотя он чувствовал, будто потерял часть себя.

Ангелы должно быть получили свою долю, хотя это было их право и наш долг им.

И, по крайней мере, та часть его души находилась в хороших руках на все века.

Глядя на свою Лиззи, он выждал, когда она подняла на него глаза. А потом произнес:

— Я люблю тебя, — и начал есть.

С оставшейся частью своей семьи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net